

Граков Б.Н. Елагина Н.Г., Яценко И.В
**Ранний железный век, Культуры Западной и Юго-
Восточной Европы**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Профессор исторического факультета Московского университета Борис Николаевич Граков более 30 лет читал студентам курс «Железный век». Этот курс никогда не оставался стабильным. Автор то давал более глубокую разработку отдельных его тем, то включал новые разделы.

В 50-х годах *Б. Н. Граков* приступил к созданию учебника по культурам раннего железного века европейской части СССР. Труд *Б. Н. Гракова* включает материалы, связанные не только с задачами общего курса железного века, но и сопутствующих ему специальных курсов, которые он читал или готовился прочесть. Поэтому характеристика большинства культур и написана им на уровне специальных курсов.

Более десяти лет продолжалась работа над учебником. Были написаны разделы: 1 — вводный, с общей характеристикой начала железного века и культур раннего железного века Центральной и Западной Европы; 2 — культуры переходного от бронзового к железному веку времени в степной и лесостепной полосах Восточной Европы; 3 — скифская и сарматская культуры; 4 — культуры полей погребений; 5 — культуры городищ лесной зоны. Всего около 1000 страниц машинописного текста.

К сожалению, ухудшение здоровья автора к середине 60-х годов прервало его работу над рукописью. Остался недописанным раздел, посвященный памятникам лесной полосы. Не успел автор написать и раздел о культурах Кавказа.

Раздел по истории скифской культуры Северного Причерноморья был переработан *Б. Н. Граковым* в научно-популярную книгу «Скифы», которая вышла в 1971 г. уже после смерти автора.

Предлагаемая в настоящем издании часть общего учебного пособия *Б. Н. Гракова* включает в себя два первых его раздела.

Нами проведена правка текста. Примечания к введению составлены самим автором. Примечания к двум следующим разделам сделаны нами. В примечаниях учтены опубликованные за последние годы новые материалы. Наиболее существенные расхождения положений автора пособия с исследованиями последних лет отмечены в примечаниях.

Учебное пособие адресовано в первую очередь студентам-археологам. Однако содержащийся в нем материал значительно шире такого назначения, он послужит также основой для дальнейшей работы специалистов в этой области.

Нельзя, наконец, не отметить, что в книге нашли свое отражение характер и стиль научно-педагогической деятельности большого ученого, чей опыт мы обязаны сохранить и передать новым поколениям, вступающим в науку.

14 декабря 1974 г. Б. Н. Гракову исполнилось бы 75 лет. Эту юбилейную дату кафедра археологии исторического факультета Московского университета отметила организацией специального заседания. На нем выступили ученики Б. Н. Гракова разных поколений с докладами о научном вкладе ученого в развитие античной эпиграфики и скифо-сарматской археологии. Эти доклады — не только дань уважения учеников своему учителю, но и первое серьезное обобщение и характеристика творческих поисков, научных взглядов и концепций исследователя в указанных областях науки. Кроме того, в докладах показано значение работ Б. Н. Гракова для развития керамической эпиграфики и скифо-сарматской археологии в наши дни. По решению кафедры доклады публикуются в конце настоящей книги.

Н. Г. Елагина, И. В. Яценко

ВВЕДЕНИЕ

Что такое железный век?

Его начало в Азии, в Африке и на Европейском побережье Средиземного моря

МЕСТО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЯХ

Термин «железный век» восходит к античной литературе. Деление на века у древних возникло в результате идеализации отдаленного первобытного прошлого, а отчасти из совершенно конкретных представлений о материальной культуре недавних для греков и римлян времен. В самом деле, переход от бронзовых орудий к железным произошел в эпоху сложения гомеровского эпоса (IX — VI вв. до н. э.), когда в действительности наряду с бронзовыми бытовали и железные орудия и оружие. В «Илиаде» мы только дважды встречаем упоминание железного оружия среди многочисленных перечислений бронзовых предметов. В «Одиссее» упоминания о железном оружии и орудиях встречаются гораздо чаще, но все же бронзовые орудия и оружие наличествуют рядом с железными. Переход от бронзы к железу в Греции на деле совершился уже в IX в. до н. э. Но в ранних слоях Эпидавра и Олимпии наряду с железным в небольшом количестве находится и бронзовое оружие. В силу двух указанных выше причин создалось представление о четырех веках: золотом, серебряном, бронзовом и железном. Последние два века располагаются в той последовательности, которая ныне установлена археологией. Описание веков превосходно дано у Гесиода (VIII в. до н. э.), а позднее, заимствованное у греков, повторено в поэме Овидия «Метаморфозы» (эпоха Августа).

Гесиод, впрочем, между медным и железным веками вставляет еще век героев, как бы продолжение медного:

Были из меди доспехи у них и из меди жилища, Медью работу свершали: никто о железе не ведал.

Землю теперь населяют железные люди. Не будет

Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,

И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им¹.

Овидий, вслед большинству легенд античности, знает всего четыре века и отрицательно описывает последний — железный век:

Третьим же после тех двух век медный явился на смену: Духом суровый он был, склонней к ужасающим браням, — Но не преступный еще. Последний же был — из железа. Тотчас тогда ворвалось в тот век наклонностей худших Все нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность, И на их место тотчас появились обманы, коварство; Козни, насилье пришло и проклятая страсть к обладанью².

Когда в течение XIX в. археологами создавалась хронологическая классификация, деление на бронзовый и железный века появилось не сразу. Выделение бронзового века как промежуточной стадии между каменным периодом и железным веком проведено в жизнь двумя известными датскими археологами Х. Томсоном (1788 — 1865 гг.) и его учеником И. Ворсо (1821 — 1885 гг.), хранителем Копенгагенского музея. Недостаточная ясность абсолютной хронологии привела этих авторов к мнению, оказавшему сильное влияние на других ученых XIX в., что железо как основной материал распространилось по Европе с римским завоеванием. Это было отрицательной стороной их хронологических выводов, так как на некоторое время затормозило развитие других, более точных представлений. Отчасти виновато в их неправильном представлении обилие бронзы наряду с железом в гальштатской культуре. Однако именно им принадлежит деление на три века, оставшееся основным до настоящего времени.

В 1862 г. Дж. Леббок дал более развитую классификацию³, в которой каменный век был разделен на палеолит и неолит. При этом в его книге изложение материала дано по расположению археологических памятников разного времени в слоях сверху вниз. Книга его начинается с железного и кончается каменным веком. У нас такой же порядок классификации сохранил Б. А. Куфтин; его книга по археологии Грузии построена по такому же плану, то есть начинается с железного века⁴.

В конце XIX в. французские ученые Габриель и Адриан де Мортилье дали новую классификацию, построенную на представлении об эволюции материальной культуры⁵. Все хронологические периоды соответствуют трем геологическим эрам — третичной, четвертичной и современной. Современная эра распадается на доисторическое и историческое время, то есть до появления письменности, и на время, известное по письменным источникам. Доисторическое время делится на каменный, бронзовый и

железный века, а последний — на три периода: галльский, римский и меровингский. Такое деление естественно для Г. Мортилье: он был французом и классификацию свою строил преимущественно для Франции и в зависимости от истории Франции. Классификация Г. Мортилье оказала влияние и на русских ученых.

В начале XX в. те авторы, которые пользовались известным влиянием на русскую археологию, предложили более простое деление. Мы найдем у Г. Обермайера, М. Гернеса, Ж. Дешелетта и других археологов упрощенную классификацию: за каменным и бронзовым периодами следует железный век, для Европы охватывающий гальштатскую и латенскую культуры, или иначе гальштатскую и латенскую эпохи. С римского времени начинается историческая археология, или галло-римский период для Франции, для немецких археологов — германо-римский и т. п.⁶

Крупную роль в уточнении археологических представлений о веках сыграл шведский ученый О. Монтелиус. В течение своей долгой жизни он несколько раз, сообразно с быстрым ростом археологических источников, изменял абсолютные даты своей классификации. Он разделил бронзовый век на периоды, принятые до настоящего времени большей частью западноевропейских ученых, преимущественно в последнем варианте, выработанном в 1912г.⁷

В связи с работой особенно по бронзовому и раннему железному векам Италии О. Монтелиус для принятия абсолютной даты конца бронзового века в различных частях европейской, азиатской и африканской территорий должен был поставить вопрос о том, как вообще смотреть на начало железного века и когда считать завершившимся переход от бронзового века к железному. Его основная мысль заключается в следующем: можно считать, что железный век наступил только тогда, когда бронзовые орудия совершенно отошли на задний план и железо вошло в данный момент на данной территории во всеобщее употребление.

Значительной помехой в определении абсолютной даты начала железного века оказались слишком широкие представления египтологов о древности железного века в Египте. О. Монтелиус, тщательно рассмотрев все данные в этом отношении, пришел к выводу, что в Египте железный век начался примерно тогда же, когда и в Месопотамии и в Малой Азии. Над вопросом о начале железного века, особенно в Европе, работали многие ученые. Еще в начале деятельности О. Монтелиуса стало ясно, что абсолютная хронология бронзового и железного веков для Западной и Центральной Европы немыслима без установления относительной и абсолютной хронологии этих эпох для Италии, где она, в свою очередь, может быть определена по данным крито-микенской археологии. В связи с движением науки вперед представления несколько менялись. Навсегда при этом останутся в памяти археологов имена П. Рейнеке и Ж. Дешелетта, выводы которых относительно периодизации галь-штатской и латенской культур во многом сохранились до наших дней⁸. Книга Г. Мюллера-Карпе, посвященная отчасти хронологии бронзового и раннего железного веков Италии, основана уже на современных достижениях археологии крито-микенского мира как на неизбежном исходном пункте подобной классификации⁹.

В 1926 г. вышла в русском переводе (поэтому на ней и надо остановиться) книга известного французского археолога Жака де Моргана «Доисторический человек»¹⁰. Его мысль сводится к тому, что нельзя говорить о начале железного века сразу для всего человеческого общества даже в тех местах, где издавна освоены металлы, так как железный век наступил в разных местах в разное время. Поэтому он совершенно отказывается от деления на века и делит весь период развития материальной культуры человеческого общества на семь индустрии, из которых пять каменных, шестая бронзовая и седьмая железная, причем везде они наступают в более или менее разное время.

Останавливаемся на этой классификации еще и потому, что деятельность и книги Ж. де Моргана как человека, много работавшего в Иране и Закавказье, хорошо известны советским археологам. В противном случае работы его будут иногда затруднительны для понимания, в особенности вышедшая после его смерти «Préhistoire orientale»¹¹; в этой книге классификация проведена с особой тщательностью и здесь имеется немало важных данных о Закавказье.

Русская археология не отставала от западноевропейской. Русские археологи отчасти следовали за западноевропейскими, но создали тоже несколько оригинальных классификаций.

Д. Я. Самоквасов в каталоге своего археологического собрания 1889 г. и в книге «Могилы русской земли» применяет деление на три века — каменный, бронзовый и железный¹². Особенность классификации Самоквасова заключается в том, что он, будучи историком, смотрел на археологические периоды как на определенный отрезок истории данного народа или данной территории. Он прямо признал за археологией историчность и считал археологию не естественной, а исторической наукой. В этом отношении многие археологи и на Западе, и в дореволюционное время в России от него отстали. Важность понимания сущности его классификации связана с тем, что книги его до сих пор сохраняют свое значение, а его археологическое собрание, добытое в основном в результате собственных раскопок, является одним из важнейших частных собраний, вошедших в состав фондов Государственного Исторического музея в Москве.

Каменный и бронзовый века носят у *Д. Я. Самоквасова* также название киммерийской эпохи по древнейшему упоминаемому на территории России народу. Раннежелезный век относится к скифо-сарматской эпохе и начинается с VI в. до н. э. *Дальше* следуют уже историко-археологические периоды — славянорусский и половецко-татарский.

Д. Я. Самоквасов, следуя за идеями И. Ворсо и О. Монтелиуса, на первых порах полагал, что железо появилось на нашей территории в результате греческой колонизации.

Что касается *Н. И. Веселовского* (1848—1918 гг.) и *А. А. Спицына* (1858—1930 гг.), то они в основном проводили обычную западноевропейскую классификацию. Но *А. А. Спицын*, заметив, что на нашей территории медные орудия встречаются местами до конца

бронзового века, отказался от термина «бронзовый век» и заменил его термином «медный век»¹³.

Много времени потратил на разработку археологической классификации *В. А. Городцов* (1860—1945 гг.). Сначала он делил «металлический период» на бронзовую и железную эпохи, а потом создал свою собственную, основанную на принципах формальной логики классификацию, которая представляла бы ряд удобств, если бы не чрезмерная ее громоздкость и вычурность терминов. Терминологию и хронологическое деление *В. А. Городцова* применил в 1948 г. *Г. Ф. Дебец*¹⁴.

Вся археологическая хронология *В. А. Городцова* распадается на две эры — доиндустриальную и индустриальную. Индустриальная эра содержит два периода: каменный и металлический, а этот последний разделен на палео-металлическую и неометаллическую эпохи. Палеометаллическая эпоха соответствует бронзовому, неометаллическая — железному веку.

С решительностью проводя принципы логического деления, *В. А. Городцов* каждую эпоху делил на три поры, что является очень неудобным и иногда натянутым. Ему так и не удалось сколько-нибудь удачно разделить палеометаллическую эпоху, то есть бронзовый век, на три поры, а его деление железного века совершенно условно: ранняя пора — до начала нашей эры, средняя пора железного века — от начала нашей эры до конца X в. и последняя пора — от XI до XVIII в. Такого рода классификация ввиду ее сложности не привилась. Но знать ее следует, во-первых, потому, что многие работы *В. А. Городцова* не утратили своего значения до настоящего времени, и, во-вторых, потому, что ее использовал *Г. Ф. Дебец*, антропологические работы которого играют для советских археологов ведущую роль.

Постепенно, однако, и школа *В. А. Городцова* также отказалась от этой терминологии. Так, например, в работах *А. В. Арциховского*, в частности в его учебнике, принята обычная классификация, представляющая собой деление на три века: каменный век, разделенный на палеолит, мезолит, неолит, энеолит, затем бронзовый век и железный век¹⁵.

Такая же археологическая классификация распространена, в общем, у всех советских ученых. Основная черта этой классификации заключается в том, что неизбежная по особенностям вещественного материала специальная хронология при внимательном к ней отношении позволяет не отделять археологические периоды от общей истории той или другой части человеческого общества. Ранние периоды, для которых мы не имеем письменных источников, представляют собой различные фазы истории первобытной общины на нашей территории. Там же, где имеются параллельно с археологическим материалом и письменные источники, отчасти уже в классовых обществах и ранних государствах, археологический материал позволяет вскрыть такие культурные явления, особенно в области производства и материального быта, которых письменные источники не дают совсем. Таким образом, археология в значительной степени расширяет область

исторических представлений. Такое же археологическое деление времени принято в книге «Очерки истории СССР»¹⁶.

Раннему железному веку соответствуют и новые исторические явления. К началу железного века известны все основные ветви индоевропейских народов. На большей части территории Европы, отчасти в связи с возможностью изготавливать доброкачественное оружие, быстрыми шагами развивалась военная демократия, позднейшая политическая форма первобытной общины¹⁷. Стадия военной демократии присуща почти всем европейским народам, и многие из них в результате такого развития прошли или через рабовладельческий строй или через примитивную форму развития феодального общества. Конечно, среди населения раннего железного века Южной Европы, Передней Азии и Северной Африки мы найдем целый ряд народов, прогрессируя по разным причинам быстрее, чем более северные народы и племена Европы. К числу их принадлежат греки, римляне, в Передней Азии — персы и ассирийцы, в Северной Африке — египтяне эпохи после Нового Царства. Все эти общества по своей классовой сущности были рабовладельческими, но в то же время не выходили за пределы раннежелезного века. Если сравнить греческие и римские орудия и оружие с орудиями и оружием более северных народов, то принципиальной разницы между ними не будет. Если же мы выделяем специальные обширные разделы: археологию классическую, то есть археологию греков и римлян, ассирийскую и позднеегипетскую, — то только потому, что культура каждого из этих народов столь сложна, что может быть только упомянута, но не рассмотрена в книге, посвященной железному веку. Следует также отметить, что в ряде стран Переднего Востока и Индии классовое общество и государство сложились уже в эпоху энеолита. Железный век в этих местах наступает тогда, когда рабовладельческая государственность достигла там полного расцвета.

Большая часть народностей и племен, живших на территории СССР в начале железного века, находилась еще на стадии первобытной общины. Однако формы и этапы развития этой первобытной общины столь разнообразны, что в некоторых случаях мы находим племена и их союзы, далеко еще не дошедшие до стадии военной демократии, хотя в то же время в ряде мест уже встречаются классовые и государственные образования, — в Средней Азии, у скифов, в греческих городах Северного Причерноморья и в Закавказье, где возникло одно из государств переднеазиатского типа — Урарту. Мы намечаем такое деление железного века нашей европейской территории. В южной ее части он совпадает с предскифской и скифской эпохами (IX—III вв. до н. э.) и следующей за ними сарматской (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Культуры лесной зоны в течение всего этого времени подвергаются меньшим изменениям.

МЕТЕОРИТНОЕ ЖЕЛЕЗО. ДОБЫЧА РУДЫ, КРИЧНОЕ ДЕЛО, КУЗНЕЦЫ

Почти все народы начали свое знакомство с железом с метеоритного железа, падающего иногда из мирового пространства на земную поверхность в виде небольших, а иногда и значительных обломков. Несмотря на то что метеоритное железо хорошо противостоит коррозии, оно мало пригодно для приготовления орудий и других предметов быта, так

как содержит много никеля и поддается обработке только в холодном состоянии. Многократные попытки делать из метеоритного железа крупные предметы горячей ковкой кончались полным неуспехом. Народы, находившиеся на стадии каменного века, сталкиваясь с метеоритным железом, обходились с ним как с камнем. Так, например, знаменитый полярный путешественник Роберт Пири еще в 1897 г. во время исследования Гренландии натолкнулся на громадный метеорит, известный местному эскимосскому населению еще с 1815 г. (в настоящее время хранится в Нью-Йорке). Эскимосы обращались с ним совершенно так же, как с обычным кремнем, а именно: они изготавливали небольшие железные вкладыши на манер микролитов, а затем вставляли их в пазы деревянных или костяных рукояток. Эти орудия напоминают орудия вкладышевой техники эпохи мезолита или раннего неолита. Если в каменном и бронзовом веках добывание хорошего кремня или медной руды требовало сложных шахт и подземных сооружений, то добыча железа на первых порах была гораздо менее трудоемким делом.

Для получения непосредственно из руды кричного железа сыродутным способом требуется сильно окисленное железо, то есть железо, залегающее близко к дневной поверхности. Поэтому в местах, обильных железом, оно добывалось или путем прямого сбора на поверхности земли, или в неглубоких ямах в виде поверхностной руды. К сожалению, такие примитивные и простые способы добывания железной руды редко дают возможность находить и исследовать древние железные рудники. Они известны, например, в местности Уилд в Южной Англии, где железо добывалось в начале железного века путем выкапывания своеобразных колоколовидных, расширяющихся книзу ям, входное отверстие которых имеет не более 2 м в диаметре, а глубина не более 6 м. То же самое встречается в Англии еще в области Форест-оф-Дин, где имеются такие же ямы¹⁸. Подобная же поверхностная добыча была и у нас в Кривом Роге (на Украине); вероятно, относится она к скифскому времени. Следы добывания железной руды встречаются в Юрском хребте во Франции. Однако там древние шахты часто уничтожены современной добычей руды. Но в огромном количестве недалеко от современных рудников встречаются находки железных изделий и железных криц. Так, в Рейнском бассейне, служившем в эпоху гальштата одним из основных источников железа Западной и Центральной Европы, найдено порядочное число криц гальштатского и латенского времени.

Надо думать, что подобным же образом, неглубокими разработками, производилась добыча железа и в горном хребте Тайгет в древней Лаконике, так как этот хребет славился своим железом, но до настоящего времени там не удалось обнаружить рудников.

Едва ли не главной рудой, применявшейся в Европе в это время, была болотная руда ввиду ее большой доступности. В так называемую субатлантическую фазу при заболачивании древних, еще сохранившихся от ледникового времени водоемов создавались природные условия для оседания большого количества железной руды. Болотная руда до недавнего времени была в кустарном промысле Северной Европы основной рудой, а в России допетровской эпохи почти все железные изделия

изготавливались из болотной руды. Болотная руда добывается с относительной легкостью благодаря ее поверхностному залеганию. Кустарная выработка железа из руды сыродутным способом была распространена в течение всего средневековья в Европе. Известно, что в Швеции до XVIII в. включительно часть феодальных повинностей крестьяне выплачивали железными крицами, которые они сами изготавливали.

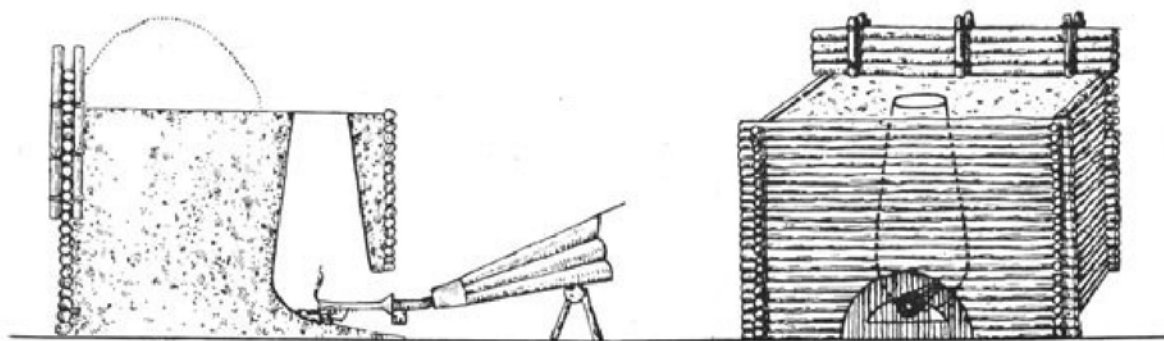
Что в Европе, особенно в Северной, болотная руда долгое время преобладала над рудой жильной, явствует из замечательного карелофинского эпоса, герой которого Ильмаринен разыскивает железную руду по пятнам железной ржавчины в следах медведей и волков¹⁹. Однако это не значит, что горные руды не применялись. Мы видим это для Европы на примере лаконских руд, прирейнских руд и руд Юрского хребта.

Открытие железа сильно усовершенствовало рудопромышленное дело для добывания других металлов. Так, хорошо исследованы Лаврийские серебряные рудники в Аттике. Они были истощены еще в V в. до н. э., и все найденные там орудия и приспособления относятся к VI— V вв. до н. э. Всего лишь за какие-нибудь два с половиной столетия до этого Греция окончательно освоила железо. Найденные в Лаврийских рудниках орудия сделаны из хорошей стали и представляют собой достаточно разработанные формы²⁰. Это обыкновенная односторонняя кирка, однако черешковая, а не проушная, как наша современная; тяжелые железные клинья, забивавшиеся в стены шахт и рудников для отбивания серебряной руды (такие клинья вбивали в жилу при помощи кувалды, весившей до 8—10 кг). Наконец, последний инструмент, найденный в Лаврийских рудниках, — это совковая лопата, напоминающая современную лопату для погрузки или шуровки каменного угля и применявшаяся для собирания измельченной руды. Таким образом, изобретение железных орудий если и не привело к серьезному развитию рудопромышленного дела для добывания железа, поскольку железные руды добывали поверхностным способом, то оно сильно подтолкнуло вперед рудопромышленное дело вообще, так как были разработаны специальные, неизвестные в бронзовом веке орудия.

В настоящее время может считаться доказанным, что единственным способом получения железа из руды в первобытном обществе был только сыродутный способ²¹. Термин «сыродутный» получил свое название после изобретения дутья в доменных печах нагретым воздухом. Древние металлурги накачивали в печь атмосферный воздух обычной температуры, сырой воздух, поэтому этот способ и получил такое название. Собственно говоря, для восстановления железа из руды в виде тягучей тестообразной, напоминающей вар или битум массы требуется не особенно высокая температура, в среднем около 900°. В железной руде всегда бывает примешано значительное количество каменистой породы. Для превращения такой породы в шлак требуется гораздо более высокая температура — до 1300°. Поэтому температура даже в древнейших кричных печах должна была достигать до 1200—1300°, при которой плавилась бы минеральная примесь в руде, но еще не достигалось плавление железа, требующее очень высокой температуры — 1528°. После нагревания в кричной печи до такой высокой температуры расплавившаяся порода образует шлак, в котором, как показывают анализы, обычно не меньше 40% металлического железа. Таким образом,

сыродутный процесс является крайне неэкономным: значительная часть металла, содержащегося в руде, уходит в шлак. Кричная печь загружается слоями руды и угля. В ней во время процесса горения образуется углекислый газ, который восстанавливает железо из руды, отнимая у окиси железа кислород. Применялся для этой цели исключительно древесный уголь. До применения каменного угля древность не додумалась. Слипшаяся из мелких капель и кристаллов железная крица проковывалась и в виде прутьев, четырехгранных брусков, кусков в виде языка с двумя заостренными концами поступала для дальнейшего использования.

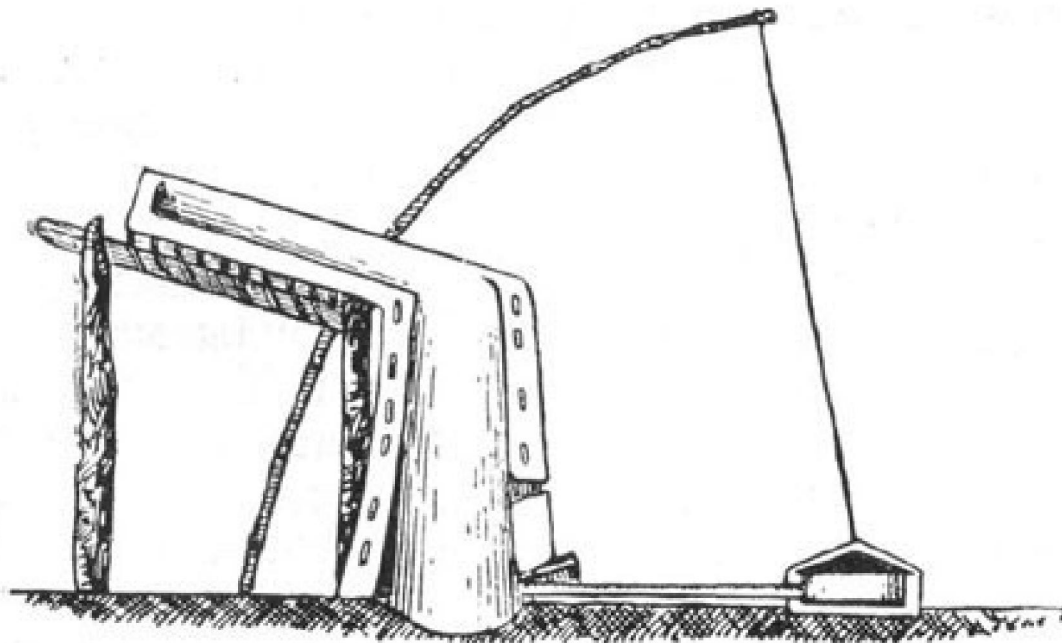
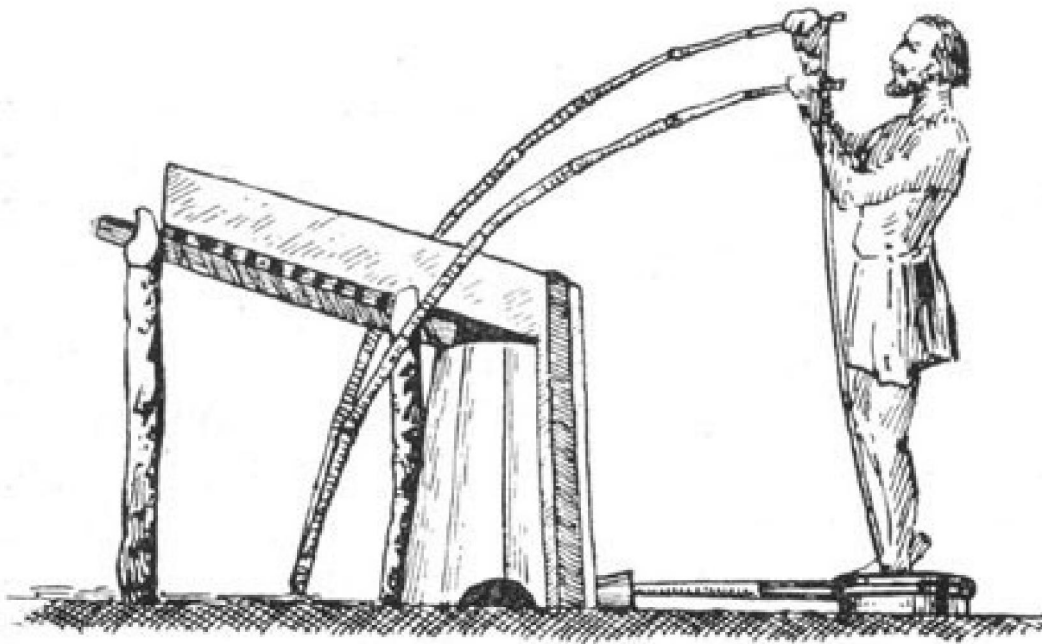
Наиболее удачным термином является старый русский термин для такого рода выделения железа — варка, так как плавкой его называть не приходится. Варка железа сыродутным способом производится всегда в различных простых горнах и печах. Простейший способ — это варка железа в горшках, когда печь представляет собой простую яму, в которую ставятся горшки, наполненные углем и рудой; кругом них зажигают костер, который стараются раздуть как можно сильнее, и в горшках происходит тот же процесс, который происходит внутри настоящего кричного горна. Обычно кричная печь — это невысокий цилиндр или четырехугольный ящик, сделанный из камней на глине или из чистой глины; высота его редко превышает 1 м, а диаметр бывает очень разнообразным (рис. 1).

Рис. 1. Кричная печь

В этнографических печах Индии известный английский металлург Д. Перси, обративший в середине XIX столетия внимание на сыродутную варку железа в примитивных условиях, наблюдал иногда емкость не более цветочного горшка. Таким образом, количество железа, добываемое в таком горне, попросту ничтожно и не превышает 2 — 3 кг. Иногда такие печи в виде ям, обмазанных глиной или обложенных камнями, делали в склонах холмов и нагнетание воздуха производили с фасадной стороны. Для того чтобы воздух из мехов поступал равномерно, требуется не менее двух отверстий, так, чтобы в то время, когда один из мехов набирал воздух, другой мех нагнетал его в печь. Порой отверстия располагаются на противоположных сторонах горна, тогда требуются двое рабочих. Иногда отверстия находятся в непосредственной близости друг от друга, тогда один и тот же рабочий, нажимая на один мех, выдавливает воздух из него в печь, а другой мех в то же время открывает и наполняет воздухом. Очень любопытны в этом смысле печи

бенгальского племени гатов в Индии, которое промышляет добыванием железа из руды кричным способом. Рабочий стоит на двух мехах и все время пляшет: одной ногой он нажимает на мех, а другую ногу поднимает. Этим примитивным и физически тяжелым танцем на мехах обеспечивается непрерывное поступление воздуха в горн (рис. 2).

Рис. 2. Нагнетание воздуха в сыродутный горн

Работы американского металлурга Т. Рикарда, с особенной полнотой исследовавшего примитивную варку железа и деревенские горны Африки, подтвердили изыскания Д. Перси²². Что касается изготовления орудий и оружия из железа, как можно судить по изображениям греческих кузниц VI в. до н. э. на чернофигурных сосудах (рис. 3),

Рис. 3. Изображение греческой кузницы на чернофигурном сосуде

набор инструментов в таких первобытных кузницах, по существу, не отличался от современной деревенской немеханизированной кузницы. Мы находим в них обычные ручник, кувалду, разного рода напильники, пилки, шарнирные и пружинные кузнечные клещи, зубила и пробойники (рис. 4).

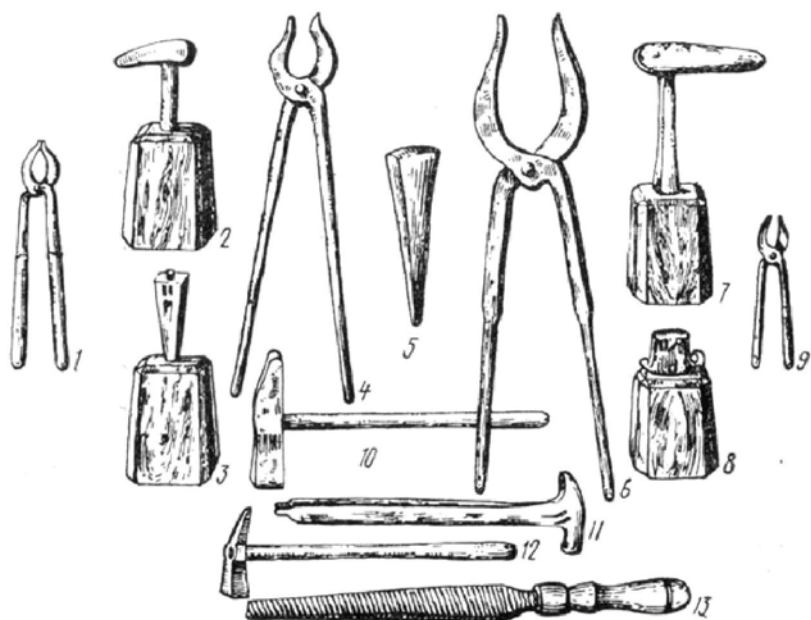

Рис. 4. Кузнечные инструменты. 1, 4, 6, 9 — клещи, 2, 3, 5, 7, 8 — наковальни, 10, 12 — молотки, 11 — щипцы, 13 — напильник

Не сразу, однако, оружие и орудия приобрели вполне соответствующие материалу формы. На первых порах обычно подражание бронзовым литым предметам. Крайне своеобразны, например, гальштатские железные мечи с расширением в середине, возможные только как результат подражания бронзовому литью, гальштатские и чернолесские железные кельты и тесла, подражающие бронзовым. В культурах раннего железного века Закавказья мечи, кинжалы и копья из железа сначала также копировали

бронзовые образцы. Но достаточно было пройти одному-двум столетиям, и к началу VI в. до н. э. железные орудия приобрели уже ряд специфических и совершенных форм, например упомянутые орудия для горнорудных выработок.

Ф. Энгельс следующим образом характеризует важность открытия железа как сырья для орудий: «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дал» ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»²⁴.

Действительно, сельское хозяйство получило превосходные серпы, косы, садовые ножи, железные лемехи плугов и сох, а также топоры для вырубki леса под пашню и железные лопаты. При помощи железных кирок и лопат около 500 г. до н. э. был вырыт большой тоннель на острове Самос, и это менее чем через три столетия после исчезновения бронзовых орудий. Разнообразие орудий стало так велико и они развивались с VI в. до н. э. повсеместно так быстро, что в начале нашей эры все основные железные орудия, применяемые при ручной работе, были уже налицо, кроме шарнирных ножниц и металлического винта, как справедливо отметил Г. Чайлд²⁵. К этому времени появляется чрезвычайно разнообразие специальных инструментов для изготовления деревянных бочек, множество специальных кожевенных и сапожных инструментов; в кузницах известны все виды молотков слесарных и кузнечных. Еще в V в. до н. э. была изобретена в Аттике вращающаяся мельница для размолы породы, содержащей серебряную руду; уже в IV в. до н. э. она малопомалу стала применяться в городах Греции, а затем и всего Средиземноморья для изготовления муки дома и в хлебопекарных предприятиях²⁶. Такая мельница была бы невозможна без железной оси с довольно сложным приспособлением для вращения верхнего жернова. И ось и это приспособление железные. Но только к началу нашей эры такая мельница проникает в Англию и Северную Европу. На нашей территории ее также нет до первых веков нашей эры, когда она появляется в греческих и скифских городах. Еще с VII в. до н. э. многочисленные железные детали повозок, железные шины, железные шкворни, железные подоски встречаются по всей территории Европы.

Для повышения твердости железных изделий их подвергали закалке и цементации (науглероживанию). Закалка была примитивной и производилась при помощи однократного или многократного погружения выкованной вещи в холодную воду. В средневековой Руси в качестве охлаждающей среды применяли не только воду, но и снег, что при нашем климате вполне естественно.

У Гомера процесс закалки образно описан в эпизоде выжигания глаза у киклопа Полифема. Одиссей вонзает в глаз спящего Полифема конец горящего шеста и тогда:

Яблоко лопнуло; выбрызнул глаз, на огне зашипевши.

Так расторопный ковач (χαλκεύς), изготовив топор или секиру,

В воду металл (σίδηρος) (на огне раскаливши его, чтоб двойную

Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной

Влаге; так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный²⁷.

По Феофрасту (IV в. до н. э.) известно, что для закалки мелких предметов применялось иногда оливковое масло. Таким образом, эмпирически находились и другие, кроме обычного, способы закалки.

Древность так и не додумалась из-за невозможности достичь высокой температуры плавки железа до изготовления чугуна. Литых железных изделий раньше средневековья неизвестно. Интересен такой факт. Знаменитый Аристотель в одном из своих трактатов, перечисляя плавящиеся металлы, упоминает и железо. Совершенно очевидно, что Аристотель мог додуматься до этого только теоретически, как физик. Но его позднейший комментатор Аристарх Самосский (II в. до н. э.) через сто с небольшим лет после выхода этого трактата делает недоуменную заметку со знаком вопроса: «Ведь железо не плавится», так как на практике плавка железа не была известна.

Все основные навыки горного дела, литейного мастерства, получения металла из руды — все это было изобретено человеком еще в бронзовую эпоху. Поэтому не случайно очень часто одно и то же слово обозначает в одних языках медь, а в других железо: древнеиндийское *ayas* — означало бронзу, потом железо; латинское *aes* — медь; готское *aiz* — бронзу; немецкое *eisen* — железо. В равной степени в греческом языке слово *χαλκείον* обозначает меднолитейную мастерскую и кузницу, *χαλκεύειν* — лить бронзу и ковать железо, *χαλκεύς* — литейщика и кузнеца. Все от слова *χαλκός*, то есть медь. Лишь спустя некоторое время, в начале эпохи эллинизма, эти слова стали заменяться терминами, происходящими от слова железо (σίδηρος): *σιδηρειον*, *σιδηρεΐειν*, *σιδηρεύς*.

Вместе с тем эти же термины говорят о том, что первыми кричниками и кузнецами были мастера-бронзолитейщики. В большинстве местностей медь и бронза никогда не были особенно дешевы, и каменные орудия часто доживали до эпохи железа. Поэтому медь и бронза после победы железа пошли на дорогие поделки, такие, например, как разные, особенно пиршественные, сосуды. Иногда, как было с наконечниками стрел, которых требовалось изготавливать сразу помногу, бронзу продолжали применять из-за того, что литье лучше обеспечивало быстроту выработки изделий, чем ковка. Иногда из-за консервативности религии и суеверий бронза продолжала служить их адептам. В Риме жрецы-фециалы имели право бриться только бронзовой бритвой. У греков только те целебные и колдовские травы, которые сжаты бронзовым серпом, могли, по поверию, возыметь свое действие. Есть и другие примеры этого.

ГРУППЫ КУЗНЕЦОВ И ПОЛОЖЕНИЕ КУЗНЕЦОВ

В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТИХ ЯВЛЕНИИ В РЕЛИГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

В обществах, сохранивших элементы первобытности в большом или достаточном объеме, наблюдается групповой характер кузнечного дела и кричной варки железа. Племя, род, большая семья или специальная группа занимаются нередко совокупностью всех этих процессов вместе²⁸. Так, например, в Бенгалии группы племен гатов, относящихся к касте неприкасаемых, бродят с места на место, варят из руды железо в небольших, довольно примитивных горнах и выковывают предметы деревенского обихода. То же наблюдается у степных племен Африки. Например, племя овамбо, добывающее и куящее железо, служит кузнецами у скотоводов племени гереро. Подобным же образом сомалийское племя томал снабжает своими изделиями окружающее население. У племени вафипа выжиганием железа из руды и кузнечным делом занимаются отдельные большие патриархальные семьи. Положение кричников и кузнецов различно у разных африканских племен. Упомянутые томал, подобно бенгальским гатам, находятся в презрении у своих соседей. Но у негрского племени вадаев глава группы кузнецов получает различные высокие почести. У гаусса вместе с вождем племени есть параллельно князь-кузнец, имеющий особые достоинства и права. У некоторых из племен банту вождь обязан знать кузнечное ремесло. Сложность кричной варки, в исходе которой не уверены и сами кричники, принуждала их обставлять свое дело множеством религиозных и магических запретов, обрядов и действий. В этом смысле особенно красочны обычаи племени вафипа, живущего близ озера Танганьика. В варке криц участвует вся большая семья: мужчины, женщины, дети. Особенно замечательно участие всех от мала до велика в обрядах. Среди запретов есть и такие: к работе не допускается тот, кто поел свинины, чья жена вела себя недостойно и *т. п.* Выбор места для будущей печи, рубка дров для нее сопровождаются сложными обрядами. Заклинаются топоры для заготовки леса. Затем возносится молитва к предкам с просьбой о помощи. Приготавливается ящик со священными и магическими предметами (кости животных, перья, змеиная кожа, пепел некоторых растений). Ребенок несет ящик, который зарывают на дне печи. Перси наблюдал на Мадагаскаре семью кричников, обладавшую печью довольно больших размеров, в которую загружалось значительное количество руды. Когда печь достаточно разогрелась, дутье мехами прекращалось и начиналась тяга через печь в силу ее высокой температуры. Процесс такой тяги занимал несколько дней, и в течение всего этого времени вплоть до момента вынимания криц отец и его сыновья не работали, а возносили моления об успешном результате варки.

Трудность процесса, неуверенность в успехе, наличие секрета заставляли окружающих смотреть на кричников и кузнецов как на колдунов и магов. Это явление известно у очень многих народов. У грузин еще недавно кузнецы были третейскими судьями в деревнях, и в их присутствии приносились взаимные клятвы при разных сделках. У некоторых африканских племен кузнецам-колдунам поручали отыскание пропавших вещей.

У разных народов Европы, прошедших особенно полно развитие от бронзового века к железному, и у современных, и у древних, в фольклоре, мифологии, религии есть следы таких же явлений. Многие из этого, хотя и затуманено многовековым христианством, оставило следы и в древнем и в новом русском фольклоре.

Небесное происхождение железа и железных орудий — двойное воспоминание о метеоритном железе и таинственности черной металлургии — сказались еще в короткой легенде, упомянутой в Ипатьевской летописи. В царствование Сварога «упали с небес клещи, начали ковать оружие, а до того бились камнем и палицами»²⁹. Летопись сближает Сварога с Гефестом. Сварожичи сменяют Даждь-бога и управляют Вселенной. Мастер или группа мастеров, а также роль металлургов отражены здесь полностью. Христианская русская, белорусская и особенно украинская мифологии переработали эти представления на новый лад. Святая, то есть божественная, пара кузнецов-мастеров — Козьма и Демьян. Иной раз они сливаются в одно кузнечное божество Козьмодемьяна. На Украине они колдуны, помогающие от болезней, особенно от ран железным оружием, и *т. п.* Они — боги великого народа-земледельца и потому сами кузнецы и пахари. В белорусских песнях они куют серпы, сами пашут и сами косят сено. Отражение действительности здесь налицо. Козьмодемьян в русской сказке также кузнец-богатырь и пахарь. Это он выковал клещи, ими схватил за язык змея, запряг его в плуг и вспахал на нем землю. Литературным воплощением искусника-кузнеца, который справится с самим чертом, является гоголевский Вакула.

Полнейшая передача первобытных представлений о черной металлургии дана в знаменитом карело-финском эпосе «Калевала»³⁰. В руне XIV изображено железное небо и передана молитва Лемминкяйнена к верховному богу Укко. Он молит послать с неба град из комков железа. Все это место — явное воспоминание о метеоритном, небесном происхождении железа.

Но связь его с небом и в то же время с землей еще красочнее передана в IX руне. Укко создает трех небесных дев. Из груди каждой из этих дев с неба на землю падает по одной капле молока — черной, белой и красной. Из этих капель рождаются в болоте разные сорта руды, дающие ковкое железо, сталь и хрупкое железо. Железо враждует со своим братом огнем и, спасаясь от него, бежит в горы и болота. Так, железо одновременно связано и с небом и с землей; отражены и жильная и болотная руды. Но вот родится богатырь-кузнец Ильмаринен. Он рождается на горе угля среди поляны, на которой выжигали уголь. В руках у новорожденного — молот и кузнечные клещи. Днем он строит кузницу, ищет руду и ставит свои мехи у болота. Спутники Ильмаринена берут железо из болота и несут его к горну для варки. Соединение в одних руках рудного дела, варки железа и кузнечного искусства, бог-мастер и группа его спутников-помощников, — чем это не живой быт вафипов и гатов или больших семей — производственных коллективов варщиков руды с Каменского городища на Днепре?³¹

Но особенно много разнообразнейших данных сохранилось в эпосе, мифологии и даже словесном творчестве древнегреческого народа. Небесное происхождение железа прекрасно представлено не только греческим словом σίδηρος — железо, родственным

латинскому sidera — звезды³². Известен миф о падении с неба бога-кузнеца Гефеста к племени синтиев на Лемнос (Гомер) или о падении наковальни с неба в преисподнюю (Гесиод). Здесь то же, что и в Ипатьевской летописи и в IX руне Калевалы: небесное железо превращается в подземное. Особенно много греческая мифология говорит о группах металлургов и о главном мастере среди них — Гефесте. Впрочем, эти мифы передавали обстановку до окончательного становления рабовладельческой Греции классического времени. Группы кузнецов, то ли племена, то ли производственные коллективы, известны в этих мифах для различных мест.

Прежде всего это киклопы — неизменные помощники Гефеста в его подземной кузнице. Их помещали в Арголиде, Беотии, Микенах, Коринфе и на Эвбее, выходцами которой они были. Им приписывали создание мощных доисторических каменных сооружений. С началом колонизации греками Западного Средиземноморья они оказываются в Сицилии, где в Этне — кузница Гефеста. Первичность производственного коллектива перед мастером-одиночкой выражена в легенде у орфиков, где говорится, что киклопы обучили ремеслу Гефеста и Афину.

Синтии — фракийское племя на Лемносе — представляло собой этническую производственную группу металлургов. Источники; зовут их кузнецами. Они тоже древнее Гефеста, как и киклопы.

Дактили — малоазиатская группа. На горе Иде в 1432 г. до н. э., по Паросской хронике, они изобрели плавку меди и открыли рудное железо. Они ученики богини земли, живут в пещерах. По традиции они то демоны, то люди. Значение слова δάκτυλος — палец, может быть, позволяет сблизить их с карликами западноевропейских сказок, хранителями подземных сокровищ и мастерами. Дактили вместе и рудокопы и мастера (сравните, вафипы; и т. п.).

Тельхины — на острове Родосе (изредка на Крите) — только мастера. Они выковали серп Кроноса и трезубец Посейдона. Их колдовской и религиозный характер заключается в том, что они — демоны смерти, но в то же время и земледельческие божества, то насылающие мор на скот и засуху и град на посевы, то благодатный дождь. В их злых качествах есть сходство с отреченными нечистыми группами кузнецов (гаты и томал).

Несколько иначе выглядят братья-кабирьг на острове Самофракии. Они прежде всего умирающие и возрождающиеся боги земледелия. Но они и кузнецы — дети Гефеста. На монетах можно видеть, что у них в руках кузнечный молот. Они почти полная параллель Козьме и Демьяну русских сказок, прежде всего боги земледелия, но и благостные кузнецы. Может быть, не отраженные в ранних летописных сказаниях Козьма и Демьян, славянские кабирь, восходят к более древнему времени, чем бог-мастер Сварог.

Имена многих из этих духов греческой мифологии служили для заклинаний. Именами дактилей и киклопов вызывали огонь. Вокруг кабирь и их самофракийского святилища сложился сложный мистический ритуал. Весь процесс производства железных орудий

казался столь исполненным тайны, что греческий язык обозначил глаголом φαρνάσσειν как закалку стали, так и колдовство и магию.

У римлян синкретизм италийской религии с эллинской вызвал отождествление италийского бога огня и кузнеца Вулкана с Гефестом. В представлении римлян он с киклопами вместе ковал и лил искусные изделия для богов и героев. Подобно тому как он в «Илиаде» отлил доспехи для Ахиллеса, у Вергилия он изготовил щит и доспехи для Энея, готовящегося к бою с Турном. Во вдохновенных стихах «Энеиды» Вергилий воспел божественную кузницу³³.

Известно и божество-кузнец этрусков Сефлай, которого Варрон сопоставляет с Вулканом. Но, как видно по могильным фрескам, среди подземного пантеона Этрурии в роли бога-рудознатца изображен и Харун (переделка имени греческого Харона). У него в руках массивная деревянная кувалда на короткой ручке. Такие кувалды для вколачивания клиньев в трещины стен рудника хорошо известны археологически еще с бронзового века.

У кельтов бог-кузнец и рудознатец Суцелл известен из нескольких латинских надписей и множества изображений из Нарбоннской и Лугдунской Галлий, из Бельгии, Швейцарии и с Верхнего Рейна. Он одет в галльские кафтан и штаны. В руках у него то кувалда, то ручник, то деревянная колотушка для работы в руднике. О его связи с рудным делом говорит и изображение при нем собаки, иногда трехголового Цербера, взятого из римской эллинизированной мифологии и прямо указывающего на подземный мир руды. В той же связи Суцелл отождествляется в надписях с хтоническими божествами Плутоном и Гераклом, которые оба также связаны с Цербером и подземными богатствами. Он — Диспатер, бог ночи и смерти, отец всех галлов, бог-богач. Но в то же время он наподобие Козьмы и Демьяна и братьев кабиров — бог земледелия и сельского хозяйства, особенно садов и огородов, так как один из его атрибутов садовый нож и горшок для овощей. Иногда с ним его собака-овчарка, охранительница стад. Да он отчасти и бог природы вообще и отождествлялся с Сильваном. Только он не имеет мужской пары, как в русской и самофракийской религиях. Его пара — женское божество природы — Нантосуэльта. Изображения ее напоминают римскую Диану.

У всех германских народов есть бог-кузнец Виланд. Лучший из всех кузнецов, он обучался у кузнеца Мими и его карликов, которыми выкован меч Зигфрида. Из народной сказки он перешел в разных видах в средневековую скандинавскую, англо-саксонскую, английскую и германскую литературу. Под именем Галан он вошел и в сокровищницу древнефранцузской литературы. Он очень близок Гефесту, он — бог-мастер, сопровождаемый, как Гефест киклопами, Мими и его карликами. Гномы, кобольды и тролли европейских сказок длиннобороды. Они — рудознатцы, искусники в разных делах и ремеслах. Их, то злых, то добрых хранителей подземных сокровищ, все мы знаем хотя бы из сказок братьев Гримм.

Не один раз в лице Козьмы и Демьяна, тельхинов и киклопов, кабиров и Суцелла перед нами встает первобытное представление о роли божеств-кузнецов в первобытном

земледелии, как бы в подтверждение слов Ф. Энгельса о роли освоения железа в прогрессе сельского хозяйства. В этом же представлении отражается и то обстоятельство, что обособившийся сельский кузнец или сельская группа кузнецов хотя бы в какой-то степени не порывали с земледелием и продолжали им заниматься, как, например, это, по-видимому, наблюдалось у кузнецов-скифов, обитавших на Каменском городище — на рубеже земель скифов-земледельцев и скифов-кочевников.

ПОЯВЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗА КАК МАТЕРИАЛА ДЛЯ ОРУДИЙ И ОРУЖИЯ В ЕГИПТЕ И ВООБЩЕ В АФРИКЕ, ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ.

О РАЗНЫХ ЦЕНТРАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ИНДУСТРИИ

В древних культурных странах Северной Африки и Переднего Востока знакомство с железом началось с метеоритного еще в III — II тысячелетиях до н. э., но до начала обработки рудного железа о железном веке, то есть о всеобщем употреблении железа, там говорить не приходится.

Наличие в Египте огромных сооружений из тесаных камней заставило думать первых египтологов, которые были главным образом или филологами, или историками, что железо служило человеку для орудий в Египте с баснословно раннего времени. Археологические факты в значительной степени опровергают такие представления. То, что знакомство с железом здесь началось с метеоритного, отразилось в наименовании его небесным металлом. Известно несколько предметов, сделанных из метеоритного железа, относящихся к очень раннему времени, к эпохе медных орудий. Это додинастическая находка бус в Герце, поселении раннего медного века; столь же древние бусы были найдены в двух погребениях близ местечка Медума. К эпохе 1-й династии относится несколько бус из погребений у деревни Гизе. В развалинах одной постройки в Абидосе был найден кусок метеоритного железа. Все эти случаи раннего знакомства с метеоритным железом ничего не говорят о начале черной металлургии³⁴.

В самом начале XX в. была сделана находка, возродившая было мысль о раннем возникновении железного века в Египте. Это — находка из камерной гробницы близ Бухена, недалеко от вторых нильских порогов. В гробнице находилось 14 покойников, сопровождаемых богатой утварью и различного рода бронзовым оружием, только у одного покойника имелось железное втульчатое копье.

Этот случай разбирает самым тщательным образом О. Монтелиус³⁵. У египтян этого времени копья клали вдоль тела острием к ногам, а это копье, безусловно железное, лежало поперек ног одного из костяков. Типологическое рассмотрение наконечника привело Монтелиуса к основательному убеждению, что это греческое копье VIII — VII вв. до н. э. Дата этой гробницы — XVIII — XVII столетия до н. э. Железное копье попало в нее позднее и как-то случайно. Гробница отчасти разграблена. Монтелиус предполагает, что она была нарушена греческими наемниками, которые в VII в. до н. э. служили в составе египетской армии, а копье могло быть брошено из суеверного страха перед

покойниками или каким-то образом потеряно во время бегства с награбленными сокровищами.

Серьезные упоминания о небесном металле, то есть о железе, впервые встречаются в амарнском архиве, а именно: от далекого хеттского племени из Митанни в восточной части Малой Азии фараону Аменхотепу III (1455 — 1419 гг. до н. э.) и его сыну Эхнатону (1418 — около 1400 гг. до н. э.) прислали железное оружие в виде подарков. В гробнице наследника Эхнатона, фараона Тутанхамона (1400 — около 1375 гг. до н. э.), среди погребального инвентаря при самой мумии фараона были найдены железные предметы: золотой браслет со вставленным в него железным оком Гора, по-древнеегипетски «удж», небольшой кин-жальчик с золотой ручкой и скамеечка под голову, называвшаяся «урс», сделанная тоже из железа. Все эти вещи небольшие и носят явно драгоценный характер. В той же могиле найдены в особом ларце миниатюрные железные орудия (ланцеты, долота, резцы и т. п.), которые все вместе весят около 4 г. В них, очевидно, следует усматривать скорее предметы символического характера из еще драгоценного железа, может быть, ритуального или туалетного назначения.

Таким образом, железные предметы в это время появляются в Египте как вещи случайные и драгоценные. Железо в это время еще никакой победы над бронзой не одерживает. Однако его все более и более стремились привезти в Египет. На одной глиняной табличке хеттский царь сообщает Рамзесу II (1317 — 1251 гг. до н. э.), что он высылает корабль, груженный «чистым железом», и шлет в подарок железный меч. Первым по Средиземному морю стало распространяться, по-видимому, хеттское железо. Сохранился железный меч фараона Сети II.

В XIII в. до н. э. происходили войны Хеттского государства. Роль этих войн в развитии железного века предполагается особенно важной, так как хетты ознакомились с железом несколько раньше своих соседей. В гробнице Рамзеса III (1204 — 1173 гг. до н. э.), внука знаменитого Рамзеса II Великого, на стенах сделана фреска, изображающая воинов. Часть из них вооружена мечами и копьями, окрашенными в оранжевый цвет, а другая часть воинов с мечами и копьями, окрашенными в голубой цвет. Оранжевой краской обозначено медное или бронзовое оружие, а голубой — железное. Именно к царствованию Рамзеса III относятся открытые в Палестине близ арабской деревни Герар древние железоплавильные печи размером 3,3 X 1 м. Печи сопровождаются специальными, довольно сложными воздуходувными колодцами. Возле них найдены кричные бруски различной величины, имевшие форму языков, что было распространено на Переднем Востоке³⁶.

Крицы того же типа, как найденные в деревне Герар, обнаружены в разных местах

Египта. Таким образом, очевидно, что начиная с XII в. до н. э. железо приобрело большие «права гражданства» в Египте, чем до тех пор. Однако до IX в. до н. э. бронзовые орудия преобладают. Лишь в IX в. до н. э. в Египте применение бронзовых орудий сокращается до минимума и к концу этого века почти совершенно исчезает.

При появлении в тропической Африке первых европейцев в XV в. повсеместно у местных племен были распространены плавка железа и кузнечное дело. Оружие, среди которого наиболее популярны были копья, и железные мотыги везде преобладали. Лишь в отдельных местах еще употребляли и дерево и кость, но как дополнение к железу. Кое-где железные наконечники копий и стрел заменяли на рынках разменную монету.

В ряде случаев предполагают, что железо прямо сменило камень. Может быть, в богатой рудами Катанге бронза предшествовала железу. Вероятно, большая часть народов Судана сначала познакомилась с железом, а потом с медью: медь во многих суданских языках называется красным железом. Возможно, что в соседних с Египтом областях железо было позаимствовано оттуда. Уже приводились примеры своеобразных обычаев и представлений африканских племен, занимавшихся и занимающихся примитивной черной металлургией³⁷.

Подобную, но отнюдь не тождественную Египту картину представляла Месопотамия в III тысячелетии до н. э. В раннединастическое время известны находки кусков метеоритного железа. Один был найден в Уре среди амулетов в могиле царевны Шуб-Ад. Другой в виде какого-то кованого предмета находился в могиле № 580 того же могильника среди золотых вещей: черешкового наконечника копья и долота. В слое того же времени в древнем поселении Хафраджа на левобережном притоке Тигра Диале был обнаружен клинок кинжала из рудного железа. В течение всего II тысячелетия до н. э. во многих гробницах Ассирии и Вавилона попадаются железные украшения, более всего браслеты; значит, на протяжении всего этого времени железо рассматривалось еще как драгоценный металл³⁸.

Проследить в Месопотамии ход развития железных орудий несколько труднее. Там нет таких доказательств начала развития железной индустрии, как в Египте для XII в. до н. э., но в IX — VIII вв. до н. э. также совершается решительный переход к железу. В хрониках ассирийских царей X — IX вв. до н. э. очень часто упоминается военная добыча или дань, полученная с царей и городов Сирии и Палестины. Каждый раз в хрониках приводится перечень металлов, полученных из этих стран. В царствование Ашшурназирпала II (883 — 859 гг. до н. э.) многократно встречаются упоминания железа наряду с другими металлами. Под 875 г. до н. э. в его хрониках содержатся особенно важные указания на железо. От Лубарны, царя города Патины, было получено 20 талантов серебра, 1 талант золота и 100 талантов железа. Тогда же от Сангара, царя города Кархемыша, было получено 20 талантов серебра, много золотых вещей и 250 талантов железа. Эти перечни указывают на большую ценность железа и его относительную редкость в то время. За несколько сотен километров от Ассирии такой тяжелый груз везли туда наряду с драгоценными металлами. Приведенные клинописные упоминания железа являются одним из первых свидетельств о ввозе из Сирии в Месопотамию значительного количества железа.

При наследнике упомянутого царя, Салманасаре III (858 — 824 гг. до н. э.), в первые годы его царствования железо по-прежнему упоминается наряду с золотом, серебром и медью, сначала в небольших количествах. Постепенно его количество все больше и

больше· растет, и последний раз железо упоминается среди военной добычи в 832 г. до н. э. В этом упоминании говорится о ввозе 5 тысяч талантов железа из Дамаска. Очевидно, железо было накоплено в ассирийском царстве в таком количестве, что дальнейший ввоз его на какое-то время уже стал не нужен. Однако плохая технология изготовления железных изделий на первых порах не позволяла получать достаточно хорошего оружия, которое так было важно для войск ассирийских царей-завоевателей. Поэтому еще в конце VIII в. до н.э. в клинописных хрониках Саргона II упоминается бронзовое вооружение воинов, вторгнувшихся в Урарту. Таким образом, наряду с железными орудиями и оружием бронзовое оружие продолжали употреблять даже в такой передовой стране, как Ассирия, до конца VIII в. до н. э.

Вероятно, ко времени царствования Саргона II относится и чрезвычайно интересная коллекция Британского музея, состоящая из оружия, сделанного из железа, затем покрытого тонкой бронзовой оболочкой для придания этому оружию прочности³⁹. Ассирийцы, много заботившиеся об усовершенствовании оружия, приняли железное оружие, но в то же время не вполне доверяли его прочности и остроте. Это и вызвало странный прием погружения в расплавленную бронзу железного оружия для получения тонкой бронзовой оболочки.

В 714 г. до н. э. Саргоном II был построен дворец, известный под названием Дур-Шаррукин. Как было принято, в углах здания заложили таблицы с надписью о его основании. Таблицы эти сделаны из золота, серебра, бронзы, олова, свинца, сурьмы и алебаstra. Железа среди этих материалов нет. Совершенно очевидно, что железо уже перестало быть ценным металлом и надпись, сделанная на железе, не носила бы сколько-нибудь торжественного характера.

В том же дворце Саргона археолог В. Плас обнаружил большой склад железа в комнате размером 5X2,60X1,40 м. Всего найдено в этом складе 160 т железных криц и небольшое количество железных изделий. Здесь главным образом находились крицы длиной от 32 до 48 см при толщине от 7 до 14 см, а вес их от 4 до 20 кг. Крицы имели вид заостренных на концах брусков, причем в одном конце сделано сквозное отверстие около 2 см диаметром для надевания на веревку или железный прут (рис. 5).

Рис. 5. Железные крицы

Эта форма криц интересна потому, что она распространилась и на территории Европы в гальштатскую и латенскую эпохи. Склад содержал разные железные орудия труда (лопаты, топоры, плуги, цепи). Это указывает на полное проникновение железа в сельское хозяйство и производство, тогда как в армии еще некоторое время предпочитали бронзу.

Если в IX столетии до н. э. железо ввозили в Ассирию главным образом из Сирии и Палестины, то есть все основания предполагать, что при Саргоне II этот импорт производился из соседней Армении и с территории царства Урарту, где, как ясно по археологическим материалам из раскопок в урартских городах Тушпе и Тейшебаини, в то время железная индустрия уже была довольно развита⁴⁰.

Таким образом, для Месопотамии, как и для Египта, время до IX в. до н. э. является временем борьбы железа с бронзой, а IX в. можно считать датой победы железа, после чего бронзу употребляли недолго и постепенно она исчезла из употребления как металл для орудий и оружия.

Не совсем ясно, как развивалась железная индустрия в Малой Азии и Восточном Средиземноморье. Можно думать, что она возникла в разных местах самостоятельно. Но есть возможность предполагать, что для этой территории был один основной источник, который имел ряд производственных секретов, не сразу ставших известными в других государствах Передней Азии и Африки. Греческая традиция указывает с неизменным постоянством на восточную часть Малой Азии, как на место возникновения железной индустрии. Недаром слово З-»ЕИ в греческом языке обозначает «сталь». Между тем это не что иное, как название одного небольшого племени, занимавшегося добыванием руды и изготовлением железных предметов. Племя это жило на южном побережье Черного моря близ Трапезунда. В то же время известно, что в XV в. до н. э. из Митанни, одной из хеттских областей, были привезены железные предметы в подарок египетским фараонам, а в общее употребление железо в Египте и Передней Азии стало входить в XII в. до н. э., после победы над хеттской империей.

Все это заставляет думать, что если (а это наиболее вероятно) знакомство с получением небольших количеств железа из руды и с изготовлением из железа мелких предметов, преимущественно украшений, и было в каждой из этих стран самостоятельным, то необходимое для получения серьезных результатов умение изготовлять крупные крицы и проковывать их в сильно нагретом состоянии для придания им надлежащей твердости стало известно в стране хеттов раньше, чем в других областях, и скрывалось как секрет с чисто военными целями. После падения хеттского государства железное оружие появилось и в других странах. Все эти отрывочные данные позволяют многим ученым с большей долей вероятности предполагать, что именно страны хеттов, митанни и халибов оказались тем местом, где в силу значительного количества хороших и легко доступных руд развитие черной металлургии началось несколько раньше и достигло больших успехов, чем в Египте и Месопотамии, куда некоторые важные секреты распространились именно из этих стран. Такая точка зрения кажется довольно вероятной^{4™}. Менее вероятной представляется точка зрения известного английского археолога Г.

Чайлда, что не только важнейшие секреты обработки, например больших криц, но и вообще секрет технологии сыродутного метода в самом простейшем виде был разработан хеттами или каким-нибудь варварским племенем в глубине армянских нагорий до конца II тысячелетия до н. э. и оттуда пошел по свету⁴².

Сирия и Палестина уже упоминались несколько раз. В XII в. до н. э. при Рамзесе III крицы вывозили оттуда в Египет. Однако производство их там началось, может быть, еще в XIV в. до н. э. До соприкосновения с Арменией ассирийцы ввозили к себе железо также из Сирии и Палестины, но на этой территории известны находки железных вещей и в более раннее время. В 1937 г. при раскопках в древнем Угарите, ныне Рас-Шамра, в 200 км от Бейрута был найден превосходный боевой топор с железным лезвием. Топор, несомненно, принадлежал к XV или XIV в. до н. э. Дворец в Угарите относится ко времени около 1360 г. до н. э. В печах у деревни Герар кроме криц обнаружены кирпичи весом 2,8 кг, большие мотыги и плужные лемехи. Все эти орудия из железа и относятся к эпохе около 1200 г. до н. э. Очевидно, что настоящая черная индустрия здесь только немного предшествует египетской. В Иерихоне во время его разгрома после 1300 г. до н. э. среди других вещей Иисус Навин захватил железные сосуды. В книге Иисуса Навина (VI, 23) сказано: «А город и все, что в нем, сожгли огнем: только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали, чтобы внести в сокровищницу дома господня». Едва ли есть сомнение в том, что столь относительно раннее появление железа в Сирии и Палестине — результат более раннего соприкосновения с соседними хеттами, чем у египтян и месопотамцев. Об этом, конечно, говорит пророк Иеремия (XV, 12), сообщая, что железо к евреям попало с севера. Около двух десятков упоминаний железа известно из Библии. Есть они уже и в книге Бытия, и во Второзаконии. Упоминаются железные рудники, орудия и оружие из этого металла⁴³.

Такая же картина наблюдается и в Индии. В Бенгалии поделки из железа встречаются еще в погребениях II тысячелетия до н. э., но крупные железные предметы утвердились не ранее IX в. до н. э. В древнейшей части индусских священных гимнов Вед, называемой Ригведа, слово «айяс» обозначало бронзу. В более поздних частях — Атхарваведе и Яджурведе — сначала темный айяс стал обозначать железо, а красный — медь. В конце концов в санскритской литературе слово айяс приобрело один-единственный смысл — железо. До сих пор ранний железный век слабо известен в Индии. Об этом периоде в Северной Индии данные отсутствуют. В Средней Индии известен ряд заброшенных поселений, условно названных поселениями асуров, врагов ариев. В этих поселениях были найдены каменные полированные и бронзовые орудия. Были тут и железные предметы, железные шлаки и сыродутные горны. В Южной Индии обнаружено несколько сходных с селищами асуров поселений. В поселении Чандравалли вместе найдены клиновидные полированные топоры и железные шлаки. В местности Брахмагири под постройками города Исилы эпохи царя Ашоки (III в. до н. э.) в третьем сверху слое прослежены остатки города раннего железного века, опять-таки вместе с неолитоидными орудиями. В погребениях около этого города обнаружено много железа — ножей, клиньев, серпов, кинжалов, мечей, наконечников стрел и т. п. В Южной Индии микролиты дожили до развитого железного века. В той же части Индии известно

огромное, более 100 акров, поселение железного века Адиччаналлур. В находящемся здесь могильнике при сосудах, содержавших скелеты, были обнаружены зерна риса, изображения буйволов, коз, овец, петухов, тигров, антилоп, слонов, железные мечи, кинжалы, копья, золотые и бронзовые диадемы, чаши и *т. д.* Железо появилось в Индии, по-видимому, как и в Египте, лишь после 1500 г. до н. э.⁴⁴

Недалеко от Дели находится древняя железная колонна, это Кутубская колонна, или колонна Махарсули. На ней имеется санскритская стихотворная надпись, которая говорит о том, что колонна эта поставлена в эпоху царя Чандрагупты II из династии Гуптов, царствовавшего между 381 и 414 г. н. э. Она высится над землей на 7,7 м и весит около 6 т; на ней нет ни одного сварочного шва. Коррозия совершенно ее не коснулась. Как была изготовлена кричным методом такая громадная вещь, до сих пор не ясно. Во всяком случае, как мы уже видели это в современной и недавней африканской и индийской этнографии, сыродутное кустарное производство получения железа очень распространено, и имеются или еще недавно имелись целые племена и группы населения, которые промышляют таким кустарничеством.

В Китае железо появилось в правление династии Чжоу (1027 — 249 г. до н. э.), происходившей из долины реки Вей, где находились богатейшие железные рудники. В одном из стихотворений древней «Книги песен» («Шицзин») говорится о сооружении парома через Вей для перевозки железа. Есть не очень решительные сведения об умении китайцев лить чугуны еще за 2 — 3 века до н. э.

Если мы обратимся к территории Европы, то в Греции и на островах Эгейского моря картина эволюции железа и его распространения сильно напоминает то, что было в Передней Азии или Египте. Средиземноморские народы сначала познакомились с метеоритным железом: уже говорилось, что греческое *Γίγ·Βίβ* — железо близко латинскому *sidera* — светила. В течение II тысячелетия до н. э. *попадают* мелкие железные предметы, главным образом украшения — браслеты и перстни, — в Фесте, Ваффио, Какватосе, Микенах, в ранних слоях Тиринфа⁴⁵. Но все же это были только украшения. Даже таких мелких предметов вооружения, как кинжальчики, встречавшиеся еще в XIV в. до н. э. в Египте, здесь не известно. Но после 1200 г. до н. э., то есть после той же даты падения хеттского царства, и до VIII в. до н. э. *железные* предметы, главным образом оружие, все чаще и чаще попадают в могилах греческих некрополей. Особенно много их в Дипилонском могильнике в Афинах, в могилах на Афинской агоре и в погребениях близ Элевсинского храма. Там найдены железные мечи, копья, топоры, клевцы и ножи. Железные мечи и копья вначале подражают формам бронзовых мечей и копий. Эти могильники принадлежат так называемой геометрической культуре Греции, то есть началу дорического переселения. Следовательно, между началом этой культуры около 1200 г. и ее концом в VIII в. до н. э. *произошло* постепенное освоение железа греками. Традиция говорит, как мы уже знаем, об открытии сыродутной варки железа на горе Иде в 1432 г. до н. э. (Паросская хроника) мифическими дактилями. Гомеровский эпос упоминает в «Илиаде» дважды железное оружие и много раз бронзовое. При похоронах Патрокла в числе наград за состязания у костра покойного друга Ахиллес

предложил железный диск, по-видимому, большую крицу, которой земледельцу должно хватить на 5 лет. В «Одиссее» железо упоминается чаще, более всего как материал для орудий. Таким образом, в Греции на первых порах, как и в Ассирии, железо более шло на орудия. В эту же эпоху (Гесиод) сложилось и представление о железном веке. К этому можно еще прибавить знаменитое место из поэмы Лукреция «О природе вещей» (I в. до н. э.), где говорится, что сначала материалом для орудий и оружия служил камень, затем медь и позже железо. Лукреций исходил в данном случае из конкретных представлений, которые унаследовали римляне от греков, в историческое время переживших переход от бронзы к железу.

Древним оружием людей были руки, ногти и зубы, Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья, Пламя затем и огонь, как только узнали их люди. Сила железа потом и меди были открыты, Но применение меди скорей, чем железа, узнали: Легче ее обработка, а также количество больше. Медью и почву земли бороздили, и медью волнение Войн поднимали, и медь наносила глубокие раны, Ею и скот и поля отнимали: легко человекам Вооруженным в бою безоружное все уступало. Мало-помалу затем одолели мечи из железа, Вид же из меди серпа становился предметом насмешек, Стали железом потом и земли обрабатывать почву И одинаковым все оружием в битвах сражаться⁴⁶.

Уже упомянутая легенда об изобретении варки железа на горе Иде около Трои связывает и у греков усвоение важнейших секретов кричной добычи железа с Малой Азией, а в конечном счете с хеттами.

Что касается Италии, Испании и Франции, то железо в них стало известно на рубеже II и I тысячелетий до н. э. в украшениях и других мелких предметах. С IX в. до н. э. в Средней Европе, отчасти в Испании, Франции и Дунайском бассейне распространяется гальштатская культура. В течение менее чем 200 лет в южной части ее распространения к 700 г. до н. э., а за Альпами на протяжении VII в. до н. э. железо вытесняет бронзу почти совершенно. Гальштатская эпоха является эпохой становления раннего железного века. Вполне железным веком Западной и Центральной Европы можно считать латенскую эпоху.

С началом греческой колонизации и особенно античной истории, с VII в. до н. э. и позднее, все большее и большее количество греко-римских орудий применялось вместо первичных местных форм. А с римским завоеванием стали исчезать повсеместно и формы латенской кельтской культуры всюду, где римляне становились твердой ногой.

На перечисленных территориях ход процесса почти везде по существу одинаков. Всюду сначала происходит поверхностное знакомство с железом в его метеоритной форме. В течение II тысячелетия до н. э. или украшения, или мелкие орудия очень редко появляются во всех этих странах наряду с решительным господством бронзовых орудий и оружия. Только с конца II тысячелетия до н. э. начинается заметное применение железного оружия в Сирии, Египте, Месопотамии и Греции. В остальных местах тогдашнего мира железо на некоторое время запаздывает. По появлению украшений и

мелких орудий из рудного железа в разных местах и разных типов представляется вероятным считать, что в разных же местах процесс изобретения варки иковки железа был самостоятельным. Иначе мы едва ли могли бы на таком огромном пространстве в течение всего бронзового века сталкиваться с отдельными мелкими железными предметами. Самостоятельное развитие сказывается, в частности, в том, что ознакомление с железом всегда начиналось с метеоритного. Это вполне вероятно еще и потому, что варка и использование рудного железа повсеместно совпадают в Европе, Азии и Северной Африке с полным расцветом выплавки меди, с чем, по-видимому, связаны первые случаи регенерации попутного железа. Мнения этнографов и некоторых археологов о тропической Африке не вполне одинаковы. Повсеместное развитие рудно-кузнечного мастерства кое-где, может быть, прямо вслед за неолитической эпохой, многосложность связанных с этим делом обычаев и религиозно-магических представлений, некоторые данные языкознания позволяют предполагать для таких обширных территорий самостоятельное возникновение примитивной черной металлургии. Ниже мы проследим рассеянное по огромной территории в недрах бронзового века умение обращаться с железом в СССР. Это говорит за местное начало первых шагов обработки рудного железа в нашем Отечестве. Однако для Передней Азии, Закавказья, Сирии, Египта и Греции, по приведенным выше историческим и археологическим соображениям, вполне законно предположить, что в XIII — XII вв. до н. э. секрет науглероживания больших криц путем многократного нагревания и горячей поковки был вырван у халибов и хеттов Малой Азии; и это дало сильный толчок к всеобщему применению там железа. Крайние взгляды о едином центре зарождения первобытной черной индустрии едва ли имеют основание. В частности, исключительная точка зрения Гордона Чайлда при всей прогрессивности научных представлений этого крупнейшего из английских археологов едва ли приемлема.

РАЗДЕЛ I

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Античные средиземноморские народы создали очень высокую цивилизацию, оставившую глубокие следы в культурах одновременных народов и в западной и в восточной частях континента.

Иное дело культуры племен Западной и Центральной Европы. Ее население, по крайней мере, на первых порах перехода от бронзового века к железному и в первое время железного века жило в условиях первобытнообщинных, сменявших друг друга союзов племен, находившихся на уровне военной демократии. На этой ступени общественного развития прежние органы управления родо-племенных образований все более и более отрывались от своей социальной почвы. Рост межплеменного обмена, а вместе с ним и превратившиеся в добычливый промысел военные столкновения приводили к усилению имущественного неравенства и выделению аристократии. Отсюда недалеко до эксплуатации своих общинников и внедрения рабства. Это состояние, насколько можно судить по данным материальной культуры, совпадает с гальштатской эпохой.

В эпоху латена, когда появляются греко-римские письменные свидетельства и еще больше развиваются обменные и торговые отношения, отражающиеся в археологическом материале, некоторые из кельтских союзов племен, несомненно, превратились в первичные рабовладельческие государства. Более отсталыми на этом пути были племена лужицкой культуры.

Ту же, в общем, картину общественного и политического развития представляют скифские и сарматские племена. У них кочевой тип хозяйства наряду с земледельческим кое-где ускоряет тот же самый процесс, так что степные скифы и некоторые из племен меотов и сарматов достигают стадии примитивных рабовладельческих деспотий. Иногда прямо, иногда косвенно удается проследить и некоторое воздействие западноевропейских археологических культур на материальный быт племен, живших на нынешней территории СССР. Гальштатские культурные формы довольно сильно отражаются на культуре племен пред-скифского и собственно скифского времени на Днестре, на Днепровском правобережье и порой достигают Северного Кавказа.

Латенская культура в собственном смысле слова на территории СССР известна только в Закарпатской Украине. В течение скифского времени и в начале сарматской эпохи встречаются лишь отдельные предметы вооружения и очень немногие другие латенские вещи в единичных находках и археологических комплексах. В конце III или начале II в. до н. э. *рост* латенского влияния выражается в массовом появлении фибул типов второго и третьего этапов латенской культуры. Из латенских фибул вырабатываются местные образцы: прежде всего особые типы фибул зарубинецкой культуры. В степи от них происходят сарматские типы. Вероятнее всего, из простых фибул среднелатенской схемы выработались фибулы с перевитой ножкой. Эти последние распространялись из Северо-Западного Причерноморья как в Западную Европу, так и в сарматское Задонье и Поволжье. В этих районах они очень укоренились и получили свою оригинальную форму.

Лужицкая культура в предскифское время имела некоторые связи с чернолесской и высоцкой культурами. Ее поздние могильники неглубоко проникли в Белоруссию и Западную Украину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гальштатская эпоха и культура

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ГАЛЬШТАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В конце II тысячелетия до н. э. в долине Верхнего и Среднего Дуная и на восточном побережье Адриатики стали вырабатываться своеобразные формы материальной культуры, получившие свое полное развитие между 750 — 400 гг. до н. э.¹. В течение этого времени они заняли в Западной и Средней Европе обширную территорию, которая распадается на 4 локальные группы².

1. Юго-восточная, или адриатическая, группа занимает всю территорию Югославии от Боснии на юге до Славонии и Хорватии на севере.
2. Центральная, или дунайская, собственно гальштатская территория охватывает северную часть восточных Альп и продолжается на север в Австрии и Чехословакии, а на восток — в Венгрии. В Австрии находится могильник, давший такое имя всей территории распространения сходных культурных форм и целой эпохе.
3. Северо-восточная, или эльбо-одерская, группа занимает только Северную Чехословакию, так как остальная ее территория признается в настоящее время за территорию лужицкой культуры³.
4. Западная, или рейнско-ронская, территория совпадает с ФРГ, захватывает Швейцарию и Францию. В этом последнем районе в VI — V вв. до н. э. из гальштатской культуры развилась латенская, имевшая в V — I вв. до н. э. огромное влияние на все территории Западной и Средней Европы (рис. 6).

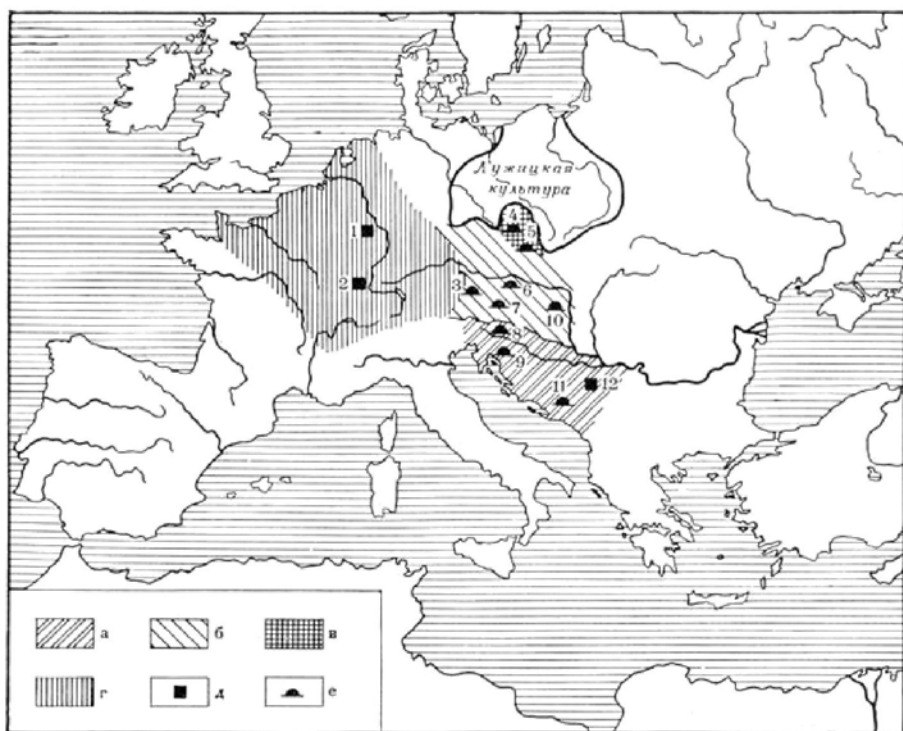

Рис. 6. Карта Гальштатской культуры: а — адриатическая группа, б — дунайская группа, в — эльбо-одерская группа, г — рейнско-ронская группа, д — поселения, е — погребения; 1 — Нейхейзель, 2 — Камп-де-Шато, 3 — Гальштат, 4 — Платеницы, 5 — Бычья Скала, 6 — Гемейнлебарн, 7 — Штретвег, 8 — Санта-Лючия, 9 — Вач, 10 — Эденбург, 11 — Глазинац, 12 — Донья Долина.

Гальштатские формы материальной культуры интересны для нас и потому, что в раннем виде они проникали на территорию Украины, отражаясь в чернолесской культуре, а в конце гальштатской эпохи — в керамике отдельных вариантов культур скифского времени от лесостепного Приднепровья до Северного Кавказа. Впрочем, на территории

Северного Кавказа гальштатское влияние выражено только в немногих и далеко ушедших от первичных форм сосудах.

Гальштатская культура в узком смысле слова занимала только указанные придунайскую и адриатическую территории. Остальные области входили в круг распространения главным образом металлических предметов гальштатского типа, особенно оружия и украшений, которые должны быть рассматриваемы как межплеменные. Для всей Западной и Средней Европы поэтому можно и следует говорить о гальштатской эпохе. Ученые по-разному расценивают ее хронологические рамки. Иные, например, начинают ее еще в эпоху бронзы, то есть в XII — X вв. до н. э.⁴, другие связывают ее только с железным веком и сдвигают ее возникновение на IX — VIII вв. до н. э.⁵ Действительно, эти века дают уже весь основной комплекс гальштатского металла. За время существования гальштата сменяются две основные формы мечей, по которым обычно делят собственно гальштат на две ступени. Первая ступень (750 —

550 гг. до н. э., по Р. Питтиони)⁶ отличается наличием коротких колющих мечей, у которых навершие имеет форму завитков⁷ или чаще усеченного конуса, а перекрестие узким серпом полумесяца, обращенного рогами вниз, охватывает верхнюю часть полосы. Рукоять бывала целиком бронзовая, или деревянная, или костяная. В середине клинок меча расширился и затем снова суживался (рис. 7).

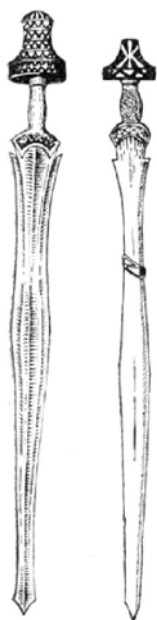
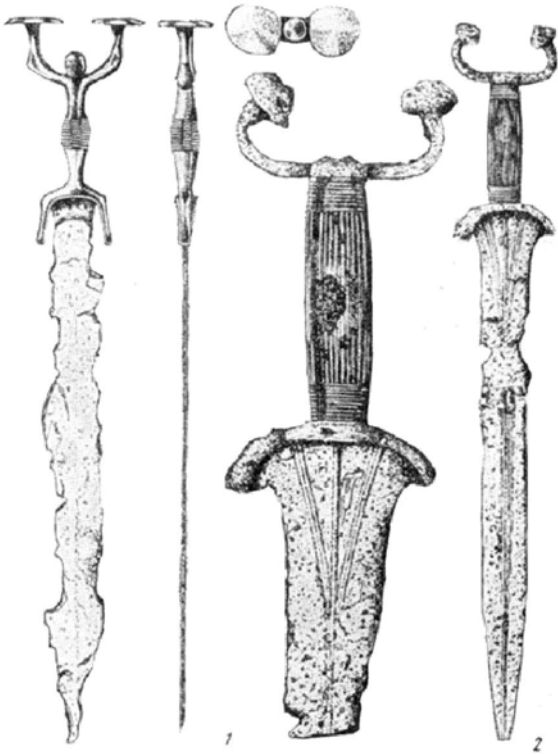

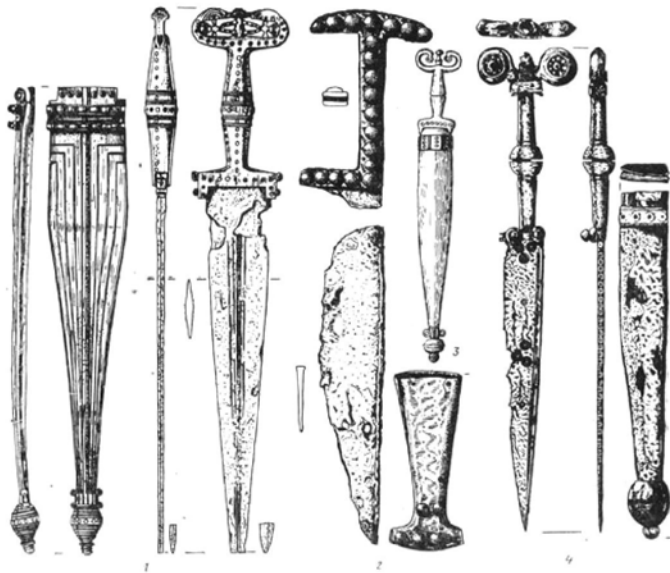
Рис. 7. Ранние мечи Гальштатской культуры

Ножны снизу охватывались обоймой, бывшей много шире самой полосы. Такие мечи изготовлялись из бронзы и железа. Во второй ступени (550 — 400 гг. до н. э.) эти мечи сменяются также короткими колющими мечами или чаще кинжалами, в огромном большинстве случаев железными, у которых цельнометаллическая, иногда бронзовая рукоять имеет навершие в виде рожек или завитков, часто заканчивающихся шишечками. К рубежу VI — V вв. до н. э. эти рожки нередко загибаются к середине и

даже соединяются вместе. Перекрестия — варианты прежней формы. Лезвие сначала с расширением посередине, а затем прямое (рис. 8 и 9).

Рис. 8. Поздние мечи Гальштатской культуры

Рис. 9. Кинжалы с ножнами поздней Гальштатской культуры

Расцвет культуры, связанный с появлением полихромной посуды, относится к 700 — 500 гг. до н. э. С 500 г. начинается переход к пришедшим из Восточной Франции латенским формам культуры, который завершается к 400 г. Гальштатские древности больше известны из могильников, а поселения гораздо меньше изучены. Совершенно очевидно,

что в разных местах обширной территории, на которой распространен гальштатский металл, между могильниками и поселениями встречаются существенные различия.

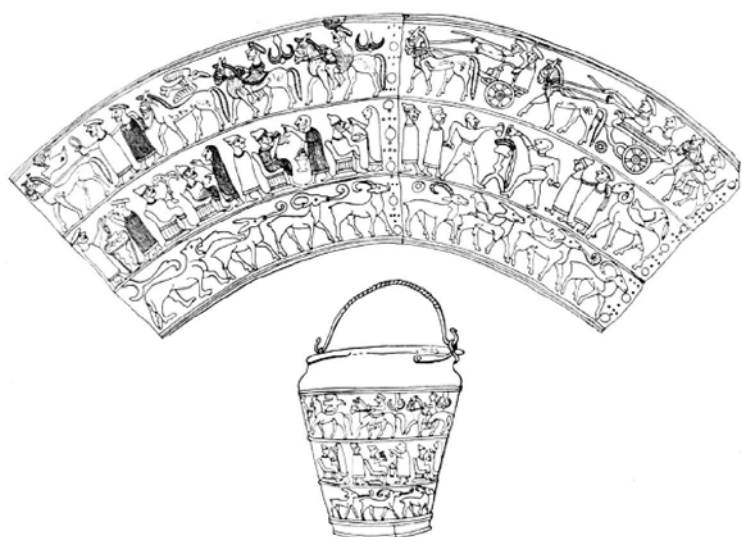
В адриатической группе известно немало городищ, называемых по-славянски «градища», по-итальянски — «castellieri». Они окружены земляными валами, охватывающими занимаемую дворищем площадку до 3 — 5 га. Их культурные слои дают много остатков варки иковки железа. Крицы изготовлялись нередко в виде удлиненных тонких прутьев.

Замечательно свайное поселение Донья Долина в пойме Савы близ Сараева⁸. Его площадь около 25 000 м². Жилища с бревенчатыми стенами состоят из сеней и главного помещения площадью в несколько десятков квадратных метров (среднее — 15X8 м).

В сенях — круглый или квадратный очаг на глине, в жилой части — глинобитная печь. Время этого поселения с 700 г. до н. э. и до конца IV в. до н. э. Найдено много деревянной посуды, мутовки, веретено и целый челн. Около поселения грунтовой могильник, заключающий вытянутые костяки с типичным гальштатским ассортиментом вооружения и украшений.

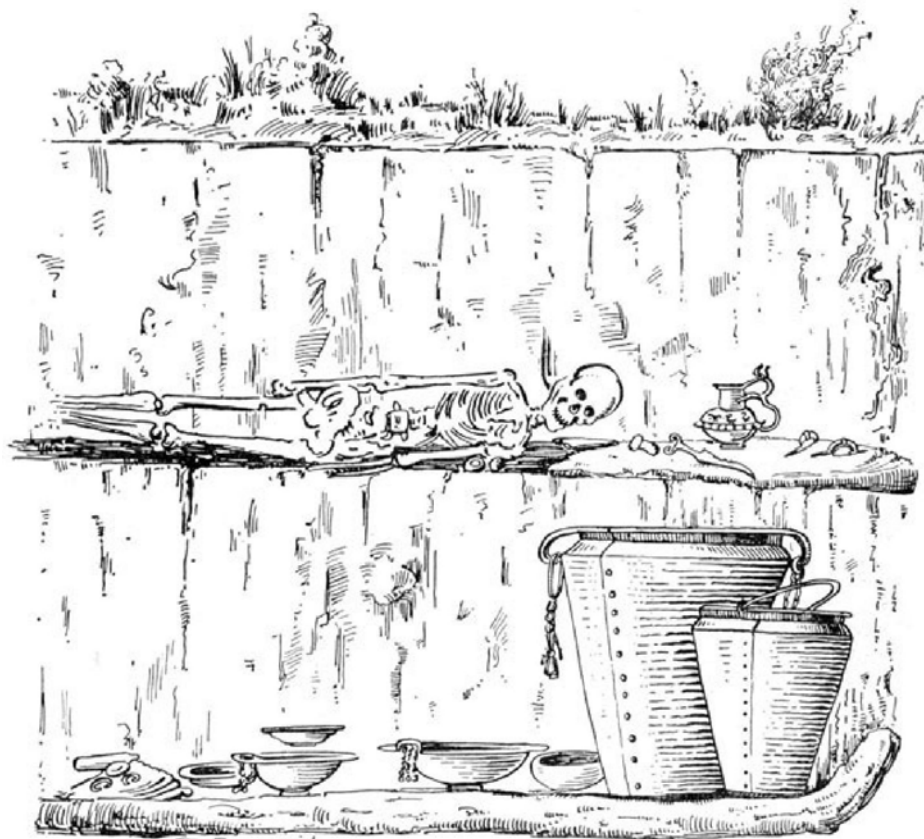
Глазнацкое курганное поле, расположенное недалеко от Сараева, дает сожжения, частью трупоположения. В нем много гальштатского оружия и орудий. Однако немало вещей из Греции и Италии, в частности кнemiды, панцирь, фибулы. Есть погребения коней в наборной сбруе. Есть и сплошь состоящие из трупосожжений могильники, вроде могильника у Санта-Лючия в слиянии Идрии с Изонцо. Этот могильник сходен с Гальштатским по составу инвентарей. Могильники обычно находятся рядом с городищами. В них немало клепанных из бронзы ведер. Ведра, конически сужающиеся книзу, называются «ситулы», а цилиндрические — «цисты». Особенно замечательна ситула из Вачского могильника в Славонии. На ней изображены всадники, торжественные сцены, фигуры идущих коз. Этот сосуд импортный из Италии, он относится к эпохе позднейшего гальштата. В воинском инвентаре нередки шлемы из бронзы в виде полусферы с шишаком или с ребром от лба к затылку и с небольшими полями (рис. 10).

Рис. 10. Ситула из Вача

На территории дунайской группы находится знаменитый Гальштатский могильник, открытый и исследуемый с 1846 г. Он лежит в горной долине Зальцкаммергут у городка Гальштат (Hallstatt). Могильник очень богат. Оставившее его население разбогатело от добывания и продажи соли. Более 300 лет (около 725 — 400 гг. до н. э.) складывался этот могильник, неизменно отличаясь богатством. В могильнике раскопано 993 могилы, из них 525 трупоположений (рис. 11),

Рис. 11. Погребение из Гальштатского могильника

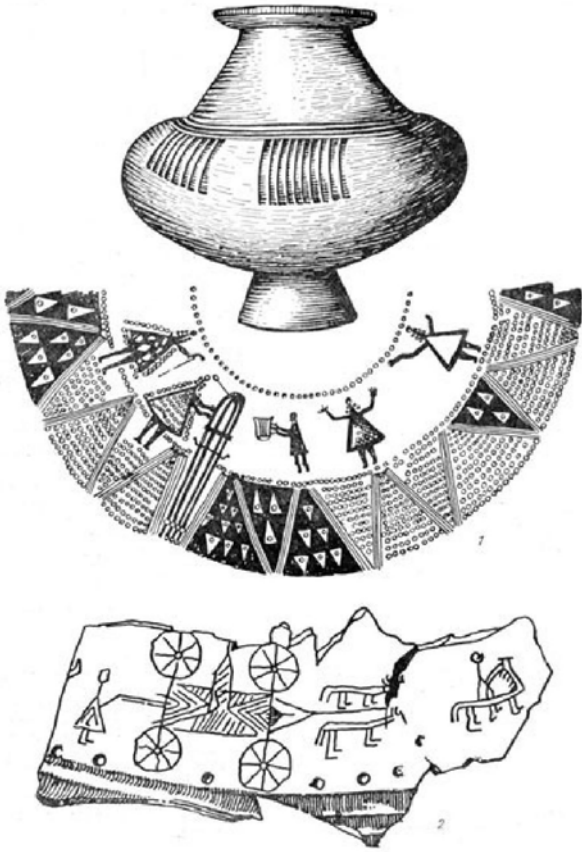
455 полных и 13 частичных сожжений⁹. Небольшие круглые ямы для трупосожжений и большие овальные для трупоположений были обставлены вокруг дна камнями. Те и другие встречаются одновременно, но вначале сожжений больше. В них-то и найдена большая часть ранних мечей. Трупосожжения часто богаче: именно в них находятся ситуты и цисты италийских типов.

Могильник у Гемейнлебарна близ Линца знаменит своими расписными сосудами. Грушевидные и биконические урны и горшки иногда сплошь покрыты богатыми геометрическими узорами в виде перевернутых треугольников, заштрихованных косыми клетками, ромбов и рядов очень сложных меандров, сделанными белой, красной и черной красками. На плечиках одной урны помещены статуэтки всадников и женщин, несущих на головах сосуды. На плечиках другого сосуда-урны ручки выполнены в виде голов быков (рис. 12).

Рис. 12. Урна из могильника у Гемейнлебарна (Австрия)

В курганном могильнике близ Эденбурга (Oedenburg) в Венгрии урны с трупосожжениями украшены резным геометрическим орнаментом, передающим иногда сцены ритуального характера, например урну, влекомую лошадьми на парной четырехколесной повозке. Отсюда происходят и расписные сосуды с изображением музыкантов с арфами, ритуальных плясок женщин, женщин с веретеном и за ткацким станком. Эти рисунки также носят геометризованный характер (рис. 13).

Рис. 13. Урна (1) и фрагмент урны (2) из Эденбурга (Венгрия)

В Австрии, в могильнике у с. Штретвег, была найдена бронзовая колесница с фигурой стоящей нагой богини, окруженной фигурами охотников с топорами и луками и статуэтками оленей (рис. 14).

Рис. 14. Бронзовая ритуальная колесница из могильника у с. Штретвег (Австрия)

В ФРГ и Восточной Франции гальштатская культура изучена главным образом по могильникам. Однако известен ряд городищ довольно обширных — в несколько гектаров, как, например, Камп-де-Шато во Франшконте, имевшее особую цитадель. Валы внутри обожжены и имеют каменную основу. Сохранилось много очагов и

глинобитных полов. Такое поселение едва ли было чем-либо иным, как не родовым поселком или общиной нескольких патриархальных семей.

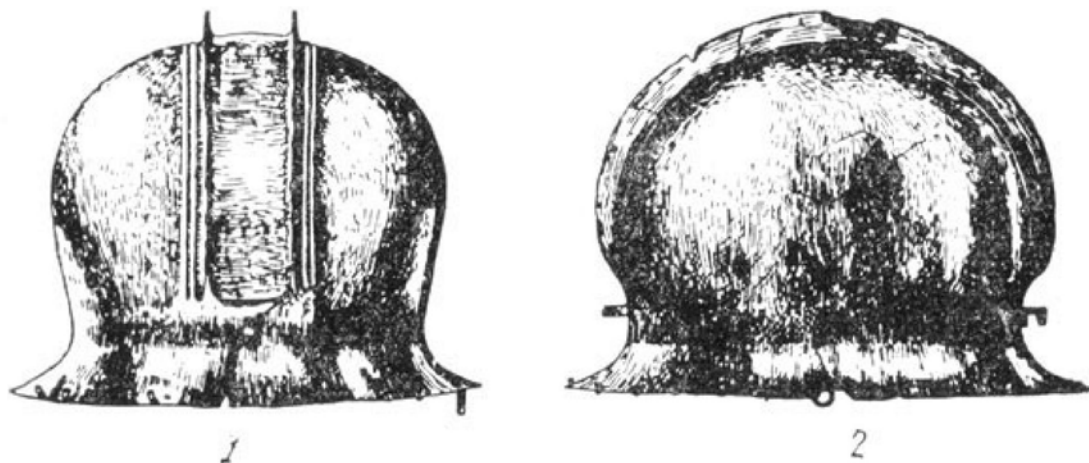
Замечательно городище Нейхейзель близ Кобленца. Здесь площадка защищена земляным валом и рвом. Внутренний двор окружен постройками, состоящими из нескольких жилищ, стойл и амбаров. Они расположены по трем сторонам прямоугольного двора, обращенного выходом на юг. Домики прямоугольные столбовые со стенами из плетня, обмазанными глиной и побеленными. Крыша была крыта соломой.

Могильники Прирейнской области состоят из овальных и круглых курганов, иногда до 5 — 6 м высотой. Трупосожжения здесь чаще, но со временем все более и более их сменяют трупоположения. Греческого импорта больше при богатых трупосожжениях. На юге Франции много курганов, имеющих от подошвы к центру по нескольку каменных концентрических оградок. Всюду оружие и украшения близки к гальштатским. Примечательно, что во французском гальштате в первой ступени совсем нет фибул, очень обычных в других областях распространения гальштатских металлических вещей на всем протяжении изучаемой эпохи.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕДУЩИХ ФОРМ ВЕЩЕЙ ГАЛЬШТАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гальштатская эпоха знаменует собой вступление Западной Европы в железный век. Во многих местах были найдены крицы в форме заостренных на концах брусков, иногда с отверстием. Эта форма распространилась, вероятно, из Передней Азии. На «градищах» Югославии в большом числе встречаются разнообразные кричные прутья, заготовки для мелких изделий. В адриатических областях железо распространилось ранее, чем в Средней Европе. Там, особенно в Каринтии, встречаются руды с содержанием железа до 40%. В Юре и Лотарингии с гальштатского времени встречаются многочисленные остатки глинобитных, цилиндрических или выкопанных в склоне холмов кричных печей. Их форма не отличается от латенских из тех же мест. В одной Юре для обеих эпох известно до 400 печей. В Придунайской области известно более 350 криц. В Моравии в пещере Бычьей Скалы близ Брно были найдены железоплавильня и кузница с типичными крицами и кузнечными клещами. Искусство проковки в горячем виде крупных криц способствовало постепенному увеличению длины мечей и наконечников копий. Последние нередко превышали в длину 1 м, но потом, очевидно, ввиду их громоздкости вышли из употребления.

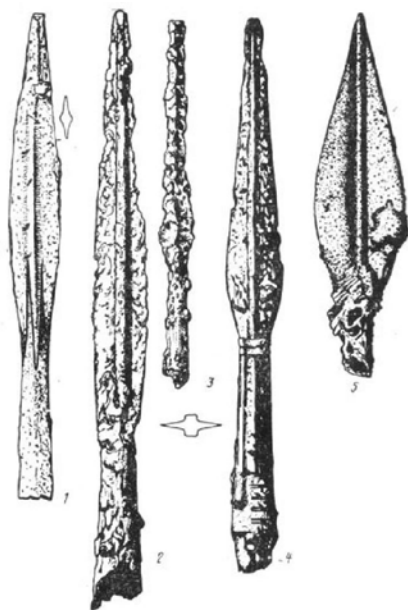
В гальштатскую эпоху вооружение достигло значительного развития. Доспехи, впрочем, представлены : мало. Полусферические бронзовые шлемы с узкими полями или без них украшались по поверхности тульи то шишаком, то полушарными выпуклостями, то гребнем (рис. 15).

Рис. 15. Бронзовый шлем из Гальштатского могильника

Они известны более всего в находках адриатической группы гальштата и единицами в других областях. То же касается сплошных панцирей, известных больше всего в Иллирии. Может быть, и то и другое делалось в остальных областях преимущественно из кожи. Щиты известны по изображениям на ситулах, происходящих из Северной Италии, на ножнах меча из Гальштатского могильника и на колеснице из Штретвега. Они были круглые, овальные, иногда с обрезанными краями. Все это оружие восходит к эпохе североиталийских могильников VII — VI вв. до н. э.

Мечи послужили основой для хронологической классификации. Об их форме уже сказано. Длинные наконечники копий (до 1,10 м длиной) имели узкое перо. Короткие наконечники с ребром посередине или без него лавролистной или простой листовидной формы господствовали в конце гальштата на Дунае (особенно в самом Гальштатском могильнике) (рис. 16),

Рис. 16. Наконечники копий из Гальштатского могильника

в ФРГ и Пиренеях. Во Франции они редки. Цилиндрический подток из железа предохранял низ древка от расщепления при ударах. Во Франции ему придавали форму четырехгранного остря.

Топоры из бронзы заменились постепенно железными. Изредка еще попадаются железные пальштабы с бронзовым обушком, на котором расположены полукруглые сходящиеся попарно крылья. Они служили для закрепления пальштаба на глаголеобразном расщепленном топорище. Бронзовые вытянутые кельты с одним ушком встречаются до VII в. до н. э. включительно. Но с этого же времени они постепенно вытесняются железными втульчатыми кельтами очень больших размеров. У этих топоров отлично сваренная втулка и узкое, слегка расширяющееся на концах лезвие. Такие топоры, конечно, служили и для трудовых целей. Круглопроушные топоры из железа с четырехгранным молоточковидным обушком, несомненно, были боевыми. Они более известны на границе с лужицкой культурой, очень обычны в Скифии, особенно лесостепной, откуда, может быть, они и происходят. Очень своеобразны широколезвийные железные топоры с узкой втулкой из бронзы. Они происходят из Северной Италии и несколько раз изображены в руках воинов на художественно выполненных ситулах, попавших оттуда же в поздние гальштатские могильники. Своеобразные клиновидные железные топоры и тесла с двумя выступами по бокам несколько ниже обушка изобилуют в придунайском гальштате (рис. 17).

Рис. 17. Топоры из Гальштатского могильника: 1 — пальштаб, 2, 3 — кельты, 4 — тесло, 5 — проушной топор

Они есть в воинском инвентаре, но, несомненно, служили и в качестве рабочих топоров, тесел или мотыжек, как это было и в Скифии вплоть до IV в. до н. э. Известны они также

в лужицкой и чернолесской культурах предскифского времени. Они возникли еще в эпоху бронзы и были широко распространены на Кавказе, в Малой Азии, на Балканском полуострове и кое-где в Западной Европе на рубеже II и I тысячелетий до н. э.¹⁰. В придунайском гальштате известно довольно много бронзовых проушных топориков с горизонтальной втулкой. Наверху обушка-втулки часто бывают изображения фигурок всадников или животных (рис. 18). Бронза стала в этом случае материалом ритуальных или начальнических топориков.

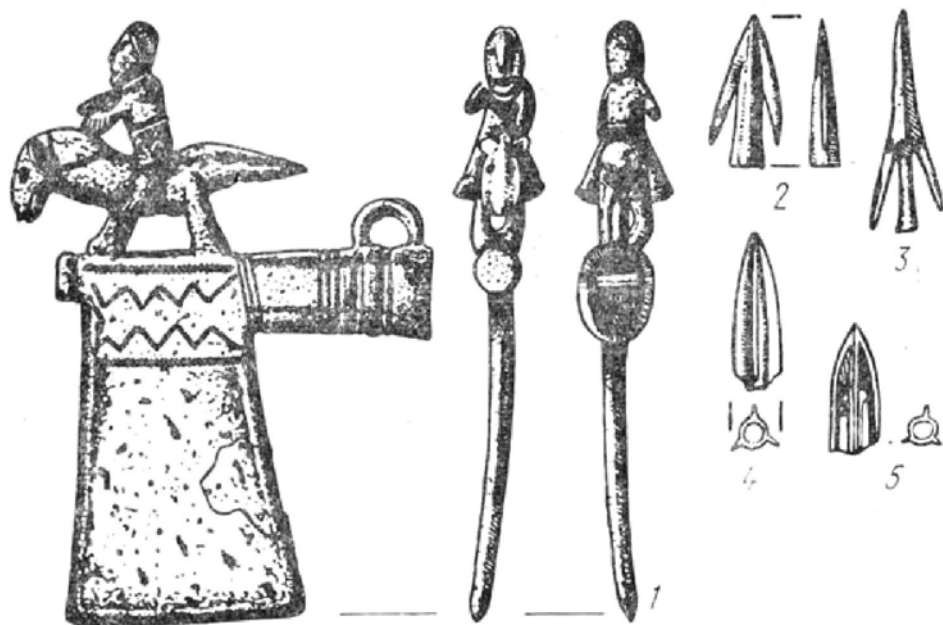

Рис. 18. Ритуальный топорик (1) и наконечники стрел (2—5) из Гальштатского могильника

Лук и стрелы не слишком распространены. Более всего их на Дунае. Втульчатые наконечники стрел имеют либо треугольную головку с двумя шипами внизу, либо лавролистную с ребром по ее середине. Встречаются пирамидальные трехлопастные или трехгранные наконечники ранних скифских типов, которые попадали сюда из Фракии и Скифии в VII — V вв. до н. э. Их число в самом Гальштатском могильнике больше, чем местных. Большинство гальштатских наконечников стрел до самого конца эпохи — бронзовые. У местных типов втулки очень длинные (рис. 18). Нож, универсальное орудие древнего быта, серповидно изогнут, часто имеет слегка приподнятый вверх кончик, черешок узкий. Нож иногда приобретает столь большие размеры, что напоминает более поздние латенские кривые мечи и греческую махайру (рис. 19).

Рис. 19. Железные ножи из Гальштатского могильника

В хозяйстве и воинском деле конь был и тягловым и верховым животным. Удила в раннем гальштате делались из бронзы, позднее — из железа. Первые были литые с перевитыми плечиками или с насечками на них, то есть удила весьма «строгие». Первоначально их неподвижные кольца были невелики, затем они приобрели довольно значительные размеры. Когда в VI — V вв. до н. э. удила почти сплошь становятся железными, кольца их остаются строго центрированными по оси плечика. Это сильно отличает их от скифских железных удил, у которых кольцо всегда находится сбоку, а не против стержня плечика. В кольцах удил нередко круглые, иногда прорезные подвески из бронзы. Типичны для гальштатской эпохи в VIII и частью в VII в. до н. э. псалии в виде прямых стержней, часто с одним загнутым концом. Концы оформлялись в виде шишечек. Псалии имеют три отверстия, снабженные муфточками. Эти отверстия назначались: среднее для привязывания псалиев к удилам, верхнее и нижнее для концов нащечного ремня суголовья (рис. 20).

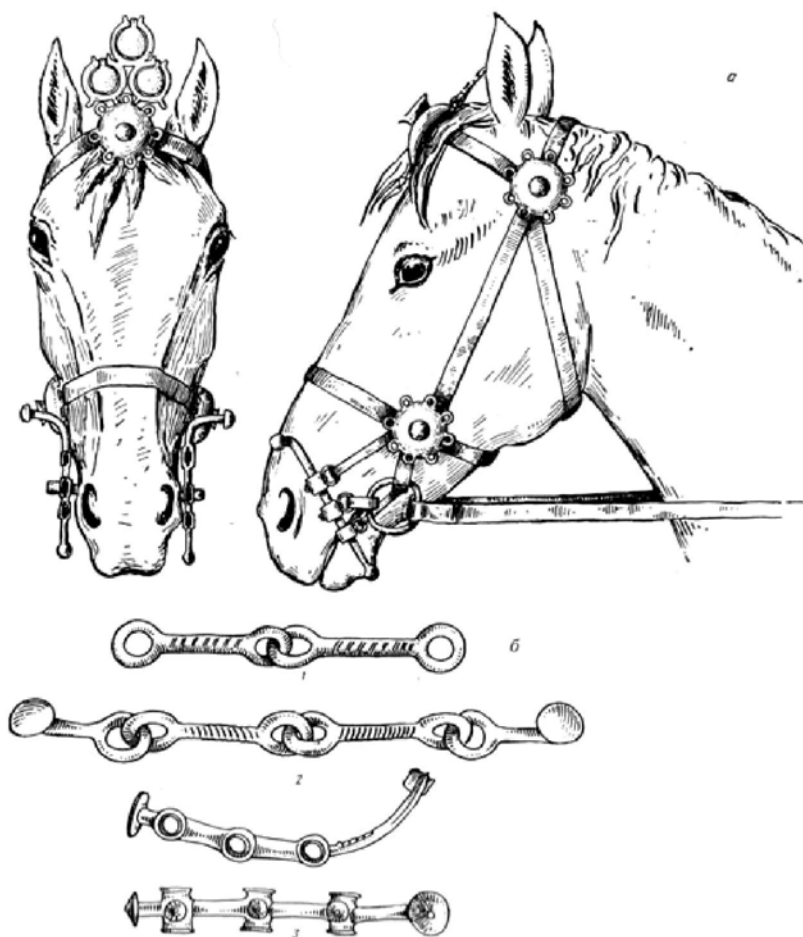

Рис. 20. Конская сбруя Гальштатского времени — реконструкция, б — удила (1, 2) и псалии (3)

Встречаются в позднем гальштате (VI — V вв. до н. э.) такие же или подобные русскому «С» псалии, напущенные сзади кольца на удила или прикрепленные заклепками. Они снабжались для скрепления с ремнем добавочным кольцом на середине стержня. Удила иногда сходны с кобанскими. Но гальштатские удила и псалии лишь единицами

встречаются в VIII и VII вв. до н. э. на Северном Кавказе и на территории Украины. И там и тут безраздельно господствуют свои собственные типы удил и псалиев. Псалии с тремя муфточками у отверстий проникли в Скифию с VIII в. до н. э. и достигли Северного Кавказа.

Повозки о четырех колесах и боевые и беговые колесницы о двух колесах известны хорошо по изображениям на ситулах VI и V вв. до н. э. Бронзовые и железные шины колес в 2,5 — 3 см ширины известны в могилах. Боевые колесницы явно пришли из Италии. В погребениях встречаются то 2, то 4 колеса. Характерны преимущественно колеса с большим числом спиц. Боевые колесницы к середине VII в. до н. э. проникают за Альпы.

И мужской и женский костюмы хорошо известны по изображениям на ситулах и погребальных урнах. Очень разнообразны головные уборы, по большей части, как видно по их форме, фетровые: широкополые шляпы с низкой тульей, береты, низкие остроконечные колпаки и вязаные колпаки с длинным острым, развевающимся концом (рис. 21).

Рис. 21. Ситула из Куффарна

Женщины носили длинные покрывала. Короткие плащи и туники без рукавов известны на ситулах италийского происхождения. Мужчины на этих ситулах без брюк, как и было принято в Италии. К северу, по-видимому, такой костюм был известен, но, может быть, носили его только летом. На ножнах меча из Гальштатского могильника и на урнах из Эденбурга изображены мужчины в рубахах с узкими рукавами и в длинных узких штанах, иногда украшенных вышивками. Обувь — невысокие сапожки. На ситулах женщины изображены в низко спускающихся складчатых платьях, на урнах — в широких по колено колоколом платьях, украшенных геометрическими вышивками. В южных областях гальштатской культуры установилось сочетание из средиземноморского и туземного костюмов. На одной глиняной урне из эденбургских курганов изображено прядение при помощи веретена. Тут же на вертикальном станке ткёт женщина. Нити основы натянуты при помощи грузов, подвешенных к ним внизу. Так изготовляли материи (рис. 13 и 22).

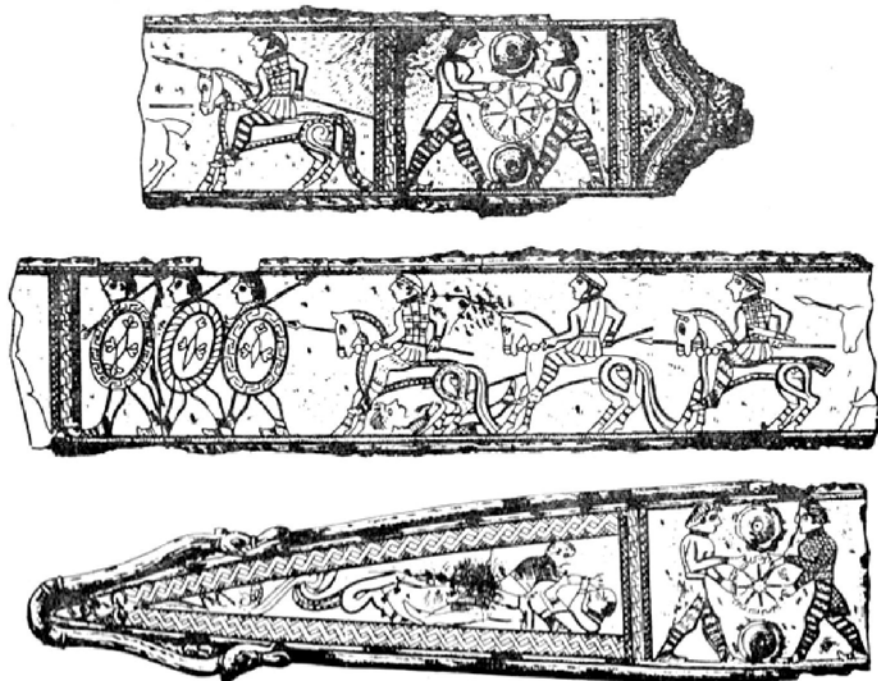

Рис. 22. Ножны меча из Гальштатского могильника (в трех фрагментах)

Судя по многочисленным и разнообразным фибулам, происходящим от форм бронзового века, плащ был обычен вне зависимости от италийского влияния. Однако в раннем гальштате Прирейнской области фибулы не были известны. Фибулы бывали золотыми, бронзовыми и железными. Ладьевидные, дуговидные, очковые и змеевидные фибулы, сильно изменяясь со временем в формах, живут в течение всей гальштатской эпохи. Ладьевидные фибулы нередко получают во втором периоде удлиненный приемник вместо треугольного; змеевидные — вместо одного-двух подъемов волны приобретают на дужке два-три острых угла. У фибул всех видов над пружиной и над приемником нередко по одному или несколько колец из проволоки дужки. Тогда же некоторые из них приобретают билатеральную (двустороннюю симметричную) многовитковую пружину. Именно в это время фибулы проникают в Галлию. В конце гальштатской эпохи с юга, из Северной Италии, вновь пришли формы фибул, хорошо известных по Чертозскому могильнику в Болонье, относящемуся к VI — V вв. до н. э. Это дуговидные или змеевидные фибулы с пластинчатой или округлой в сечении дужкой. Приемник вытянут вперед, иногда на длину фибулы, и часто закончен поднятой вверх шишечкой. Спиральной пружины может не быть вовсе, а над ее местом на проволоку булавки бывает напущена дисковидная металлическая, пуговица (рис. 23 и 24).

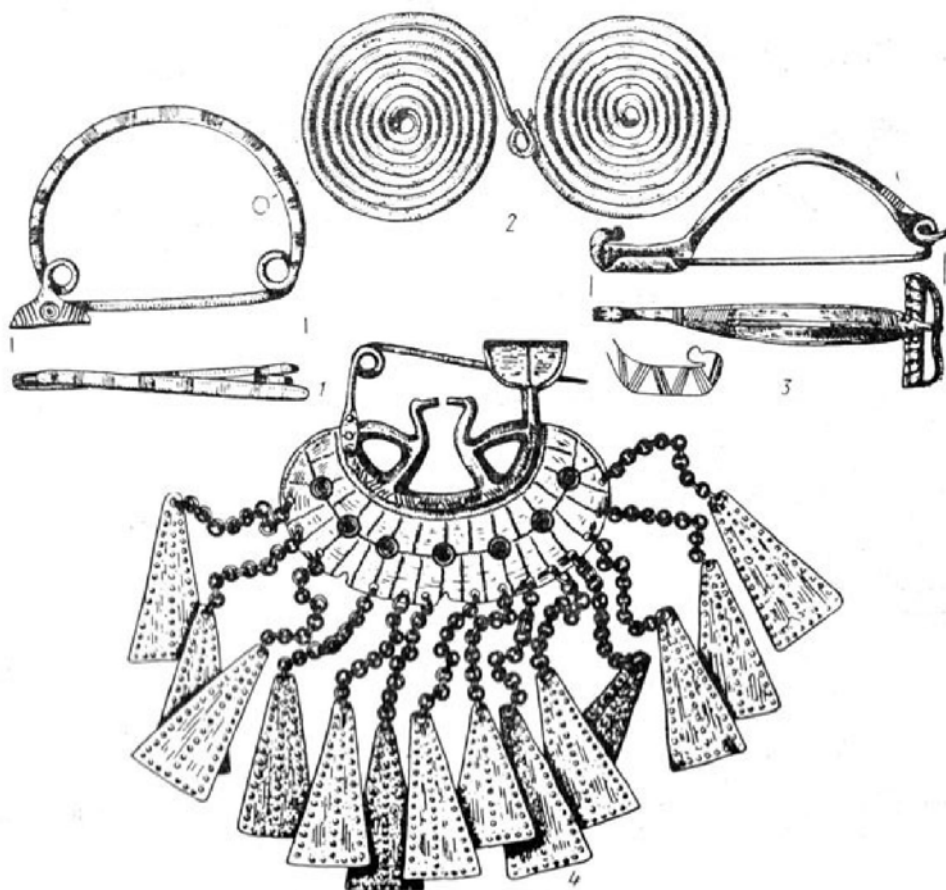

Рис. 23. Фибулы из Гальштатского могильника

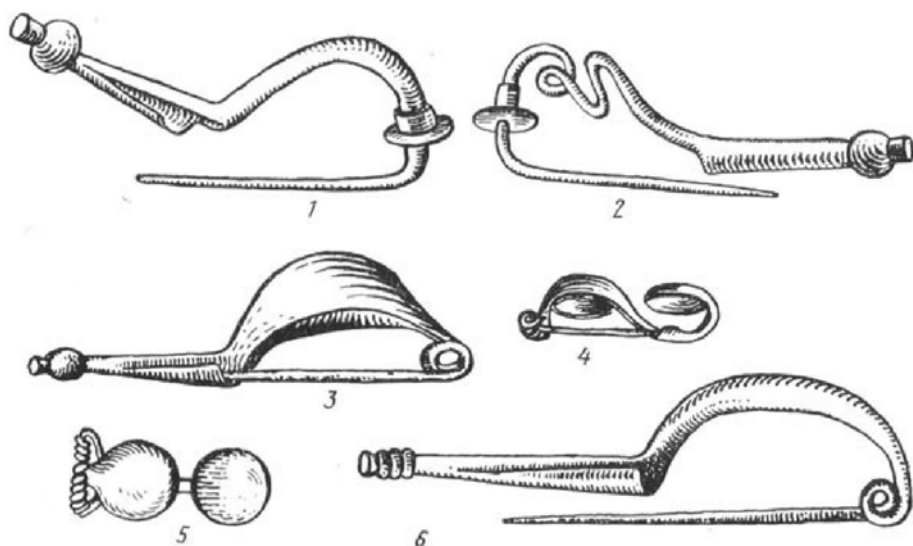

Рис. 24. Фибулы гальштатского времени

На Северном Кавказе очень много дуговидных фибул, сходных с ранними гальштатскими. Однако их совсем нет на территории УССР. Такие дуговидные фибулы развились в начале I тысячелетия до н. э. в Греции и Малой Азии, а оттуда пришли в Европу и на Кавказ. К гальштатским фибулам на цепочках привешивались подвески, чаще

всего в виде высоких трапеций, покрытых рядами выпуклого пунктира и таких же кружков. Обычай привешивать к фибулам на цепочках привески есть и в кобанской культуре Кавказа, но там привески совсем иных типов, и этот процесс может быть конвергентным.

Наряду с фибулами в той же роли заколок одежды употреблялись и бронзовые и железные булавки с одной, двумя и даже тремя коническими и круглыми головками. В самом конце эпохи появляются булавки, согнутые наверху в виде шеи лебедя. С той же целью применялись шпильки, украшенные изгибом в верхней части дужки. И те и другие могли, конечно, употребляться и как заколки для волос.

Как специальную деталь костюма следует упомянуть еще прямоугольные пластинчатые бляхи из бронзы — поясные застёжки. Их украшали разными фигурами, например рядом идущих грифонов, пегасов и других мифических животных, фигурами всадников и кулачных бойцов и *т. п.* Сам тип блях и некоторые из мифических мотивов пришли из Италии. Бляхи приклепывались с одного конца к ремню, а на другом несли крючок. Иногда они импортировались и прямо из Италии. Есть пояса, сплошь покрытые квадратными, иногда золотыми бляхами, поле которых занято концентрическими кругами, многоколенными меандрами, шахматными клетками и другими геометрическими орнаментами. Есть, наконец, пояса из тонкой, но широкой полосы бронзы с крючком на одном и с отверстием на другом конце, украшенные в том же геометрическом стиле. Эти пояса почти все относятся к VI — V вв. до н. э. (рис. 25).

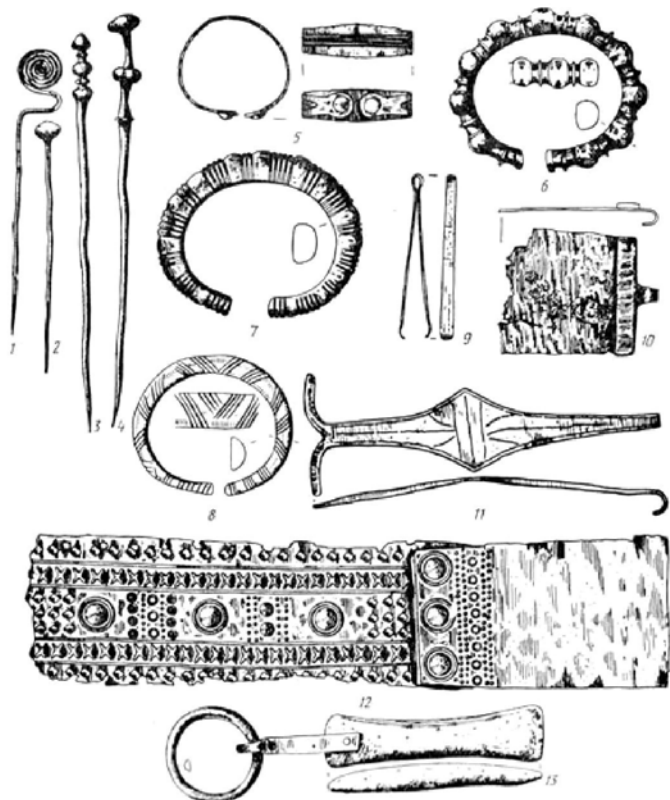

Рис. 25. Предметы туалета из Гальштатского могильника 1, 2, 3, 4 — булавки, 5, 6, 7, 8 — браслеты, 9 — пинцет, 10, 11, 12, 13 —металлические детали пояса

Украшения, как и перечисленные металлические детали костюма, делали из бронзы, золота и железа. Так, в венских коллекциях из Гальштатского могильника 3574 бронзовых, 593 железных и 64 золотых украшения и деталей костюма (по Ж. Дешелетту). Из головных украшений упомянем серьги: они либо в виде тонкой металлической полоски, согнутой в круг, с отверстием и крючком на противоположных концах, либо это опрокинутый полый конус с дужкой наверху, наконец, есть пустые внутри ладьевидные серьги, согнутые в круг, причем противоположные концы лодочки соединены крючком и петелькой.

Шейные украшения не разнообразны. Гривны, круглые в сечении или граненые перевитые, обычно заканчиваются петлей и крючком. Иногда они закончены двумя петлями, стягивающимися шнурком сзади. Бусы появляются в VI в. до н. э. Их сначала очень немного. Это — очевидный предмет ввоза из Греции и Италии. Стекланные бусы бывают цилиндрическими и неправильно кольцевидными, синие с белыми зигзагами и глазками, порой выпуклыми, гладкие желтые и т. п. Янтарные бусы — круглые, биконические и кольцевидные. Они иногда снизывались в свисающие цепочки. Встречаются ветвистые кораллы, нанизывавшиеся в несколько рядов.

Кроме низок бус нередко бронзовые цепочки, к концу которых часто привешивали за дырочку тонкие пластинчатые подвески-трапеции, покрытые выпуклыми кружками и пунктиром. Такие цепочки прикрепляли к гривнам, фибулам и т. п. Подвески указанного типа проникли в лужицкую и чернолесскую культуры. Более того, в недрах зарубинецкой культуры они дожили до славянской эпохи, мало изменяясь в форме и орнаменте.

Обычным украшением были браслеты. Их носили не только на руках, но и на ногах. Как правило, это незамкнутая пластинка или стержень с вертикальными и косыми насечками. Встречаются браслеты, украшенные полушарными кругами или пирамидальными выпуклостями (рис. 25).

Бронзовые и железные бритвы имели одно лезвие при сегментовидных очертаниях. При двух лезвиях они замыкались в круг, иногда прорезной, с боковой ручкой. В конце гальштатской эпохи появились пинцеты для выдергивания волос, ложечки-копоушки, острия для чистки ногтей — все то, что стало достаточно изобильно в следующее, латенское время. Эти туалетные принадлежности пришли из Средиземноморья.

Мы уже упоминали, как быстро шагнула вперед в начале гальштатской эпохи черная металлургия. То же следует сказать и относительно бронзолитейного дела. Наряду с литьем большой размах получило также изготовление предметов, особенно украшений, из тонких бронзовых пластин и проволоки. Пластины прокатывали в раскаленном состоянии под молотом. Искусство получения полос тонкой бронзы привело к очень широкому распространению утвари из склепанных полос и к изготовлению небольших сосудов, выбивавшихся из одного листа, чаш и мисок. Эти предметы изготовляли иногда из золота. Все эти приемы, впрочем, восходят еще к бронзовому веку, где они не имели столь широкого распространения. Бронза никогда не была дешевым металлом. Поэтому вполне естественно, что изготовление тонких и легких предметов утвари и доспехов

продолжало жить и развиваться в ущерб методу литья по восковой модели. Последний способ не исчез, но понемногу отступал на задний план. Бронзовое литье массивных форм проникало к племенам гальштатской культуры с юга, от рабовладельческих народов Средиземноморья. В целом для гальштатской металлургии характерны клепаные изделия, что отличает ее от областей распространения скифо-меотского металла. У скифо-меотских племен клепаные изделия малочисленнее, а со второй половины VII в. до н. э. *получает* очень значительное распространение отливка массивных предметов, вроде огромных котлов.

Гальштатская металлическая утварь была преимущественно бронзовая (рис. 26).

Рис. 26. Бронзовая утварь из Гальштатского могильника

Это — котлы, низкие, с уплощенным или острым дном, без шейки. По бокам у края — ручки-кольца, которые приварены путем отливки в приставной форме, тогда как сам сосуд выбит из листа. Корпус ведер — ситул и цист — делали из согнутого листа бронзы, сведенные края которого образовывали вертикальный, соединенный заклепками шов.

Иногда корпус составлялся из двух-трех горизонтально склепанных полос. Ведра имели крышку, а одна или две подвижные ручки-дужки располагались сверху, как у наших ведер. Корпус имел снизу приклепанное плоское дно. Орнамент чаще всего состоит из нескольких опоясывающих рельефных валиков. Известно около десятка ситул с рельефными изображениями (рис. 10, 21 и 27). На них сцены ритуального, военного и бытового характера расположены в один-три горизонтальных пояса. Здесь представлены сцены пира, едущие верхом и в колесницах воины, женщины, несущие на голове сосуды с водой, пахарь, возвращающийся с поля, и *т. п.* На этих же поясах и на крышках встречаются процессии крылатых зверей. Котлы, ситулы и цисты частью делали на месте. Однако родиной их являются Этрурия и Северная Италия. Многие из них, особенно с богатыми рельефными сценами, несомненно, импортированы оттуда. Встречаются миски с низкой шейкой и с

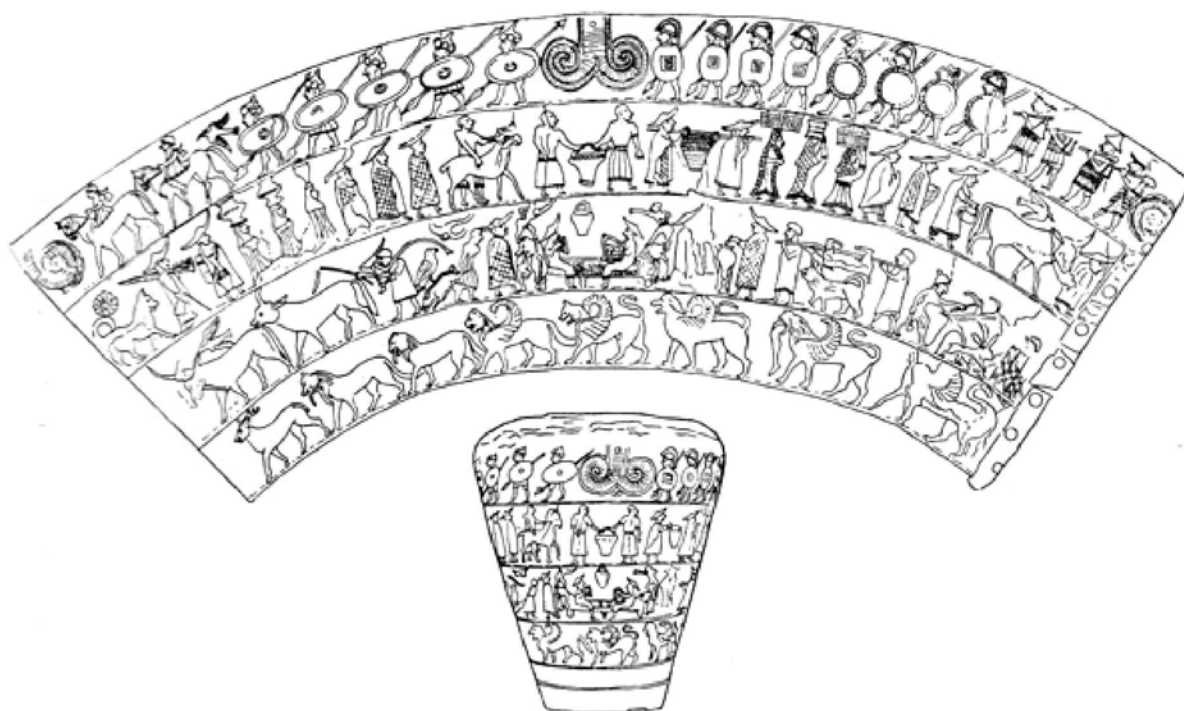

Рис. 27. Ситула из Чертовского могильника у Болоньи

раздутыми боками. Полусферические чаши, круглодонные или с уплощенным дном, известны повсеместно от Швейцарии до Балтийского и Северного морей. Такие чаши или вовсе без ручек, или с петельчатой ручкой, поднимающейся над краем. Они бывают золотыми. Их покрывают по всему телу чеканные опоясывающие круги из выпуклых точек, иногда из полушариков, выпуклых поясков и *т. п.* Известны клады таких чаш, особенно на Балтийском побережье ГДР. Эти сосуды датируются по большей части VII — V вв. до н. э. Глиняные сосуды сделаны без гончарного круга. Наиболее известны урны, служившие для захоронения пепла, а в ежедневном быту для хранения продуктов. Это — грушевидно расширенные книзу или острореберные сосуды, достигающие до 1 м и более высоты. Они отличаются очень узким дном и высокой шейкой, сужающейся к устью. Устье завершается бортиком, иногда очень широким и своеобразно профилированным. Горшки имеют узкое дно. Для одних характерны выпуклые плечи и

шейка раструбом, для других — раздутые бока и цилиндрическая низкая шейка. Миски и чаши похожи по форме на бронзовые. Есть своеобразные плоские тарелки с несколькими выпуклыми концентрическими кругами по дну. Лучшие из сосудов, особенно урны и миски, покрывали черным или бурым лощением. В Австрии, Чехословакии и Баварии многие из этих сосудов богато раскрашены черной, белой и красной красками. Плечики, а то и весь корпус окружены сложным геометрическим орнаментом, состоящим из вписанных друг в друга или шахматно заштрихованных квадратов, чередующихся вверх и вниз вершинами треугольников, многоколенных сложных меандров и *т. п.* Треугольники обычно заштрихованы линиями или косыми клетками. Клейма орнамента крупные. Особенно славится расписной посудой Гемейнлебарнский могильник в Северной Австрии. Плечики сосудов иногда дополнительно украшали статуэтками женщин и всадников. Встречается такой же резной орнамент (рис. 12; 13 и 28).

Рис. 28. Керамика из Гальштатского могильника 1, 2, 3, 4 — миски, 5 — грушевидный сосуд, 6, 7, 8, 9 — горшки

Обычны конические налепы и прямые или косые каннелюры на плечиках сосудов. Мода на клепаную бронзовую утварь лишь ненадолго проникла в Северное Причерноморье.

Зато глиняные сосуды в виде урн, близкие по форме и лощению, появились там еще в чернолесское время и по Суле, Ворскле и Донцу достигли меотских племен Северного Кавказа. Проник туда тем же самым путем и богатый резной геометрический орнамент. Но гальштатские элементы в лесостепной Скифии ограничились несколькими модными формами посуды и то на довольно короткий срок.

ХОЗЯЙСТВО,

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ,

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПЛЕМЕН ГАЛЬШТАТСКОЙ ЭПОХИ

Памятники гальштатской эпохи хорошо показывают развитие сельского хозяйства. Все виды домашнего скота были известны народам Западной и Центральной Европы. Тягловой силой служили и лошади и волы. Волон использовали особенно для пахоты. Соха и плуг одинаково известны в это время¹¹. Они или из одного куска дерева или составлены из двух-трех кусков. Сзади грядиля в узкий ползун-подошву вставлялась ручка, а в грядиле иногда бывал прорез для деревянного резака или какого-то другого приспособления. Железного сошника такой плуг не имел. Сошником служил острый конец ползуна. У других плугов, называемых иногда сохами, вместо ползуна употреблялся деревянный лопатовидный сошник. Оба вида плугов жили с конца бронзового века, они известны по скальным рисункам из Южной Швеции и Приморских Альп, относящихся к эпохе бронзы. Несколько плугов с ползуном и вставной ручкой найдено в Южной Прибалтике, в торфяниках Ютландии. В торфянике у с. Дабергготц в ФРГ найден такой же плуг, у которого в грядиле был прорез, может быть, для деревянного резака. Подобные плуги изображены на чернофигурном аттическом сосуде мастера Никосфена и на бронзовой ситутле из Чертозского могильника. На ситутле пахарь возвращается с поля, гонит перед собой пару волон и несет на плече точно такой же плуг с ползуном и вставной ручкой. Из Деструпа в Ютландии происходит плуг другого типа, имеющий вставной лопатовидный сошник. Плуги с ползуном найдены и в области лесостепной Скифии. Откуда и как распространились в конце бронзового и в начале железного века оба вида пахотных орудий — неясно, но они теперь известны к середине I тысячелетия до н. э. без малого почти на всей территории Европы (рис. 29).

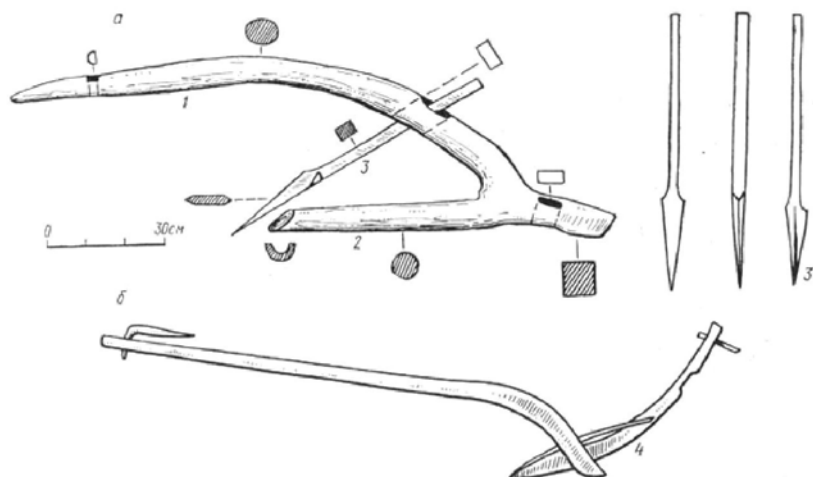

Рис. 29. Плуги Гальштатского времени: а — Даберготц, б — Деструп; 1 — грядиль, 2 — ползун, 3 — резак, 4 — сошник

В Ютландии, Голландии и Великобритании были обнаружены пашни начала железного века. Они пахались крест-накрест под прямым углом. Поля были коротки и широки и окапывались при размежевании. Эти поля не требовали бороны. К середине I тысячелетия до н. э. все виды злаковых зерновых до овса и ржи включительно были известны в Европе. Это зерновое хозяйство на всей территории распространения гальштатской культуры можно считать основным видом сельскохозяйственной деятельности.

Судя по ряду изображений на ситулах и предметах вооружения, военное дело приобрело отчетливо выработанные формы (рис. 27, 22, 10 и 21). Стройно маршируют ряды воинов на чертозской ситуле. На мече из Гальштатского могильника показаны всадники с копьями и пехотинцы со щитами и копьями¹². На вачской ситуле изображены воины, едущие верхом. С развитием войска и военного дела тесно связано и появление своеобразных форм спорта. На ситуле из Куффарна изображено состязание колесниц. На куффарнской и вачской ситулах, а часто и на поясных пряжках встречаются изображения состязания атлетов на приз в виде лежащего тут же на подставке шлема с гребнем. Несколько раз, в частности на упомянутом мече из Галынтата, показана сцена оригинальной борьбы: два воина тянут щит в разные стороны.

Погребения воинов широко представлены в гальштатских могильниках. Они отличаются по богатству сопровождающего их инвентаря. Всякий мужчина — воин, но лишь у немногих покойников стоят ситулы и цисты, лежат кони в наборной сбруе и колеса боевых колесниц. Это — могилы воинов, принадлежащих к племенной аристократии. Одним из самых замечательных погребений можно считать могилу «князя» в пещере Бычьей Скалы в Моравии, раскопанную Г. Ванкелем¹³. В преддверии пещеры находилось трупосожжение богатого воина с набором котлов, ситул и цист. Здесь были найдены два коня в сбруе, железные шины от боевой колесницы, бронзовые фигурные навершия, украшенные цепями и подвесками, может быть, от скипетра, много ладьевидных фибул, бронзовый пояс, золотые серьги и браслет. Князя сопровождали железный топор, кинжал, железные копья, ножи и бронзовые стрелы. Среди вещей имелась бронзовая статуэтка быка. Может быть, с тех пор пещера и сохранила свое название. Около 40 трупоположений убитых слуг сопровождало этого «князя» или богатого «всадника». Подобные захоронения позволяют предположить, что население гальштатской культуры достигло позднейшей стадии в развитии первобытной общины — военной демократии. Сильно развитое военное дело при значительном имущественном неравенстве и выделении военной аристократии указывает на большую вероятность такого предположения. Это тем более возможно, что как раз в эпоху позднего гальштата в Италии и Греции уже вполне сложились первые рабовладельческие полисы.

Обилие италийского и отчасти греческого импорта, оседавшего в руках континентальной родо-племенной аристократии, а также клады золотых чаш и украшений достаточно многочисленны. Они — свидетельство не только развития имущественного неравенства,

но и торговли. Через альпийские перевалы и по рекам Западной и Центральной Европы южный импорт достигал Балтийского побережья. Этот межплеменной обмен и даже настоящая торговля продолжали развитие процесса, начавшегося еще в бронзовом веке Западной Европы, когда необходимость завоза меди и олова впервые вызвала к жизни торговлю разной формы бронзовыми слитками (кельты, двойные топоры, шейные гривны, бычьи шкуры и т. д.), заменявшими деньги. Так еще в течение бронзового века стали определяться торговля, ее пути и товары из цивилизованного Средиземноморья в недра «варварской» Европы и наоборот, а также внутренняя торговля в этих областях¹⁴.

С развитием культур гальштатского облика началось новое — черная металлургия и изменения в бронзолитейной технике. По внутренним европейским путям теперь распространялись новые изделия. Из средиземноморского мира пошли западногреческие и италийские вещи, отчасти дававшие образцы гальштатским мастерам. С ростом числа греческих колоний и стабилизацией их положения на местах, особенно с основанием греками Массалии (латинское Массилия, современный Марсель), границы распространения античного импорта расширились еще более.

Несомненно, контрагентами южных купцов и отчасти купцами становилась аристократия гальштатских племен: недаром предметы импорта сосредоточились в ее руках. Межплеменные войны приобретали поэтому более частый и обширный характер. Процесс общественного, прежде всего имущественного, а затем классового расслоения все ускорялся. Приближалось создание первых государств. Все эти процессы неизмеримо усилились в следующую, латенскую эпоху; у кельтов особенно.

Солярные изображения на некоторых вещах, в частности на золотых чашах, говорят о культе бога Солнца. Нагая богиня среди охотников-воинов и оленей на штретвегской колеснице (рис. 14), может быть, та же самая в представлении гальштатцев, что и крылатая владычица зверей «Артемида» среди львов или других зверей на ручках греческих бронзовых эпохой VI в. до н. э., встреченных в гальштатских могилах. Эту богиню чтили и у скифов, где она известна на ручках зеркал греческой работы. Развитый заупокойный культ с ритуалом заупокойного пира и состязаний над костром, с торжественной погребальной процессией, когда везли урну на повозке, напоминает гомеровское описание захоронений и, следовательно, сходное представление о загробной жизни и о богах смерти. Художественные ситутлы и эденбургские урны передают именно такой ритуал.

Итак, у представителей гальштатской культуры уже существует какой-то антропоморфный пантеон, хотя и очень слабо представленный в археологических памятниках. Это вполне отвечает состоянию религий у народов (таких, как греки Гомера, скифы Геродота и атцеки в эпоху кортесова завоевания) на стадии военной демократии, Гальштатская культура носит явно выраженный межплеменной характер. В Югославии, на Адриатическом побережье, ее носители — индоевропейские иллирийцы, в Восточных Альпах Австрии — неведомые реты и норики, в Венгрии — паннонии, в Румынии и Болгарии — фракийцы, в Чехословакии, Швейцарии, Восточной Франции и ФРГ — кельты и, может быть, первые пришлые германцы. На юге, в Средиземноморье, гальштатские

формы отчасти проникли к иберам, в общем, вполне самостоятельным по культуре. В Италии особенно протоэтруски и их соседи в бассейне реки По сами оказывали очень сильное влияние на адриатическую, придунайскую территории гальштата. До половины VIII в. до н. э. *лигуры*, *умбры* и *венеты* почти не испытывали этрусского влияния и мало знали греческих вещей. Около этого времени в долину По началась культурная, а затем и политическая экспансия этрусков с притоком новых форм материальной культуры и греческого импорта. Наиболее известными в археологии являются могильники в Болонье и ее окрестностях. Этапы их развития носят названия по владельцам земли. В последнее время Г. Мюллер-Карпе, изучив заново болонский материал, делит его на три ступени: Болонья I, II и III¹⁵. Его деление уточняет хронологическую периодизацию болонских могильников, предложенную ранее О. Монтелиусом¹⁶. В этих могильниках много исходных для гальштата форм, в особенности *фибул*, *серповидных ножей*, *бритв*, *ситул*, *цист*, *грушевидных* и *острореберных сосудов*, часто *бронзовых*, прототипов гальштатских *глиняных урн*. Даты ступеней болонских могильников лежат в основе собственно гальштатской хронологии. Первая ступень — *Бенацци I* (по Монтелиусу, 1100 — 950 гг. до н. э.; по Мюллеру-Карпе, IX в. до н. э.) — дает простейшие прототипы *змеевидных фибул*, *втульчатых топоров*, *бритв* и *т. п.* Железа еще почти нет. Во второй ступени — *Бенацци II* (по Монтелиусу, 950 — 750 гг. до н. э. или, по Мюллеру-Карпе, VIII в. до н. э.) — появляются более сложные *фибулы*, *первые ситулы*, *железа больше*, но *оружие*, *бритвы* и *ножи* чаще *бронзовые*. Есть уже прототипы *урн*. Третья ступень носит имя *Арнольди* (по Монтелиусу, 750 — 550 гг. до н. э. или, по Мюллеру-Карпе, VII в. до н. э.). Железные *оружие* и *орудия* здесь окончательно утвердились. *Фибулы* сложнее. Появляется еще больше *ситул* и *урн*. Исчезли *сегментовидные бритвы*. Появляется *этрусский* и *греческий импорт* в малом количестве. Четвертая ступень называется *чертозской* по имени монастыря, на территории которого находится могильник (по Монтелиусу, 550 — 400 гг. до н. э.). На этой ступени выработались *фибулы «чертозского» типа*. Изобилует здесь *всевозможная бронзовая посуда*, в частности *ситулы* и *цисты*. К этой именно ступени относятся те из них, что богато *орнаментированы рельефными сценами*. Встречаются *алабастры*, *амфориски*, *бусы из пестрого стекла* и *чернофигурные* и *краснофигурные сосуды*. Североиталийское влияние проникает и на собственно территорию гальштата. Так сильно влияние Италии на гальштатские племена, особенно в VI — V вв. до н. э.

Менее заметны связи со Скифией. Оттуда проникают *наконечники стрел* и, может быть, некоторые *формы железных топоров*. В обратном направлении попадают некоторые *псалии* и отдельные *формы лощеной керамики*. Иногда зарубежные исследователи, опираясь на некоторые *формы сосудов*, главным образом *урны*, относят также к гальштату *лесостепные скифские культуры*. Но это или недоразумение, или натяжка, так как во всех остальных отношениях сходство почти не прослеживается. Гальштат эпохи *железа* и *ранние культуры скифского типа* — это две одновременные (700 — 400 гг. до н. э.) и самостоятельные области культурного развития в континентальной Европе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Латенская культура

походы КЕЛЬТОВ

И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАТЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ЕЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Латенская культура получила свое название от свайного городища La Tène («Отмель») на Невшатальском озере в Швейцарии. В дальнейшем оказалось, что она распространена очень широко, в основном на территории кельтских племен в Восточной Франции, ФРГ и Чехии. Здесь она развилась из позднейшей гальштатской культуры. Особенно рано и отчетливо новые культурные формы проявились на территории левого и правого берегов Рейна. Широкое расселение кельтов в собственно Галлии и вне ее сопровождалось распространением этой культуры за пределы первоначальной территории. По данным Гекатея и Геродота¹, самым ранним сведениям о кельтах, они известны в верховьях Дуная и в Пиренеях. По-видимому, уже в V в. до н. э. кельты проникли в Испанию и Южную Францию, в первые десятилетия IV в. до н. э. перешли Альпы и заняли долину По, между 358 — 310 гг. до н. э. проникли в Иллирию и на Дунай. В III в. до н. э. кельты неоднократно вторгались во Фракию, Македонию и даже ограбили в 279 г. до н. э. Дельфийский храм. Они нередко служили наемниками. В 70-х годах III в. до н. э. они перешли в Малую Азию, где обосновались около современной Анкары. В 244 г. до н. э. их царство уничтожил пергамский царь Аттал I.

Культура кельтов отчасти распространялась в результате этих походов. В долине Дуная от них многое восприняли фракийцы. Сквозь толщу фракийских и германских племен, а также от карпатских кельтов-тектосагов некоторые формы фибул проникли к скифам, сарматам и даже в лесные дебри Восточной Европы. Вскоре, однако, начался нажим соседей на кельтов. Во II в. до н. э. кельтов мало-помалу стали вытеснять германцы с правого берега Рейна. Под их нажимом в конце II в. до н. э. в Англию, уже давно населенную кельтами, перешла часть белгов. В 5 г. до н. э. кельтская народность бойи покинула под напором короля маркоманнов Марабода территорию Чехословакии и была поселена на германо-галльской границе.

С 283 г. до н. э. римляне начали завоевание Северной Италии, называвшейся в ту пору Цизальпинской Галлией, и закончили его к 191 г. до н. э., а в 118 г. до н. э., перейдя Альпы, завоевали кельтское побережье Средиземного моря, получившее название Транзальпийской, или Нарбоннской, Галлии. Через 70 лет вся Галлия была завоевана Гаем Юлием Цезарем, оставившим нам интересные описания галльских нравов, их городов и отношений с соседями. С конца 50-х годов I в. до н. э. началась сильная романизация кельтов, а с рубежа обеих эр формы старой местной культуры были быстро стерты латинизованной провинциальной культурой.

Кельтские языки начисто исчезли во Франции под влиянием романизации. Потомок народного латинского языка — французский язык — сохранил всего несколько десятков кельтских слов. Кельтский язык Бретани — единственное такое явление на материке, к тому же вторичное. Между тем, хотя Цезарь и указывает на различия в языках между галлами, белгами и аквитанами, все данные языкознания говорят об их принадлежности к единой кельтской ветви индоевропейских языков, близкородственной италийским языкам.

Латенская культура имеет несколько местных вариантов². Основной материковой территорией, где начала развиваться и достигла своих высших форм эта культура, а также откуда она распространилась в первичном виде, были Франция, южные области ФРГ, Чехия, Швейцария, Северная Италия и Северная Испания.

Второй собственно кельтской территорией с IV в. до н. э. можно считать островную территорию обоих больших и всех малых островов Англии, Шотландии и Ирландии. Британские острова долго не поддавались римскому завоеванию. Лишь в 43 г. н. э. при императоре Клавдии была создана провинция Британия. Тогда же был запрещен культ друидов. Границы провинции лишь при Адриане (117 — 138 гг.) и Антонине Пие (138 — 161 гг.) достигли предгорий Шотландии, где были сооружены пограничные валы. Именно это медленное продвижение римлян позволило сохраниться кельтским языкам на территории Ирландии, в Уэльсе и искусственно в шотландской литературе. Хотя эта страна и была кельтской, но ее островное положение привело к некоторой отсталости сравнительно с собственно Галлией.

Третья территория, где получила распространение латенская культура, охватила северные области ФРГ и Данию. Укоренившись среди этнически чуждых германских племен, латенская культура получила здесь ряд отличий от коренной территории и к тому же задержалась более чем на столетие, противостоя римской провинциальной культуре (рис. 30).

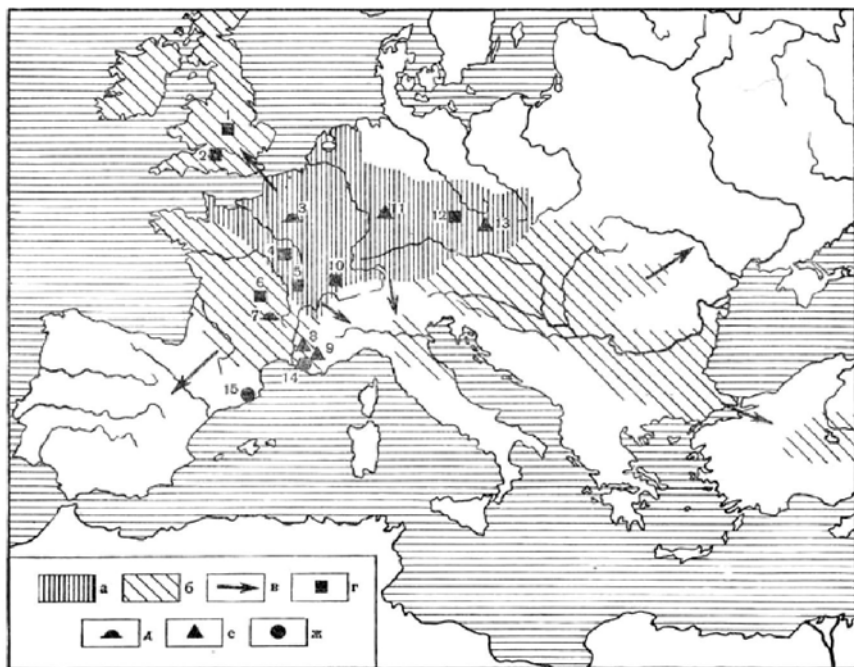

Рис. 30. Карта Латенской культуры (по Б. Якоби): а — первоначальная территория, занятая кельтскими племенами, б — территория распространения латенской культуры, в — направление кельтских походов, г — поселения, д — погребения, е — святилища, ж — греческие колонии; 1 — Хансбери, 2 — Гластонбери, 3 — Сомм-Бионн, 4 — Алезия, 5 — Бибракте, 6 — Аварик, 7 — Селль, 8 — Рокепертус, 9 — Антремон, 10 — Ла-тен, 11 — Кобенер Вальд, 12 — Стратонице, 13 — Либеницы (Колин), 14 — Массалия, 15 — Эмпорий

Полное рассмотрение латенской культуры не входит в нашу задачу. Мы ограничимся ознакомлением с основными чертами ее. Однако некоторые различия между перечисленными территориями будут отмечены.

Если в гальштатскую эпоху еще встречаются бронзовые орудия и оружие, то латенская культура знаменуется полным торжеством железной индустрии. Для коренных территорий культуры выделяют 3 хронологических этапа³. Как и гальштатские хронологические ступени, периоды латенской культуры проще всего различаются по изменениям мечей и фибул. Конечно, есть и другие, но менее бросающиеся различия.

I латенский этап охватывает время с 500 до 300 г. до н. э. Меч еще короток (не более 70 см) и имеет часто острый колющий конец. У него нет металлической рукоятки. На железный черешок набивался костяной или деревянный брусочек-навершие; из тех же материалов делались хват рукоятки и перекрестие. Ножны закреплялись внизу узкой обоймой в виде полумесяца или прорезного сердца. Кинжалы по форме совпадают с мечами, но короче их (рис. 31).

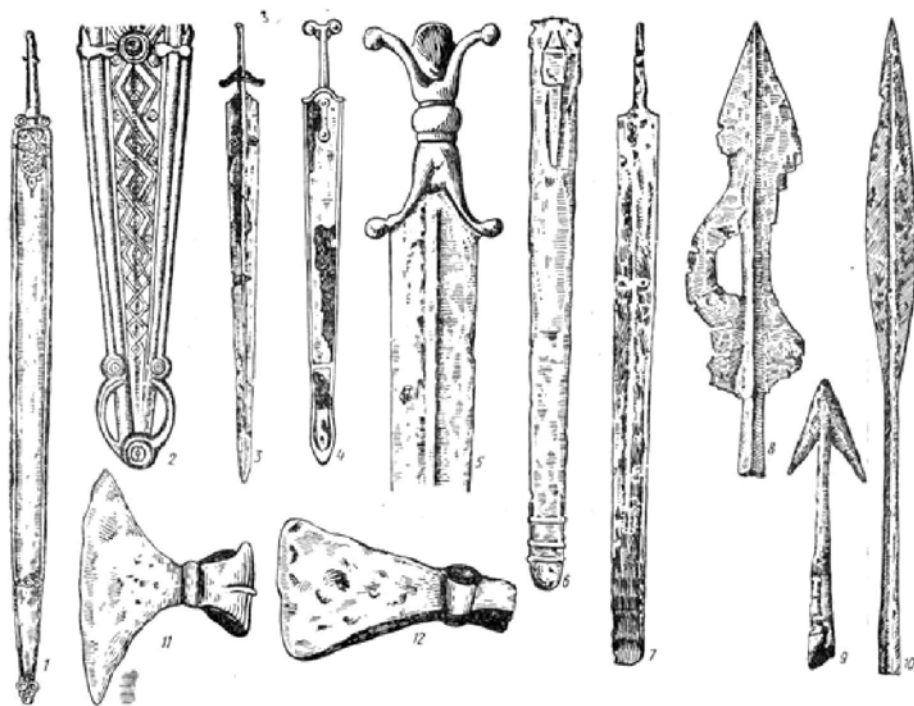

Рис. 31. Оружие Латенской культуры: 1, 2-мечи I латена, 3, 4- мечи II латена, 5, б, 7- мечи III латена 5-с антропоморфной рукоятью, 8, 10- наконечники копий 9 -наконечник стрел.

В это время щиты не имели умбонов. Применялись италийские бронзовые шлемы с шишаком. Фибулы получили на внешнем конце приемника проволоочный хвостик, отогнутый назад в сторону дужки фибулы. Хвостик свободен, еще не прижат к дужке и заканчивается в этом месте шишечкой, плоской пуговкой, бусинкой, красным кораллом, изображением птичьей головы или человеческого лица. Есть, впрочем, фибулы без такого хвостика, а всего лишь с небольшой шишечкой на переднем верхнем углу приемника для иглы (рис. 32).

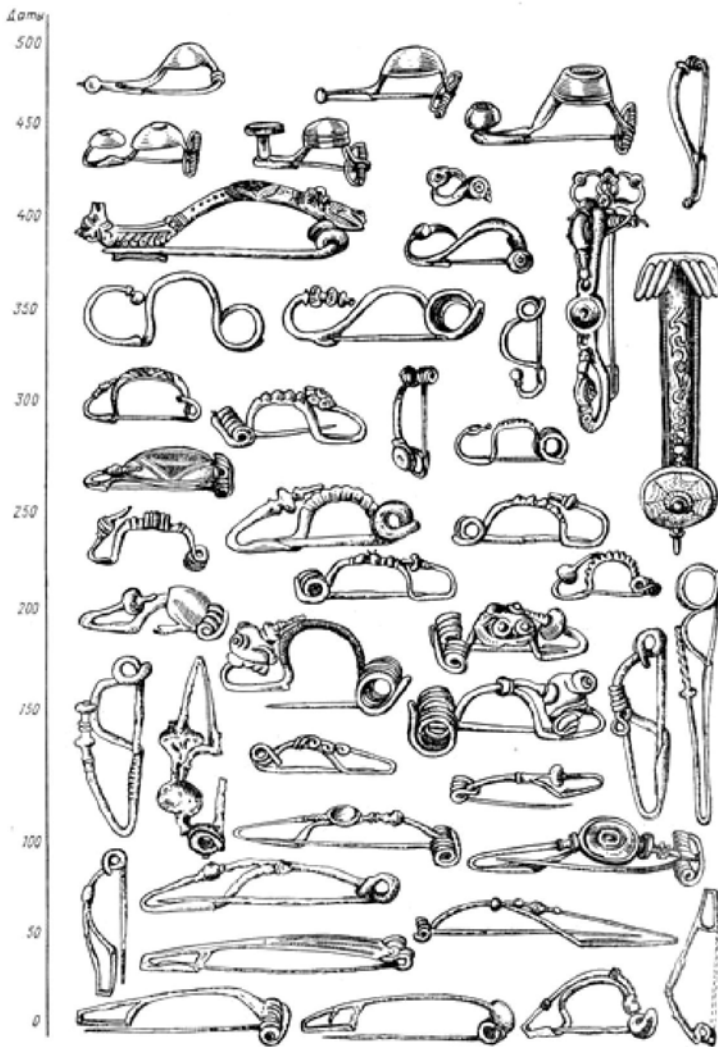

Рис. 32. Фибулы Латенской эпохи в их хронологической эволюции (по Я. Филипу)

Рис. 33. Бронзовая энохоя

Примечательно, что в этот период гривна служила женским украшением. Основание Массалии привело к росту импорта греческих вещей. Бронзовая утварь (кратеры, эпохой, треножники) (рис. 33), краснофигурная посуда, амфоры с вином и маслом заходят в глубь страны, вплоть до прирейнских местностей. Импортировавшийся красный коралл шел на цветные вставки в предметы украшения.

II латенский этап длится с 300 по 100 г. до н. э. *Мечи* в это время удлиняются до 1 м. Обоюдоострая полоса приобретает закругленный конец. Часто у мечей появляется бронзовое напускное перекрестие в форме перевернутого полумесяца. Ножны окованы сплошной обоймой по краю сверху донизу. Появляется прикрепление меча к поясу на двух цепях. Кинжалы коротки, имеют форму меча, но заострены на конце (рис. 31). Появляются также однолезвийные коленчатые мечи. Особенно их много на Дунае. Шлемы отсутствуют. На щите железный полуцилиндрический или яйцевидный умбон. Гривны почти исчезают. Их теперь носят только вожди и богатые воины. Фибулы тоже изменяются: хвостик, идущий от приемника, теперь прижат к дужке, он иногда украшен двумя-тремя ложными бусинками⁴ (рис. 32).

В конце второго этапа, по Я. Филипу, полукруглая дужка фибулы заменяется продолговатой, хвостик прочно сливается с нею, иногда даже охватывает ее. Этот вид фибул живет и в начале III этапа. В эту же пору распространяются оригинальные женские пояса в виде цепей со своеобразным замочком из крючка на одном конце и лодочки-приемника на другом. Есть западный средиземноморский и италийский импорт. Кампанская черная керамика, а в конце этапа краснолаковая начинают влиять на местное гончарное ремесло. В это время появляется гончарный круг. Развиваются на почве подражания греческим местные монеты.

III латенский этап занимает всего только I в. до н. э. *Мечи* становятся особенно длинными, нередко более 1 м, оба лезвия клинка параллельны, конец совсем округлен. На узкий черешок надевается костяная или деревянная трехсоставная рукоять. Металлическое перекрестие исчезает. Короткий кинжал получил своеобразную цельнометаллическую-антропоморфную рукоять с навершием в виде поднятых высоко кверху ручек и перекрестием в виде свисающих с двух сторон ножек человека, очень условно трактованных. Между поднятыми вверх ручками помещена человеческая головка со схематически оформленным лицом (рис. 31). У щитов обычно полусферические или полуяйцевидные железные умбоны (рис. 34).

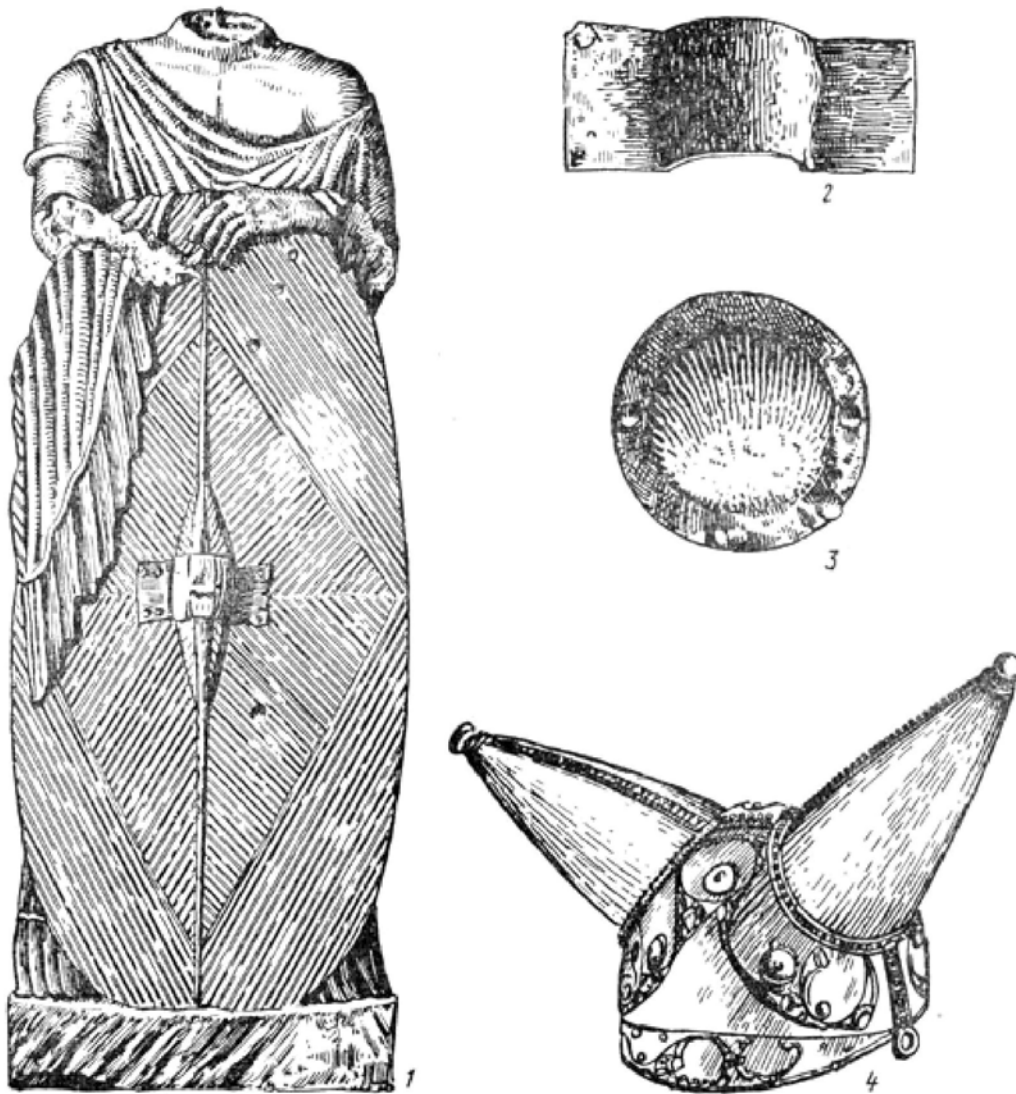

Рис. 34. Защитное оружие Латенской культуры 1- статуя воина со щитом 2.3- умбоны щитов 4- шлем

Вновь появляются шлемы. Фибулы или сохраняют последнюю схему предыдущего периода, или теряют хвостик. Вместо него появляются прорезные приемники. Прорезь либо в виде треугольника, либо в форме нескольких фигурных отверстий. Такой приемник — результат замены хвостика непосредственным прямым слиянием ножки фибулы с верхней линией приемника (рис. 32). Гривна становится теперь общим мужским воинским знаком. По неизвестной причине прекратился импорт кораллов. Началось местное изготовление алой эмали. Все более растет итальянский импорт. Все шире распространяются местные монеты. В соответствии со свидетельством Юлия Цезаря о том, что в делах и письмах галлы пользуются греческими буквами, найдено граффито на кельтском языке с греческим алфавитом. Встречаются латинским шрифтом выполненные граффиты и такие же легенды на местных монетах. В гончарном ремесле стал безраздельно господствовать заимствованный у культурных народов Средиземноморья гончарный круг. Развилось изготовление кроваво-красной эмали, сменяющейся к началу нашей эры полихромией.

ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ ЛАТЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Латенская культура более известна по могильникам, чем по поселениям. Наименее изучены городища первого этапа латена. Армориканское поселение занимало холм площадью до 25 га. Оно было окружено земляным валом. На цоколе из диких камней сооружались плетневые, обмазанные глиной стены небольших жилищ прямоугольной формы в 5 — 6 м длиной. Воинственный быт сказался в находке нескольких мечей, кинжалов и копий. На городищах близ Реймса были открыты округлые жилища — землянки диаметром около 2,5 м и глубиной от 1 до 2 м с каменным очагом в середине. Стены их плетневые с глиняной обмазкой, крыши соломенные.

В течение второго латена окончательно выработались своеобразные укрепления галлов, отлично описанные Цезарем. Он пишет по поводу укреплений города Аварика (ныне Bourges) : «Все галльские стены обыкновенно бывают такого устройства. На землю кладутся во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в два фута; они связываются внутри (поперечными балками) и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них кладут сверху другой ряд, с соблюдением такого же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходятся одно на другое, но каждое из них в пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так, рядами выводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежащей высоты. Это сооружение имеет в общем довольно приятный и разнообразный вид вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но, кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана деревянная кладка, которую нельзя ни пробить, ни вытащить, ибо она состоит из цельных бревен — обыкновенно в сорок футов длиной — и внутри надлежащим образом связана»⁵.

Слова покорителя галлов с полной точностью подкреплены археологическими данными⁶. Изучено более 10 случаев таких крепостных стен (рис. 35).

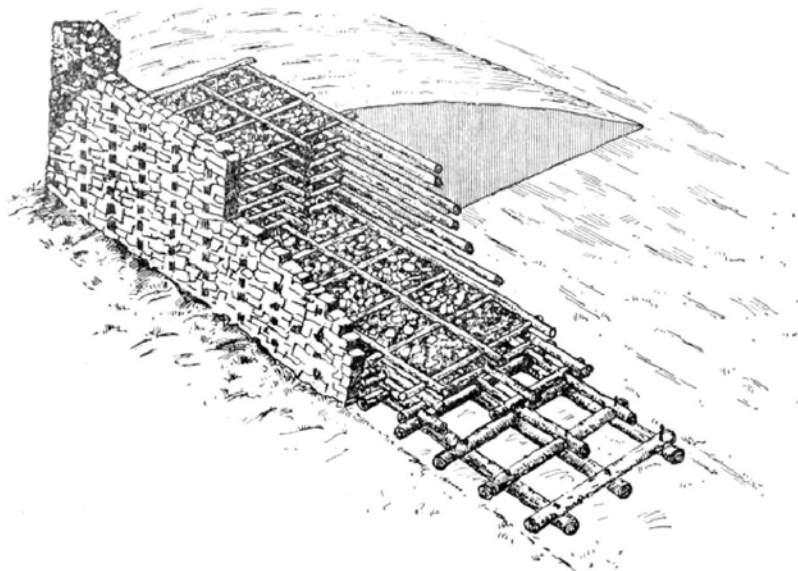

Рис. 35. Конструкция Кельтской крепостной стены (по Ж. Дешелетту)

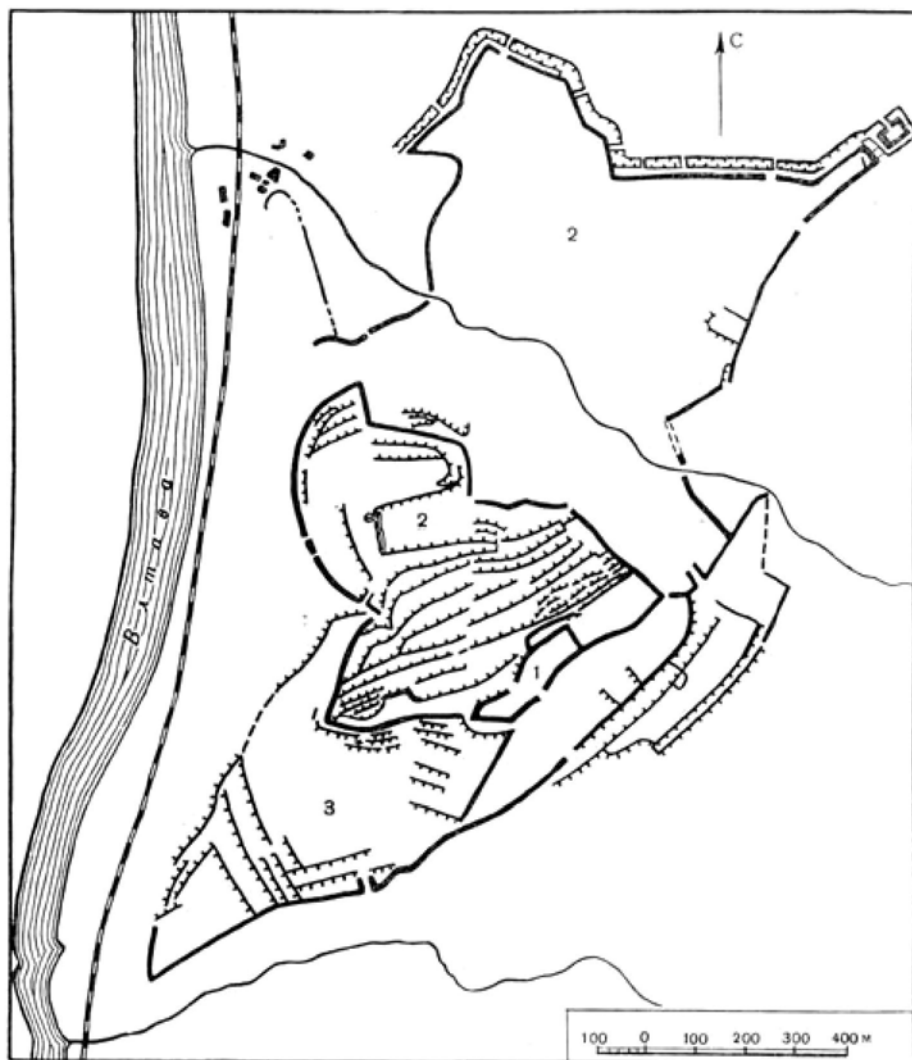

Рис. 36. План Кельтского oppiduma градиште у г. Збраслава в Чехословакии 1 акрополь, 2 городище, 3 подградье

Города занимали то мысы между реками или оврагами, то водораздельные холмы. В первом случае стена отделяла мыс, идя от обрыва к обрыву; во втором — опоясывала внутреннюю площадку со всех сторон (рис. 36). Так, oppidum Murcens в Арморике занимало площадь 150 га на мысу, отгороженном такой стеной протяженностью в 2000 м, имевшей основание в 5— 10 м шириной. В этой стене продольные бревна через каждые 2,7 м соединялись поперечными брусьями при помощи больших гвоздей. Бревна чередовались с рядами насухо сложенного камня. Легкие плетневые домики были круглыми в плане. Иногда камни скреплялись железными или деревянными скрепами, как, например, на городище Альткениг в Нассау. Столица эдуев Бибракте занимала вершину холма Бевре на водоразделе Сены и Луары. Площадь города 135 га. Стены Бибракте были того же устройства, что и в Аварике, и со всех сторон опоясывали холм. Небольшие дома-полуземлянки прямоугольны. Их стены сложены из дерева или камня на глине, углы и косяки — из тщательно тесаного камня. Пол из глиняной обмазки порой вымощен щебнем. Обычно в доме одна или две-три комнаты. Крыша по большей части соломенная. Есть, однако, и черепичные кровли. В центре города имелся квартал с

постройками римского типа. Один из домов римского плана занимал 1150 м², состоял из 30 комнат вокруг атрия и отапливался гипокаустом. В доме имелась небольшая баня из трех отделений. Этот квартал, конечно, занимала аристократия эдзев, склонная подражать римлянам в быту. На окраине города в небольших хижинах ютились литейщики, кузнецы и эмальеры. Город носил торгово-ремесленный характер. Находки состояли из предметов местной индустрии и из импорта, особенно италийского. В один только сезон раскопок 1899 г. было найдено 1579 монет, из которых 1006 галльских, 27 марсельских, 114 римских и 2 мавританские. Именно здесь найдено несколько кельтских граффити, выполненных греческим алфавитом.

Знаменитая Алезия в стране мандубиев, где пала в 52 г. до н. э. *свобода* Галлии, имела стену частью из камня насухо, частью из камня и дерева, как в Бибракте и Аварике. Жилища доримской эпохи — все те же прямоугольные и круглые углубленные хижины из камня насухо или из плетня с глиняной обмазкой. Вокруг города был открыт двойной ров, которым Цезарь блокировал Алезию. Там были найдены щиты и в них римские монеты, как было принято носить деньги у легионеров. Самые поздние из них 54 г. до н. э.

Большие города, ремесленные, торговые и административные центры галльских племенных объединений, конечно, не были единственным типом поселений. Так, по данным Цезаря, у гелветов, то есть на территории теперешней Швейцарии, было 12 городов и 400 сельских поселений. Именно на территории гелветов на Невшатальском озере находилось свайное поселение Латен. Оно не очень велико — всего 4000 м². Состав находок здесь поразителен: много мечей, копий, топоров, ножей, ножниц, кос, серпов, удил и *т. п.* Почти нет женских украшений и предметов домашнего обихода. Латен — торговый пост с гарнизоном, лежащий на путях перевозок железных изделий между бассейнами Роны и Рейна. На р. Сене, там, где находилась граница эдзев и секванов, стоял город Кабиллонум (Cabillonum). На его месте также найдено много копий, мечей, всяких железных орудий. Здесь, по-видимому, находился пост, подобный латенскому, где гарнизон охранял границу и торговый склад железного оружия и орудий.

За пределами Галлии, на восток, города типа Бибракте известны вплоть до Чехии, где недалеко от Праги, у местечка Стратониц, находилось на мысу между двух речек «Градиште». Вал ограждал его площадь в 140 га с напольной стороны. Несколько улиц образованы рядами прямоугольных деревянных наземных домов. Найдено много всевозможных железных орудий. На окраинах находились кузнечные и литейные мастерские в ямах-землянках. Вокруг этого городища обнаружено несколько селищ. Само оно возникло и жило в течение I в. до н. э. и было заброшено в связи с завоеванием страны маркоманнами и уходом бойев в римские владения в самой Галлии.

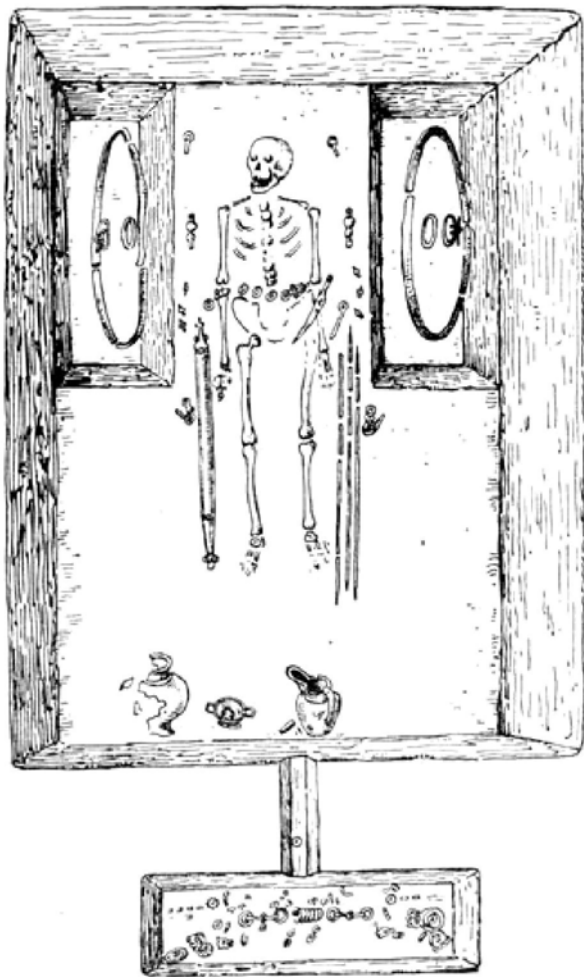
Античные авторы I в. до н. э., особенно Цезарь, говорят об основном обряде погребения у кельтов их эпохи — грандиозном всеожжении. «Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его

рабы и клиенты, если он их действительно любил». Так писал Цезарь об аристократических похоронах⁷. По археологическим данным, в раннем латене преобладали трупоположения. Впрочем, в Пиренеях и в Чехословакии трупосожжения применялись непрерывно с гальштатского времени⁸. К концу второго латенского периода трупосожжения вновь широко распространились в Галлии. Отчасти это было влиянием белгов, шире использовавших кремацию по примеру соседних германцев. Во всей Кельтике преобладали грунтовые могильники, но в Восточной Галлии, у белгов и за Рейном, особенно в первые два периода, продолжали бытовать курганы. В последний период курганы почти совсем исчезают. В это время в департаменте Марны нередко обширные могильники, на территории которых высилось по 2 — 3 пустых кургана, представлявшие своеобразный пережиток. В могилу клали все необходимое покойнику в загробной жизни. Всякая провизия, среди нее и мясо, особенно кабана, сопутствовала погребенному. Мужские могилы содержали оружие (рис. 37).

Рис. 37. Погребение Кельтского воина

На первом и отчасти на втором этапе латена вместе с вождями в могилы ставили их боевые колесницы. Особенно много их обнаружено на Марне, где обитали сувссионы, ремы и белловаки — юго-западные племена белгов, отличавшиеся наибольшей воинственностью среди вообще очень воинственных кельтов. Есть колесницы и в Чехословакии (рис. 38).

Рис. 38. Погребение Кельтского воина на колеснице (Сомм-Бионн на Марне)

В островной Кельтике с началом железного века появились различные укрепленные поселения⁹. Городища на мысах и на холмах площадью от 1 до 2 — 3 га являются достаточно обычными. Примером может служить городище Хансбери (Hunsbury) у Нортгемптона площадью до 1,5 га. Оно окружено земляным валом и довольно широким рвом. На его овальной площадке было открыто до 300 разновременных круглых хижин-землянок диаметром от 2 до 5 м при глубине 1,80 м. Стены обложены камнем насухо. Здесь найдены латенские мечи, фибулы, железные и костяные орудия, ручные мельницы (до 150 штук), куски криц-денег. Городище жило почти в течение всей латенской эпохи.

Сравнительно редкие поселения — островные болотные городища. Таково, например, городище Гластонбери (Glastonbury) в графстве Сомерсет. На окруженном тыном островке довольно неправильных очертаний площадью около 1,5 га сплошь располагалось более 60 наземных хижин круглых, или овальных в плане (рис. 39).

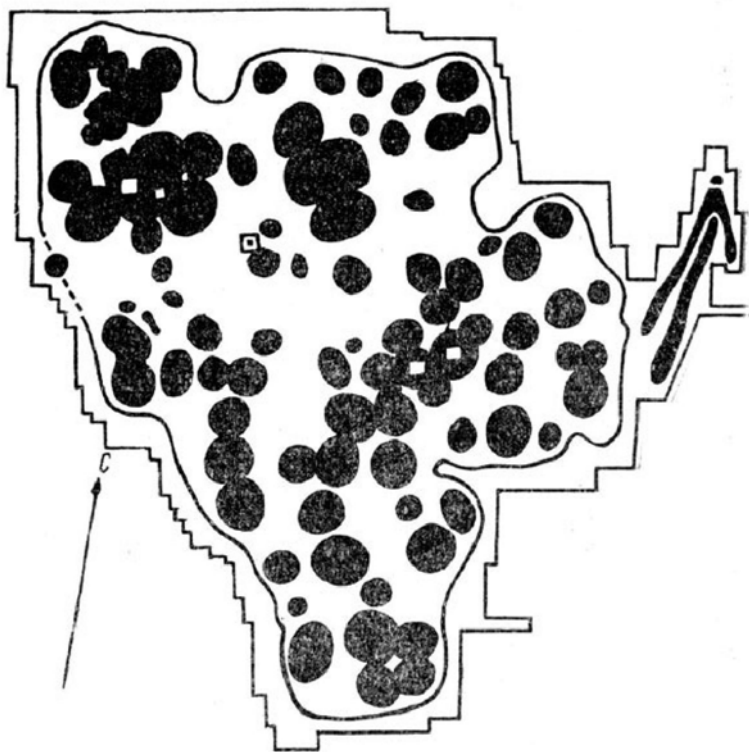

Рис. 39. План поселения Гластонбери (Англия)

Большая часть их имела около 3 — 5 м в диаметре, другие — до 6 — 18 м. Полы были с деревянными настилами. Деревянные стены сложены из вертикальных бревен; крыши домов конические соломенные. К востоку находилась запруда с деревянным волнорезом и причалом для лодок. Городище дожило до начала римского времени. Находки совпадают с найденными на Хансбери. Здесь было довольно много костяных орудий, но немало и железного оружия. В пропитанном водой культурном слое хорошо сохранились деревянная посуда и, между прочим, грибовидный стол из целого дубового пня.

Круглый дом достаточно типичен для латенского времени на британских островах¹⁰. Древнейшие жилища этого типа возникли здесь еще в конце эпохи бронзы. Круглые жилища с внутренним диаметром от 2 до 5 м строили либо на каркасе из вертикальных столбов, либо из земли и камней. Иногда круглые жилища имели довольно крупные размеры (до 15 м в диаметре) и то составляли поселки в несколько домов с примыкавшими к ним дворами, то служили одиночными усадьбами.

Поселения типа Хансбери и Гластонбери были, конечно, постоянными укрепленными деревнями. В них могли в случае опасности скрываться жители малых открытых поселков и отдельных хуторов. По крайней мере, Цезарь описывает нечто подобное: «Городом британцы называют всякое место в труднопроходимом лесу, защищенное валом и рвом, туда они обыкновенно спасаются от неприятельских набегов»¹¹.

В Шотландии известны брохи, представляющие собой каменные башни с толстыми стенами и узким входом. В середине такой башни находилось свободное пространство,

от которого расходились комнаты в толще стен. Это усложненный вариант большого круглого жилища, которое вместе с тем являлось крепостью.

В погребальных памятниках британских островов вся латенская культура представлена с начала и до конца. В обряде с эпохи бронзы в основном сохраняется скорченное на боку положение покойника, обычно в яме под небольшим курганом. Нередко встречаются могилы воинов с полным вооружением. Тогда, как на материке уже на втором этапе латена боевые колесницы становятся все реже и реже и, наконец, исчезают; здесь они применялись до самой высадки в Британии Юлия Цезаря. Как и на материке, сожжения оттесняют в могилах трупоположения с конца II в. до н. э.

ХАРАКТЕРИСТИКА

ВЕДУЩИХ ФОРМ

ВЕЩЕЙ ЛАТЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мы уже знакомы с формами мечей и кинжалов и с их сменой во времени. Впрочем, к этому следует добавить, что иногда на окраинах латенской культуры, например в Пиренеях и на родине гальштата, на Дунае, вплоть до среднего латена встречались у мечей рогатые рукоятки позднегальштатского образца. Мечи из-за слабой закалки железа отличались мягкостью и легко гнулись и тупились. Плутарх в биографии Фурия Камилла рассказывает, как от ударов о железные шлемы и обод щита легионеров лезвия длинных гальских мечей ломались или получали глубокие зазубрины¹². Другие авторы сообщают, что меч приходилось после нескольких ударов бросать на землю и расправлять ногой¹³; при сильном взмахе он мог выскочить из рукояти, а в тесном рукопашном бою с плотными рядами римлян был неудобен, так как требовал много места для размаха и *т. п.* Слабость железа мечей получает археологическое подтверждение во многих местах распространения латенской культуры, а именно: существовало обыкновение класть в могилу меч с лезвием либо свернутым в спираль, либо согнутым на манер восьмерки, чтобы он был так же мертв, как и его хозяин. Как на местную особенность следует, пожалуй, обратить внимание на металлические ножны британских мечей второго и третьего этапов, которые богато украшали растительным орнаментом из побегов и лоз и часто заканчивали схематической головкой змеи. В археологических памятниках СССР известен один меч второго латена в мавзолее крымского Неаполя¹⁴.

Особенно разнообразны и употребительны копья. Листовидные в раннее время, часто с ребром посередине пера, они приобретают много разных форм к концу латенской культуры. Цезарь знает около десятка специальных кельтских терминов для обозначения разных их видов. Они имели перо то лавро-листное, то листовидное, то широкое яйцевидное с ребром. Иногда бывали копья с прорезами у ребра, с вырезами по краям лезвий, извивающихся, как длинный язык пламени свечи. От этих последних раны получались рваными, вызывавшими смертельную потерю крови (рис. 31). Наконечники копий имели до 40 — 50 см длины. Более короткие и легкие (от 10 до 12 см) служили

дротиками. Древко внизу оковывалось цилиндрическим или коническим подтоком. Нередки особые подтоки в виде черешка, вводившегося внутрь древка и заканчивавшегося острым упором конической или цилиндрической формы, который можно было использовать для втыкания в землю, а при случае поразить им противника. Один такой черешковый подток, к тому же изготовленный в местной кузнице, был найден на Каменском скифском городище близ Никополя на Днестре¹⁵. Может быть, латенского происхождения единичные находки копий в зарубинецкой культуре, имеющие коротенькое плоское листовидное перо и узкую, переходящую кверху в стержень втулку, в 4 — 5 раз превышающую длину пера. Этот тип из Галлии дошел до зарубинецких городищ Белоруссии. По всему Иберийскому полуострову он известен со среднего латена.

Цельножелезные дротики, у которых тонкое железное древко заканчивалось пирамидальным или коническим острием, назывались по-латыни *soliferrea* или по-гречески *holosidera*. Такие *holosidera* при положении в могилы искусственно изгибали, как это делали с мечами. Известны случаи, когда такие дротики обвивали кольцом вокруг урны с трупосожжением.

Ручным оружием служил топор то с выгнутым широким лезвием, то с узким и длинным. Кроме проушных топоров есть и железные пальштабы-кельты, у которых глаголеобразная ручка заклинивалась между верхом лезвия и двумя загнутыми крыльями или вставлялась внутрь четырехгранной втулки.

Сравнительно малочисленны наконечники стрел. Они имели плоское перо с двумя шипами на нижних концах жала и длинную втулку. Их длина 8 — 15 см (рис. 31). Иногда вместо втулки у них черешок. Страшное средневековое романское оружие — самострел — появилось у галлов, но когда, сказать трудно. Свидетельств о нем нет, но из Южной Галлии известно несколько каменных надгробий кельтских воинов I в. н. э. с изображением самострелов. Доспехи не слишком распространены. Конические шлемы имели в раннем латене довольно высокий шишак. Тулья нередко украшалась причудливыми многоколенными меандрами. Шлемы эти пришли к галлам из Италии. Их материалом служила бронза, а иногда железо. В среднем латене шлемы употреблялись мало, но снова распространились в последнем периоде. Они полушарные, иногда с большими полыми рогами, иногда с козырьком и назатыльником (рис. 34). Обычно они из железа. Порой наверху шлема делали железный столбик с украшением сверху в виде круга кроваво-красной эмали. Панцири малочисленны. О них упоминают писатели, современники Цезаря — Диодор Сицилийский и Варрон. От эпохи раннего латена щитов не сохранилось. Зато их много в среднем и позднем периодах. Щиты деревянные, наиболее обычная их форма близка к овалу с обрезанными краями. Такой щит от земли приходился по грудь воина (рис. 34). Две железные полукруглые ручки находились с внутренней стороны. Кулак захватывал ручку у самой середины щита, защищенной снаружи железным умбоном. Умбон сначала делали в виде широкой поперечной ленты, середина которой была яйцевидной формы, позднее он приобрел вид полушара с плоским ободком, прибитым гвоздями к доскам щита. Умбоны происходят из многих

могил. Ранняя форма сохраняется до рубежа эр. Сами деревянные щиты известны с Латенского городища. В Темзе однажды был выловлен бронзовый щит, орнаментированный растительными завитками и эмалевыми вставками. На римских рельефах известны знамена с изображениями кабанов и боевые бронзовые трубы, у которых раструб оформлен в виде пасти животного или головы орла.

Аристократия недаром носила название всадников. В эпоху раннего и среднего латена она часто сражалась на колесницах, запряженных парой коней. Впрочем, в годы завоевания Галлии Юлий Цезарь встретил колесничников в Британии. Их тактика подчас затрудняла ветеранов Цезаря. «И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгнуть в колесницу»¹⁶, — повествует покоритель Галлии. В Латенском городище было найдено деревянное резное ярмо. В болотном городище Гластонбери оказалось колесо о 13 спицах, вставленных в точеную на станке ступицу. Там же, moreover, было найдено сплошное, сделанное из одной дубовой доски колесо с круглым отверстием для оси.

Удила имели сначала старую форму с двумя неподвижными кольцами, строго центрированными по оси стержней. На третьем этапе появились круглые подвижные кольца на концах удил (рис. 40).

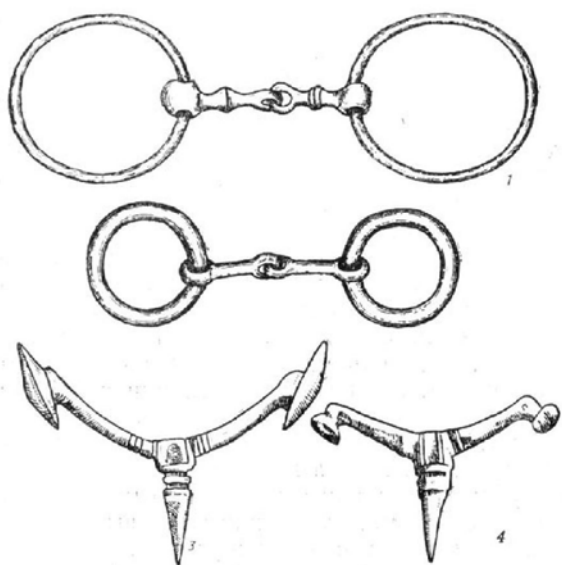

Рис. 40. Удила (1, 2) и шпоры (3, 4) Латенской эпохи

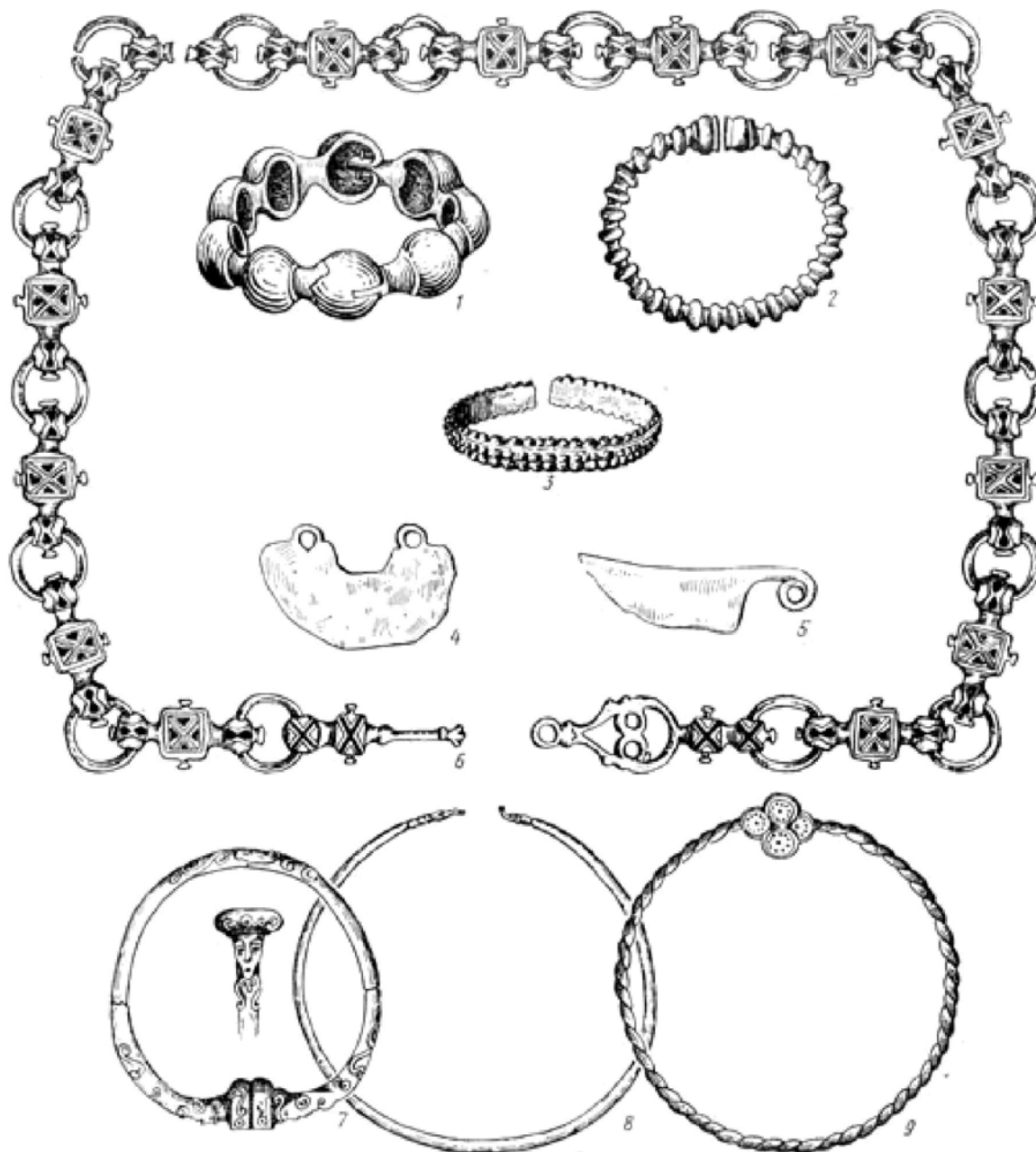
Наборная сбруя украшалась круглыми или фигурных очертаний бляхами. Бляхи покрыты либо сложным меандровым узором, либо растительными завитками и листьями. И то и другое было украшено красной эмалью. Одна подобная наборная узда была обнаружена при раскопках мавзолея в скифской столице Неаполь близ Симферополя¹⁷. С самого начала лошадыми пользовались и под верх, в частности в бою. При этом впервые, еще с раннего латена, пошли в ход шпоры, то бронзовые, то железные. Они есть всюду, куда проникли латенские бытовые формы, но лишь крайне редко встречаются у сарматов.

Шпоры носили по одной, даже в богатом воинском обиходе. В Латенском городище их найдено всего-навсего две: они употреблялись очень мало. Их шип имел коническую или пирамидальную форму (рис. 40). Еще в предримское время в Северной Галлии и Южной Англии появились первые железные подковы с характерным волнистым наружным слоем. Судя по их распространению, подковы возникли где-то в провинциях, так как в Италии они не были в ходу. Седло в латенской культуре в ход не пошло, несмотря на то, что его знали скифы. Цезарь упоминает что-то вроде чепрака, под греческим названием «эфиппион», то есть буквально «наконник».

Кельты носили вышитые рубахи и длинные брюки из полотняной шерстяной материи. Короткий плащ застегивался фибулами. Об этом виде украшений подробно говорилось в связи с хронологией. Ранние латенские фибулы на территории СССР появляются единицами в степных краях. Лишь во II в. до н. э. у степных скифов, может быть, проникнув с Дуная через Ольвию, появляется основная форма фибул среднего латенского этапа. В окрестностях Ольвии в I в. до н. э. известны фибулы простейшей схемы с перевитой ножкой. Вероятно, был прав немецкий профессор М. Эберт¹⁸. Он считал, что такой тип выработался из простейшей схемы среднелатенских фибул. Эта новая схема широко распространилась и получила свое дальнейшее развитие у сарматов. Приблизительно в то же время, в начале I в. до н. э., фибулы среднелатенской схемы распространились у племен зарубинецкой культуры. В этой культуре у них вырабатывается новая форма.

Мужской костюм в позднем латене подпоясывался поясом с крючком, иногда из драгоценного металла. Крючок то изображал двух грифонов, то состоял из прорезных пальметок и побегов. Нередко пояса украшались эмалевыми гвоздиками. В среднем латене появились женские пояса из оригинальных цепей (рис. 41).

Гривны сначала были специфически женской принадлежностью. Во втором латене они обычно отсутствуют, может быть, став только принадлежностью аристократов и военачальников. На последнем этапе латена гривны — общемужское украшение. Круглые, иногда витые, с крючком и ушком гривны раннего латена просты. Они усложняются позднее: украшаются пирамидками из шариков, прорезными выступами из трех кружков по внешнему краю, иногда двумя людскими головками на концах, сходящимися верхом плоских беретов. Один из концов серебряной гривны последнего типа есть среди вещей скифского степного кургана — Чмыревой могилы. Гривны бывали золотые, серебряные, медные и железные (рис. 41).

Рис. 41. Украшения и предметы туалета Латенской культуры 1, 2, 3- браслеты, 4, 5- бритвы, 6 - пояс, 7, 8, 9 -гривны

Стеклянные бусы — средиземноморского происхождения. Они имеют цилиндрическую и кольцевидную форму, цвет синий, красный и желтый, украшены глазками и волнами тех же цветов. Бусы численно растут от первого ко второму латену. Их носили целыми ожерельями. В конце второго этапа полный набор средиземноморских бус широко распространился по всей Кельтике. Своеобразны стеклянные полихромные кольца-подвески. Янтарные ожерелья имеют иногда очень сложное устройство.

Серьги есть в течение всего латена, но они немногочисленны. Вначале серьги ладьевидные, затем в виде колец с напускными бусами и подвесками. Встречаются весьма сложные сережки средиземноморской работы.

Браслеты сначала были только женским украшением. На первых порах они сходны с гальштатскими. Особенно много их на втором этапе латена. Браслеты в большинстве незамкнуты, полукруглы в сечении и покрыты снаружи то сплошными ребристыми поперечными выступами, то такими же выступами, расположенными с промежутками. Бывают ряды конических шишечек и полушариков. Встречаются змеевидные браслеты. На третьем этапе распространяются общесредиземноморские формы. Материалом служат те же металлы, что для фибул и гривен (рис. 41).

Перстни сначала носятся у богатых воинов. Они имеют вид простого кольца со спиральным щитком. Потом сам перстень приобретает форму цилиндрической спирали. Позже, под воздействием греков и италиков, появляется все больше перстней с резными камнями, порой, может быть, игравших роль личных печатей. Первые, собственно кельтские, образцы перстней единицами встречаются у степных скифов.

В кельтских странах было распространено бритье. Отсюда множество железных бритв, сначала сегментовидных (рис. 41). В начале эллинистического периода в Средиземноморье вошли в употребление пружинные ножницы. Отсюда они быстро и широко распространились у кельтов, но совсем не попали к скифам (рис. 42).

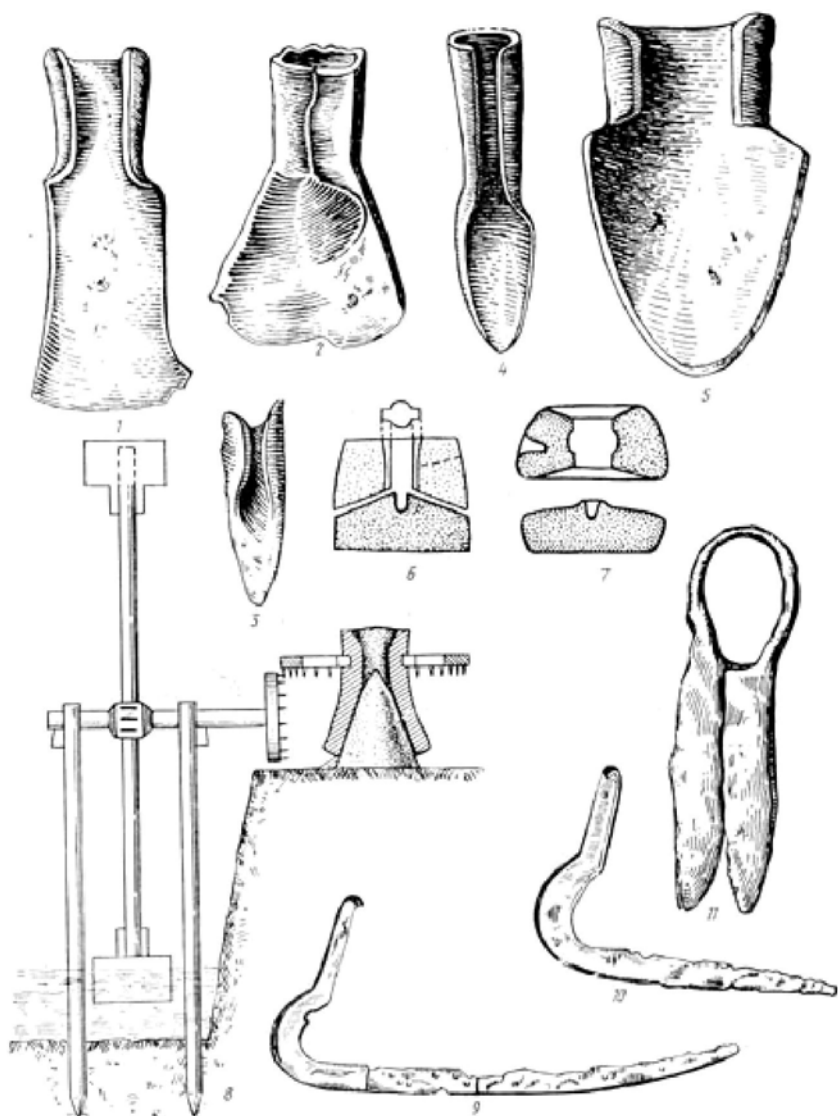

Рис. 42. Орудия Латенской культуры: 1, 3- мотыги, 3, 4- сошники, 5- лемех, 6, 7 - жернова, 8- мельница, 9, 10 -косы, 11-ножницы

Гребни, костяные и бронзовые, с треугольной или круглой спинкой, имели наверху круглое ушко или отверстие для подвешивания. К концу существования культуры из Средиземноморья довольно широко распространились мелкие туалетные принадлежности из бронзы, которые иногда носили на специальном кольце. Это были ложечки для мазей, ногтечистки, копоушки, пинцетики для выдергивания волос. Туалетные ложечки без ушка имели иногда овальную форму и очень короткую плоскую ручку.

Зеркала (бронзовый диск с боковой ручкой разных форм) были очень редки вплоть до конца латенской культуры, когда их число сразу заметно возрастает. Часть из них, несомненно, античный импорт, часть — местные, хотя и той же средиземноморской формы. На их неполированной стороне изображались местные орнаментальные мотивы, в частности круги, разделенные на два-три загибающихся друг на друга концами завитка (рис. 43).

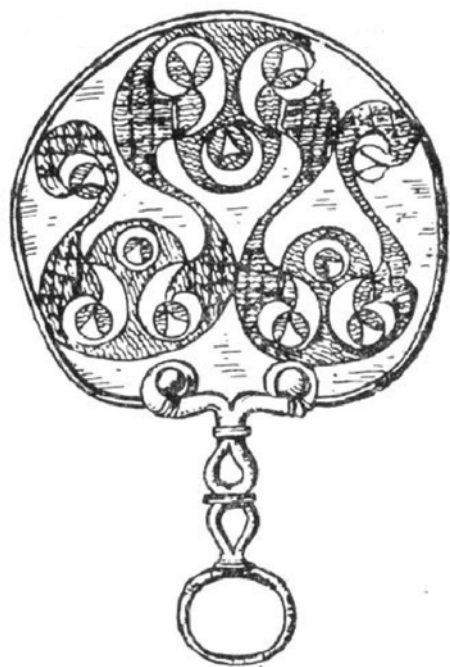

Рис. 43. Зеркало с гравированным орнаментом

Красная эмаль украшала некоторые из пред-метов костюма и туалета, в частности фибулы, ложечки, зеркала.

Еще в гальштатское время развилось, особенно в аристократических слоях, применение как импортной, так и местной бронзовой посуды. Первая нередко оказывала воздействие на форму и орнаментику второй. Эпохой с длинным носиком в VI — IV вв. до н. э. широко распространились вплоть до страны белгов. Круглодонные котлы с кольцами для подвешивания, тазы с почти вертикальной стенкой и с краем, отогнутым

наружу, ведра цилиндрические, полуяйцевидные и яйцевидные то местной, то импортной работы — все это достаточно обычно в кельтское время (рис. 33 и 44).

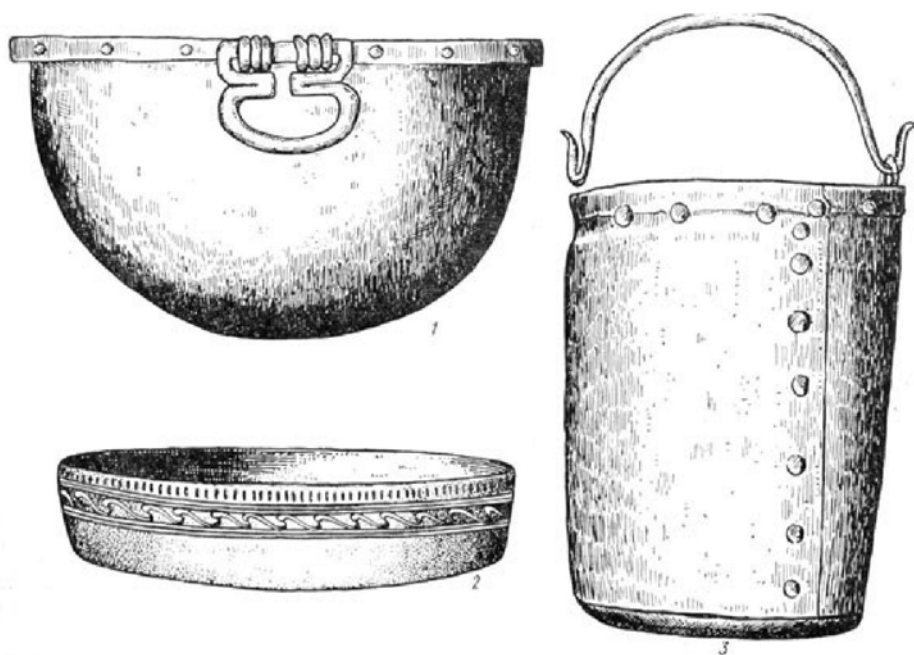

Рис. 44. Латенская бронзовая посуда: 1- котелок, 2- таз, 3- ведро-циста

Пальметки, завитки, бегущая волна, побеги приобретают очень большое распространение именно в украшении металлической посуды. Эти орнаменты нередко чередуются с человеческими головками. Интересны деревянные ведра, окованные чеканными бронзовыми обручами, изготовлявшиеся в позднейшем латене и особенно известные в Британии. Обручи украшали разнообразными комбинациями кругов, волн и завитков, фигурами коней с плавными изгибами тел, шей, грив, хвостов, человеческими лицами и *т. п.* Железные подставки для вертелов делали с головками быков, коней или баранов на концах. Рога или уши животных служили для установки вертела (рис. 45). Остроконечные вертела с кольцом-ручкой на одном конце изготовляли из нескольких железных четырехгранных прутьев, связанных кольцами в пучки. Весьма разнообразные вилки, иногда в виде витого стержня с несколькими крючками на концах, применяли при варке и извлечении мяса из котлов. Все это разнообразие кухонного инвентаря служило на аристократических пирах и при общественных жертвоприношениях. Вертела и подставки для них из железа начали употреблять еще в переходное от гальштата время; они происходят от ранних этрусков и италиков. Подставки для вертела делали не только из железа. Известны глиняные подставки, помещавшиеся у очага. Они заканчивались бараньими, реже конскими головками; такие подставки широко применяли во всех латенских землях. Головки нередко украшены схематическими гирляндами, тениями (лентами), как у жертвенных животных, что указывает на их связь с культом очага (рис. 45).

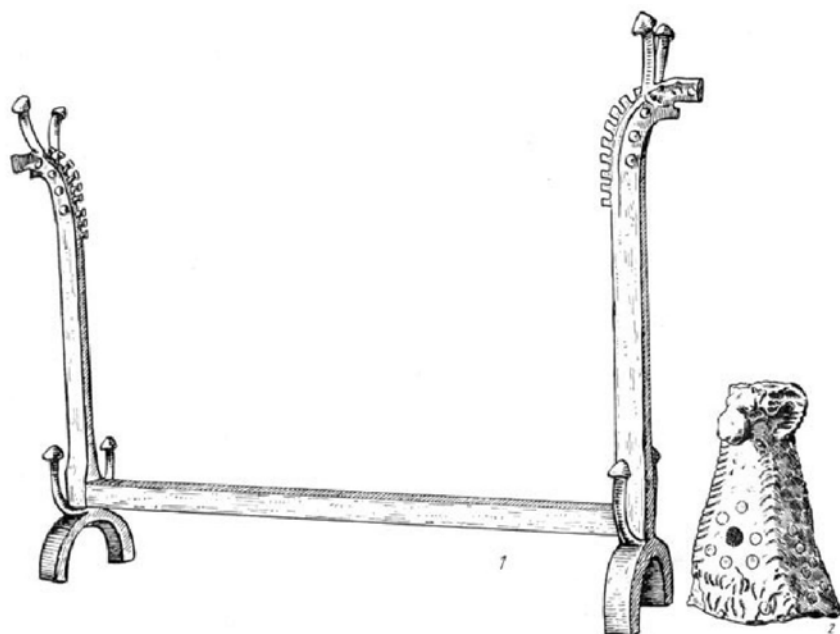

Рис. 45. Подставки для вертела (латенская культура): 1- металлическая, 2-глиняная

Примечательно, что глиняные подставки с бараными и конскими головками появляются и в позднейших скифских городищах II в. до н. э. на Нижнем Днестре и в Крыму¹⁹, по-видимому, с Дуная, где они также известны в латенское время.

Керамика латенских областей в течение первых двух этапов имеет в каждой местности много локальных черт. Постепенно на основной территории, занятой латенской культурой, распространился гончарный круг. Иногда лепные сосуды повторяли античные образцы, уже начиная с бронзовых эпохой VI — V вв. до н. э.

С самого начала существования латенской культуры широкое распространение получили некоторые типы сосудов, хотя и варьирующие в разных местностях, но все же в известной степени сходные. Это остросреберные закрытые сосуды с высоким горлом, реберчатые миски и яйцевидные кувшины без ручек. Первичный меандровый, весьма сложный орнамент раннего латена заменяется красочными гирляндами, волнами, простыми и бегущими, завитками, кругами, исполненными кистью, резцом и пунктиром. Фигуры животных, встречающиеся не очень часто, также имеют плавные изогнутые очертания шей, грив, спины и рогов. Все это близко узорам на металлических изделиях. В позднюю эпоху латена продолжают жить особенно яйцевидные сосуды и миски, часто с сильно профилированными остросреберными контурами (рис. 46).

Рис. 46. Керамика Латенской культуры: 1-острореберный сосуд с высоким горлом, 2-острореберная миска, 3, 4, 5, -яйцевидные кувшины без ручек.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, РЕМЕСЛА, ТОРГОВЛЯ

Основой экономики латенской эпохи было мощное сельское хозяйство с полным циклом хлебов, включая овес. У кельтов сначала на побережье Средиземного моря, а затем в более северных районах появились виноград и оливки, распространение которых началось с середины II в. до н. э. Все породы скота были известны. Вспашка производилась плугом с железным треугольным лемехом, охватывавшим дерево ползуна двумя загнутыми полукруглыми лопастями. У серпов, также железных, сначала лезвие и черешок составляли одну дугу, но в позднем латене черешок был отогнут под углом к лезвию. Косы-горбуши также распространились на позднейшем этапе латенской культуры. Сохранилось немало кривых садовых ножей. Очень многое из этого найдено на поселениях Латен и Стратонице.

Переработка зерна в муку начиная со II в. до н. э. производилась на вращающихся мельницах небольших размеров. По данным английских археологов, около 100 г. до н. э. мельницы распространились в Англии²⁰, куда они могли попасть со вторым проникновением белгов (рис. 42). Предполагают, что вращающиеся мельницы пришли в области латенской культуры с римскими легионами во II в. до н. э. Однако влияние кельтского земледелия на римское, хотя бы после завоевания, несомненно. Название бороны у римлян «осса» — кельтского происхождения. Из кельтской Северной Италии — Цизальпинской Галлии — некоторые улучшения в плуге пришли в остальную Италию.

Металлургия была весьма сильно развита. Цезарь отмечает умение кельтов проводить шахты и штольни. Остатками сыродутного способа производства железа являются известные в разных местах сыродутные домницы, например из Юры, где сохранилось много остатков кузнечного дела и варки железа. Прimitивными кричными печами служили ямы, вырытые в склонах холмов. Более сложные кричные горны часто имели цилиндрическую форму высотой 2 — 2,5 м при диаметре от 45 до 50 см. Емкость их достигала 100 куб. дц. Стенки толщиной в 30 — 40 см были из глины и снаружи одеты камнем. В Бибраке открыт целый квартал металлургического мастерства. Кричные печи там имели квадратную форму площадью 0,9X0,9 м; их стенки сделаны из глиняных шаров и облицованы камнем. Рядом находились кузницы, из которых происходят шарнирные кузнечные клещи, наковальни, кувалды, ручники и пробойники. Подобные находки обнаружены и на других городищах. Среди металлургических инструментов известны напильники с поперечной, довольно крупной насечкой. Кроме напильников слесарное ремесло представлено специальными молотками и пробойниками (см. рис. 4). Образцом слесарного искусства, в частности, служат многочисленные замки и ключи, особенно распространившиеся в конце эпохи в связи с ростом имущественного неравенства и торговли.

В работах по меди продолжалось развитие гальштатских традиций и мастерства, то есть приготовление изделий из пластин и проволоки. Однако известно также и литье, преимущественно мелкое, по восковой модели. Глиняные формы найдены в Бибраке, Стратонице и других городах. Товарный характер изделий из железа и цветных металлов хорошо прослеживается по широкому распространению латенских образцов, особенно оружия, орудий, а также фибул и других украшений. Латен и Кабиллонум — склады-фабрики по распространению оружия и орудий. Известны марки мастерских на мечах и копьях, такие, как серп месяца, человек, пьющий из рога, кабан. Широкое применение железных орудий помогало развитию сельского хозяйства.

Лесной характер стран, занятых кельтами, привел к развитию обработки дерева. Многочисленные скобели, топоры, пилы, стамески и долота разных образцов, молотки и сверла рисуют очень дифференцированные виды плотничного и столярного ремесел. Одним из специфических видов этого ремесла были бочарное дело и резьба деревянной посуды. Для этого латенские мастера применяли разнообразные ложкарные и бочарные инструменты.

Женская домашняя работа — прядение и ткачество — еще не ушла далеко от гальштатских форм. Для кройки могли служить пружинные ножницы. Иглы и шилья применялись при шитье. В Англии, как видно из находок на Гластонбери, почти до самого конца эпохи изготавливали костяные проколки и иглы.

Сапожное дело в городах типа Бибракте стало также ремеслом. Для раскроя кожи использовали специальные резчики, имевшие обычно форму, похожую на нашу сечку для капусты, а иногда — треугольника, основание которого затачивалось в лезвие. Мелкие резчики надевали по нескольку штук на железное кольцо для удобства ношения, может быть, бродячими сапожниками, работавшими на рыночных площадях, как это широко бытовало в античном мире и еще недавно практиковалось у нас. Шилья, в частности кривые, служили для шитья обуви. Встречаются характерные сапожные молотки. Универсальное орудие мужчины — нож был прямой или с довольно значительно отогнутым вверх и назад острием. В позднюю эпоху он получил кольцо на конце ручки.

В позднем латене в собственно Галлии и прирейнских областях возникают фабрики краснолаковой посуды по италийским образцам. Эта провинциальная промышленность после римского завоевания стала очень успешно конкурировать с такими же изделиями италийских мастерских и вывозилась даже в Италию.

В конце IV в. до н. э. с кельтских рынков исчезли тропические красные кораллы, украшавшие различные металлические предметы, и взамен пришло позаимствованное со Средиземного моря эмальерное мастерство.

В первый же 1867 г. раскопок древней Бибракте была открыта мастерская эмалей. Затем такие мастерские открывали постоянно. В простых деревянных сараях в небольших ямах-печах находили следы этого производства. Его кельты усвоили вполне и затем около трех столетий изготавливали такую кроваво-красную эмаль. Это объясняется апотропеическим назначением алого цвета: предшествовавшие эмали красные кораллы считались окаменевшей кровью обезглавленной Персеем Медузы. Сначала эмаль укреплялась в гнезде или желобке на смоле. Со временем открыли огневой способ скрепления эмали с металлом. В специальных отверстиях на украшаемых предметах укреплялись железные гвоздики со шляпкой, имевшей бортик и покрывавшейся эмалью. Наконец, в третьем этапе латена гвоздики сменились полусферическими бронзовыми шишечками, перекрещенными бороздками, державшими эмаль крепче. Промежутки заполнялись эмалью. Поверхность получалась выпуклой. Эмалью украшали фибулы, браслеты, пояса (рис. 41), уздечные бляхи, кольца удил, щиты, шлемы. В начале нашей эры эмальерное дело развилось в Британии и Шотландии, в конце латена его восприняли в Швеции, около нашей эры оно проникло в прибалтийские районы СССР. Около этого же времени кельты нарушили традицию и стали изготавливать разноцветные эмали. Скифы и сарматы не развили у себя этого ремесла. Эмали у них были импортными. Преобладали античные изделия этого класса. Впрочем, на Каменском городище был найден один гвоздик с красной эмалью на шляпке. В сарматское время в степи появились бронзовые фибулы с широкой дужкой с эмалью и надписью кельтского мастера AVCISSA. Эти фибулы

известны из Ольвии, с Каменского городища, с Хопра и из других мест. Но не все они с эмалью. Фибула этого мастера найдена и под Можайском. Это — прирейнская кельтская фабрика, экспортировавшая свои фибулы в Италию и через Черное море в наши степи. Но этот экспорт к кочевникам Северного Причерноморья был невелик. Развившись в самостоятельное ремесло в целях украшения металлических вещей, эмальерное дело шло бок о бок с новыми стилистическими формами, сменившими геометрическую орнаментику гальштатского времени. Сложные многоколенные меандры раннего латена дали почву развитию разнообразных завитков. Зигзаги дали место волне, иногда с бегущими в одну сторону гребнями. Свастики и гамшированные трискелии сменились завитками на концах. Круги заполняются завитками, расположенными крестообразно. Иногда завитки размещаются по отношению друг к другу как геральдические звери. Плавная свободная линия стала заменять ломаную. Отчасти такие тенденции развивались самостоятельно. Мы их знаем хотя бы в навершиях мечей, в наконечниках ножен, в изгибах фибул. Отчасти их распространению помогли орнаменты на металлических изделиях, проникавшие еще в гальштате из античного мира: пальметки в основании ручек энохой, гирлянды и лозы на металлической посуде, а также и то и другое на чернофигурных и краснофигурных вазах. Пальметки у кельтов обычно сводились к трем листкам и сочетались по две, по три и *т. п.* Сочетания кругов, завитков, волн и гирлянд украшали ножны мечей, металлические поверхности щитов, даже поверхности пера копий, нащечники и тульи шлемов. Прорезные узоры из таких же сочетаний украшали фалары от доспехов и сбруи. Поясной набор и пряжки украшали подобным же образом. Иногда к свободному орнаменту из кругов и волн присоединялась красная эмаль. Порой в орнамент входили геральдически поставленные звери, кони, птицы или головы баранов и быков. Их клювы, пасти, шеи, рога, уши, спины, хвосты трактованы свободными и плавными изогнутыми линиями. Этот стиль дополнял и украшал более всего изделия металлургии. Однако он проник и на керамику, сначала распространенную в Восточной Франции, а также в деревянную резьбу домов (Гластонбери). Геометрические узоры не исчезли совсем, но их место стало более скромным. Дополнением такого орнамента стали по-разному сочетавшиеся с ним человеческие головы впрямь, реже в профиль. Если они иногда сопровождались шевелюрой, то и она трактовалась теми же плавными и волнистыми линиями-прядами. В Ирландии, Франции и ФРГ встречаются округленные наверху, конические и пирамидальные столбы, сплошь покрытые такими же сложными рельефными переплетениями кругов, завитков и волн, лоз, в иных случаях окружающих примитивно выполненные мужские головы (рис. 47).

Рис. 47. Каменная скульптура Кельтов

В последнее столетие гальштата и в самом начале латена широко распространился ввоз амфор, бронзовых, может быть, этрусских эпохой с длинным носиком и *т. п.* В дальнейшем этот ввоз дожил, все возрастая, до конца кельтской свободы. По рекам и волокам Франции амфоры с вином и оливковым маслом уходили в глубь страны, оседая среди аристократии кельтских племен, даже белгов, живших ближе к секванам. Иные из племен белгов до конца эпохи свободы сопротивлялись ввозу вина. Германские свевы, воспринявшие латенскую культуру и достигшие к началу нашей эры среднего течения Рейна, запрещали его ввоз совсем. Однажды они распяли римских купцов, привезших к ним вино. За это в 11 г. до н. э. *против* них был двинут в карательную экспедицию с кавалерией Лоллия, потерпевший полное поражение. Но основная территория кельтов была вовлечена в торговлю вином марсельским, греческим и итальянским. Недаром галлы около 390 г. до н. э. *якобы* вторглись в Италию в поисках родины винограда как лучшего плода земли, а завоеватель Галлии видел в вине одно из средств ее покорения²¹.

Конечно, не только вино ввозилось и не только связанные с виноделием сосуды. До конца IV в. до н. э. с Индийского океана, попадая на Средиземное море, шел в обилии на кельтские рынки красный коралл, который кельты приспособили для инкрустирования украшений, оружия и сбури. Ткани, украшения, зеркала и другие греко-италийские товары находили здесь свой сбыт. Страбон, хотя и несколько позднее эпохи кельтской свободы, дал перечень товаров, вывозившихся из Кельтики; это — зерно, скот, золото, серебро, железо, шкуры, рабы и охотничьи собаки, то есть сырье и рабочая сила²². Торговля рабами была особенно развита. Их захватывали и завоеватели-римляне, и кельты в постоянных междоусобных войнах — картина, подобная африканской работоторговле. В Кельтику шли предметы роскоши и такие изделия, как «браслеты из слоновой кости, ожерелья, янтарь, сосуды из стекла и мелкая утварь», — говорит тот же географ. Через Галлию античные товары достигали Англии и Скандинавии. Через альпийские перевалы, по Гаронне-Жиронде, по Роне и Луаре, вдоль Соны и Марны и далее по Сене шли они на север. Известное еще по меньшей мере с гомеровских времен

под именем cassiteros британское и луарское олово шло морем, реками и обозами через всю Галлию к устью Роны. Это картинно описано Диодором Сицилийским²³.

У народов, охваченных латенскими формами материальной культуры, широкое развитие всех видов металлургии, окончательное превращение их в ремесла привели к торговле металлическими изделиями. Среди поселений отдельных кельтских государств возникают ремесленно-торговые центры. С одним из них, столицей эдуев Бибракте, лежавшей на водоразделе Сены и Луары, то есть на оловянном пути, мы уже познакомились. Здесь были открыты ряды лавок и множество металлургических и эмальерных мастерских. По свидетельству Цезаря, здесь постоянно жили римские купцы, притом еще до завоевания.

В очень близком по характеру городище Стратонице под Прагой были обнаружены подобные же мастерские. Во всех этих центрах в обилии находятся ходившие у галлов монеты. Сообщения между Британией и Галлией по побережью последней и, наконец, со Скандинавией совершались на судах. Армориканское племя венетов, например, обладало мощным торговым флотом, которым венеты пользовались для торговли с Британией. «Их собственные корабли были следующим образом построены и снаряжены: их киль был несколько более плоским, чтобы легче было справляться с мелями и отливами; носы, а равно и кормы, были целиком сделаны из дуба, чтобы выносить какие угодно удары волн и повреждения; ребра корабля были внизу связаны балками в фут толщиной и скреплены гвоздями в палец толщиной; якоря укреплялись не канатами, но железными цепями; вместо парусов на кораблях была грубая или же тонкая дубленая кожа»²⁴. Повозки на окованных железом колесах, ступицы которых вытачивались уже на токарном станке, везли товары по дорогам Галлии.

Мы уже встречались у кельтов с крицами восточного образца, распространившимися с гальштатской эпохи в Западной и отчасти Центральной Европе. Их распространение и более или менее сходный вес говорят за денежное применение криц. Вскоре они сменились золотой, серебряной и медной монетами, подражавшими греко-римским образцам²⁵. Только в Британии — «самой крайней», как тогда говорили, Цезарь еще застал применение железных денег. В подтверждение его свидетельства, в музеях Англии хранится немало таких криц в виде длинных язычков с петлей на широком конце. Их средний вес 618 г. Есть крицы в половину этого веса или, наоборот, в 2 или 4 раза превосходящие его. Сохранились гири в 300 г. Все это близко еще несколько редуцированной эгинской мине. Цена 6 полных криц соответствовала цене за 3 молочные коровы или за одну рабыню из древней Ирландии. Походы кельтов, жалованье кельтским наемникам, непосредственное соприкосновение с Массалией и торговля с римлянами приучили кельтов к настоящей монете и, естественно, что их собственная монета на первых порах подражала греко-римским образцам. Товарооборот, его направление, развитие ремесел, восприятие торговых обычаев Средиземноморья неизбежно склоняли галлов к тому, чтобы первыми ввести у себя и распространить по Европе монету.

Уже в IV в. до н. э. пошли в Галлию монеты Массалии с головой городской нимфы на лицевой и львом или быком на оборотной стороне. Шли туда и монеты Роды, Эмпория и других колоний северо-восточного побережья Испании. Подражания всем этим монетам достигли Бибракте и Стратониц.

В III — II вв. до н. э. *статеры* Филиппа II Македонского с головой Аполлона на аверсе и парной колесницей Победы на реверсе, статеры Александра Великого с головой Афины на лицевой стороне и крылатой Никой на обороте распространились от Трира до Чехии; сначала они сохраняли более или менее верные вес, изображения и даже греческую легенду, а затем эти монеты были упрощены. Изображения на них искажены почти до неузнаваемости. Хотя и редко, но на подражаниях такого рода встречаются исторические имена Верцингеторикса, Думнорикса и Коммия, упоминаемых Цезарем, и некоторые другие.

Эти типы переходили и на серебро. Во II в. до н. э. *чеканили* подражания римским денариям, особенно во Франции и Швейцарии, но достигали они и Чехии. После падения в битве при Пидне (186 г. до н. э.) Македонского государства тетрадрахмы Филиппа II широко распространились как образец подражаний, особенно в Прикарпатье и Австрии. Самостоятельно развивались также золотые монеты с фигурой кабана на лицевой стороне и воином на обороте и многие другие. К I в. до н. э. *появился* тип золотых «радужных чашечек» — «*regenbogenschüsselchen*» (такое название они получили, так как их нередко находят после дождя) в Восточной Франции, Баварии и Чехии с разными знаками на лицевой и оборотной сторонах (дракон, птица, гривна). Близи времени Филиппа V (221 — 179 гг. до н. э.) фасосские серебряные тетрадрахмы с головой нимфы Фасос на лицевой и с Гераклом на оборотной сторонах. Они были тоже международной монетой и, тоже привившись у галлов, подверглись сильной до неузнаваемости переработке. К середине I в. до н. э. *появилось* много серебряных тетрадрахм в Чехии с очень разнообразными типами надписей кельтских имен латинскими буквами (VIATEC и т. п.) (рис. 48).

Рис. 48. Кельтские монеты

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И РЕЛИГИЯ КЕЛЬТОВ

Касаясь общественного и политического строя позднего гальштата, мы могли предполагать там позднейшую политическую форму первобытной общины — военную демократию. Вслед затем в собственно Галлии на месте прежних союзов племен возникли и развились примитивные рабовладельческие республики²⁶. Племенные цари были заменены ежегодно выбираемыми магистратами. Как и в республиканском Риме, *regni petitio* — стремление к царской власти — рассматривалось как преступление, каравшееся смертью. Совет старейшин стал над народным собранием и утратил характер первобытнодемократического института. Простой народ оказался зависимым от всаднической аристократии, ядра военной и политической мощи кельтов, и даже не допускался на совещания. Возникло полное подобие патроната и клиентелы. Во всех общинах (*civitates*) верхним слоем была всадническая аристократия, разбогатевшая уже на I этапе латена, в ее руках находились торговля, откупы, большое число рабов²⁷. Такому раннеантичному этапу государства отвечают и большие торгово-ремесленные города, подобные греческим и италийским. Работорговля ускоряла этот процесс. Роскошные погребения всадников, как, например, курган эпохи Цезаря — Сель в Оверни, включают наряду с оружием всевозможные инструменты (две пилки, циркуль, скобель, долота, сверла, молотки, пуансоны, шилья, серпы). От погребенного воина, очевидно, зависели при жизни общинники, занимавшиеся столярничеством, кузнечным делом и хлебопашеством. Из рядов этого же всадничества, даже иногда из одной и той же семьи, выходили жрецы-друиды, знавшие наизусть тысячи священных стихов и учившие о переселении душ. Первичные, едва сложившиеся государства кельтов находились в постоянной вражде. Как пережиток от эпохи кровнородственных союзов племен до римского завоевания сохранились ежегодные собрания друидов (*chartres*) в земле карнутов, подобные межплеменным собраниям латинов и греческим амфикифиям. Переход к государственным образованиям состоялся в основном около IV в. до н. э. Во всяком случае в течение II этапа латена этот процесс в Галлии совершился повсеместно. По-видимому, лишь восточные белги и кельты Британии еще сохранили первобытный родо-племенной строй, чему отвечают их сравнительно небольшие укрепленные деревни, хотя всадническая аристократия и у них уже сильно разбогатела.

Постоянные войны, связанные с созданием и распадом союзов, первичных государств и образованием всаднического класса, привели к сложению жестокой и сопряженной с кровавыми жертвами религии²⁸. Очень распространены в разных местах стелы с изображением голов молодых и взрослых бородатых мужчин (рис. 47). Они известны в Чехии, ФРГ, Ирландии и Франции. Кроме стел такие головы украшают предметы быта, конской сбруи и вооружения. Известны, например, части доспехов с подобными изображениями в погребении воина из Белгорода Днестровского²⁹. На южном побережье Франции в департаменте Буш-де-Рон в урочище Антремон раскопано городище с каменными стенами. 100-метровая дорога, обнесенная по бокам стенами с изображениями голов, ведет к каменному храму на возвышении. В нем по стенам помещались ниши для человеческих черепов, прибитых большими железными

гвоздями. Тут много обломков торсов и голов мужских статуй, разбитых римлянами при разрушении этого храма в 125 г. до н. э.

Другой подобный же случай известен в том же департаменте Франции. На городище Рокепертус был открыт портик святилища с тремя колоннами, в котором также имелись ниши для человеческих черепов. Здесь же были найдены статуя двухголового Гермеса с клювом хищной птицы между головами и две фигуры каких-то сидящих божеств или героев. Опять-таки из того же департамента происходит статуя из известняка, представляющая зубастое фантастическое чудовище, не то льва, не то человека, опирающееся передними лапами на две мертвые бородатые головы. Это, может быть, — изображение бога смерти, хотя полностью такое чудовище понять теперь трудно. Вероятно, подобные же образы фигурируют на монетах, как, например, волк, несущий в пасти нижнюю часть человеческого тела (рис. 47 и 48).

Таких храмов не находят в глубинных районах латенской культуры. Священные места лишь иногда отмечали оградой, рвом, деревом или столбом. Святилищами служили леса и холмы, где совершали богослужения и жертвоприношения, как сообщает Цезарь. Такое святилище известно между Кобленцем и Майном в Кобенер Вальде. Это круглая площадка диаметром более 200 м, окруженная земляным валом и внутренним рвом. В центре ее открыта яма от деревянного столба. Святилище относится ко времени перехода от гальштата к латсну. Примеры подобного рода есть и в Чехословакии, например в Либеницах у Колина, где священное место имеет овальную форму; в восточной его части расположена каменная стела, а перед ней — каменное основание жертвенного стола. Здесь найдены латенские гривны IV—III вв. до н.э., вероятно, посвящения.

По-своему стремились истолковать эти религиозные явления вдумчивые люди древности, вроде завоевателя кельтов. Он называет их главным богом Меркурия — бога дорог и торговли, а затем Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву, функции которых близки якобы римским божествам. Галлы — потомки бога Дита. Поэт Лукан называет три кельтских имени богов: Тевтат, Эз и Таранис. Соответствие этих имен цезаревой номенклатуре не вполне ясно. Тевтат, может быть, бог войны, Эз — не то Меркурий, не то Марс, Таранис — скорее Юпитер, или Дит, — предок галлов. Появляются синкретические галло-римские боги: Меркурий с тремя лицами, Суцелл и Нантосуэльта с функциями Плутона и Прозерпины, Юпитер с молниями и солнечным символом-колесом (рис. 49).

Рис. 49. Изображения кельтских божеств

Цезарь рассказывает о человеческих жертвах Марсу из военнопленных, о сожжении жертв внутри огромных чучел из хвороста, о посвящении богам всей военной добычи. Друиды — жрецы и пророки этих жестоких культов. Они учат своих будущих заместителей наизусть священным песнопениям, проповедуют бессмертие и переселение душ, учат религиозному познанию природы и т. д. Центр их учения Британия, особенно остров Мона. Значительное политическое влияние друидов заставляло римлян стремиться к их подавлению. Дольше всего этот институт прожил в Ирландии.

Рис. 50. Бронзовая фигурка кабана

Среди галлов, по-видимому, еще сохранились какие-то тотемические представления. Частые изображения кабанов (рис. 50), их специальные захоронения и положение с покойником частей от их туш говорят о тотемическом значении кабана у многих, может быть, у всех кельтских племен и о сохранении этого древнего культа. Множество соляных изображений (трискелии, спирали, круги, колеса и т. п.) связано с культом Солнца. Религия кельтов до римского завоевания уже близка религиям рабовладельческих античных государств и народов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лужицкая культура

ТЕРРИТОРИЯ

РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, ПОСЕЛЕНИЯ, МОГИЛЬНИКИ, КЛАДЫ

Около 1300 г. до н. э. в Центральной Европе распространилась культура, получившая название по месту ее открытия в Лужицкой земле. Она возникла на почве смешения в предлужицкое время культуры шнуровой керамики с другими культурами. В бассейне Одера и Нижней Вислы на культуру шнуровой керамики наложилась унетицкая культура, пришедшая из Чехии и Силезии. Отсюда — предлужицкая культура. На Средней и Верхней Висле, в бассейне Буга и Нарева от смешения культуры шнуровой керамики с дожившей до середины II тысячелетия до н. э. культурой линейно-ленточной керамики возникла тшинецкая культура. От скрещения предлужицкой и тшинецкой культур, по-видимому, пошла лужицкая культура¹. Ее средоточием был Бранденбург; к северу она

достигла побережья Балтики, от устьев Одера почти до Немана; ею занято было все течение Вислы. Почти вся территория ГДР, вся Польша, северо-восток Чехословакии — вот ареал этой культуры (рис. 51).

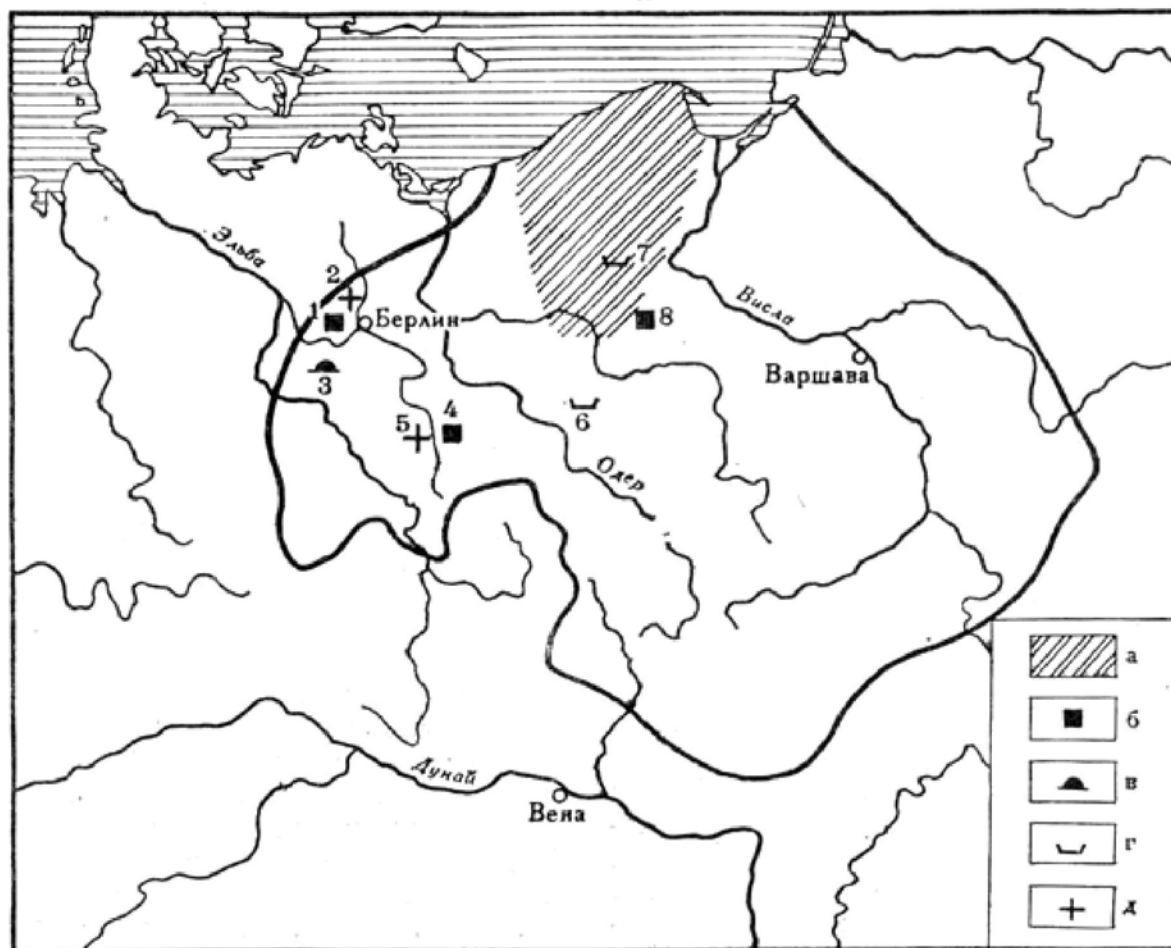

Рис. 51. Карта Лужицкой культуры: а — кошубский вариант лужицкой культуры, б — поселения, в — курганы, г — могильники, д — клады; 1 — Ремершанц, 2 — Эберсвальд, 3 — Седдин, 4 — Баальсхеббель, 5 — Веташков (Феттерсфельд), 6 — Вымословский, 7 — Жадково, 8 — Бискупин

Чешские и польские археологи разбивают ее на несколько местных вариантов². Наиболее яркой её особенностью является керамика. С началом развития гальштатских форм металла лужицкая культура многое из него восприняла, оставаясь, однако, особенно оригинальной по керамике и отчасти по украшениям. Она дожила до начала латена, когда новые культурные формы постепенно вытеснили старые традиции. До второго латена она еще во многом сохраняет свой облик.

С начала сложения культуры известно довольно много открытых селищ. Они стали заменяться с началом железного века, то есть с гальштата, укрепленными поселениями, не вытеснившими совсем лужицких неукрепленных селищ³. Кое-где поселения жались очень близко друг к другу, с промежутками в 1 — 2 км. Более изучены городища. Они были не только убежищами для населения деревень. Они представляли собой постоянные поселения довольно значительных для своего времени размеров.

Располагаясь на вершинах холмов и на мысах, городища ограждались своеобразными укреплениями, охватывающими площадь в 1,5 — 3 га. На городище Ремершанц, недалеко от Потсдама⁴ (рис. 52),

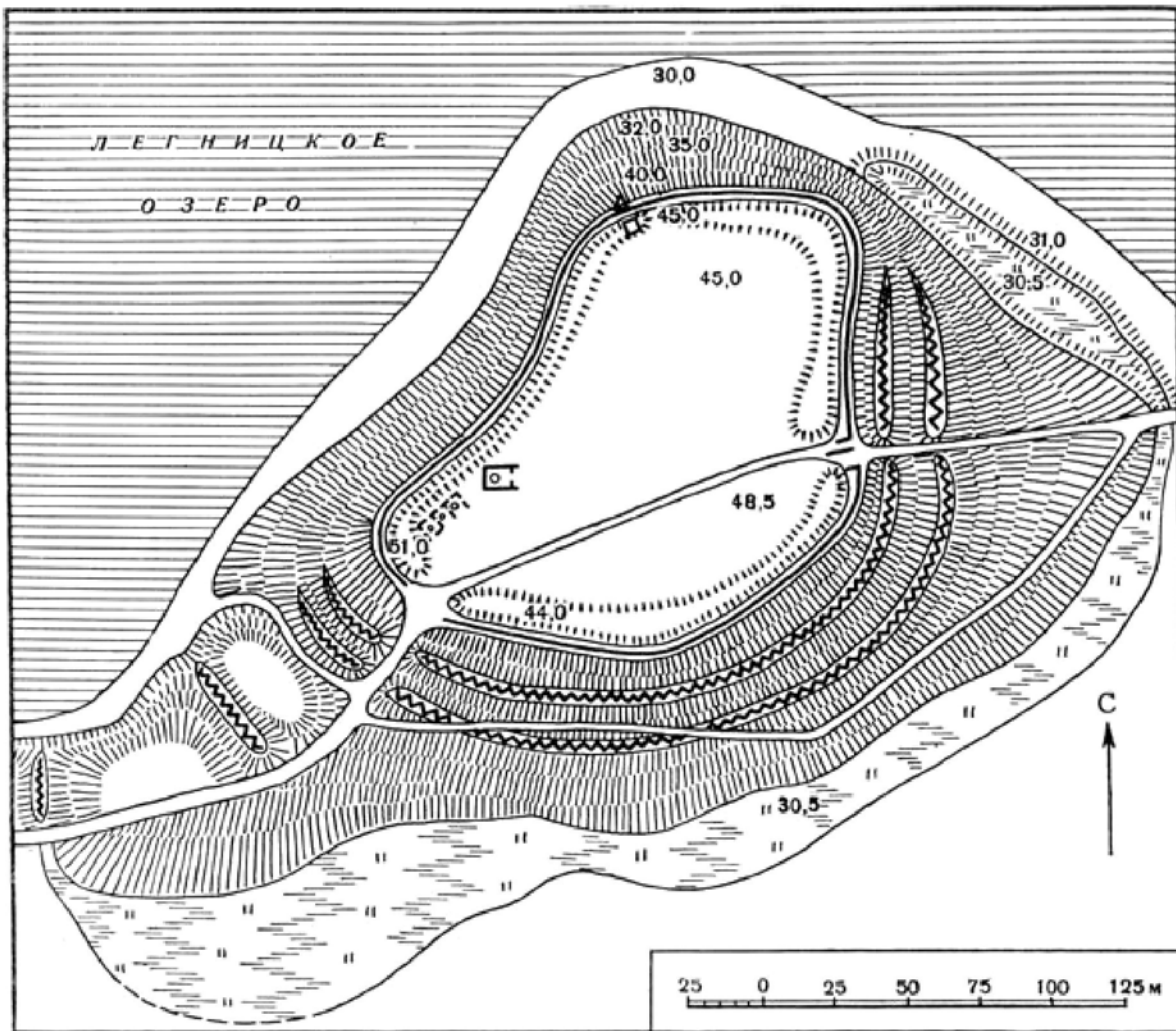
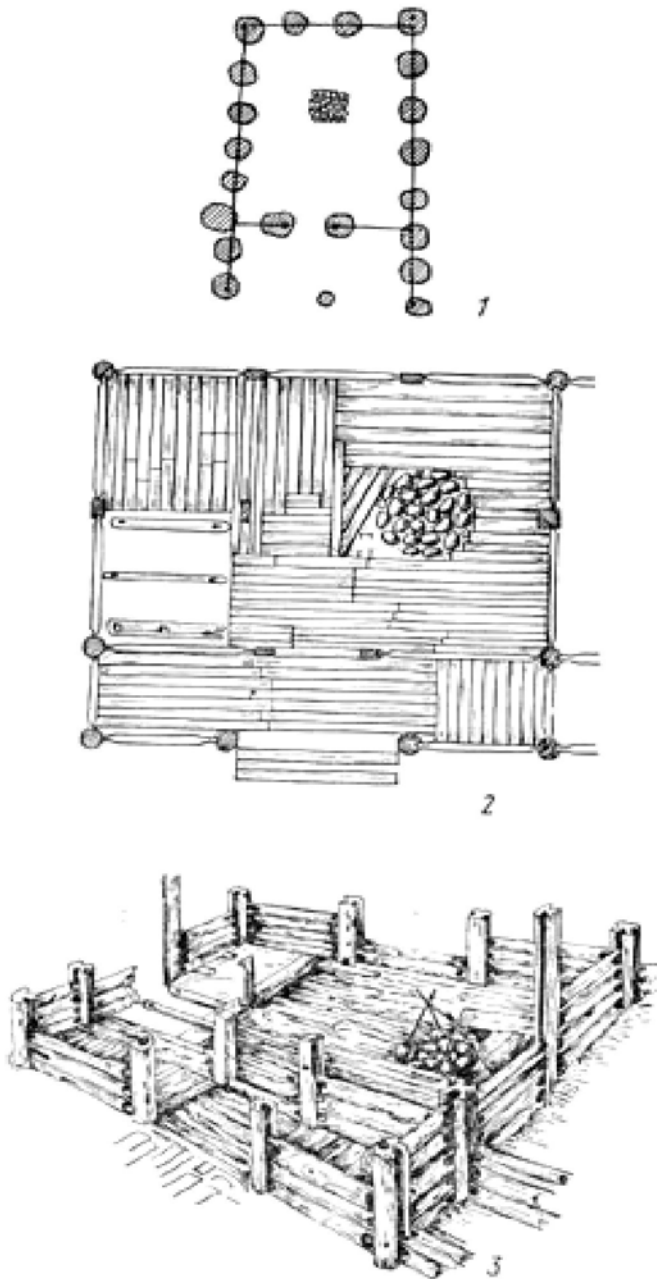

Рис. 52. План городища Ремершанц у Потсдама

укрепление состояло из невысокого вала, служившего основанием для деревянной стены. Стена состояла из углубленных в вал четырехугольных клеток площадью 3,25X1,60м каждая. Столбы клеток имели пазы и были соединены между собой вставленными в эти пазы короткими плахами. Трое ворот прорезали стену. По бокам они были укреплены столбами; столбы же делили их вдоль на два проезда и подпирали дозорную вышку. Остатки таких же валов и деревянных стен наблюдались и у других городищ. В Польше особенно хорошо сохранились подобные стены на береговом мысу Бискупинского озера Жнинского повета⁵. Склон к озеру укреплен рядом наклонных ледорезных свай. Вокруг площади в 2,5 га достаточно хорошо сохранилась стена. По мнению польских исследователей, она имела 3 — 4м высоты и 2 — 2,5 м ширины. Стену 3 раза строили заново, и понемногу она отступила в глубь городища. Составлявшие эту стену клетки в среднем имели размеры 2,50X2,50 м. Они были набиты землей и глиной. Подобного рода укрепления известны на некоторых чернолесских городищах.

Оригинальной особенностью лужицких поселений были их деревянные жилища. Они состояли обычно из одной комнаты с очагом и из сеней. Размеры этих хижин различны. Так, например, на Ремершанце хорошо сохранившееся жилище имело площадь 12X6,40 м (рис. 53) ;

Рис. 53. Жилища Лужицкой культуры ;1 - план дома-мегагона в Ремершанце, 2 - план жилища Бискупинского городища, 3- конструкция дома Бискупинского городища

на городищах Баальсхеббел близ Губина они достигали размеров до 18X11 м. Сени составляли от 1/4 до 1/3 всей площади жилища. Ближе к задней стене главной комнаты находилась яма очага, или каменный очаг. Очаги обычно были круглые на глиняной основе диаметром около 1,50 м. Недалеко от очага в пол иногда закапывали большой сосуд для хранения продуктов. Каждый такой дом мог стоять отдельно, как все дома на Баальсхеббеле (рис. 54)

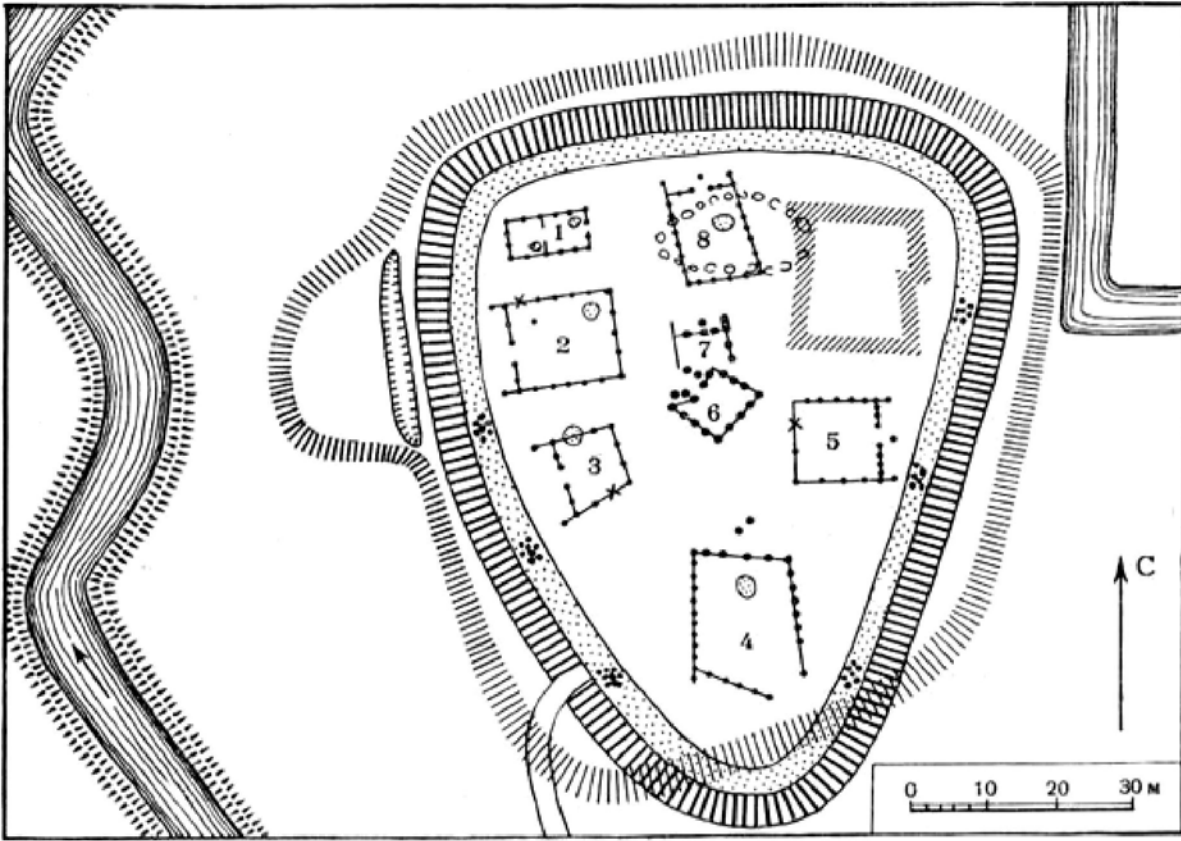

Рис. 54. План городища Баальсхеббель: 1- 8- деревянные наземные жилища

или несколько таких домов имели общие продольные стены, составляя секции длинного дома. Все наружные двери располагались в ряд по одной из длинных сторон такого дома и выходили на глухую заднюю стену следующей постройки (Бискупин). На городище Ремер шанц было раскопано два отдельных дома описанного плана и один длинный дом из трех секций того же плана. На Бискупинском городище было 13 длинных домов. Крайний дом состоял из 3 секций, а средние дома имели до 8—12 секций. Длина бискупинских секций 9—10 м, ширина 6—6,5 м (рис. 55).

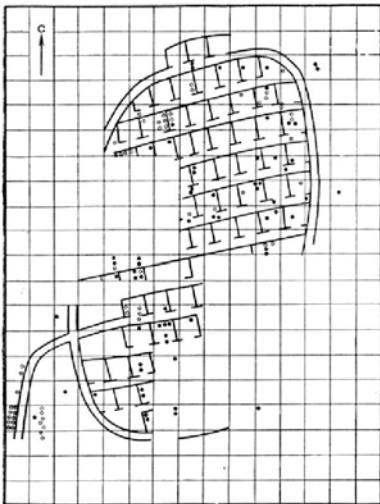

Рис. 55. План-схема жилых сооружений Бискупинского городища

Не только план, но и строительные приемы, применявшиеся при постройке домов, были более или менее одинаковы. Эти дома получили в археологии не очень удачное название столбовых. У них стены вовсе не состоят из сплошных вертикальных столбов, как это было, например, в некоторых неолитических поселениях Польши и у степных скифов на Каменском городище. Они скорее напоминают современные каркасные дома, у которых горизонтальные бревна зажаты между вертикальными столбами-стояками. В боковых сторонах столбов лужицких домов делались вертикальные пазы, в которые вставлялись концы плах или горбылей. Столбы образовывали косяки дверей в сени и из сеней на улицу. Есть случаи плетневой облицовки стены снаружи, со смазкой ее глиной.

В Бискупинском городище были прослежены полы, настланные то из кругляков, то из плах на настиле из жердей. Сверху этот пол смазывали глиной. Большие столбы стояли по углам домов-секций. Посередине длинного дома шли столбы для общей двускатной крыши из коры и соломы. Двери здесь были шириной в 1,75 — 2,55 м. Вместо мебели применяли толстые чурбаны от пней. В домах кое-где имелись отгороженные небольшие чуланы или углы, может быть, для зимнего содержания молодняка скота. Под крышами явно находились чердаки. Туда попадали по лестнице из бревна с врубленными зарубками-ступеньками. Иногда лестницу делали из двух параллельных бревен с такими же зарубками, к которым прикрепляли дощатые ступени. Деревянные части соединялись деревянными же гвоздями и шипами (рис.53). Столбовые дома, сходные с лужицкими, встречаются на нашей территории на городищах юхновской культуры. В какой-то мере длинные дома из секций напоминают разделенные на секции дома в некоторых лесных городищах Смоленщины.

Дома в лужицких городищах располагались на дворище по отношению друг к другу по-разному. Так, на городище Баальсхеббель жилища не образовывали длинных домов с секциями, стояли по отдельности и были обращены выходом к улице, шедшей по окружности городища вдоль внутренней стороны вала (рис. 54). Отдельно стоявшие дома и секционные дома Ремершанца были обращены выходом либо к свободной площади в середине дворища, либо к продольным улицам. Лучше всего особенности расположения лужицких домов с секциями прослеживаются на примере Бискупинского городища (рис.55). Все они общей глухой стеной обращены на север, выходами секций на юг. Между каждой парой длинных домов находится поперечная улица, к которой эти дома обращены с севера входами, а с юга — глухой общей стеной. Улицы шириной 2,40 — 3,40 м. Они выложены поперечными бревнами, лежащими кое-где на насыпи мощностью в 30 — 40 см. В некоторых местах заметно двойное наслоение бревен гати. Перестройка производилась в связи с неоднократными пожарами. Примечательны некоторые особенности Баальсхеббеля. На нем обнаружены большие общие помещения для амбара и хлева. В середине городища стояли еще какие-то отдельные дома, может быть, общественного назначения. Во всяком случае на примере этого городища можно с большой долей убедительности предполагать общее хозяйство коллективов⁶.

Нередко в соседстве с селищем или городищем в нескольких стах метров находится грунтовой могильник. Обыкновенно он вмещает до 200 — 300 погребений. Но есть

случаи, когда могил в нем гораздо больше. Так, например, Ласковский могильник в Польше заключал в себе около 1800 могильных ям⁷. Погребения совершались путем сожжения. Сожженные на стороне останки с обломками вещей и украшений ссыпались в урну, ставившуюся в неглубокую яму, нередко круглую. В раннюю латенскую эпоху в дне урны часто проделывали отверстие для души покойного. Сверху урну нередко прикрывали миской. Урной служили сосуды в виде кувшина без ручки с высоким горлом. Иногда урну укрепляли камнями или яму обставляли деревом. Над могилой делали кое-где выкладку из неровных камней. Кроме урны в могилу ставили еще несколько сосудов, иногда до 20 — 30 штук. Клали также отдельные орудия и оружие в целом, необгоревшем виде. В ранний период — это бронзовые изделия, позднее — железные; то серп, то копье, то стрелы, то каменная зернотерка и *т. п.* В детские могилки частенько клали грушевидные, шаровидные и в виде животных погремушки из глины. Иногда образ животных придавали кубкам, сосудам, подвескам и каким-то, может быть, культовым символам (рис. 56).

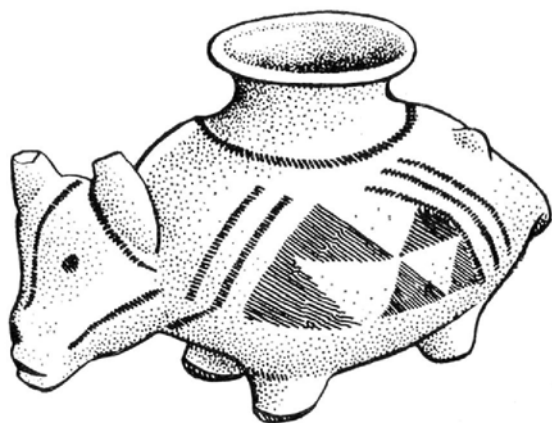
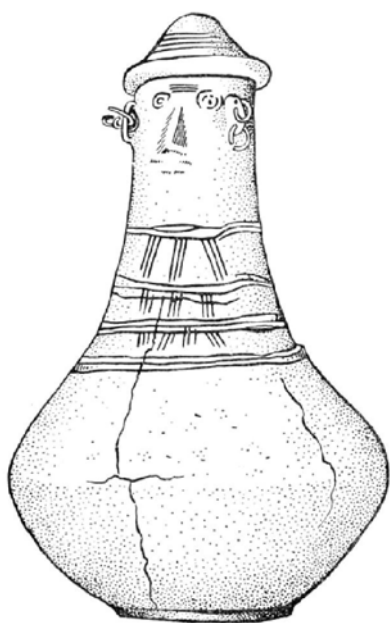

Рис. 56. Сосуд в виде животного из погребения Лужицкой культуры

В раннюю эпоху над некоторыми из ям сооружали курганы, то каменные, то земляные. *К. Шухгардт* полагал, что курганы вообще были более распространены, чем это представляется теперь археологам, что иные из них исчезли в результате распашки⁸. По его наблюдению, курганы лучше сохранились в местах, покрытых лесом. Не вполне исчезли курганы и в позднейшее время, в гальштатскую эпоху. Так, Королевский курган около Седдина в ГДР — это большой курган диаметром около 70 м и высотой 11 м. Под курганом находилась обширная круглая яма. Большая лужицкая глиняная урна содержала внутри выбитую из бронзового листа чеканную италийскую миску с крышкой, в которую и были ссыпаны кости сожженного воина. В урне лежали: бронзовый серп, бронзовая булавка для закалывания одежды, бронзовая бритва. В состав инвентаря входило несколько бронзовых кубков, ситулы, бронзовый меч гальштатского типа с навершием в виде завитков. Как и бронзовая миска, многие вещи здесь италийских образцов и даже изготовления. Сосуды в этом погребении позднелужицкого типа с глубоким горизонтальным рифлением. Погребение относится к VII — VI вв. до н. э.⁹. Не было в лужицком обществе обычая класть в могилы много драгоценных металлических сосудов, тем более импортных. Оружие и орудия всегда клали в единичных экземплярах. Седдинский курган более похож на обычные для гальштата аристократические воинские

погребения. К ним он приближается и по роскоши инвентаря, и по грандиозности погребального сооружения. Едва ли может быть сомнение в том, что, с одной стороны, это воинское и богатое захоронение на территории лужицкой культуры есть одно из первых проявлений имущественного неравенства и выделения всаднической аристократии, а с другой стороны, несомненный признак влияния гальштатского аристократического быта. Этот курган, однако, чаще всего считают погребением вождя-завоевателя с юга. Вполне возможно, что сношения с областью гальштата оказывали некоторое ускоряющее воздействие на развитие имущественного неравенства и общий ход разложения первобытнообщинных отношений в лужицкой культурной среде.

Своеобразный характер имеет погребальный ритуал многочисленных могильников кошубского, или поморского, варианта лужицкой культуры¹⁰. Здесь одиночные могилы стали сменяться семейными захоронениями. В них каждая индивидуальная урна часто стояла в особом каменном ящичке, к которому примыкало еще несколько таких же ящичков. Пепел усопших погребали в особых урнах, на шейке которых иногда лепкой, иногда резьбой изображали грубые черты человеческого лица. В уши вдевали подвески, в латенское время иногда из стеклянных и пастовых бус. Ниже шейки резьбой делали поясик орнамента в виде двойных или тройных зигзагов, нередко имитировавший гривны, украшавшие покойника при жизни. На эту же урну схематически резьбой наносили ожерелья, булавки, оружие. Крышки урн представляли собой изображения шапок (рис.57).

Рис. 57. Лицевая урна кошубской культуры

Южнее лицевые урны встречаются в Познани и Силезии. С латенского времени они проникают на Вислу и на восток до границ распространения культуры, сохраняя близкую форму, но утрачивая лицо. У лицевых урн отверстия в дне для выхода души делать перестали. Вопрос о происхождении этих урн неясен. Это могло быть местное явление. Ведь лицевые сосуды, имитирующие человеческое лицо, неоднократно встречены в

разное время в разных местах. Однако Ж. Дешелетт решительно полагал, что урны польского Поморья связаны происхождением с подобными этрусскими сосудами и являются результатом торговли с югом, поскольку эта местность входит в линию янтарного берега, а один из путей в этом направлении — Эльба¹¹. Помимо сходства урн лужичан с итальяскими, основанием для мнения об итальяском их происхождении служит то, что одинаково и в Италии и в Поморье лицевым урнам предшествовали урны в виде домиков. В эпоху латена лицевые урны в конце концов сменяются так называемыми подколпачными погребениями, в которых урну покрывали сверху большим перевернутым сосудом¹².

В металле вообще и в украшениях того времени лужицкой культуры, когда она вступила в железный век, можно заметить два течения: одно собственно лужицкое, другое — гальштатское. В характере поселений, в устройстве жилищ, в украшениях и керамике здесь много своих, совершенно особых черт. В торговых и богатых областях гальштата и латена встречаются клады дорогой утвари и драгоценных вещей. В то же время погребальный обряд там пышнее и богаче, чем у лужичан. Однообразие и сравнительная бедность погребальных инвентарей наряду с однообразием и скудостью городищенского быта придают многочисленным лужицкимкладам поздней поры самостоятельное значение при рассмотрении хозяйства и социальных отношений внутри племен лужицкой культуры. Клады попадают нередко в валах городищ. Так, например, в Берлинском музее в 20 — 30-х годах нашего столетия кладов лужицкой эпохи было значительно более 100. Одним из самых интересных можно считать клад золотых вещей из Эберсвальда¹³. В нем свыше 30 мотков золотой проволоки разной величины и формы. Рубчатые золотая и бронзовая гривны, половина золотой очковой фибулы, несколько непонятных сломанных вещиц, брусков золота и, наконец, 8 золотых полусферических чеканных чаш. Из них 6 покрыты зонами выпуклых кружков и точек, а на 2 чашах — 8-лучевые звезды, пространство между лучами которых сплошь покрыто выпуклыми точками (рис. 58).

Рис. 58. Золотая чаша из Эберсвальда

Это — клад материала и готовых изделий, клад золотых дел мастера. Другим примером может служить клад из Чернилова в Чехии. Он состоит из 5 больших мотков толстой золотой проволоки¹⁴. Такие клады наряду с курганами вроде Седдинского указывают уже на начало сильного имущественного расслоения.

Наряду с кладами золотых вещей и золота-материала нередко случаи находок и кладов бронзовых вещей, особенно украшений. Таков, например, клад бронзовых предметов из Бискупице Меховского повета в Польше¹⁵. В нем 8 разных браслетов, 3 серпа, одно обломанное копье, 3 удлинённых лужицких кельта и итальянская чеканная чаша с крышкой, покрытая зонами выпуклых кружков. Судя по погнутости браслетов и сломанному копью, это — склад материала на перевал. В дер. Соколина Пинцовского повета в Польше был найден клад из 31 рубчатого и 7 гладких браслетов и 2 бракованных серпов (тоже из бронзы)¹⁶. Это, конечно, клад готовых украшений и металла на переплавку. Поэтому возможно, что и готовые браслеты уже вышли из моды и назначались к переплавке. Эти клады, по-видимому, можно датировать концом бронзового или самым началом железного века.

ХАРАКТЕРИСТИКА

ВЕДУЩИХ ФОРМ

ВЕЩЕЙ ЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

С началом железного века в лужицких могилах эпизодически появляется оружие. С течением времени оружие численно умножалось, но только в южной части исторической области Великой Польши и Силезии могилы вооруженных воинов становятся достаточно обычными. Это совпадает как раз со временем распространения могильников кошубского типа. В VII — V вв. до н. э. *бытуют* мечи гальштатских типов из бронзы и железа. Затем появляются железные черешковые мечи раннелатенских форм. Копья встречаются изредка. Они преимущественно лавролистные или широколистовидные с ребром по перу, с VI в. до н. э. — исключительно железные. Топоры в основном двух образцов. Кельты были бронзовыми и железными. Они имели вытянутые пропорции, цилиндрическую втулку и являлись довольно обычными для всего времени лужицкой культуры. Такого типа бронзовые кельты имеют, как правило, одно ушко, довольно тяжелы и украшены на широких сторонах клинка, стянутого в талию, вертикальными бороздками, ребрышками или расходящимися дугами. Этот тип близок некоторым гальштатским кельтам. С начала VI в. до н. э. *такие* бронзовые кельты исчезают. Помимо кельтов, были распространены железные топоры с круглым проухом, с четырехугольным невысоким молоточком на обухе и клиновидным лезвием (рис. 59).

Наконечники стрел довольно редки. Следовательно, относительно редко и применение лука. Боевые наконечники стрел бронзовые, длинновтульчатые, с двумя шипами, продолжающими обе лопасти, или лавролистные. Лишь изредка такие двулопастные наконечники имеют черешок, заканчивающийся серповидно двумя шипами внизу. Известно немного скифских втульчатых наконечников. С Бискупинского городища происходят роговые и костяные черешковые наконечники стрел. Их жало чаще всего двушипное внизу, иногда узкое коническое, иногда лавролистных контуров (рис. 60 и 61).

Железные и более ранние бронзовые ножи иногда прямые, иногда имеют изогнутую спинку и такое же лезвие с приподнятым кверху концом, то есть идут от гальштатских. Деревянная или костяная ручка накладывалась обычно на узкий черешок, продолжающий линию спинки. Бывает пластинчатый черешок во всю ширину клинка. Он всегда короткий. Костяные или деревянные пластинки прикреплялись к нему при помощи медных или железных заклепок.

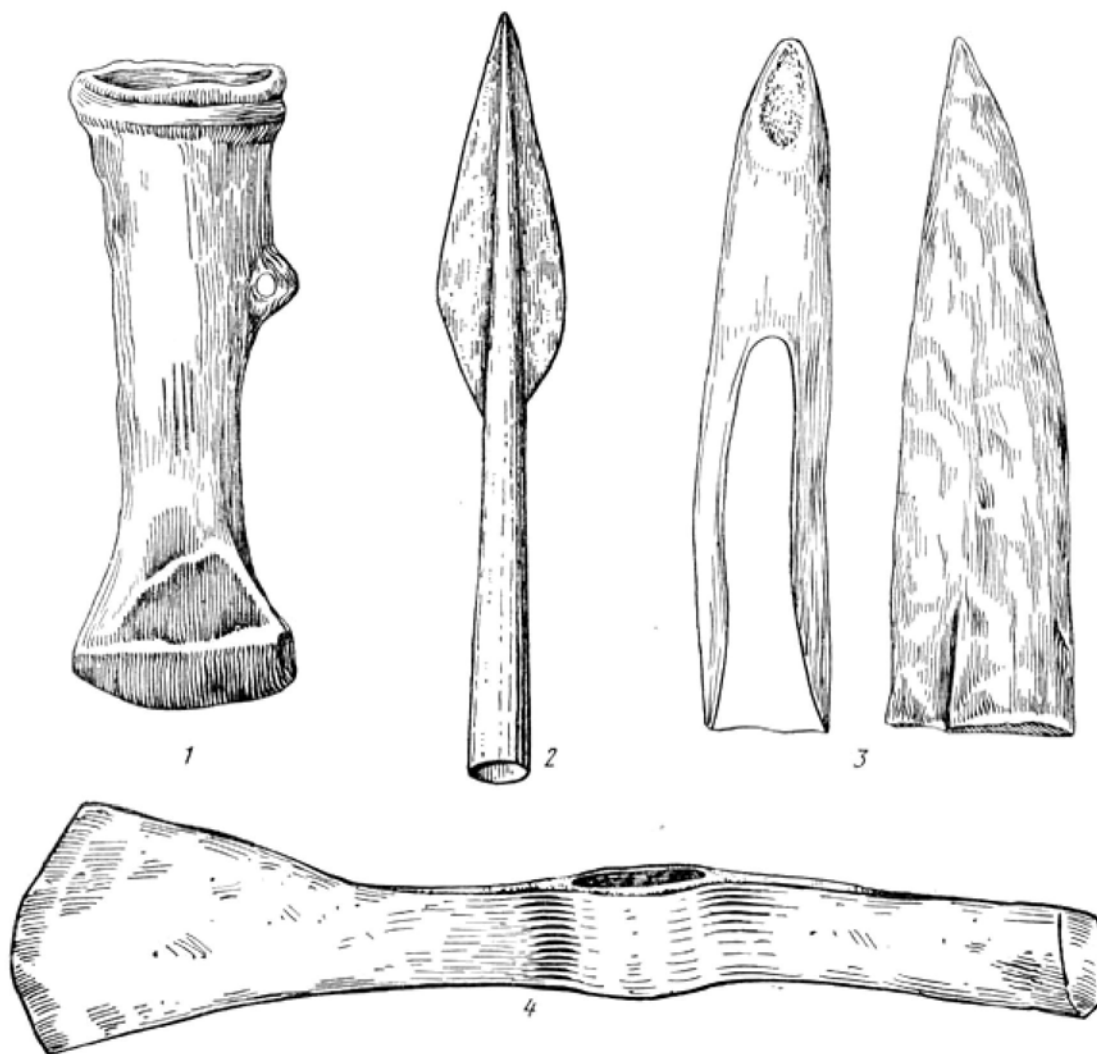

Рис. 59. Оружие Лужицкой культуры 1 бронзовый кельт, 2 бронзовый наконечник копья, 3 костяной наконечник копья, 4 железный топор

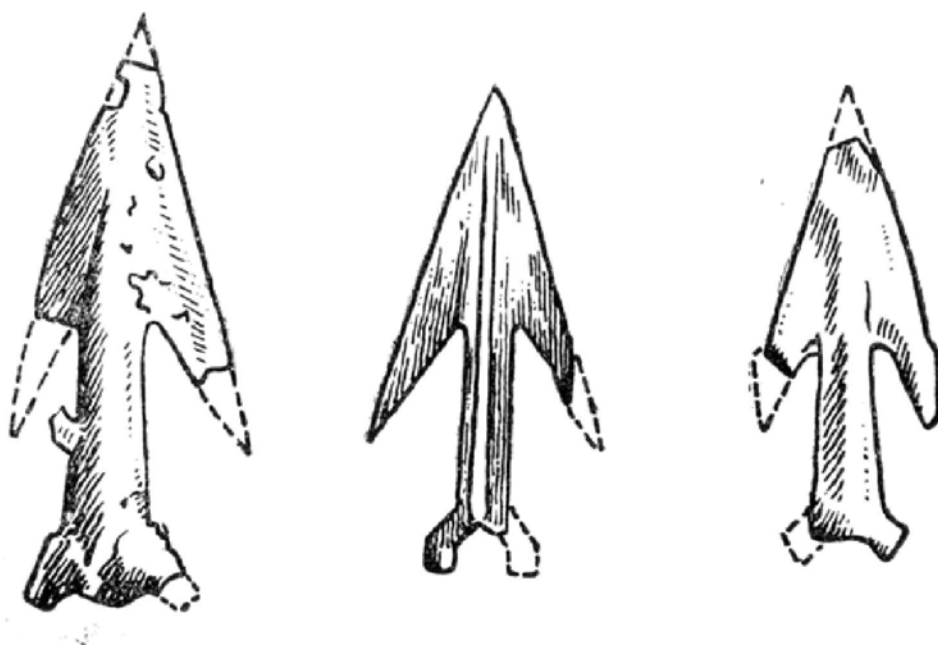

Рис. 60. Бронзовые наконечники стрел Лужицкой культуры

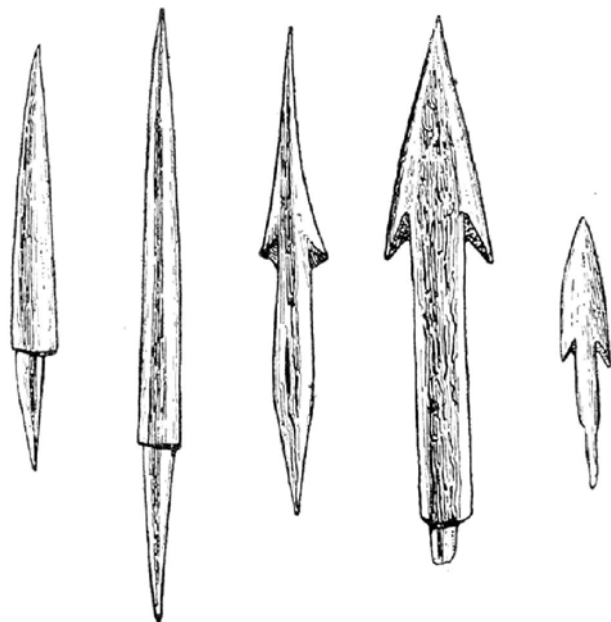

Рис. 61. Костяные наконечники стрел Лужицкой культуры

В противоположность соседним гальштатским воинам лужицкие почти не пользовались колесницами. Колесницы встречены только в чехословацких могильниках на юге ареала этой культуры. О существовании всадников свидетельствуют положенные при погребенных удила. Сначала удила бронзовые с неподвижными большими кольцами на концах. Позднее их делают из железа. При этом конечные кольца либо составляют единое целое с коромыслом, либо неподвижно зажаты в тесной петле, то есть сходны с латенскими. Псалии бронзовые и железные. Относящиеся к VIII — VII вв. до н. э. имеют 3 отверстия с выступами в виде муфточек. Это — псалии гальштатских типов. Есть еще псалии, у которых среднее отверстие заменено петлей; в нее продевались удила. Конец всех таких псалиев может быть загнут, он заканчивается большой шляпкой или полушарным утолщением. Весьма архаичны однопластинчатые роговые удила, на концах которых пробиты квадратные отверстия для привязывания псалиев (Бискупинское городище). Подобного рода удила есть и в украинской лесостепи. Они найдены на городищах чернолесской культуры, например на Субботовском. Один экземпляр таких удил происходит с селища на Тарасовой горе — самом раннем-поселении скифского времени на р. Тясмин. Вернее всего, что и на Бискупинском городище они не могут быть отнесены ко времени более позднему, чем рубеж VII — VI вв. до н. э. С того же городища происходят единичные роговые псалии, изогнутые в слабую дугу, с тремя сквозными круглыми отверстиями. Подобного рода псалии достаточно известны и в Скифии, где они есть еще в первой половине VI в. до н. э., например псалии из погребения с бронзовыми стремевидными удилами у с. Константиновка Мелитопольского района¹⁷. Совершенно подобные псалии известны в лесных городищах на территории СССР (городецкая культура в Чувашии) и в позднейших могильниках кобанской культуры на Северном Кавказе. Вероятно, в лужицкой культуре употреблялись роговые псалии и других форм, так как псалии гальштатского типа с тремя отверстиями в муфточках, сделанные из рога, есть на предскифских поселениях

чернолесской культуры (Субботовское городище), где они могут относиться к VIII — VII вв. до н. э. (рис. 62).

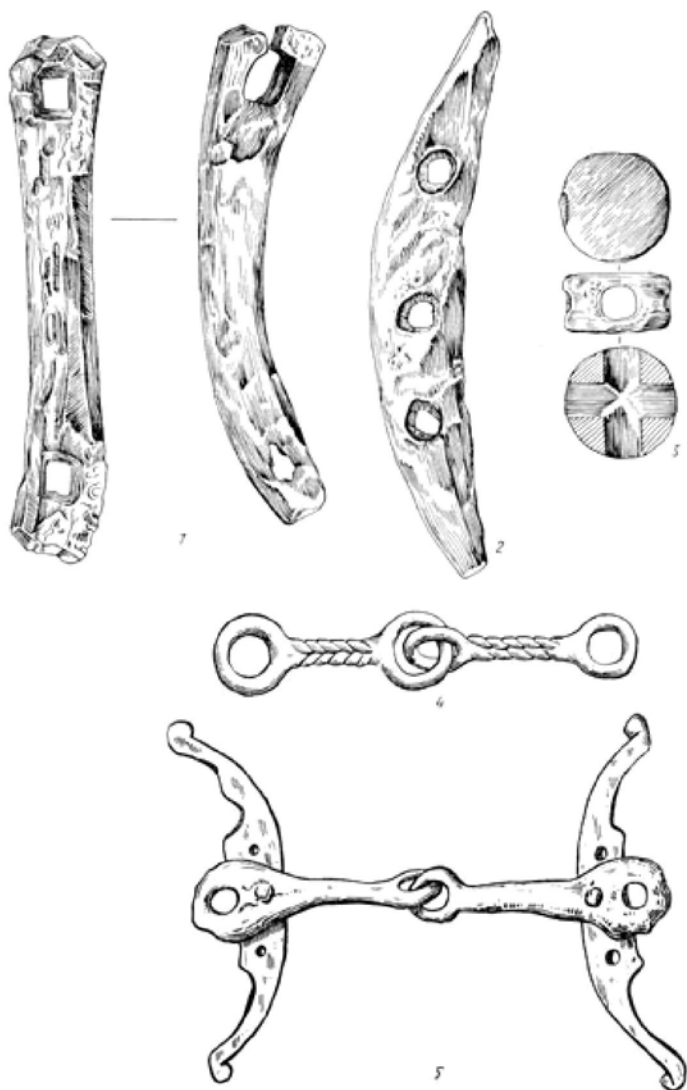

Рис. 62. Конская сбруя Лужицкой культуры :1- роговые удила, 2 роговой псалий, 3 костяная бляха, 4 -бронзовые удила, 5 -железные удила и псалии

На Бискупинском городище было найдено колесо, составленное из двух ясеневых досок, с квадратным отверстием посередине. Такое колесо вращалось вместе с осью. С двух сторон от центрального отверстия сделано по большому полукруглому прорезу, вероятно, для облегчения колеса. Это колесо много примитивнее, чем гальштатские и латенские колеса со многими спицами, часто окованные медными или железными шинами и имевшие в более позднее время ступицу токарной работы. Конечно, такие сложные колеса применялись и лужичанами. На Бискупинском городище несколько раз были найдены глиняные игрушечные колеса с четырьмя спицами. Колеса иногда оковывались шинами, как в гальштате.

Принадлежностью одинаково и мужского и женского обихода служили булавки и фибулы, которыми закалывали запах одежды или плащ. Булавки из бронзы или из железа принадлежат нескольким типам, более или менее однообразно живущим все это

время. Поскольку булавки встречаются при трупосожжениях, как сопровождаемых оружием, так и изобилующих украшениями, следует считать, что их употребляли оба пола. Едва ли не более всех преобладает булавка, у которой головка представляет собой односторонний завиток в один оборот из раскованной пластинки. Этот тип возник в Средней Европе и Приднепровье в конце эпохи бронзы и прожил затем до конца скифской эпохи в области распространения скифской культуры и ее вариантов. Вторым типом — булавки с односторонней многовитковой большой плоской спиралью. Эти булавки также восходят к бронзовой эпохе и живут в лужицкой культуре до ее конца. На советской территории они известны в предскифское время в бассейне Днестра; в области культур скифского типа они не распространились, но привились в культурах лесной полосы вплоть до верхневолжских и верхнеокских городищ, где прожили почти до самого их конца. По крайней мере, головка одной такой булавки найдена на городище Березняки, одном из самых поздних городищ дьяковской культуры.

Третий тип — булавки с головкой из двух больших плоских спиралей, обращенных в разные стороны в одной плоскости. Эти обычно очень крупные булавки мало известны на территории СССР: они встречаются в ранних могилах зарубинецкой культуры в Белоруссии.

Четвертый и пятый типы — гвоздевидные булавки с небольшой конической или круглой плоской головкой. И тот и другой типы — основные для лесостепных культур скифского времени. Первый достаточно обычен для чернолесской культуры. Оба типа есть и в Европе. Они ведут свое происхождение от булавок эпохи бронзы на Западе. Есть также булавки с приплюснутой сфероидальной или острореберной головкой, порой усложненной сверху добавочной шляпкой меньшего размера, и булавки плавно, как лебединая шея, извивающиеся наверху и снабженные планкой или конической головкой. Последние два типа относятся к концу гальштата или к началу латена. На территории СССР они не привились. Булавки часто плавно согнуты в средней или нижней части иглы. Это, конечно, результат закалывания такими булавками одежды из толстых и довольно грубых тканей. Все без исключения перечисленные типы булавок есть не только в погребениях, но и на Бискупинском городище. Эта категория украшений в противоположность фибулам на территории СССР в лесных и лесостепных культурах появилась рано и широко распространилась (рис. 63).

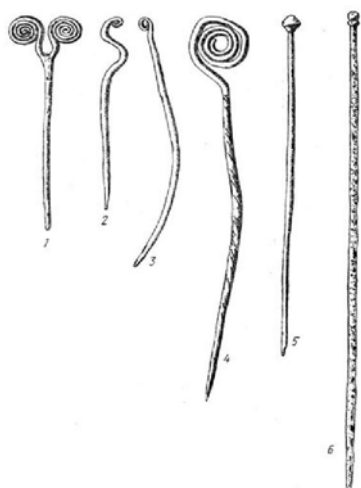

Рис. 63. Булавки Лужицкой культуры

Булавки известны еще в предскифское время, особенно в чернолесской культуре. На этом примере можно хорошо проследить наличие здесь хотя и небольших сношений с племенами лужицкой культуры.

С началом гальштатской эпохи в лужицких могильниках Чехии и Силезии бытовали все основные формы гальштатских фибул. С наступлением латена их сменили фибулы ранней и средней латенских схем. Несколько иначе обстояло дело в Северной и Восточной Польше, где фибулы гальштатских форм малочисленны, но преобладают булавки. Впрочем, в эпоху среднего латена и здесь возросло число фибул среднелатенской схемы. Именно эти формы получили на нашей территории свое оригинальное развитие в могильниках ранней стадии зарубинецкой культуры.

Гривны бывают массивные или проволочные, иногда витые. Концы их мягко заострены или оформлены в виде завитков. Гривны сделаны из бронзы, железа, золота (рис. 64).

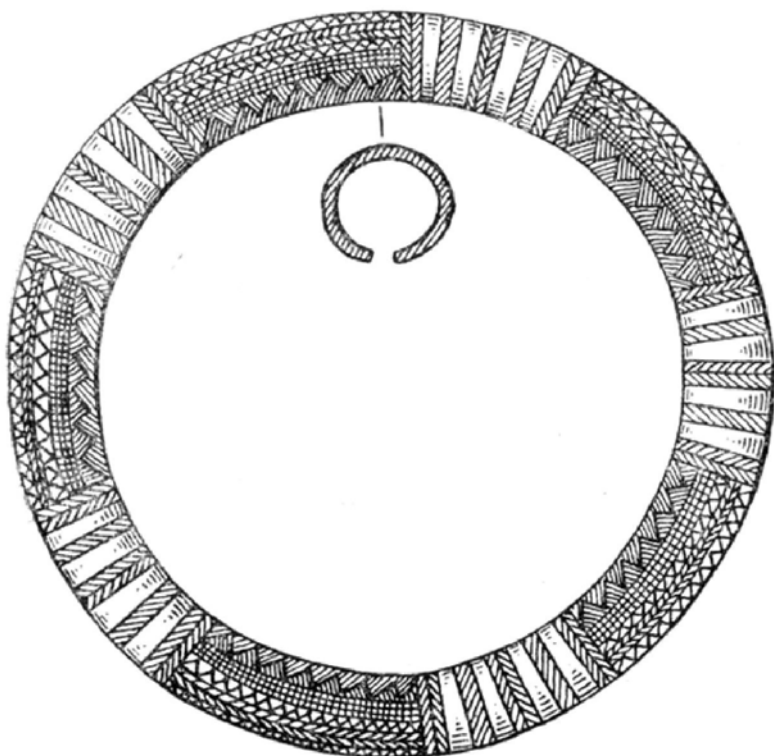
Рис. 64. Гривна (1) и фибула (2) Лужицкой культуры

Браслеты различны. Они часто массивные литые и имеют гладкую поверхность. Концы их совершенно или почти замкнуты. Встречаются браслеты с далеко заходящими друг на друга концами. Очень типичны для Польши массивные браслеты, у которых почти сведены концы, а поверхность покрыта нарезками в виде косых и прямых поперечных линий (рис. 65). Такие браслеты еще в предскифское время проникают в Среднее Приднепровье, особенно на правый берег. Есть в лужицкой культуре и гальштатские

типы с косыми реберчатыми насечками, с крупными выпуклостями. Единицами они проникают на территорию чернолесской культуры (Залевкинский клад)¹⁸. Спиральные и простые проволочные кольца служили перстнями.

Много было в ходу подвесок: к фибулам, браслетам и кольцам. Здесь есть гальштатские трапециевидные подвески. Очень обычны подвески треугольной формы с большим кольцевидным ушком. Они гладкие или покрыты рельефным орнаментом в виде елочки, расходящейся от вершины. Есть прорезные треугольные, несколько напоминающие подгорцевские подвески. Некоторые из таких подвесок попадают в чернолесское время на правобережье Днепра.

Нашивные бляшки просты и многочисленны. Известны бляшки полушарные с двумя отверстиями и плоские из двух соединенных широкой перекладиной кружков. Как показала находка совершенно таких же бляшек в небольшом кладе Субботовского городища чернолесской культуры, они прикреплялись при помощи тесьмы за эту перекладину. Какие части одежды ими обшивали — неясно. Есть и другие бляшки более или менее сложных форм. Например, бляшки в виде низкого сегмента с коническим острием на середине.

Рис. 65. Браслет Лужицкой культуры

Ожерелья составлялись из проволочных тугих спиралей-трубочек и простых трубочек из бронзы, из ластовых рубчатых пронизей, синих и красных с белыми и желтыми кружками и глазками. Есть глиняные, роговые и бронзовые приплюснуто-шаровидные и яйцевидные бусины. На Бискупинском городище найдено 76 бус, 55 из них синего стекла

с разными узорами. Как и в Западной Европе, число бус, особенно импортных, растет к концу бытования культуры.

Среди домашних занятий было, конечно, изготовление глиняной посуды. Хотя районы культуры различаются археологами по отличиям в керамике, все же общие черты есть всюду. Керамика лужицкой культуры, относящаяся к железному веку, продолжает развитие форм предшествующего времени. Широко распространены горшки с острым ребром и конически суживающейся к устью верхней частью, иногда большей, чем низ сосуда. Они бурого цвета, то покрытые лощением, то просто сглаженные рукой. Они по большей части без ручек, но бывают с ушками. У некоторых из них ребро стало скругляться. Похожие на кринки сосуды, ведущие начало от «амфор» эпохи бронзы, утрачивают резкость перехода от тулова к шейке. На этом месте в ряде случаев сохраняются ручки-ушки. Эти сосуды тоже бывают покрыты лощением бурого или черного цвета. Обе группы сосудов часто исполняли роль погребальных урн. Орнаменты на обеих формах сходны. Под шейкой ниже одной-трех бороздок или горизонтальных каннелюр свисают полукруглые фестоны, выполненные каннелюрами же, или равнобедренные треугольники вершинами вниз, по-разному заштрихованные. У остросереберных горшков под ребром бывают горизонтальные ручки-упоры. Очень распространены «баночные» сосуды. Они иногда подлощены, по большей части просто сглажены, иногда с комковатой поверхностью. В отличие от баночных сосудов срубной культуры лужицкие банки иногда имеют ручки-ушки почти под устьем. Очень много мисок, иногда лощеных, иногда просто сглаженных. Край их по большей части срезан прямо, лишь изредка он слабо отогнут или, наоборот, загнут внутрь. Дно мисок сравнительно широкое. Бока плавно поднимаются к краю, но бывают и остросереберные. Многие миски имеют ушко под устьем, редко — два. Орнаменты немногочисленны и редки: выступы под ребром, резные линии с одним или двумя рядами треугольников. Замечательна одна простая миска с Бискупинского городища. На ней под двумя рядами геометрического орнамента резными линиями изображены схематически олени и всадник. Многочисленны кубки и так называемые черпаки. Они либо остросереберны и напоминают горшки той же формы, либо подражают баночным сосудам, либо имитируют миски. В последнем именно случае польские и чешские археологи называют их черпаками. У всех черпаков одна общая черта — небольшая ленточная ручка. Она едва приподнимается выше края и одним концом прилеплена к нему, а другим — к середине тулова. Есть и другие сосуды разных, более редких форм. К их числу принадлежат, например, миска с круглыми отверстиями на дне — дуршлаг и плоские тарелки с вертикальным краем (рис. 66).

Рис. 66. Керамика Лужицкой культуры: 1 - горшок с острым ребром по тулову, 2- сосуд-урна, 3 - подставка, 4 - баночный сосуд, 5, 7, 8, 9- миски и чаши, 6, 10- кринкообразные сосуды

Довольно часто глину применяли для ткацких грузил и для пряслиц. Были и другие области их применения, например из глины делали игрушки. Среди них есть специально слепленные кружки до 4 см диаметром. Такие кружки известны в милоградской культуре и на Бельском городище скифского времени под Полтавой. Много погремушек, особенно в виде боченочков. Близкие к ним нередко встречаются на дьяковских городищах по Оке и Волге. Есть фигурки птичек. Некоторые из них служили тоже погремушками. Встречаются также статуэтки свинок, бычков и т. п. Все это хорошо представлено на Бискупинском городище. Именно там найдены обломки глиняных колесиков с четырьмя спицами. Впрочем, бывали и более интересные игрушки. К их числу можно отнести бронзовый серпик-миниатюрку с того же городища.

Кроме глиняной посуды известна и деревянная. Все в том же торфе Бискупинского городища были найдены овальные блюда из дерева с выступами вместо ручек по краю, ковши и т. п.

Встречаются, особенно в чешских вариантах культуры, бронзовые ситутлы и цисты, бронзовые миски и кубки, часто с чеканным орнаментом, или даже золотые чаши, уже знакомые нам по кладам. Во многом они напоминают итальянские образцы, а некоторые прямо привезены из Италии.

МЕТАЛЛУРГИЯ И ДОМАШНИЕ ЗАНЯТИЯ,

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Металлургия лужичан отразилась, в частности, в описанных выше кладах: в золотых — ювелирное дело, в бронзовых — меднолитейное мастерство по изготовлению орудий и украшений. Кроме литья, эти клады указывают на распространенность умения выбивать из листов золота или бронзы чаши и миски, покрытые чеканными кружками, выпуклостями, точками и звездами. Едва ли золотых дел мастера и торговцы золотом жили в каждом из укрепленных поселений. Иное дело бронзолитейные мастерские. Они, может быть, были распространены повсеместно. По крайней мере, известны случаи находок у городищенских валов следов бронзолитейных мастерских. В Чехии такие остатки были встречены неоднократно. На Бискупинском городище найдено довольно много приспособлений для бронзолитейного дела¹⁹. Например, концы прямых и плавно под углом изогнутых сопел и различные глиняные формы для отливки гвоздевидных булавок с дисковидной головкой, для полых и массивных браслетов и гривен, для длинного стержня и *т. п.* У форм имелись отверстия для выхода воздуха и для вливания металла. Среди этих вещей есть льячки из глины с полой ручкой и овальным толстостенным ковшиком для жидкого металла. Найденные сопла могли служить и для кричных горнов (рис. 67).

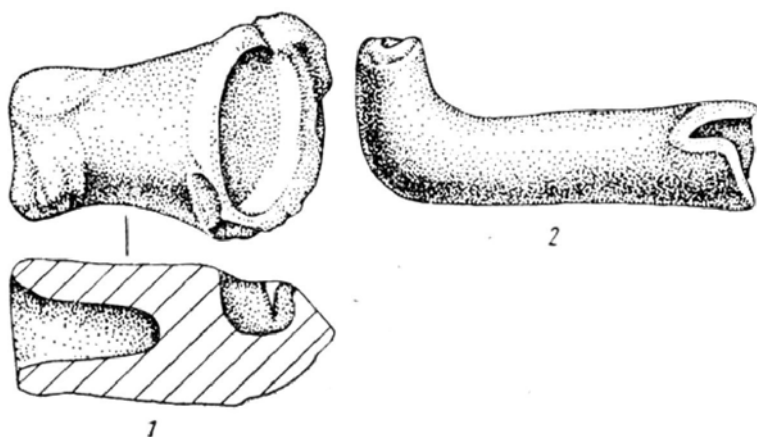

Рис. 67. Льячка (1) и сопло (2) с Бискупинского городища

О металлургии железа свидетельствует наличие в погребениях и на городищах оружия, орудий и украшений оригинальных лужицких типов. Более точных сведений о кузнечном лужицком деле нет.

На почве металлургии развилось у лужичан плотничное и деревообделочное мастерство. Нам уже известно их строительное искусство. Топор был главным инструментом. Его

следы хорошо видны на столбах Бискупинского городища. При забивке столбов пользовались деревянными и роговыми колотушками. Длястроек кроме бревен изготовляли деревянные колки и гвозди. Из дерева, как показывает пример того же городища, делали посуду, мутовки для сбивания масла, ручки кельтов, деревянные плуги и сохи, древки стрел, рукояти ножей, полавки к удочкам и сетям.

Кроме металлургии и деревообделочного мастерства, лужичане трудились над обработкой рога и кости. Из них они делали наконечники копий и стрел, удила, псалии, бляшки для сбруи. Мотыги разного фасона изготовляли из трубчатых костей и оленьих рогов. Струги из ребер, гладилки, шилья и проколки из трубчатых костей вырабатывали для шитья и кожевенных работ. Делали и многое другое. По широте бытового употребления предметов из кости лужицкие городища сходны с предскифскими и ранними скифскими, а также с ранними городищами лесной полосы Восточной Европы. Это вызвано, конечно, общностью форм хозяйства.

Круг женских домашних занятий в основном заключался в обработке продуктов сельского хозяйства и промыслов. Женщина обрабатывала поля мотыгой; терла на зернотерке зерно в муку; скоблила и мяла кожи костяными стругами и гладилками. Костяными проколками и шильями, железными иглами сшивали одежды и, может быть, обувь, так как некоторые из железных игл согнуты. У этих последних есть ушко; костяные иглы часто имеют на тупом конце зарубку для привязывания нитки. Большую часть костяных и роговых вещей лужичан сохранило Бискупинское городище. Оно же сберегло в фрагментах и деревянные части вертикальных ткацких станков и вместе с ними высокие усеченные глиняные пирамидки с отверстием наверху — грузики для натягивания основы. Грузики эти довольно высоки (до 24 см, рис. 68).

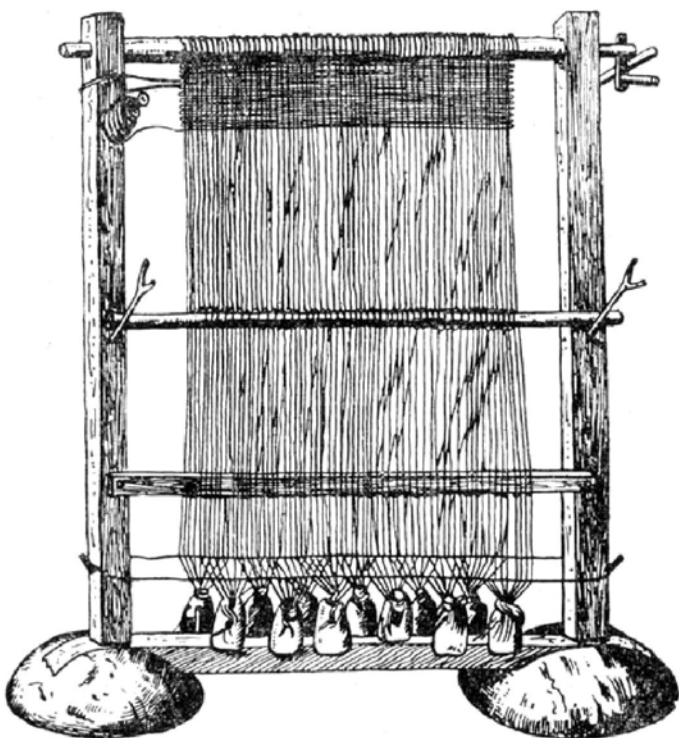

Рис. 68. Ткацкий станок Лужицкой культуры. Реконструкция

Пряслица для веретен тоже из глины, в большинстве случаев в виде глиняного кружка до 5 см в диаметре с широким отверстием. В небольшом числе есть пряслица в виде приплюснутого шарика²⁰.

Весь описанный быт основывался на развитом сельском хозяйстве. Земледелие было пахотным. На Бискупинском городище обнаружены деревянные лопатовидные вставные сошники к деревянным плугам типа известного плуга из Деструпа в Ютландии. Вероятно, в ходу были плуги с узким плоским ползуном вроде упоминавшихся выше гальштатских легких плугов. Применение мотыг несомненно. Есть долотообразные орудия из трубчатых костей, есть мотыги из отростков оленьих рогов, у которых иногда ручкой служила более длинная ветвь. Не исключена возможность применения в качестве мотыги железных тесел с боковыми выступами, поскольку в Скифии они служили именно для копки земли. Для уборки хлеба сначала употребляли бронзовые серпы. Но в эпоху городищ они уже сменились железными. Два таких серпа известны с Бискупинского городища. Они напоминают скифские, но много шире, дуга их ближе к прямому углу, но для ручки сделан такой же упор-столбик, поставленный под прямым углом к плоскости серпа (рис. 69).

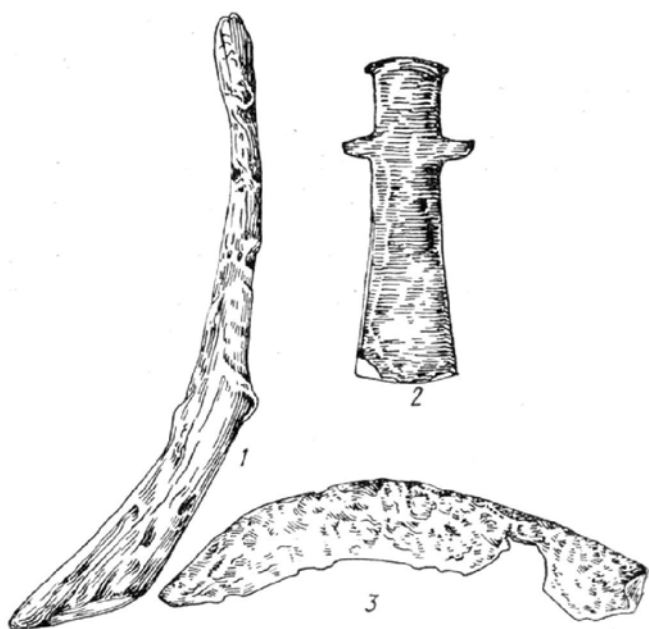

Рис. 69. Деревянный сошник (1), железное тесло (2) и железные серп (3) с Бискупинского городища

На том же городище были известны: мягкая пшеница, ячмень, просо, бывшие основным хлебом, лен и семена сорняков. Для изготовления муки служили каменные овальные зернотерки до 30 — 40 см длиной, круглые и цилиндрические терочки. Скотоводство охватывало все породы домашних животных. 98,8% от всего числа костей принадлежит домашним животным. Здесь были: свинья, корова, овца и коза. Поскольку плуги известных лужичанам типов повсюду тянули волы, они, вероятно, служили и здесь для этой цели. Лошадь шла и под верх, и в упряжь, и для разных нужд. Стадо охраняли

большие собаки вроде овчарок. Коровье масло сбивали такими же мутовками из верхушки елки, какие в ходу и по сей день. Творог откидывали на глиняном дуршлаге.

Всего 1,2% находимых костей приходится на долю диких животных. Среди промысловых животных — медведь, волк, барсук, выдра, заяц, бобр, кабан, олень, зубр, следовательно, били и пушных зверей, и таких, которые шли на мясо. Может быть, именно охота на оленей изображена на упомянутой миске с Бискупинского городища. Оленьи рога шли на стрелы и копья. Ничего неизвестно о ловушках, но в Польше деревянные капканы на оленей типа, известного еще в бронзовом веке, дожили почти до наших дней. Такой доисторический капкан известен из Бранденбурга, то есть из области лужицкой культуры. Охотились и на водоплавающих птиц; довольно много утиных костей было найдено на Бискупинском городище.

Свидетельством рыболовства служат бронзовые крючки с бородкой, круглые поплавки, вырезанные из коры, применявшиеся для сетей, а, может быть, также и для удочек. С ними же связаны различные грузила. Деревянные весла и уключины служили для лодок, употреблявшихся, конечно, и для рыболовства, и для передвижения по озеру.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И

ВОПРОС ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Каким формам родо-племенной организации могут соответствовать лужицкие укрепленные поселения? Длинные дома Бискупинского городища по-разному были восприняты учеными. Так, ознакомивший с ними широкий круг советских читателей, безвременно скончавшийся *М. В. Воеводский* сравнивал их с длинными домами матриархальных племен ирокезов²¹. Он счел невозможным прямо высказаться за наличие здесь материнского рода и ограничился тем, что рассматривал секции длинных домов, отделенные друг от друга глухими стенами и имеющие изолированные выходы, как жилища отдельных семей, обособившихся довольно прочно по сравнению с парными семьями матриархальных племен. Поселение же в целом он отнес к «поздней стадии родового общества». *П. Н. Третьяков* считает длинные дома таких типов за жилища патриархальных больших семей, а все Бискупинское поселение за родовое или общинное объединение²². Пожалуй, будет осторожнее не решать вопроса о том, род или соседская община оставили каждое из таких городищ. Судя по общему стойлу и житнице Баальсхеббеля, приходится считать, что хозяйство в таком небольшом укрепленном поселении велось сообща. О том же свидетельствует однообразная и небогатая обстановка отдельных секций длинных домов. В то же время, на наш взгляд, трудно отрицать появление родо-племенной лужицкой аристократии еще в начале железного века. Достаточно вспомнить Королевский курган — погребение богатого воина, относящееся к этому времени. Драгоценные клады золотых сосудов и мотков золотой проволоки, может быть, не только клады золотых дел мастеров, но и богатых людей. В конце лужицкой культуры имущественное неравенство резко возросло. Но все-таки невозможно не усмотреть трудового быта жителей даже таких мощных укрепленных поселений, как Бискупинское, и отрицать общественное совместное хозяйство больших

патриархальных семей и даже целого рода или общины, как в Бискупине²³. К концу культуры рост значения отдельных семей внутри большой семьи выражен не только в наличии секций, отгороженных наглухо друг от друга в одном длинном строении, но и в распространении повсеместнообщинных семейных погребений. В то же время, за исключением Поморья и Силезии, нигде не выработался обряд обязательного положения в мужские могилы оружия: функция воина не подчеркивалась как нечто основное. Поэтому едва ли можно, подобно гальштатскому обществу, реконструировать лужицкие племена как повсеместно достигшие стадии военной демократии. Может быть, к ней стало приближаться в пределах этой культуры лишь население двух только что указанных областей, где воинственный характер мужских погребений достаточно подчеркнут. Этому отнюдь не противоречат укрепленные деревни лужицких земледельцев железного века.

Около десятка местных вариантов культуры могут соответствовать нескольким союзам племен или племенам. Наличие богатств сначала в виде стад и запасов хлеба, затем в виде металлической утвари и украшений побуждало к стремлению обогатиться за счет соседей и вело к необходимости укреплять племенные или родовые центры, а то и поселения отдельных общин. *И. Костшевский* полагает, что начавшееся в конце VI в. до н. э. проникновение носителей поморского варианта лужицкой культуры на юг, в глубь основной ее территории, вызвало усиленное строительство укрепленных поселений и обычай подчеркивать воинские функции мужчин в погребениях. Впрочем, троекратное исправление бискупинских стен указывает на постоянную военную опасность, что скорее возможно отнести за счет внутренних межплеменных столкновений, а не только за счет внешних нападений.

В вопросе об этнической принадлежности древних лужичан не существует единого мнения. Так, германские археологи конца XIX в. были склонны видеть в лужицких городищах культовые места одного из племен свевов, а именно семнонов. О семнонах в «Германии» Тацита говорится, что они давным-давно сидят за Эльбой и оттуда вышли все остальные свевы. Тацит свидетельствует и о нахождении в их земле религиозного центра. *К. Шухгардт* доказал, что городища — не святилища, а поселения, но приписал их тем же семнонам²⁴. Он придавал столбовым домикам с сенями на столбах роль прототипа мегаронов микенской культуры, хотя ныне известно, что этот тип средиземноморского дома был уже во второй Трое (рубеж III — II тысячелетий до н. э.), а в Сирии существовал еще раньше.

Однако связывать данные Тацита о германцах первых веков Римской империи с лужицкими племенами трудно. Поэтому даже Г. Коссина, вдохновитель нескольких поколений шовинистически настроенных германских археологов, предпочитал считать эти племена сначала карпидами, а затем иллирийцами, что очень сомнительно ввиду гораздо более южных и исконных связей иллирийцев²⁵.

Чешские и польские археологи уже довольно давно видели в лужицких племенах древнейших славян²⁶. В последнее время особенно потрудились над этим вопросом польские археологи. Так, перед самой второй мировой войной *И. Костшевский* боролся с

тенденциозными утверждениями немецких ученых. Его взгляды решительно поддержал и развил польский лингвист Т. Лер-Сплавинский. Он полагал, что общеславянский язык кристаллизовался в западной лужицкой области и распространился на восток вместе с другими элементами той же культуры. Впрочем, он полагал, что некоторая часть лужичан могла войти в число предков соседних кельтов и иллирийцев. Археолог Т. Сулимирский особенно широко стал пропагандировать этот взгляд. Он утверждает, что лужицкая культура к началу железного века достигла Западного Буга, а затем ее очень сильное влияние распространилось вплоть до Днепра, образовав сначала висоцкую, а затем ряд других смешанных культур на правом берегу Среднего Днепра, в которых лужицкие элементы сыграли крупную роль. Близки к этим взглядам мысли чешского археолога Я. Филипа. Он прямо приравнивает лужицкие племена к древнейшим славянам и выдвигает много аргументов разной степени убедительности. Среди этих аргументов прежде всего тот, что лужицкие племена обитали на территории позднее чисто славянской, что славянские городища сплошь и рядом возникают на месте лужицких. Он находит в погребальном обряде и в археологической культуре славян многочисленные черты сходства с лужицкой. *Я. Филип* наиболее полно развивает взгляд на лужицкие племена как на предков славян.

Вопросам славянского этногенеза более всех из советских археологов отдает внимания П. Н. Третьяков. Он признает за лужицкими племенами роль одной из групп ранних славян. По его мнению, земледельческие племена с культурой скифского типа, обитавшие в правом бережном лесостепном Приднепровье, сыграли большую роль в образовании позднейших восточных славян²⁷.

В 1949 г. украинской археологии сильно помогло открытие *А. И. Тереножкиным* чернолесской культуры. Можно считать категорически верным, что культура скифского времени в Среднеднепровском правом берегу и на Ворскле есть наслоение на чернолесскую основу скифских форм быта, причем последние далеко не во всем затушевали эту основу в новой смешанной археологической культуре. *А. И. Тереножкину* удалось показать, что отдельные явления лужицкой культуры есть в Приднепровье, но, в общем, это лишь некоторый и очень небольшой результат соприкосновения обеих групп племен, что ни о какой серьезной экспансии лужицкой культуры в этом направлении говорить нельзя²⁸. Сущность чернолесской культуры остается во многом иной, чем лужицкой, но все же в ней, особенно в керамике, есть несколько черт центральноевропейских.

В настоящее время среди польских лингвистов появилась тенденция (*К. Мошинский*) отрицать славянскую принадлежность лужицкой культуры. *А. И. Тереножкин* принимает эту новую гипотезу и утверждает праславянство чернолесских племен. Все три точки зрения — и польских ученых, и *П. Н. Третьякова*, и *А. И. Тереножкина* — конечно, более или менее гипотетичны, поскольку речь и лужицкого и чернолесского населения, может быть, навсегда останется неведомой.

Польские и чехословацкие археологи склонны усматривать в находках скифских наконечников стрел на территории лужицкой культуры результат набегов скифов, видя

их в населении Подолии²⁹. Но этих находок довольно много, а племена Подолии с культурой скифского облика были далеко не так воинственны, как собственно скифы. Конечно, отрицать такие столкновения нельзя, однако наконечники стрел, находимые в валах лужицких городищ, как и сами укрепления, могут быть и, вероятнее всего, были следствием внутренних столкновений лужицких племен. Влияние скифской культуры сказывается и в знаменитом золотом кладе 1882 г. из Веташкова (немецкое Феттерсфельд) в окрестностях Губина³⁰. Он содержал скифский акинак архаического типа со звериными изображениями, рукоять другого акинака, золотую рыбу, покрытую изображениями зверей (вероятно, скифский конский наносник), и несколько других вещей в том же стиле. П. Н. Третьяков предполагает, конечно, условно, что владелец клада мог быть славянским военачальником с юго-востока или скифским завоевателем. Во всяком случае трудно следовать за польскими и чешскими археологами в том, что именно «скифские» набеги привели лужицкую культуру к упадку. Традиции этой культуры прослеживаются в керамике и в обряде подколпачных погребений Польши, очень похожих по своему ритуалу на старые лужицкие.

Мы не можем здесь высказать иных мнений, кроме приведенных выше, и не решаемся еще полностью присоединиться к мнению А. И. Тереножкина. Однако нам думается, что лужицкая культура, в общем, одноэтнична и ее местные деления соответствуют, скорее всего, отдельным племенам или союзам племен. За это говорит уж очень большое единство этой культуры в основных формах ее материального выражения. Конечно, это не исключает возможность покрытия ею на окраинах соседних, иных по языку племен. Только нет возможности проследить это наверняка, как можно сделать, например, по отношению к степной скифской культуре дельты Дона, где, по греческим свидетельствам, жили меоты, хотя культура их вполне тождественна с нижнеднепровской.

РАЗДЕЛ II

ПЕРЕХОДНАЯ ЭПОХА ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ

ПЛЕМЕН ЮГА И СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ПОЯВЛЕНИЕ СТАРЕЙШИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ВЕЩЕЙ В НЕДРАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предскифская, или киммерийская, эпоха

На территории Западной и Центральной Европы на рубеже бронзового и железного веков господствовали сперва местные культуры. К концу II тысячелетия до н. э. они уступили место возникшим тогда раннегальштатским формам материального быта. Гальштатская эпоха сменилась латенской, охватившей, в общем, те же районы, но с центром уже не на Дунае и в Адриатике, а в кельтских землях Франции и Чехословакии.

Лет за 200 с небольшим до ее начала железо в основном стало побеждать бронзу. Несколько иная картина прослеживается в Восточной Европе, в пределах Советского Союза. Эта колоссальная территория была и самобытна в культурном отношении, и в то же время открыта для разнообразных сношений, в том числе и с западными соседями. Но две ее основные географические зоны, степь с лесостепью, с одной стороны, и лесная зона — с другой, хотя и не были совершенно оторваны друг от друга, но отличались условиями общественного развития и передвижений настолько сильно, что в них сложились два весьма различных культурных массива. Степные культурные формы иногда подчиняли себе лесные. Впрочем, их влияние более сказывалось в восточной части, на территории городецкой и ананьинской культур.

В южных областях еще в эпоху бронзы сильно развились скотоводство и земледелие, в северных — темпы сельскохозяйственного развития были замедлены изобилием лесов и суровым климатом. С одной стороны, борьба с трудными условиями лесной природы, с другой — изобилие природных благ в виде охотничьих и рыбных богатств замедляли экономическое и социальное развитие. В то время как в степных районах еще с эпохи трипольской и ямной культур расцветали земледелие и скотоводство, в лесной зоне они стали решительно на первое место лишь с эпохи возникновения здесь городищ, то есть с VII в. до н. э.

О замедленном темпе развития в северных областях свидетельствуют поселения бронзового века, на которых много каменных орудий и круглодонной посуды, покрытой орнаментом из рядов ямок и отпечатков гребенки, так называемой «ямочно-гребенчатой» керамики. Бронзовые вещи там единичны, меди совсем нет, ее берегли, мало теряли и, вероятно, переплавляли по многу раз. Сколько-нибудь массовых могильников этого времени неизвестно. Но в то же время здесь есть могильники фатьяновской культуры, пришлые племена которой были, несомненно, скотоводческими. Их керамика совершенно иная, шаровидная, с другой орнаментикой. Их поселения пока еще не найдены нигде, кроме Чувашии. Итак, на севере охотничьи и скотоводческие племена разных культур жили попеременно, и около тысячелетия понадобилось на то, чтобы охотники и рыболовы поняли выгоды скотоводства и приняли его как основной вид хозяйства наряду с примитивным земледелием.

Соответственно этому в лесной полосе еще долго сохранялись первобытнообщинные отношения, едва ли зашедшие дальше семейной патриархальной общины. На юге же складывались большие союзы родственных племен, перешедших в скифское время к формам политической организации типа военной демократии, а иногда уже достигавших стадии примитивных государств.

В сферу письменной истории южные области при их относительной отдаленности от греко-римского мира вступили в несколько более раннее время, чем северные.

Огромная площадь, о которой идет речь, изучена очень неравномерно. В сущности, до Великой Октябрьской революции она была известна пятнами. В южной полосе из поселений изучались и раскапывались почти исключительно древнегреческие города.

Сведения науки о раннем железном веке были очень неполны, и лишь в настоящее время может быть переброшен мост от эпохи бронзы ко времени, соответствующему средиземноморской античности. Предшествующие раннему железному веку Восточной Европы культуры бронзового века создавали совершенно разные предпосылки для перехода к употреблению железа как основного жизненно необходимого металла. В степной и лесостепной полосе нашего европейского Юга спорадическое применение железа началось, почти как в Передней Азии, еще в недрах бронзового века¹. Не отставал этот район и от Средиземноморья. Еще во II тысячелетии до н. э. в лесостепных и степных культурах был освоен в какой-то примитивной форме сыродутный процесс. Отдельные мелкие железные предметы известны с очень раннего времени. Едва ли не древнейшим изделием из железа мы должны признать наконечник копья или нож листовидных контуров, одинаково заостренный сверху и снизу, найденный *И. В. Синицыным* при раскопках в Калмыкии в кургане № 6 урочища Бичкин-Булук. Рядом с этим острием лежал бронзовый вис-лообушный топор типа, известного на Северном Кавказе и относимого *А. А. Иессеном* ко времени около второй четверти II тысячелетия до н. э. Анализ острия из Бичкин-Булука показал, что оно содержит большую примесь никеля, то есть сделано из метеоритного железа². В этом отношении бичкинбулукская находка близка кинжалу из гробницы Тутанхамона.

На Северо-Западном Кавказе в Прикубанье в ряде случаев известны находки мелких железных орудий конца II и начала I тысячелетия до н. э. Впрочем, их даты нуждаются в некотором пересмотре. Древними являются также кое-какие находки из поселений срубной культуры в среднем течении Дона. На однослойном селище у Воронежской ГЭС на р. Воронеж, которое по составу керамики казалось относящимся к раннему этапу срубной культуры (или к XVI — XII вв. до н. э.), *Ю. А. Подгаецким* найдено немало следов бронзолитейного мастерства, а также железные шлаки. Эти шлаки содержали 5,1% закиси железа и 64,2% его же окиси, что свидетельствует еще об очень неумелой сыродутной варке этого металла. Здесь же было найдено железное четырехгранное шило с обоими заостренными концами, один из которых перекручен в два оборота.

П. Д. Либеров высказался за несколько более позднее время шлаков и шила с Воронежской ГЭС (Монастырщина). Он категорически относит их к срубной культуре, но не раннего, а позднего этапа. К этому выводу его приводят немногочисленные черепки с валиком, которых мы не знали³. В сущности, наше расхождение о времени не принципиально. Кто бы из нас ни был прав, факт появления мелких вещей из рудного железа во II тысячелетии до н. э. *остается* в силе. Вероятнее все-таки, что эти находки — еще первого периода срубной культуры: количество посуды с налепным валиком здесь слишком еще ничтожно.

А. Н. Москаленко при раскопках селища этого же времени у хутора Семидворки в Костенковском сельсовете Воронежской области нашла железный кричный прутик — заготовку для ножа или шила. Другие железные вещи относятся уже к поздней стадии срубной культуры (рис. 70).

Рис. 70. Старейшие находки железных вещей на территории СССР: 1 — бронзовый топор и 2 — железный нож (Бичкин-Булук), 3 — железное шило (Воронежская ГЭС), 4 — железный кричный пруттик (Семидворки)

На селище абашевской культуры в урочище Баланбаш близ города Ишимбаево в Башкирии К. В. Сальников обнаружил железные шлаки второй половины II тысячелетия до н. э. Их культурная принадлежность несомненна, так как это селище однослойно. В лесостепных районах на Собковском селище белогрудовской культуры в Винницкой области был найден кричный железный шлак. Белогрудовскую культуру датируют, в общем, с XI по IX в. до н. э. От нее произошла чернолесская культура, в которой в VIII — VII вв. до н. э. применение железа (наряду с бронзой) для орудий и оружия вполне очевидно. В других культурах пред-скифского времени, например таких, как бондарихинская и висоцкая, железо встречается редко и уже относится в основном к VIII—VII вв. до н. э.

КИММЕРИЙЦЫ В ГРЕЧЕСКИХ И

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Немногие сведения о киммерийцах — первом народе, связавшем историю нашей Родины с историей средиземноморских греков, сбивчивы и неясны. Они оставлены нам ранними греческими писателями и несколько подкреплены данными переднеазиатской клинописи (рис. 71).

Рис. 71. Изображение киммерийца на греческой вазе

С раннего времени, еще, очевидно, до становления текста «Илиады» и тем более до рассказа Геродота о том, как образовались савроматы от браков скифов с амазонками, сложилась легенда о походе амазонок в Европу и Малую Азию вплоть до Афин и Трои. Эта легенда получила даже свое школьное отражение на знаменитом паросском мраморе — учебной хронологической таблице, датируемой 264 — 263 гг. до н. э., по которой этот поход состоялся в 1256/1255 гг. до н. э. По-видимому, эта легенда была сильно распространена в древности у различных авторов. Очень важен рассказ Николая Дамасского, современника Цезаря и Августа, о походе амазонок до Афин и Киликии. В этом видна путаница ранней традиции с более историчными сведениями о походах киммерийцев под началом Лигдамия в середине VII в. до н. э., закончившихся в Киликии. Поэтому вполне вероятно, что в легендах об амазонках отразились древнейшие походы племен, обитавших у Меотиды (Азовского моря), в Европу и Малую Азию, и в том числе киммерийцев. Та же традиция об исходных пунктах доисторических походов амазонок отражена в комментарии фессалоникийского митрополита Евстафия, изданном в 1170—1175 гг. н. э., к стиху 653 «Описания Вселенной» некоего Дионисия, что амазонки дошли до Афин, перейдя через Истр. Гомер помещает киммерийцев где-то на крайнем севере, рисуя их обиталище как преддверие царства мертвых.

Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; Там Киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль Он покидает, всходя на звездами обильное небо, С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь; Ночь безотрадная там искони окружает живущих⁴.

С расширением географических знаний греков за пределы ближайших морей странствования Одиссея с Эгейского моря были распространены ими сначала на Черное, а потом и на Средиземное море. География Гомера толковалась в древности сообразно этим расширявшимся представлениям. Киммерийцы оказывались в самых неожиданных местах, особенно там, где суеверная фантазия помещала вход в царство мертвых, например в Кампании близ Арвернского озера⁵. Только Геродот локализует их более точно, на северном побережье Черного моря. Из его контекста можно заключить, что основной областью обитания киммерийцев был Восточный Крым, особенно Керченский полуостров. Там находились местности с названиями, производимыми от их этнонима: Киммерийские стены, Киммерийские переправы, Киммерийская область и Боспор Киммерийский. Однако локализация Геродотом могилы киммерийских царей у города Тиры, в устьях Днестра, позволяет предполагать наличие тех или иных групп киммерийцев и за пределами Крыма, в степных районах⁶.

Позднейший географ Страбон около нашей эры сообщает в общих чертах те же сведения, почерпнутые из какого-то близкого к Геродоту, но использовавшего другую версию источника⁷. Из его данных следует, что киммерийцы занимали еще самую северо-западную оконечность Таманского полуострова. Он называет где-то в Крыму гору Киммерий, город Киммерик на Керченском полуострове и Киммерийское селение на

северо-западном конце Таманского полуострова. Тот же географ сообщает о походах киммерийцев, иногда вместе с трерами, через Кавказ в Малую Азию. На рубеже VII и VI вв. до н. э. киммерийцев окончательно сменили в степях Причерноморья и Крыма скифы, соседившие с ними еще в начале I тысячелетия до н. э.

Когда под начальством царя Лигдамия киммерийцы подошли к Эфесу, Каллин, поэт середины VII в. до н. э., призывал молодежь защищать родину. Каллимах (310 — 225 гг. до н. э.) сохранил об этом сведения, может быть, восходящие к тому же Каллину⁸. Насколько был силен разгром Эфеса и был ли он взят — неясно. Тогда же были взяты киммерийцами и Сарды. Это произошло при царе Лидии Гигесе (около 692 — 654 гг. до н.э.), скорее всего в 654 г. до н. э., когда и погиб Гигес⁹. При его сыне Ардисе (654 — 605 гг. до н. э.), по-видимому, была взята Магнесия, о чем сообщает тот же Каллин. На 7-й год его царствования, то есть около 647 г. до н. э., вторично были заняты Сарды. Однако Лигдамий не смог занять акрополь и ушел в Киликию, где и погиб. Очень интересна характеристика, данная Геродотом киммерийским набегам: «До царствования Крэза (около 561 — 546 гг. до н. э.) все элины были свободными: войско киммерийцев, вторгавшееся в Ионию до Крэза, не привело к покорению греков, а только к разграблению при внезапном налете» (Геродот, I, 6). Они были изгнаны из Лидии вновь и окончательно при правнучке Гигеса царе Алиатте (около 617 — 561 гг. до н. э.). Разно у Геродота и у Страбона передается рассказ об их изгнании скифским царем Мадием, сыном Прототия. У Геродота, скифы, изгнав киммерийцев, пошли в Мидию и к Ниневию. По Страбону, киммерийцы и треры были изгнаны Мадием при царе Кобе. Все это, по новейшим данным, произошло в 614 — 610 гг. до н. э. По Геродоту, совершенно точно указывается, что киммерийцы шли через Кавказ в Малую Азию. Страбон явно допускает вторжения по западному берегу Черного моря через Боспор Фракийский; но нельзя у него исключать представления и о кавказских путях таких вторжений, так как он хорошо знал геродотову традицию. Версия Страбона, по-видимому, восходит к рассказам о походах амазонок (рис. 72).

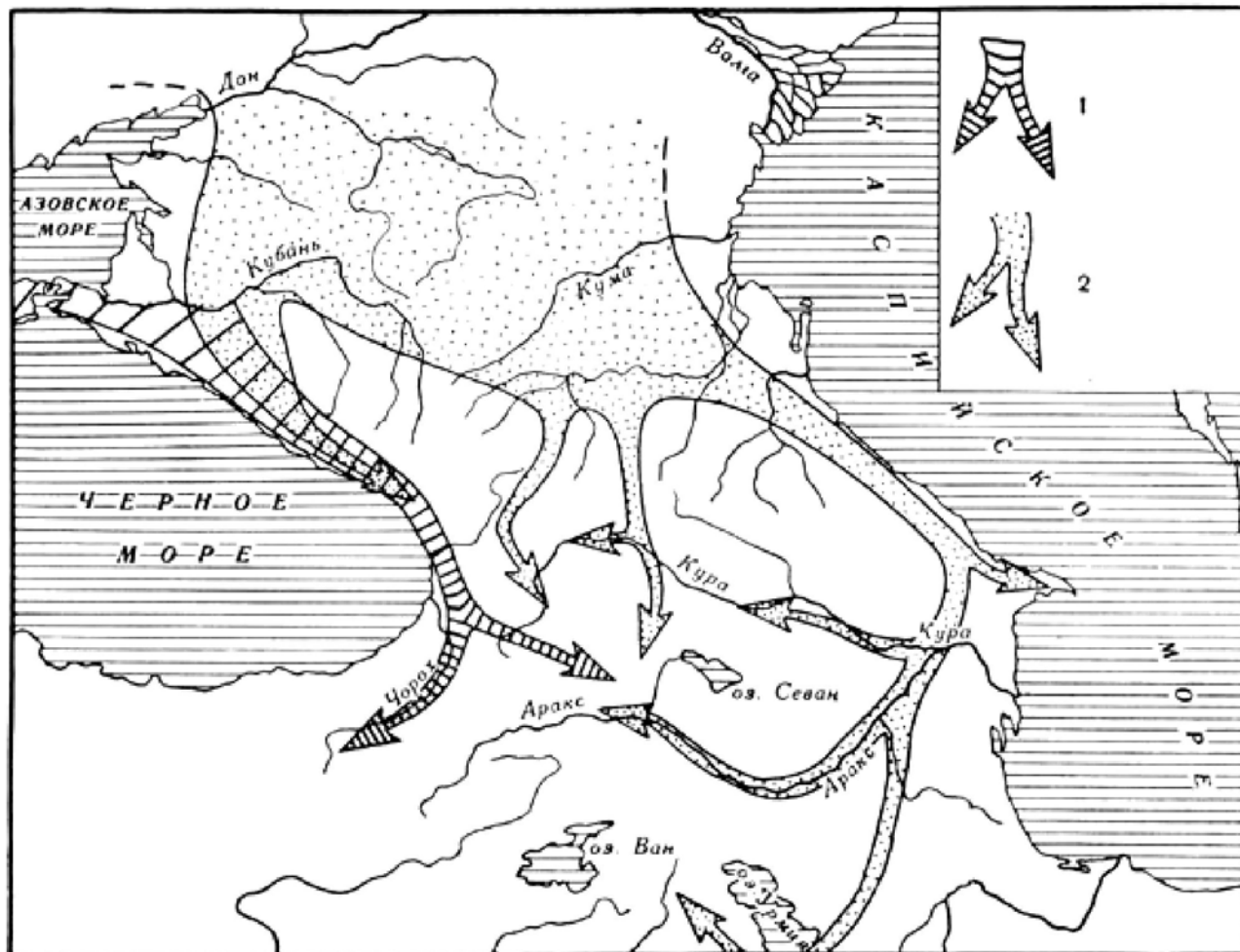

Рис. 72. Карта походов Киммерийцев и Скифов через Кавказ по Е. И. Крупнову 1- путь киммерийцев, 2 - путь скифов

Клинописные источники (шпионские донесения с границ Урарту, хроники ассирийских и вавилонских царей, их дипломатическая переписка, оракулы бога Шамаша и т. д.) говорят о народе гамирра, который начиная с последней четверти VIII в. до н. э. стал сначала тревожить северные границы Урарту, а затем проник в Ассирию и Малую Азию. Все это говорит за единство киммерийцев и гамирра¹⁰.

По этим данным, между 722 — 715 гг. до н. э. гамирра появились у северных границ Урарту, и Руса I, царь урартов, ходил на них не слишком удачным походом. Таким образом, эта первая группа гамирра, или киммерийцев, в эту пору уже обосновалась где-то к северо-западу от закавказских владений Урарту. В 679 — 678 гг. до н. э. киммерийцы известны уже в Ассирии, но их царь Теушпа был разбит Асархаддоном где-то в Малой Азии. Далее они фигурируют в качестве ассирийских наемников. В 676 — 674 гг. до н. э. киммерийцы вместе с урартами напали на Фригию. Затем они около 660 г. до н. э. начинают грозить Лидии. Около 654 г. до н. э. Гигес пал в битве с ними. Примерно в 647 г. до н. э. произошло упомянутое занятие Сард. Как бы то ни было, мы видим, что эти вторжения десятилетие за десятилетием идут с востока на запад, то есть через Кавказ. Нередко в 70 — 50-х годах VII в. до н. э. в клинописных документах упоминаются бок о бок ишкуза-ашкуза (скифы) и гамирра-гимирра (киммерийцы) и при Асархаддоне (681 —

668 г. до н. э.) и при Ашурбанипале (668 — 626 г. до н. э.). В Ки-ликии или Южной Каппадокии они под командованием Тугдамме или Дугдамме (греческое — Лигдамий) были разбиты Ашурбанипалом. С Тугдамме погиб и его сын Сандакаштру. Это произошло вскоре после гибели Гигеса в борьбе с гамирра, то есть после 654 г. до н. э. *Последнее* появление киммерийцев в Малой Азии и их изгнание, связанное с окончанием их борьбы со скифами, относятся к 614 — 611 г. до н. э., по вавилонской хронике царя Набупаласара (626 — 604 г. до н. э.). Первоначально основную группу вторгавшихся племен составляли киммерийцы Северного Причерноморья. Но, конечно, к ним присоединились и треры, и местные племена Кавказа. Попытки филологов и лингвистов отнести киммерийцев к той или иной группе индоевропейцев на долгое время останутся гадательными. Несколько собственных имен частью, может быть, фрако-фригийских — Коб, а также частью иранских — Теушпа, Дугдамме, Сандакаштру мало что дают для этого. Только выступление киммерийцев на исторической арене вместе с фракийским племенем треров допускает очень непрочное, как основанное на исторических, а не на языковых данных предположение о принадлежности киммерийцев к фракийской языковой общности.

Точный в своих атрибуциях Фукидид (и это особенно важно) называет треров, пограничных с трибаллами, среди северных фракийских племен. Отсюда они территориально близки и днестровским киммерийцам. Впрочем, есть мнение о смешанном ирано-фракийском начале в языке киммерийцев. Если правильно, что три последних имени — иранских корней, то не следует забывать, что киммерийцы, несомненно, довольно долго соседствовали в причерноморских степях со скифами и могли принять от них некоторые мужские имена, как римляне от этрусков¹¹.

ВОПРОС ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ

КУЛЬТУРЕ КИММЕРИЙЦЕВ

Постепенно развивавшиеся археологические сведения о степных районах Причерноморья вызвали к жизни разные представления об археологических культурах, связанных с киммерийцами. До раскопок *В. А. Городцова* в бывшем Изюмском и Бахмутском уездах (1901 — 1903 г.)¹², давших возможность хронологически разграничить погребения с окрашенными и скорченными костяками, существовала склонность всех их называть киммерийскими.

После открытий *В. А. Городцова* и других ученых положение изменилось. Была установлена последовательность ямной, катакомбной и срубной культур, а также погребений в насыпях курганов и на горизонте. Уже сам *Городцов* установил близость последних двух типов погребений по керамике и ритуалу к срубной культуре, но считал их результатом новой миграции. К вопросу о киммерийской принадлежности той или иной из этих культур долго не возвращались. Снова он был поднят тем же *В. А. Городцовым* в 1928 г.¹³. *В. А. Городцов* считал, что киммерийцы населяли Северное

Причерноморье до скифов, отсюда их культура — культура начала I тысячелетия до н. э. Им, однако, не были выделены ни поселения, ни погребения, которые можно было бы считать киммерийскими. Этот автор выделил целый ряд бронзовых предметов и некоторые формы лощеной керамики, относящиеся к предскифскому времени на территории Северного Причерноморья, которые он и связывал с культурой киммерийцев. Эти формы представлены отдельными видами плоских тесел, кельтами с овальной втулкой и двумя ушками, листовидными черешковыми кинжалами, крюкастыми серпами, удилами и склепанными из горизонтальных полос котлами на ножке (рис. 73).

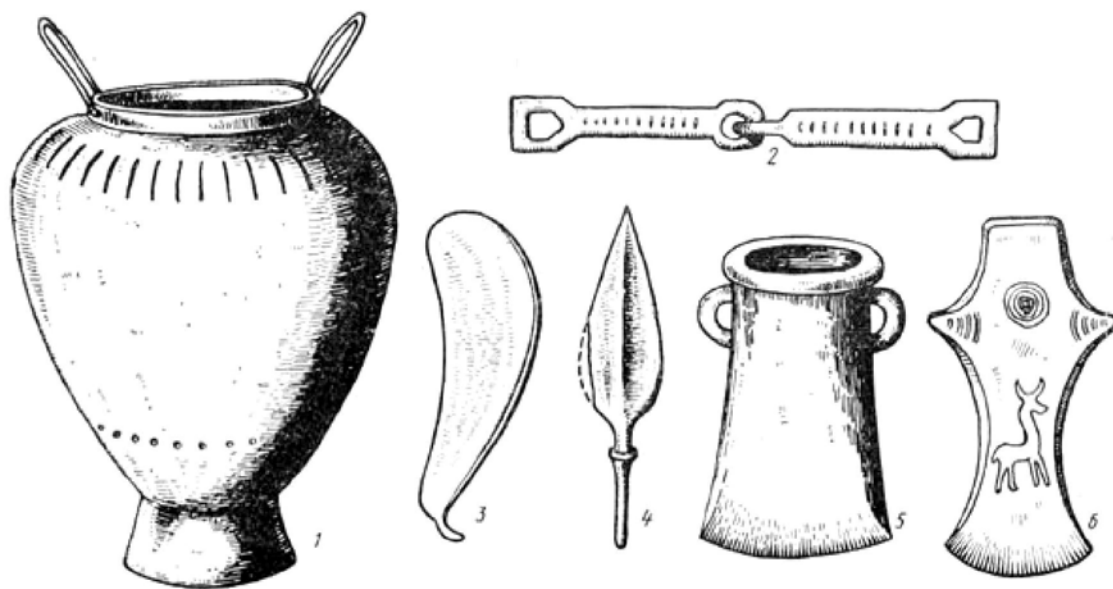

Рис. 73. Бронзовые вещи Киммерийской культуры, выделенные В. А. Городцовым 1 котел, 2 удила, 3 серп, 4 кинжал, 5 кельт, 6 тесло

В. А. Городцов склонен считать киммерийской черную и бурю лощеную керамику, в особенности грушевидно раздутые книзу «корчаги», так как он нашел их под основанием вала большого Бельского городища скифского времени. Конечно, неверно этот исследователь считал киммерийцев организованными в сильное государство и распространял их культуру от устьев Дуная до Киева, Харькова, Полтавы, Валук и Северо-Западного Кавказа. Железных изделий этого времени он не знал, считая, что на них не обращали внимания при раскопках и они не попадали в музеи.

Со времени раскопок В. А. Городцова все росло и росло число вещей степных типов, относящихся к поздней бронзе, и все ближе находится им параллелей на западе — в Румынии, Венгрии и Болгарии — и на востоке не только в степном, но и в горном Кавказе. В результате этого появились новые теории, приведшие на западе к представлению об особой роли киммерийцев и их походов в сложении целого ряда культур, в частности гальштатской. Все чаще и чаще выделяют «фрако-киммерийские» бронзовые предметы. Наконец, вместо прежних тенденций видеть в предметах с Кавказа, близких к гальштатским, результаты миграции есть попытка превращать придунайский гальштат в киммерийскую культуру, относя к ней сходные параллели на

территории Причерноморья и Кавказа¹⁴. В число таких киммерийских памятников в изобилии попадают вещи исконно кавказской кобанской культуры, в значительной мере относящиеся ко времени до твердо зафиксированных исторически походов киммерийцев на Кавказ и через Кавказ в VIII— VII вв. до н. э. Суждения подобного рода проистекают всякий раз из хронологического и территориального расширения понятия киммерийского начала далеко за пределы того, что дано историческими сведениями. Такое расширение было бы допустимо при наличии в руках этих археологов полного культурного комплекса, а не нескольких групп тождественных или аналогичных предметов.

Иногда суждение о принадлежности той или иной культуры киммерийцам и в наши дни строится на произвольном отказе от северопричерноморской и даже крымской локализации киммерийцев, несмотря на прочность этого положения в греческой письменной традиции, на том якобы основании, что более ранние переднеазиатские источники знают киммерийцев только в Закавказье и в Передней Азии. Греки-де в этом случае переносили свои чисто мифические представления о местах жительства киммерийцев на крайнем севере в суровые, с их точки зрения, причерноморские земли СССР. Так поступил *Л. А. Ельницкий*¹⁵. Он вообще склонен лишать большую часть античной письменной традиции о скифах и киммерийцах северопричерноморских корней и связей, считая ее перенесенной отчасти с Кавказа, отчасти из Малой Азии. Так, например, все данные Геродота о расположении племен на север и восток от Скифии он переносит на Кавказ. Отсюда приписывание киммерийцам кобанской культуры, время расцвета которой якобы совпадает с «экспансией» киммерийцев к югу и юго-западу — в пределы Урарту, Ассирии и Малой Азии в VIII и VII вв. до н. э. Между тем каковы бы ни были споры археологов о датировке могильников кобанского типа, их общие хронологические рамки от конца II тысячелетия до н. э. до начала сарматского времени в основном теперь не вызывают сомнений. Для такого построения, кстати, ничем археологически не подтвержденного, потребовалось не только изъять киммерийцев, вопреки Геродоту и другим источникам, из приазовских и крымских степей, но еще и допустить, что племена на Кавказе остались, а имя их там бесследно исчезло. Мы останавливаемся на этой гипотезе потому, что указанные тенденции односторонней гиперкритики лежат в основе всех популярных работ *Л. А. Ельницкого*, посвященных любой теме о скифах, киммерийцах и Северном Причерноморье.

Два других авторитетных исследователя, *В. Д. Блаватский* и *М. И. Артамонов*, критически подходя к сообщениям Геродота и других античных писателей, локализуют киммерийцев: первый на Керченском полуострове и частично на Тамани, а второй — в Причерноморье вообще, на Керченском полуострове и особенно в Прикубанье¹⁶. *М. И. Артамонов* предполагает, что катакомбная культура дожила до самого предскифского времени, по крайней мере в Прикубанье. Киммерийской же в его представлении является и культура больших кубанских курганов, дожившая, по его мнению, почти до самого конца VII в. до н. э. В Прикубанье *М. И. Артамонов* видит центр формирования киммерийцев и плацдарм экспансии их во всех направлениях, особенно в Переднюю Азию. Позднее *А. А. Исессы* убедительно доказал неправильность мнения о доживаний

больших кубанских курганов бронзового века до начала скифо-меотской эпохи и датировал окончание культуры этих курганов серединой II тысячелетия до н. э. Само существование собственно катакомбной культуры на Северо-Западном Кавказе лишь предположение, поскольку там есть своя особая прикубанская культура, лишь кое в чем повлиявшая на катакомбную и пополнившая ее племена своим антропологическим типом. Таким образом, рассматривать всю территорию Прикубанья как прародину киммерийцев оказывается неправомерным, и мысль *М. И. Артамонова* не может быть в этой части принята.

В. А. Городцов выделил, как говорилось, группу предметов из Северного Причерноморья, относящихся к концу бронзового и началу железного веков, то есть ко времени существования киммерийцев. Его понимание этой культуры было сочувственно принято советскими учеными и не повлекло решительных возражений, хотя с самого начала неполнота археологического комплекса была очевидна. Среди северокавказских материалов *А. А. Иессен* выделил кельт с ушками и двулезвийный нож с плоским раскованным перекрестием или с упорцем под черешком, рассматривая их как признаки проникновения на Кавказ степных причерноморских форм. Несколько иначе он подошел к вопросу о крюкастых серпах и наконечниках копий с коротким листовидным пером и цельнолитой, довольно длинной втулкой. Он показал распространение их в Семиградье, Северном Причерноморье и в Прикубанье и отметил, не определяя места происхождения таких форм, самостоятельное развитие их на каждой из этих территорий, что не мешало их взаимному проникновению. *А. А. Иессен* в отличие от *В. А. Городцова* не рассматривал проникновение указанных форм на Кавказ как доказательство нахождения там киммерийской культуры¹⁷.

Иначе смотрит на это *Е. И. Крупное*¹⁸. Он полностью принял определение культуры по *В. А. Городцову* и расширил круг распространения соответствующих степных вещей, включив в него восточную часть Северного Кавказа. Он добавляет ряд кельтов, двулезвийных кинжалов, или ножей «срубного» типа с плоским перекрестием, и «киммерийского» с упорцем под черешком, несколько десятков бронзовых серпов и копья. Касаясь серпов и копий, *Е. И. Крупнов* готов согласиться с параллельным местным их развитием, но больше видит здесь степное влияние из Причерноморья. Касаясь тесел с выступами по бокам, этот автор признает их закавказское происхождение. Некоторое дополнительное развитие этих форм на Северном Кавказе едва ли можно подкреплять, как он считал, влиянием степи, так как тесла с выступами становятся характерными для степи не в эпоху бронзы, а в эпоху железа, уже в самом конце предскифского периода. Плоские же тесла без закраин обычны для культур Заволжья и потому не могут служить свидетельством киммерийского влияния. Совершенно правильно рассматриваются бронзовые удила и псалии как материал для установления связей Кавказа со степью. Техника клепаных «киммерийских» котлов и кубков с зооморфными ручками также трактуется как свидетельство связи со степью. Это, конечно, так, но с середины II тысячелетия до н. э. такая техника распространена от Италии и всего Средиземноморья до глубин Передней Азии. Черно- и буролощенная керамика также распространена и, в частности, в VIII — VII вв. до н. э. в виде грушевидных А острореберных «корчаг» от

культур гальштата на Западе до Северного Кавказа. Совершенно так же, как по отношению к серпам и копьям, здесь приходится видеть не конвергентное появление, а развитие этой формы, являющееся результатом «моды», возникшей скорее всего в гальштате. Сходство здесь не менее, чем сходство серпов и копий. *Е. И. Крупнов* видел во всех сведенных им явлениях реальное доказательство пребывания киммерийцев «на всем Северо-Западном Кавказе», а не только культурное соприкосновение и проникновение нескольких форм вещей.

Комплекс вещей, рассматриваемых как «киммерийская» культура на Кавказе, кроме серпов, копий и корчаг, пышно развивавшихся на месте, невелик по количеству и слишком неполон по составу, чтобы определять его как культуру: здесь нет данных ни о могилах, ни о поселениях, ни о достаточном количестве оружия, ни об украшениях, ни об утвари — словом, ни о чем, что составляет сколько-нибудь полное понятие археологической культуры. К тому же в рассматриваемых вещественных группах наблюдается очень большой хронологический разбой: ножи срубного типа хотя и являются прототипами «киммерийских» с упорцем, но относятся ко времени от середины II тысячелетия до его конца, а, скажем, грушевидные «корчаги» — к последним двум-трем векам рассматриваемого времени. Пребывание киммерийцев на Кавказе в течение какого-то промежутка времени несомненно. Но это пребывание относится лишь к VIII в. до н. э. и только к его второй половине, когда они уже угрожали северным границам закавказской территории Урарту и находились, конечно, не на Северо-Западном Кавказе, а гораздо южнее. До этого времени, как мы видели по греческим древнейшим историческим данным, их походы устремлялись через Фракию и Боспор. Конечно, и тогда набеги могли быть, но только на соседние территории Северного Кавказа. Распространение немногих указанных выше групп вещей так называемого киммерийского комплекса в течение почти 1000 лет следует относить по преимуществу за счет культурных взаимосвязей населения Украины, Крыма и Предкавказья. Влияние, идущее с Северного Кавказа, может быть, было более сильным, как это уже довольно давно показал *А. А. Иессен*¹⁹. По его данным, северокавказский экспорт и влияние на территорию Северного Причерноморья определились еще в начале II тысячелетия до н. э., но были невелики. Они значительно расширились в первой половине I тысячелетия до н. э., причем в экспорт входили вещи и прикубанского и кобанского происхождения. В VIII — VII вв. до н. э. в Северное Причерноморье стали в значительном количестве проникать формы северокавказских удил и уздечных наборов определенного типа, бронзовых и железных наконечников стрел, бронзовых и железных кинжалов, отдельные бронзовые северокавказские топоры и даже закавказского происхождения бронзовые удила, связанные с общими урарто-ассирийскими образцами. Граница этого влияния достигла Киева, Любена, Полтавы, Воронежа²⁰. Примечательно, что в эпоху сильной экспансии киммерийцев через Кавказ, то есть в VIII и VII вв. до н. э., удила и псалии северокавказского типа широко и быстро распространились с Кавказа в степь.

Итак, мы встретились с двумя направлениями в определении принадлежности киммерийцам той или иной культуры. Первое заключается в том, что киммерийцам в

связи с их походами приписываются культуры или группы вещей галынтатского облика. Второе, принципиально более верное направление принадлежит *В. А. Городцову*; оно заключается в выделении группы степных северопричерноморских вещей, относящихся ко времени от рубежа II—I тысячелетий до н. э. и до VII в. до н. э. включительно. Это связано с тем, что киммерийцы появились на исторической сцене Переднего Востока в конце VIII в. до н. э., за одно-два поколения до скифов, с которыми они во второй половине VII в. до н. э. то боролись, то действовали сообща. Скифы появились несколько раньше, чем говорят источники VIII и VII вв. до н.э. Однако киммерийцы, по исторической традиции, все же предшественники какой-то части скифов на будущей скифской территории северопричерноморских степей. Может быть, к ним относится и традиция о походах амазонок через Дунай, вплоть до Аттики и Трои. Поэтому, следуя общепринятому делению, мы будем называть киммерийской эпохой время от рубежа II и I тысячелетий до н. э. до начала собственно скифской эпохи, то есть до второй половины VII в. до н. э. Однако, указывая на принципиальную правильность подхода *В. А. Городцова* к вопросу об определении киммерийской культуры, мы уже отметили неполноту этого комплекса для выделения такой культуры. Поэтому попытаемся определить, какая культура в полном виде соответствует понятию киммерийской на ее определяемой по греческим источникам северопричерноморской, приазовской и крымской степной прародине.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Срубная культура и ее отношение к историческим киммерийцам и скифам

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА

НА ВОЛГЕ И СРЕДНЕМ ДОНУ

За первые 20 лет после Великой Октябрьской революции накопилось некоторое количество новых данных о степной срубной культуре, по правильному определению *В. А. Городцова*, сменившей в Приазовье катакомбную. За это время прежде всего было установлено, что срубная культура появилась около середины II тысячелетия до н. э., вероятно, в XVI — XV вв. до н. э. в степях и лесостепях Среднего и Нижнего Поволжья, где она развилась из полтавкинской культуры, одновременной с катакомбной культурой Приазовья и Манычского Предкавказья, или, как считают некоторые исследователи, из полтавкинской ступени срубной культуры¹. Затем было установлено, что срубная культура распадается на два периода (рис. 74).

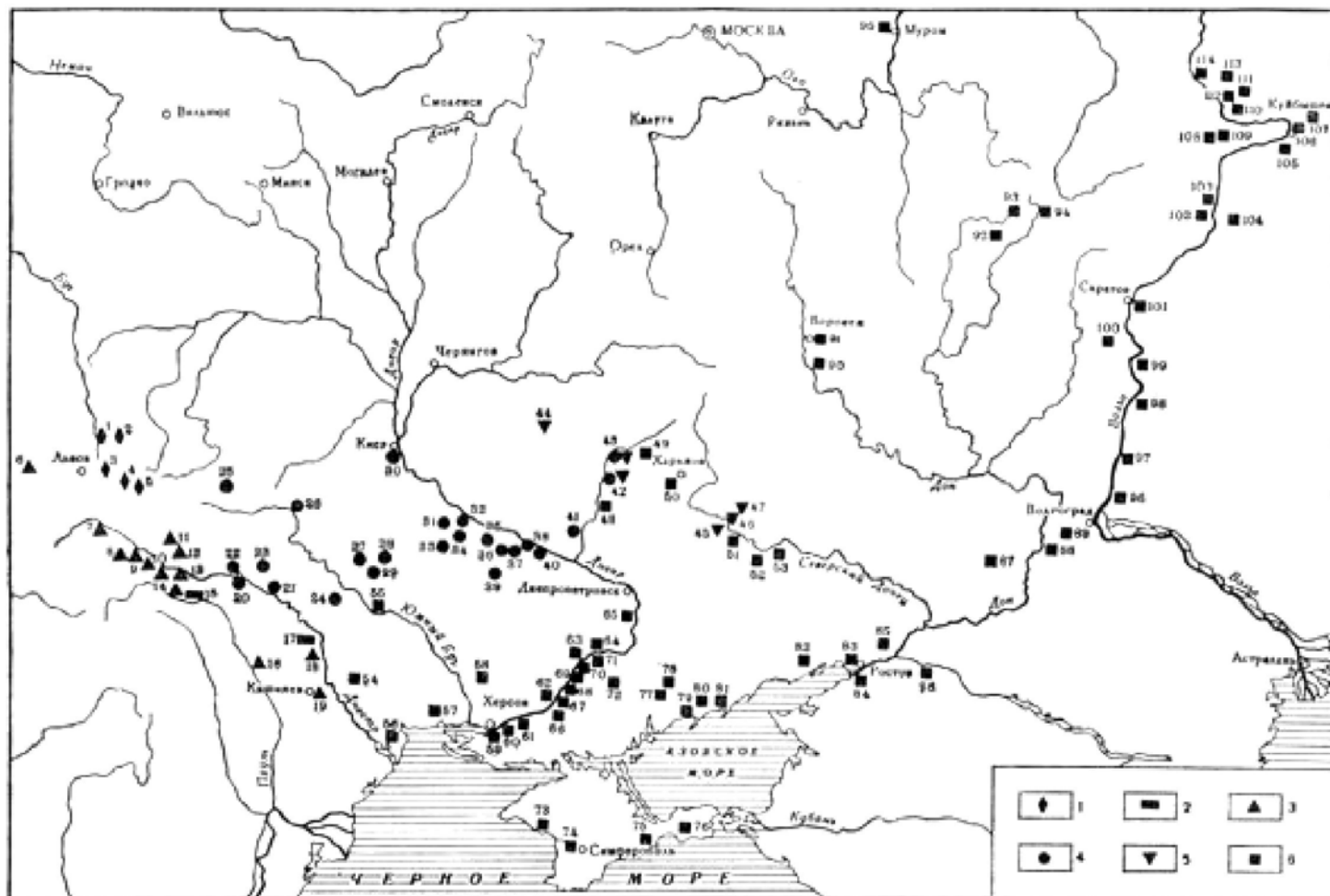

Рис. 74. Памятники культур предскифского времени на юге Европейской части СССР: 1 — висоцкая культура, 2 — культура ноа, 3 — культуры фракийского гальштата, 4 — белогородовско-чернолесская культура, 5 — бондарихинская культура, 6 — срубная культура; 1 — Луговское, 2 — Высоцкое, 3 — Красненское, 4 — Злочев, 5 — Почапы, 6 — Перемышль, 7 — Крылос, 8 — Грушка, 9 — Олешев, 10 — Городница, 11 — Голиграды, 12 — Михалково, 13 — Новоселка Костюковская, 14 — Залещики, 15 — Магала, 16 — Валя Русулуй, 17 — Гиндешты, 18 — Шолданешты, 19 — Кишинев, 20 — Ленковцы, 21 — Яруга, 22 — Лука Врублевецкая, 23 — Мервинцы, 24 — Белый Камень, 25 — Антонины, 26 — Сандраки, 27 — Собковка, 28 — Краснополка, 29 — Белогородовский лес, 30 — Подгорцы, 31 — Залевки, 32 — Гуляй-Городок, 33 — Носачево, 34 — Оситняжка, 35 — Субботово, 36 — Калантаевка, 37 — Тясминское, 38 — Андрусовка, 39 — Черный лес, 40 — Московское, 41 — Бутенки, 42 — Хухра, 43 — Ницаха, 44 — Малые Будки, 45 — Студенки, 46 — Бондариха, 47 — Оскол, 48 — Мачуха, 49 — Кирьяковка, 50 — Мерефа, 51 — Черногородка. 52 — Каменка, 53 — Большая Камышеваха, 54 — Красный маяк, 55 — Сабатиновка, 56 — Усатово, 57 — Анатоьевка, 58 — Пересадовка, 59 — Широкое, 60 — Кардашинка, 61 — Солонец, 62 — Змеевка, 63 — Кут, 64 — Никополь, 65 — Федоровка, 66 — Лукьяновка, 67 — Каиры, 68 — Большая Лепетиха, 69 — Бабино, Нижний Рогачик, Первомаевка, 70 — Ушкалка, 71 — Белозерский лиман, 72 — Малая Цимбалка, 73 — Кара-Тобе, 74 — Зольное, 75 — Челки, 76 — Кировское, 77 — Ново-филипповка, Аккермень, 78 — Шевченко, 79 — Преслав, 80 — Обиточная, 81 — Луначарское, 82 — Гусельщиков, 83 — Елисаветовская, 84 — Кобяково, 85 —

Новочеркасск, 86 — Веселый, 87 — Чернышевская, 88 — Ляпичев, 89 — Жирноклеево, 90 — Семидворки, 91 — Воронежская ГЭС, 92 — Мокшан, 93 — Зимница, 94 — Надеждино-Куракино, 95 — Мало-Окулово, 96 — Калиновка, 97 — Быково, 98 — Бережновка, 99 — Черебаево, 100 — Норки, 101 — Покровск, 102 — Сосновая Маза, 103 — Ивановка, 104 — Успенское, 105 — Егорьевское, 106 — Грачевский сад, 107 — Кинель, 108 — Моечное озеро, 109 — Комаровка, 110 — Хрящевка, 111 — Ягодное, 112 — Сусканы, 113 — Кайбелы, 114 — Тургеньевское

Первый период (XVI — XIII вв. до н. э.) отличается поселениями, в которых острореберные горшки сосуществуют с баночными, причем последние преобладают. В орнаменте керамики господствуют геометрические узоры, выполнявшиеся простыми и гребенчатыми штампами, веревочкой и нарезными линиями. В верхней части баночных сосудов нанесен палочкой ряд овальных, треугольных или круглых ямок, а также зигзаги и опрокинутые треугольники, состоящие из ямок или резные. Поселения с такой керамикой есть в Куйбышевской и Саратовской областях (например, у с. Егорьевское, у ст. Кинель, у с. Успенское близ Пугачева и др.), в Оренбургской области (например, у с. Державино и др.), в Пензенской области (Надеждино-Куракино у г. Сердобска, на р. Зимница у с. Мокшан), в Воронежской области (Воронежская ГЭС). Они не укреплены. Жилища имеют вид обширных прямоугольных землянок. Состав стада полный: коровы, лошади, свиньи, мелкий рогатый скот (селища Зимница I и II Пензенской области, селище Успенское у Пугачева). Количественный состав стада по Зимнице I: корова — 47,6%, лошадь — 26,7, свиньи — 19,4, мелкий рогатый скот — 6,3%.

Курганы с ранней керамикой и бронзой заключали в себе погребения в срубках в один-два венца в ямах, обычно основных (с. Кайбелы, Мелекесского района, Куйбышевской области; Покровская группа за Волгой, против Саратова и др.). Встречаются захоронения в ямах, облицованных деревом, с плоской крышей на столбах (особенно характерны для Покровской группы), в ямах под двускатной крышей из бревен или бересты (с. Кайбелы) или в простых перекрытых деревом могилах. Курганы сооружали для погребений срубной культуры специально. Есть одиночные погребения под курганом, встречается и по нескольку впускных могил. Костяк лежит скорченно на правом или левом боку, головой на север, но чаще всего на северо-восток или северо-запад. Иногда бывает и южная ориентация с теми же отклонениями (Покровская группа и с. Кайбелы). Западная и восточная ориентировки, если и есть, то только в конце первого периода. В погребениях постоянно встречается баночная посуда. В более торжественных захоронениях чаще находится острореберная керамика (рис. 75).

Рис. 75. Керамика первого периода срубной культуры из курганов у с. Кайбелы 1,2 - баночные сосуды, 3, 4, 5- острореберные сосуды

Погребения с оружием не очень обычны, а с конями и сбруей и того реже. Это, вероятно, захоронения вождей. Применение красной краски для посыпания умершего встречается только спорадически. Бронзовых предметов этого периода в погребениях известно немного (рис. 76).

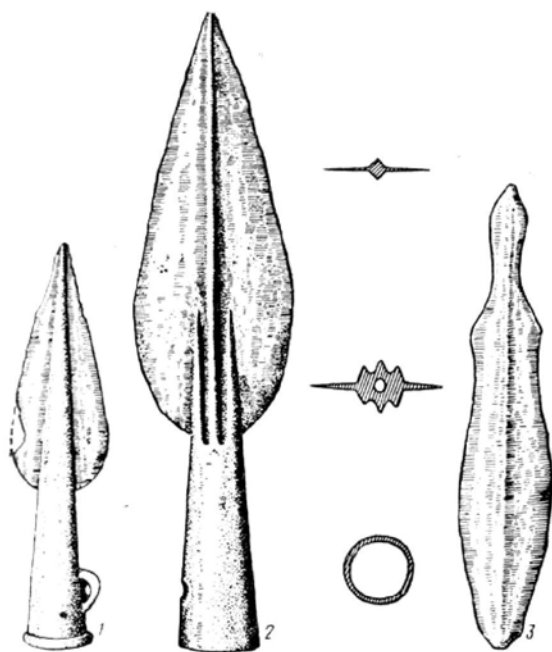

Рис. 76. Бронзовое оружие первого периода Срубной культуры 1,2 наконечники копий, 3 кинжал

Это прежде всего плоский литой нож, или кинжал с рукояткой, имеющей иногда раскованное кругловатое или угольчатое перекрестие; листовидные копья с цельнолитой втулкой и с ребром посередине пера, иногда с «вильчатым» основанием этого ребра и ушком на втулке (вся эта комбинация из ребрышек и получила название «вильчатого» стержня).

Довольно часто встречаются бронзовые шилья с насадом и без насада, уплощенные клиновидные тесла с округленным рабочим концом. В единичных случаях есть вислообушные топоры (с. Колтубанка, Бузулукского района, Оренбургской области), восходящие еще к прикубанским прототипам XVI — XV вв. до н. э.². Наконец, сюда же относятся единичные долота с раскованной и затем согнутой в щелястую трубку втулкой. Есть каменные привязные молоты и сверленные боевые топоры. Кремневые и кварцевые наконечники стрел обычно плоски и имеют арочно-стрельчатую по контурам головку со срезанным прямо или слабовеямчатым низом, иногда же встречаются наконечники с коротким черешком. Вся поверхность таких наконечников покрыта тщательной ретушью. Из кости вырабатывали немного. Это — плоские или с ромбическим сечением черешковые наконечники стрел, головка которых ромбовидная или с шипами. Замечательны трехгранные, отлично сделанные наконечники стрел со скрытой втулкой, прототипы будущих «скифских» бронзовых наконечников.

Еще в этом периоде в Поволжье осваивался или стал заметнее по археологическим материалам упряжной и верховой конь. Известны псалии из трубчатой, расколотой пополам кости для мягких ременных удил и круглые костяные же распределительные бляхи для узды (рис. 77). По вполне обоснованным данным, *К. Ф. Смирнов* датировал такие уздечные наборы XV — XII вв. до н. э., то есть как раз первым периодом срубной культуры. Наиболее интересно захоронение в 5-м Комаровском кургане, в Шигонском районе, Куйбышевской области, где такая же узда была на голове коня, а при покойнике находился бронзовый нож-кинжал с перекрестием³.

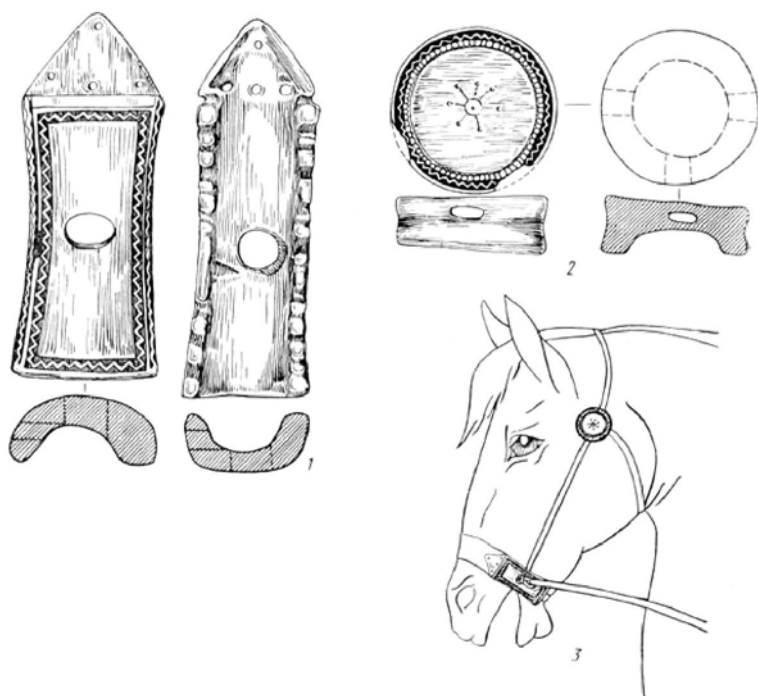

Рис. 77. Костяные псалии (1) и бляха (2) от конской сбруи первого периода Срубной культуры (по К. Ф. Смирнову реконструкция 3 сбруи первого периода Срубной Культуры)

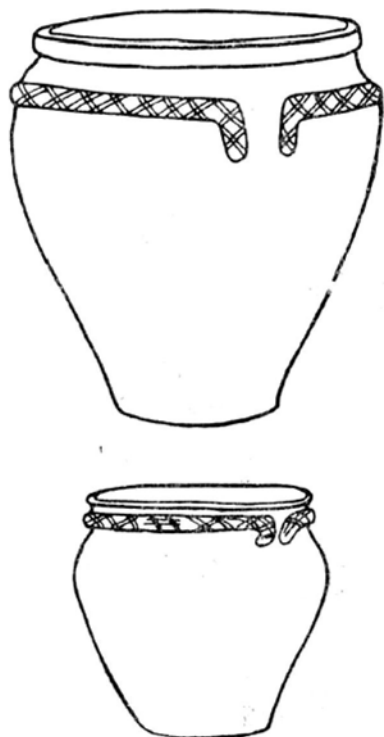
Украшения раннего периода малочисленны и для рассматриваемой темы значения не имеют. На них мы останавливаться не будем.

Вне пределов Нижнего и Среднего Поволжья, но в бассейне той же великой реки поселения и курганы первого периода срубной культуры находятся вокруг Пензы. На Дону они есть в самом Воронеже и ниже его в Костенках (дер. Семидворки). Они могли здесь быть и исконными, а могли появиться и в результате первых передвижений племен ранней срубной культуры с территории Поволжья. Последнее тем более возможно, что в обеих указанных областях нет находок полтавкинской культуры. Экспансия срубной культуры в лесные области, вероятно, со Средней Волги началась еще в первом периоде. Горшки, по большей части острореберные, лишенные обычных признаков второго периода срубной культуры, найдены в Старшем Волосовском могильнике под Муромом и в районе того же города в Малоокуловских курганах (в их керамике есть еще традиции полтавкинской ступени). Влияние срубной культуры прослежено в ранней приказанской и абашевской культурах.

Итак, столь рано началось движение срубных племен на север в леса рязанского и муромского течений Оки и в сторону казанского течения Волги⁴. Начавшись в это раннее время, передвижение племен срубной культуры продолжается и во втором периоде, приняв новые, более широкие размеры и иное географическое направление. С другой стороны, на территорию самой срубной культуры проникают влияния, а может быть, и сами племена соседней западноказахстанской андроновской культуры. В могильниках Саратовского Заволжья встречены андроновских типов горшки, отдельные украшения, доходящие до Воронежской области, отдельные случаи трупосожжений и, наконец, у погребенных — черты сходства с населением андроновской культуры. В основе первого Сусканского поселения срубной культуры в Самарской Луке лежало выдвинувшееся далеко на запад андроновское селище. Таким образом, на северной и северо-западной границах племена срубной культуры находились в движении и соприкасались с лесными племенами, на востоке, они граничили с андроновскими племенами по р. Урал, а к югу от Волгограда — с носителями одного из вариантов катакомбной культуры.

Второй период срубной культуры (XII— VII вв. до н. э.), который называют то хвалынским, то позднесрубным, выделяется по новому приему украшения посуды: под бортиком наиболее обычных баночных сосудов и более редких острореберных, а также вновь появившихся «округлоплечих», по выражению В. А. Городцова, располагаются один, редко больше опоясывающие каленные валики. Эти валики бывают и на плечике, особенно довольно раздутых округлоплечих сосудов. Валики делались гладкими или расчлененными прямыми и косыми насечками и косыми крестами. Орнамент наносили гладким и гребенчатым штампом. У сосудов с валиком на плечике валик иногда прерывается и образует спускающиеся под прямым или косым углом или округленно один или два небольших усика. Такая посуда развивалась во втором периоде в том же

Поволжье. Старые, сложные геометрические узоры не исчезают. Появляется несколько новых форм сосудов. Нигде, однако, на селищах орнаментированная валиками посуда не господствует, составляя всегда чуть менее половины всей керамики. Такая посуда встречается в нескольких неукрепленных поселениях (с. Ивановка близ Хвалынска, Тургеньевское селище Куйбышевской области, Грачевский сад в Куйбышеве, хутор Ляпичев в низовьях Дона и др.)⁵ (рис. 78).

Рис. 78. Сосуды второго периода Срубной культуры из Ивановки

Во втором периоде в северных пределах культуры появляются первые городища с очень примитивными укреплениями. Характерной чертой этих поселений являются обширные прямоугольные жилища — землянки. Очень интересно первое Сусканское поселение на речке Сускан в 8 км от впадения в Волгу у с. Хрящевка Ставропольского района Куйбышевской области⁶. Оно укреплено неглубоким рвом и низким валом с остатками частокола. Здесь открыты два жилища-землянки размерами 24X14X1,5 м и 12X X10X1,30 м. Двускатная крыша покоилась на двух продольных рядах столбов и была сделана из дерна на деревянном, может быть, плетневом каркасе. В обоих жилищах было по несколько углубленных и смазанных по стенкам глиной очагов, а также по очень глубокой, слегка сужающейся книзу яме-погребу глубиной 3,9 м и 4,05 м. В этих ямах хранились части туш коров и свиней, продукты в сосудах, оставшиеся к моменту раскопок на месте из-за обвалов стенок ям. Продукты опускали в яму и извлекали из нее на лыковых веревках, остатки которых сохранились. На этом поселении много следов быта и производственной жизни коллектива. Из кости делали однотипные черешковые гарпуны, трапециевидные лопатки с острым лезвием для очистки рыбы от чешуи; из нижних челюстей коров делали струги для обработки кожи. Очень оригинален псалий из рога. Встречаются и каменные орудия: трапециевидные и остроугольные мотыги для

обработки земли, песты и терочники, ножевидные пластинки, стрельчато-арочные, срезанные снизу наконечники стрел. Был найден листовидный бронзовый наконечник стрелы с обрезной и широкой на всем протяжении втулкой.

Керамика более всего представлена баночными, а затем округлоплечими сосудами.

Остроредерных сосудов почти нет. Налепные валики располагаются под самым или почти под самым бортиком. Их еще очень мало. По ряду убедительных сопоставлений *Н. Я. Мерперт* считает это поселение одним из ранних во втором периоде срубной культуры (рис. 79).

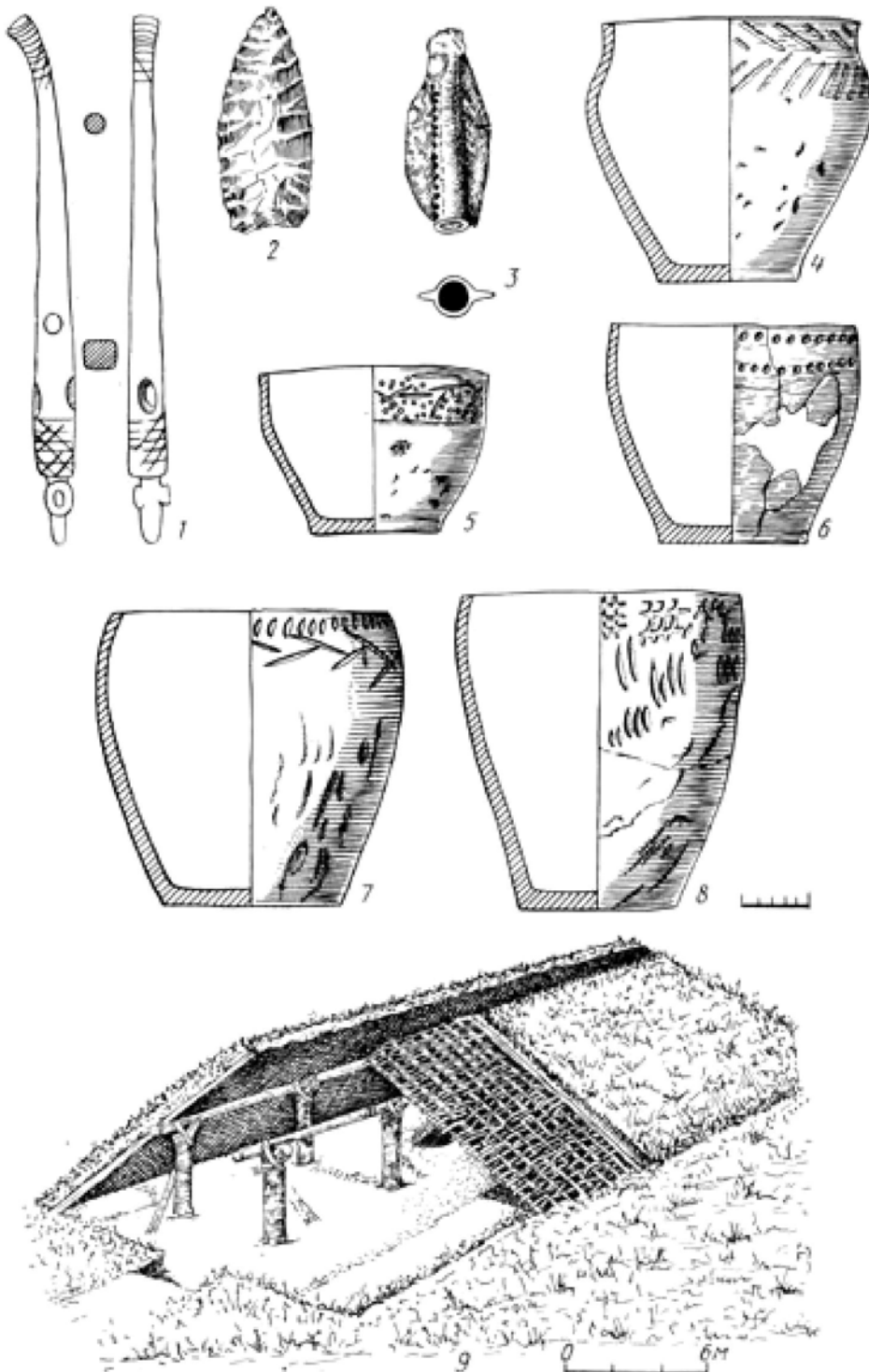

Рис. 79. Первое Сусканское поселение: 1 - роговой псалий, 2 — кремневый наконечник стрелы, 3 — бронзовый наконечник стрелы, 4, 5, 6, 7,8 — сосуды, 9 — реконструкция жилища (по Н. Я Мерперту)

Основными видами хозяйства на этом поселении были земледелие (найлены каменные мотыги и терочки к зернотеркам) и скотоводство. Известны все породы скота. В небольших размерах жители поселения занимались рыболовством: найдены глиняные грузики к сетям, гарпуны, кости щуки.

Более поздним поселением второго периода срубной культуры Н. Я. Мерперт считает поселение у с. Кайбелы, которое находилось на мысу. На нем встречена посуда и баночной формы, и с округлыми плечиками. Встречаются налепные валики под бортиком и по округлому плечу, иногда с низбегающими усами. Обычны косые насечки, круглые ямки, нанесенные по шейке сосудов. Сложные геометрические узоры редки. В целом этот период охватывает, по Н. Я. Мерперту, время с XII по VIII — VII вв. до н. э.⁷.

Ближе к югу и к границам Саратовской области А. Е. Алиховой раскопано Комаровское поселение у Моечного озера⁸. На этом поселении по ямкам от столбов определяются следы какого-то наземного жилища. Как видно по находкам костяного псалия I типа, по классификации К. Ф. Смирнова⁹, и бронзового ножа катакомбного типа, начало поселения восходит еще к первому периоду срубной культуры. Керамика относится ко времени главным образом первого Сусканского и отчасти Кайбелского и Ивановского поселений. На этом селище есть бронза: плоское тесло-клин, пробойник, втульчатый большой крюк и два бронзовых ножа — катакомбного и срубного типов. Очень интересны костяные вещи: двусторонний четырехшипный гарпун, коническое и цилиндрическое пряслица, струги из челюстей. Конец поселения можно усматривать уже где-то около IX в. до н. э.

Очень существен состав стада: из 366 особей 34,9% составили коровы, 15,9% — лошади, 33,6% — мелкий рогатый скот, 15,6% — свиньи. Оседлый характер хозяйства очевиден.

С округлоплечей керамикой, украшенной налепным валиком с усами как под бортиком, так и на плечике, мы встречаемся на селищах типа Ивановки близ Хвалынска, где, кстати сказать, были обнаружены остатки землянки. От этого поселения вначале вся срубная культура Поволжья была названа хвалынской, затем это название сохранилось лишь за поздним периодом ее существования.

Сравнительно хорошо разработана хронология обстоятельно раскопанных поселений куйбышевской территориальной группы. Менее она изучена для саратовской группы поселений и к тому же базируется на материалах старых раскопок. Та же картина наблюдается и по отношению к курганам. В результате раскопок Куйбышевской экспедиции 1950 — 1955 гг. наметилась хронологическая классификация курганов и погребений этого района¹⁰. Круглые или продолговатые в плане курганные насыпи, соответствующие позднему времени существования первого Сусканского поселения,

иногда образуют цепи. Погребения составляют под насыпью то один, то два концентрических круга. Центральные ямы округлы, имеют деревянные перекрытия и обкладку стен. В них нередко коллективные и вторичные захоронения. Остальные могильные ямы обычно четырехугольной формы. У большинства ям перекрытия не прослежены. Некоторые имеют накатник или легкие перекрытия из жердей. Здесь распространены неглубокие впускные погребения, так что большинство из них не достигает погребенной почвы и материка. Костяки лежат в сильно скорченном положении, чаще всего на левом боку, головой на север, северо-восток и северо-запад. Бывают расчлененные погребения. Среди погребений встречаются интересные мужские захоронения. Например, в кургане № 10 у Хрящевки погребение № 7 было в большой, близкой к квадрату (2,25X2,05 м) яме глубиной 2 м от древнего горизонта. Перекрытие состояло из бревен, опиравшихся на 7 столбов, и, по-видимому, имело вид двускатной крыши. На подстилке из бересты лежал скорченно на левом боку головой на северо-запад крупный мужчина. Его сопровождали богато орнаментированные большие глиняные сосуды. По Н. Я. Мерперту, такие мужские погребения, выделенные конструкцией и общей обстановкой среди простых ям, типичны для этого времени в куйбышевском Заволжье. Подобные курганы появились на рубеже II и I тысячелетий до н. э. В начале I тысячелетия до н. э. на севере этой территории прослеживаются значительные изменения в обрядах и сооружениях: курганы становятся низкими и плоскими, могильные ямы упрощаются, инвентари скромны. Типичными являются овальные насыпи одной из курганных групп у с. Кайбелы. Здесь были исследованы две огромные по площади овальные насыпи. Под одной из них площадью 45X22 м и высотой 0,60 м 102 погребения располагались в несколько длинных продольных рядов. Могилы прорезали лишь почвенный слой и не имели никаких деревянных сооружений, кроме одной, обложенной и перекрытой легкими жердями. Покойники лежали в очень скорченной позе, чаще всего на левом боку, головой на север и юг с отклонениями на северо-запад и северо-восток, юго-запад и юго-восток. Каждая яма была сначала покрыта особым холмиком, а затем все это было превращено в одну сплошную насыпь — могильник. Первое прямо может считаться заимствованным от абашезских погребальных сооружений, второе — прийти и оттуда, и от похоронных обычаев племен андроновской культуры. Эти сооружения относятся к началу I тысячелетия до н. э. *Могильный инвентарь состоит из сосудов.*

В эпоху первого Сусканского поселения, хотя в быту продолжали господствовать баночные горшки, покойникам ставили и архаичные острореберные сосуды и округлоплечие, те и другие с богатыми узорами. В эпоху длинных кайбелских курганов это по преимуществу баночные сосуды, гладкие и с простым орнаментом, а также единичные округлоплечие. Сосуды с валиками в могилы не ставили. Архаизирующие сравнительно с бытовой обстановкой острореберные сосуды в погребениях очевидны здесь и для второй эпохи.

На юге Куйбышевской области, по обоим берегам саратовского Поволжья и далее, вплоть до Волгограда, традиции курганного обряда сохранялись на протяжении всего времени существования срубной культуры второго периода¹¹. Курганы, как и прежде,

насыпали обычно для основного погребения этого же периода. Сохранились и срубы, и перекрытия на столбах, но чаще всего встречаются могилы с простыми перекрытиями. В окрестностях Волгограда появляются впускные погребения в курганах с основными катакомбными могилами. Но обычно встречается несколько впускных погребений в курганы с основным мужским захоронением срубной же культуры.

Большинство погребенных положено скорченно на левый бок, головой на север, северо-восток и север-северо-восток, то есть северная ориентировка является господствующей. Лишь иногда наблюдается восточная или западная ориентировка, еще реже южная. К концу культуры широтное положение как будто начинает преобладать. Иногда пол могилы посыпали мелом. Очень редко в виде небольших комочков положена красная краска, в частности реальгар, ставший обычнее в савроматское и скифское время. Как отражение значительной роли скотоводства в могилах представлены кости барана, коровы и лошади. Для основных погребений иногда сооружались деревянные перекрытия на столбах. Под насыпями прослежены остатки костров. Все это со временем вошло в савроматские погребальные обычаи.

Такие погребальные обычаи изучены во многих курганных группах. Они встречены в предполагаемых позднейших захоронениях Покровской группы у Саратова, в захоронениях, рассеянных по разным курганным группам саратовского Заволжья, в ряде курганов под Уральском¹². В многочисленных курганных группах к северу от Волгограда вскрыто более 200 погребений. Но беда для археологов — длительность сохранения чистосрубных традиций и сознательная архаизация инвентарей. Здесь хотя и редко, долго попадают в инвентарях кроме сосудов архаические бронзовые ножи, кремневые подтреугольной формы и костяные наконечники стрел.

Костяные стрелы представлены трехгранными наконечниками в Покровской группе курганов. Очень интересны наконечники цилиндрической формы из с. Черебаево. На противоположном конце их древков сохранились костяные упорцы, накладывавшиеся на тетиву лука. Наконечники стрельчато-арочной формы, с выемкой внизу и узкоромбическим сечением происходят из Корок (рис.80).

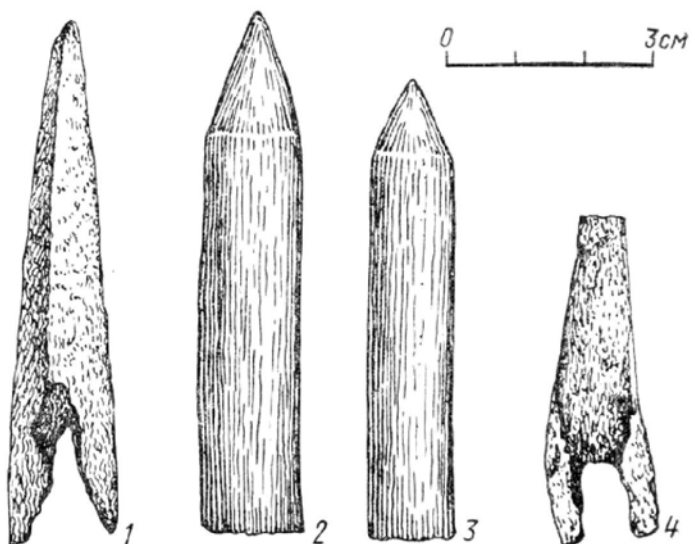

Рис. 80. Костяные наконечники стрел Срубной культуры из Заволжья: 1- трехгранный, 2, 3 - цилиндрические, 4 - костяной упорец древка

К. Ф. Смирнов указывает, что большинство погребений в насыпях — позднейшие, и к ним следует относить могилы с восточной и изредка западной ориентировками покойников, лежащих в скорченном положении (например, некоторые курганы в группах у с. Пролейки, в Норках, у хутора Зесьман, у с. Бережновка, у с. Быково под Волгоградом и в ряде других групп). Есть погребения, где, подобно ранним куйбышевским поселениям и курганам, сочетаются остросереберные и округлоплечие горшки; есть и такие погребения, в которых найдены округлоплечие, но преобладают баночные сосуды. Эти погребения, как и редкие случаи постановки в могилу сосуда с усатым валиком на плечиках, вероятно, следует отнести ко второй половине позднерубного периода, ко времени поселения у с. Ивановка. Наконец, в кургане № 6 у д. Жирноклеево близ Волгограда были найдены роговые псалии V типа, по К. Ф. Смирнову, с тремя отверстиями в одной плоскости. Такие псалии с утолщениями около отверстия, как мы увидим ниже, послужили прототипом бронзовым псалиям VIII в. до н. э., а может быть, и VII в. до н. э. и, следовательно, могут относиться к IX — VII вв. до н. э., к последнему этапу второго периода срубной культуры в Нижнем Поволжье. До сих пор в Поволжье в хорошо зафиксированных погребальных комплексах еще не встречены бронзовые удила и псалии, характерные для VIII — VII вв. до н. э., какие есть на Украине и в Закавказье: их находка сыграла бы особую роль в уточнении хронологического рубежа между памятниками поздней срубной и самой ранней савроматской культуры¹³.

Для позднего периода срубной культуры в Поволжье известно очень мало бронзовых изделий в могилах¹⁴. Это — плоские ножи с перекрестием старых типов, обнаруженные на Алексеевском селище андроновской культуры; бронзовые «киммерийские» ножи с упорцем для деревянной рукоятки отсутствуют в таких погребениях начисто. Нет их и в случайных находках. Но на Кавказе, в Приазовье и на Днепре они представлены, впрочем, тоже не в погребениях. Это следует, может быть, объяснить дороговизной бронзы и потому отсутствием обычая класть бронзовые изделия с покойниками.

К позднему периоду срубной культуры относится клад из-под с. Сосновая Маза бывшего Хвалынского уезда. Он весил 24 кг и содержал 55 «серпов», а вернее, по определению В. В. Гольмстен, — косарей для вырубki кустов. Они имеют прямое лезвие, дуговидную спинку и отверстие для прикрепления рукоятки. В клад также входили 5 кинжалов с грибовидным навершием, с оригинальной прорезной рукоятью, перекрестие которой с загнутыми концами находит на клинок листовидной формы. Происходящее из клада долото имеет цельнолитую втулку; два одноушковых кельта близки к «киммерийским» (рис. 81).

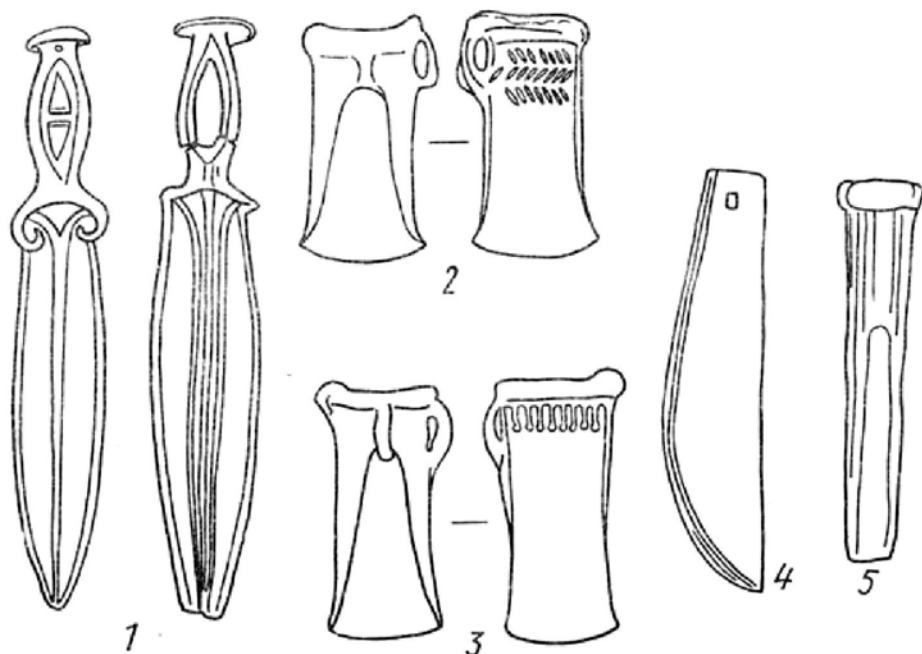

Рис. 81. Вещи из клада у Сосновой мазы: 1- кинжалы, 2, 3 -кельты, 4- косарь, 5 -долото

Слиток меди этого клада содержал 91,1% меди и 8,3% железа. Близкие данные были получены для серпа-секача, его состав — 96,5% меди и 3,5% железа¹⁵. Время клада определяется приблизительно. Во-первых, по находке литейной формы для «серпа» на одном из селищ хвалынского времени срубной культуры под Куйбышевом. Во-вторых, по наличию сходных кинжалов и долот в Красномаяцком кладе литейных форм на Днестровском лимане, датируемом от XII до VIII в. до н. э.¹⁶. Кроме кельтов из Сосновой Мазы известен кельт чисто «киммерийского» типа с двумя ушками из случайной находки в Саратовской области. Несколько крюкастых серпов было найдено в границах срубной культуры в бывшем Бузулукском уезде и где-то около г. Энгельса. Все это датируется очень общо, главным образом по аналогиям с соседними, хорошо датированными А. А. Иессеном комплексами Северного Кавказа, то есть где-то в пределах от конца II тысячелетия до VIII — VII вв. до н. э. Примером высокого развития медно-бронзовой металлургии служит склепанный из полос меди котел на поддоне (рис. 82)

Рис. 82. Киммерийский, клёпанный котел Куйбышевского музея

из числа «киммерийских» (Куйбышевский музей). Это и прототип котлов скифо-сарматской эпохи, и в то же время он сходен с поздними срубными сосудами из глины в Приазовье, а также с одной группой прямо подражающих ему по форме и орнаменту савроматских сосудов. Он не может быть ранее VIII—VII вв. до н. э.

Железных орудий в погребениях позднейшей срубной культуры нет. Это не случайно. То же мы обнаружим и в срубной культуре на более западных территориях. Бронзовое оружие, как совершенно ясно из находки кинжалов и кельтов из Сосновой Мазы, не уменьшалось в числе и не ухудшалось по качеству, а, скорее, улучшалось, причем не отставало от более восточных андроновских и более западных северопричерноморских предметов вооружения. Совершенно тождественные кинжалы сосновомазинского образца есть и на Днестре и в Южном Приуралье.

Лишь в исключительно редких случаях с мужчинами, вероятно, с вождями ополчения первобытных родо-племенных общин, клали оружие и погребали коней (курган № 6 у дер. Жирноклеево). Эти общины жили более или менее оседло, занимаясь земледелием и скотоводством. Подчеркнуто торжественные мужские захоронения свидетельствуют о господстве мужчин в роде. В то же время, по крайней мере во втором периоде срубной культуры, каждая большая курганная группа, состоящая из курганов, заключающих от десятка до сотни погребальных ям, может рассматриваться как родовое или общинное кладбище, в котором курганы с множеством погребений служили семейными усыпальницами больших патриархальных семей. Где-то в VIII—VII вв. до н. э. произошел решительный переход к экстенсивному кочевому скотоводству и от родо-племенной общины к военной демократии у савроматов, оставшихся на месте, и у собственно скифов-кочевников, ушедших в Причерноморье.

ПРОДВИЖЕНИЕ НА ЗАПАД.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА В ПРИАЗОВЬЕ

Во втором периоде племена срубной культуры продвинулись далеко на запад, достигнув Днестра и кое-где перейдя его. Часть их дошла даже до территории запрутской румынской Молдовы¹⁷. В Северном Приазовье срубная культура появилась еще в конце первого периода: на это указывают немногочисленные основные погребения в срубках в материке под курганами, древние остросереберные сосуды, плоские бронзовые ножи с намеченным перекрестием. Однако это передвижение и дальнейшее развитие культуры относятся в основном уже ко второму периоду срубной культуры¹⁸, который в главных чертах протекает по тому же руслу, что и в Нижнем Поволжье. По своему облику срубная культура Северного Причерноморья менее отличается от нижневолжской, чем северный вариант этой же культуры (Куйбышевская область)¹⁹.

Продвижение шло также с Дона на юго-восток, по его левобережным низовым притокам. М. И. Артамонов обнаружил в бассейне Маныча у хутора Веселого курганы с впускными погребениями второго периода срубной культуры и поселение с посудой того же времени.

Поселения Донской дельты исследовались, но результаты этих исследований публиковались мало. Важнейшее из них — Кобяково городище, в основном относится к сарматскому времени. Однако еще А. А. Миллер установил там наличие двух слоев, несомненно, срубной культуры. В них встречена керамика обоих этапов второго периода этой культуры, причем в начале его есть «многоваликовая» посуда поздних типов катакомбной культуры и острореберная, а в конце преобладают баночные и округлоплечие сосуды с налипными валиками под бортиком или по плечу. Среди последних встречаются горшки с невысокой шейкой и мягко отогнутым бортиком, то есть близкие первому типу степной скифской керамики²⁰. Совершенно те же самые явления наблюдаются в керамике подстилающего греческие слои нижнего горизонта Елисаветовского городища в дельте Дона. На керамике из этих слоев встречается рельефный орнамент в виде овальных и полушарных выпуклостей. Подобный орнамент известен на посуде с нижнедпепровских селищ. Есть и обломки невысоких чернolощенных блюдечек или чашечек с геометрическим орнаментом, иногда инкрустированным белой пастой. По А. А. Иессену и Т. Н. Книпович, среди находок в Кобякове имеется фрагмент ионийского сосуда начала V в. до н. э. По-видимому, срубные поселения дельты Дона дожили до начала скифского времени²¹. Поселения остального Приазовья лишь разведаны. Их известно около 20 по побережью моря и в прилегающих степных районах. На некоторых из них произведены небольшие раскопки: у поселка Гусельщиконо на берегу р. Грузский Еланчик, на р. Молочной ус. Ново-Филипповка, у Мелитополя, у хутора Шевченко близ Молочанска²². Поселения у Мелитополя и хутора Шевченко дали баночную посуду с валиками под бортиком. Жилища прослежены не были, и только на селище у поселка Гусельщиконо обнаружен правильный прямой угол постройки со стенками из рваного камня толщиной 40 см. Здесь же были встречены фрагменты баночных и округлоплечих сосудов, гладких и с валиками на плечиках, а также один фрагмент острореберного горшка. У поселка Луначарского близ Бердянска обнаружены остатки поселения, протянувшегося по левому берегу р. Куцей Бердынки более чем на 1 км. Селище очень испорчено при распашке под виноградники. На нем видны пятна зольников. А. Я. Огульчанским в 1950 г. и нами в 1951 г. на этом селище были заложены небольшие разведочные раскопы.

Они дали немного фрагментов баночных и округлоплечих сосудов. Найден также обломок раннего острореберного горшка. Округлоплечие сосуды имеют налипной валик на плечиках; некоторые валики заканчиваются усами. Валики эти иногда покрыты пальцевыми ямками или косыми насечками. Вверх по р. Берде на левом скалистом берегу в 40 км от Бердянска обнаружены ничтожные остатки поселения. На нем найдены фрагменты сосудов с расчлененными валиками на плечиках. Здесь же остатки каменных вымосток из рваного камня. На селище в устье Обиточной на берегу моря была обнаружена часть четырехугольной, достаточно типичной землянки. Здесь керамика так называемого сабатиновского типа, хорошо известного для этого времени в районах степного течения Южного Буга и Нижнего Днепра, найдена вместе с округлоплечими сосудами, украшенными валиком. Такая же посуда обнаружена и на двух поселениях у поселка Божева на р. Корсачке.

Когда в 1901 и 1902 гг. В. А. Городцов вел раскопки курганов в бывших Изюмском и Бахмутском уездах в бассейне Донца и Калмиуса, именно там им была выяснена, а затем и выдержала испытание временем хронологическая последовательность культур бронзового века: ямной, катакомбной и срубной. В его выводы внесены некоторые изменения, но основные определения остались в силе. Однако после того как в культурных слоях и древнейших курганах Поволжья были прослежены генезис срубной культуры и ее ранний облик, одно из положений Городцова не могло быть сохранено. Ямы с разными деревянными конструкциями, включая срубы из одного-двух венцов и просто с деревянным перекрытием, основные и впускные, с роскошной острореберной и простой баночной посудой, оказались уже в раннем периоде срубной культуры. Это заставило объединить со срубной культурой на приазовской территории погребения в насыпях и на горизонте, которые В. А. Городцов относил к особому культурному периоду.

С легкой руки этого большого ученого оба термина «острореберные» и «баночные» сосуды стали широко применяться по отношению и к более ранним и к более поздним сосудам и часто в нарушение вложенного им в эти слова смысла. Такая нечеткость вносит немалую путаницу в нашу археологическую, особенно украинскую, литературу. Баночными называют «округлоплечие» горшки срубной культуры (термин, почему-то забытый многими археологами) и даже боченовидные горшки лесостепных культур скифского времени. Острореберные горшки имеют острое, угловатое ребро, баночные горшки — это усеченно-конические, с более узким дном сосуды, никогда не имеющие плечиков и шейки, только иногда с слегка сужающимся устьем. В этом, собственно городцовском, смысле мы употребляем данный термин в дальнейшем изложении (рис. 83).

Рис. 83. Сосуды срубной культуры из раскопок В. А. Городцова на северском Донце 1 - острореберный, 2- баночный

Погребения в срубах довольно еще обычное на Донце явление, но как основные они очень редки. Чаще они бывают впускными. Срубы имеют один-два венца, углы их

соединены так, что в остроугольные пазы на концах одних бревен вставлены треугольные шипы на концах других (рис. 84).

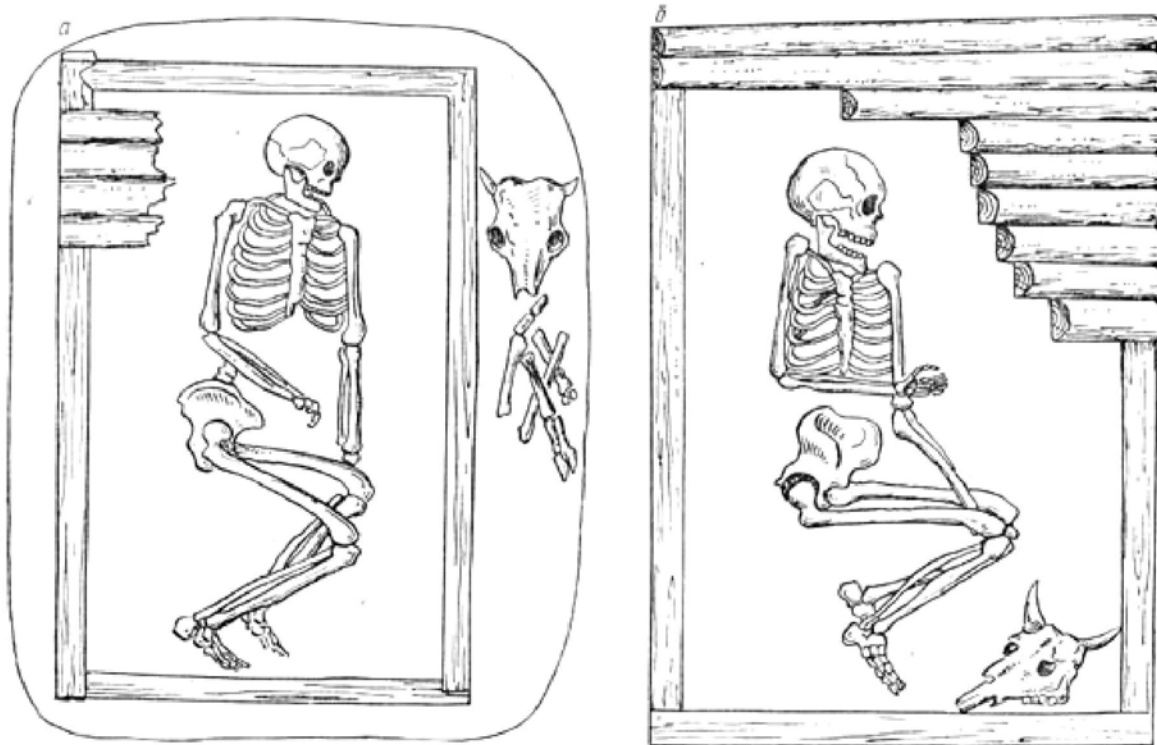

Рис. 84. Погребения в срубках из раскопок В. А. Городцова на северском Донце

В кургане № 7 (погребение № 1) у с. Камышеваха В. А. Городцов проследил двускатный шалаш из сучьев над срубом. Скаты крыши лежали на коньковой балке, подпертой на обоих концах вертикальными столбиками. Однако более распространены на Донце погребальные сооружения в виде ям, впущенных в насыпь, или достигавших горизонта, или очень редко едва-едва углубленных в грунт. При них почти всегда наблюдаются остатки дерева, особенно от перекрытий и изредка от пола. Эти впускные погребения бытуют здесь с самого начала. Именно здесь, как и под Волгоградом, уже не как частное явление, а как основное правило, впускные погребения поздней срубной культуры вводились в курганы, насыпанные для древнеямных или катакомбных могил.

Итак, все эти явления наблюдаются с самого начала, и поэтому прежнее хронологическое членение, по В. А. Городцову, отпадает. Кроме того, открытые им на Калмиусе у с. Каменка и другими археологами (Дмитриевка под Бердянском) каменные ящики должны быть по обряду и керамике отнесены к той же культурной среде, хотя они могли быть заимствованы из Крыма или с Кавказа. В Дмитриевке эти погребения обнаружены под длинными насыпями, где несколько ящиков расположено в ряд, как в Крыму в кизил-кобинской культуре. Ритуал поздних погребений срубной культуры все тот же, что и на Волге. Умершего клали чаще на левом боку и в сильно скорченном виде, обычно головой на запад или восток и много реже, по древнему обычаю, на северо-восток, юго-запад или юг. Подсыпка из мела и красная краска, как и в Поволжье. Части туш овцы, коровы и лошади клали как напутственную пищу погребенного. Кости свиньи в

могилах не найдены. В Изюмском уезде до 38%, а в Бахмутском до 60% раскопанных погребений содержали кости домашних животных.

Положение *В. А. Городцова* о принадлежности западной ориентировки «погребениям в срубках», а восточной — «погребениям в насыпи и на горизонте» теряет свою силу хотя бы потому, что во время основной волны движения на запад оба типа могил сосуществовали. Большинство сосудов в срубках имеет острые или слегка округленные плечевые выступы и лишь небольшая часть баночной формы²³. Горшки погребений в насыпях и на горизонте чаще баночные, реже с округлыми плечами и, наконец, столь редкие на Волге узкогорлые сосуды с шаровидным или коническим корпусом, иногда черные лощеные.

Сосуды с валиком редки. Их предпочитали почему-то почти не ставить, сохраняя, как и на Волге, искусственную архаизацию погребальных обрядов.

Кое-где на Азовском взморье были открыты такие же курганы, главным образом второго периода, например около Ботева и Преслава в устье Обиточной. Тут же впускные в насыпи и на горизонте погребения с основными древнеямными или катакомбными. Немного севернее Мелитополя, на территории сел Ново-Филипповка, Троицкое и совхоза «Аккермень», известны захоронения позднего периода, которые были вскрыты в 1951 — 1952 гг. экспедицией Института археологии АН УССР²⁴. Только один раз в кургане № XII второй Аккерменьской группы погребение срубной культуры было основным, но это погребение находилось в яме, без сруба. Остальные были впускными в курганы ямной и катакомбной культур и чаще в насыпи; лишь изредка они достигали грунта и тогда оказывалось, что ямы невелики и то прямоугольны, то имели округлые углы, то были овальные. Костяки лежали чаще всего на левом боку (63 случая), реже на правом (19 случаев), в более или менее сильно скорченной позе, головой на восток с теми или иными небольшими отклонениями. На запад ориентировано всего 5, меридионально — только 6. Судя по поволжской обрядности, мелитопольские погребения срубной культуры все самого позднего периода. Костей животных почти не встречено: один раз это — целый ягненок, в другом случае — нога овцы. Чем западнее от Волги, тем сильнее исчезал обычай делать курган над одной могилой и тем больше впускали их в насыпи предшествующих культур. Срубов здесь не прослежено совсем. Перекрытий почти нет: отмечен только один случай, когда оно сохранилось. Впрочем, кто раскапывал курганы в степной полосе Приазовья или Причерноморья, тот знает, как плохо дерево и кости сохраняются в черноземной насыпи. Поэтому заключать о полном отсутствии перекрытий не следует. *В. А. Городцов* отмечал их остатки в насыпях много чаще. Однако в мелитопольских курганах есть еще остроредерные горшки, хотя и не с такими богатыми узорами над ребром. Есть баночные сосуды. Очень редки округлоплечие с валиковым орнаментом под венчиком и на плечиках. Всего два раза встречены узкогорлые сфероидальные сосуды: один — нелощеный, другой — чернолощеный с тремя узкими, косо поставленными напелами на плечиках. Конически суженная сверху шейка и уступчик на плечике делают этот сосуд очень сходным с молдавским вариантом гальштата. Оба погребения в насыпях, в скорченных позах на левом боку, головой на

восток. Простой сосуд с довольно низкой цилиндрической шейкой имеет шаровидный корпус и сужен ко дну так же, как к горлу. Его форма вполне совпадает с четвертым типом собственно скифских степных сосудов. Ритуал же, а отсюда и время не скифские, а еще позднесрубные²⁵ (рис. 85).

Рис. 85. Сосуды Позднесрубной культуры из погребений у Мелитополя горшок, 2 лощеный кубок

Вероятно, из Приазовья и Подонья племена срубной культуры достигли теперешних Харьковской и Полтавской областей и левобережных притоков Днепра. Здесь они, однако, может быть, и не дожили до скифского времени, так как на их место явилась пока еще мало выясненная культура, получившая название «бондарихинской». В районе Изюма наряду с бондарихинскими изучены несколько поселений срубной культуры. На них есть керамика позднего периода. На Ворскле у сел Мачуха, Киряковка и других встречены курганы того же времени.

В Приазовье срубная культура слабо расчленена хронологически. Типологическая классификация керамики еще мало разработана, хотя нет сомнения, что и острореберные, и баночные, и округлоплечие сосуды распадаются на ряд типов во времени. Вероятно, срубы с господством острореберных сосудов относятся к началу проникновения сюда племен с Волги. Погребения с широтной ориентировкой, конечно, все или почти все второго периода, а те из них, где больше округлоплечей посуды, возникая где-то в начале I тысячелетия до н. э., доживают до начала скифского времени, так как от такой посуды происходят первые три типа степной скифской керамики. То же может быть верным и по отношению к узкогорлым сфероидальным сосудам, большей частью лощеным. По данным Шолданештского могильника в Молдавии, по находкам на поселениях ранней ступени чернолесской культуры, погребения с сосудами этого типа появились в конце IX — VIII вв. до н. э. и доживали, судя по нижнеднепровским

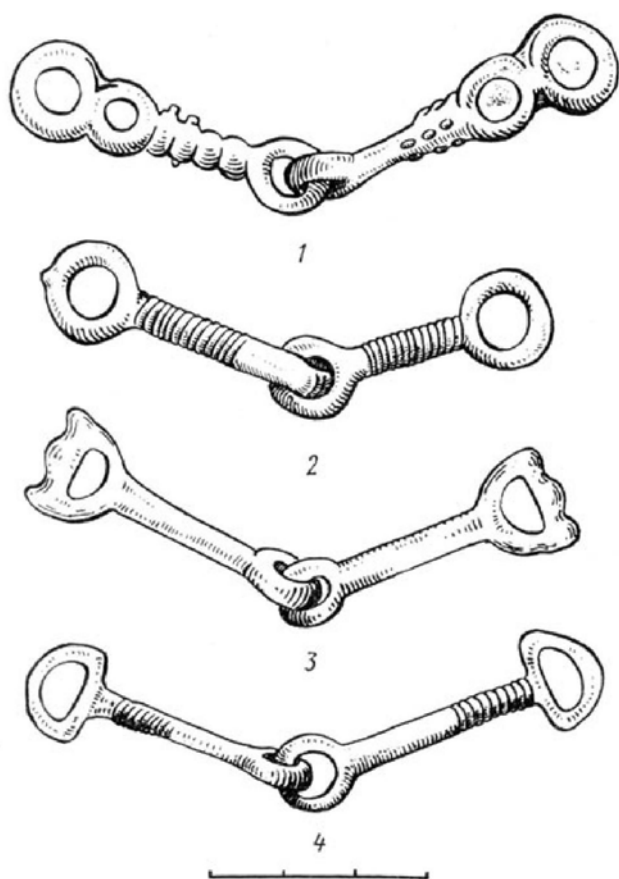
позднейшим курганам, может быть, до самого скифского времени. Но и эти сосуды недостаточно изучены типологически.

Есть еще один признак, определяющий, хотя и не очень точно, хронологию некоторых позднейших курганов срубной культуры и к тому же не одного только Приазовья. Мы уже смогли применить его на примере жирноклеевской находки. Это уздечные наборы.

В начале I тысячелетия до н. э. от областей андроновской культуры через срубную до границ гальштата и на север до территории чернолесской культуры были распространены мягкие удила из ремня с костяными и роговыми псалиями о трех отверстиях в одной плоскости. Как было уже сказано, это V тип, по К. Ф. Смирнову. Он имеет разные варианты. Эти псалии, по-видимому, более всего свойственны IX — VIII вв. до н. э. В Приазовье они пока еще не известны. Но эти псалии послужили явным прототипом для некоторых бронзовых псалиев, употреблявшихся уже при бронзовых же, а не при мягких ременных удилах²⁶.

Вопрос о бронзовых удилах разработан А. А. Иессеном²⁷. Он изучил их на Северном Кавказе, в поволжских и причерноморских степях и в лесостепных районах. А. А. Иессен разделил бронзовые удила на четыре основных типа (рис. 86).

Рис. 86. Четыре типа бронзовых удил на Северном Кавказе, в Поволжье и Причерноморье (по А. А. Иессену).

I тип — бронзовые удила с двумя кольцами на концах. В наружное кольцо во многих случаях вдевали звенья для повода с прорезным или гладким кружком. На них бывали крестообразные или колесовидные знаки, считающиеся солярными символами. К первому типу удил относятся псалии со шляпкой наверху и плавно отогнутым вперед нижним концом стержня. Чаще всего этот конец имеет вид лопасти. Для привязывания псалия к концам удил и прикрепления разделенного натрое щечного ремня оголовья на обратной отгибу стороне стержня псалия сделаны 3 ушка. На уздечном уборе при таких удилах и псалиях могли красоваться бляхи, гладкие или прорезные с солярными изображениями, а также фигурные лунницы с ушком. Все это из бронзы, реже из кости.

II тип — бронзовые удила с одним большим кольцом на конце. На изучаемой территории эти удила встречаются только на Северном Кавказе. При них псалии, характерные для удил I и III типов, и сходные уздечные наборы. II тип удил, вероятно, самостоятельно развился и в гальштате, в VIII в. до н. э.

III тип удил имеет на концах кольца в виде стремечек. Псалии при таких удилах либо гальштатского типа со шляпками на концах и с муфточками вокруг отверстий, либо очень редко это подражание костяным псалиям V типа, по *К. Ф. Смирнову*, с далеко отставленными овальными отверстиями и утолщениями вокруг таких отверстий. При них изредка бывают наборы, подобные описанным выше.

IV тип вполне сходен со множеством гальштатских удил. Кольца на концах имеют форму стремечка дужкой наружу. Они найдены только один раз где-то в Ростовской области и хранятся в Новочеркасском музее.

III тип удил, но уже в сочетании с другими, чаще роговыми псалиями о трех отверстиях, оформленных в зверином стиле, очень распространен в скифское время в VI. до н. э.

А. А. Иессен считал I тип удил чисто предскифским и относил его ко второй половине VIII — первой половине VII в. до н. э. Немногие случаи нахождения удил со стремечковидными концами, но с псалиями и наборами доскифских типов он относил ко второй половине VII в. до н. э. II тип хронологически близок к I типу.

Теперь хорошо выяснено, что уже в скифское время на самом рубеже VII и VI вв. до н. э. удила и псалии I типа встречаются неоднократно в скифских комплексах Среднего Приднепровья и однажды встречены *а*· одном комплексе со стремечковидными удилами III типа. Некоторые же из удил III типа, которые *А. А. Иессен* приписал второй половине VII в. до н. э., отнесены к этому времени неудачно, так как они сочетались с весьма ранними псалиями гальштатских образцов или с бронзовыми подражаниями V типу роговых псалиев, по *К. Ф. Смирнову*, что свидетельствует о появлении их в более раннее время, вероятно, в VIII в. до н. э.

С I типом удил в доскифское время в VIII и даже в начале VII в. до н. э. от Среднего Приднепровья до Северного Кавказа встречаются обычно бронзовые и очень редко железные наконечники стрел с неправильно ромбовидной головкой и длинной втулкой с

продолжением через все жало. Впоследствии из них выработались самые ранние из скифских ромбовидные бронзовые наконечники стрел с короткой или обрезной втулкой, иногда имеющей шип — крючок. Такие стрелы есть в жаботинских комплексах второй половины VII в. до н. э.

Из донского Приазовья, то есть из области срубной культуры, происходит Новочеркасский клад. В нем удила I типа при бронзовом топоре прикубанского типа и каменной литейной форме для лавролистных длинновтульчатых наконечников стрел. В кургане у Чернышевской станицы на р. Чир такие же удила с псалиями и бронзовые ромбовидные наконечники стрел с длинными втулками были найдены в случайно разрушенном погребении (рис. 87)²⁸.

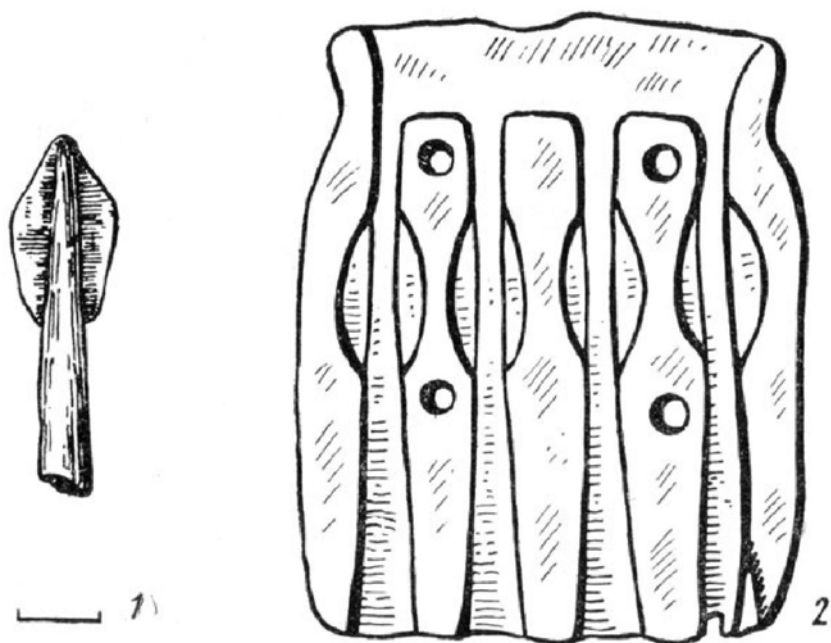

Рис. 87. Бронзовые наконечники стрел Предскифского периода 1 из станицы Чернышевской, 2 Новочеркасский клад

В 1901 г. В. А. Городцов нашел в погребении № 3 из кургана 1 у хутора Черногоровка Изюмского уезда бронзовые стремевидные удила и бронзовые псалии, которые являются точной имитацией роговых псалиев V типа, по К. Ф. Смирнову²⁹. В архиве В. А. Городцова сохранился рисунок, свидетельствующий: о том, что погребение с удилами было третьим, сверху вниз, из трех впускных погребений в насыпи кургана с основным захоронением ямной культуры. Все три костяка лежали в скорченной позе: два нижних головами на северо-восток на левом боку, а верхнее, детское, на правом боку, головой на запад. Погребение № 3, в инвентаре которого кроме удил и псалиев находились еще 7 бронзовых блях от уздечного убора, располагалось под погребением № 2. Ступни погребенного были под двумя сосудами, сопровождавшими погребение № 2. Один из этих сосудов чернолощенный, узкогорлый, второй — какой-то «кувшинчик». Эти сосуды не сохранились, но, судя по описанию В. А. Городцова, они относятся к числу характерных для эпохи позднейшей срубной культуры на нашем юге. По этим признакам погребение № 3, совершенное несколько раньше погребения № 2, относится, скорее, к

VIII в. до н. э., может быть, к его концу или середине, чем к началу VII в. до н. э. Налобник его простого уздечного набора обычен для конца гальштата (рис. 88, 89).

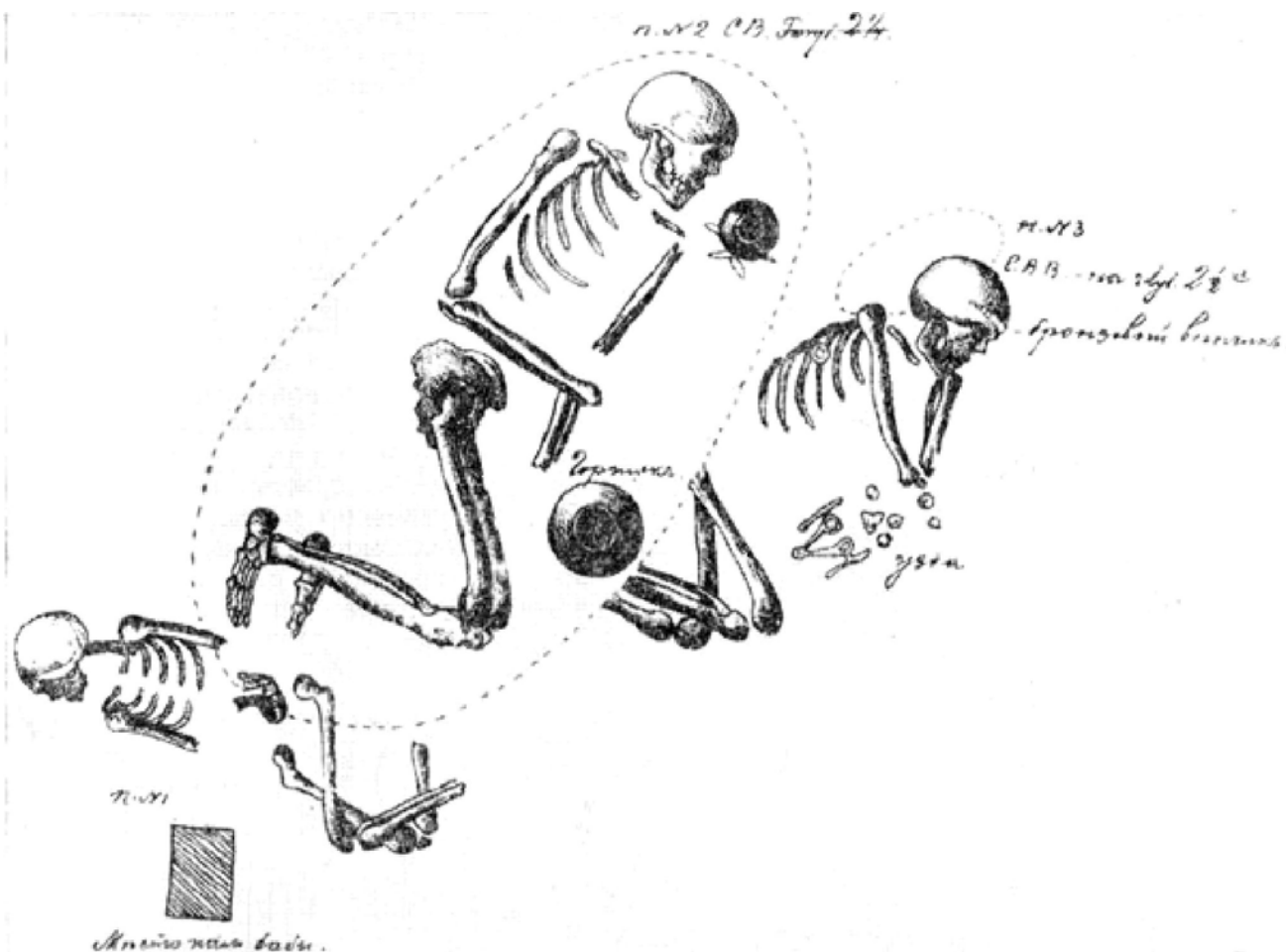

Рис. 88. План погребения кургана № 1 у хутора Черногоровка

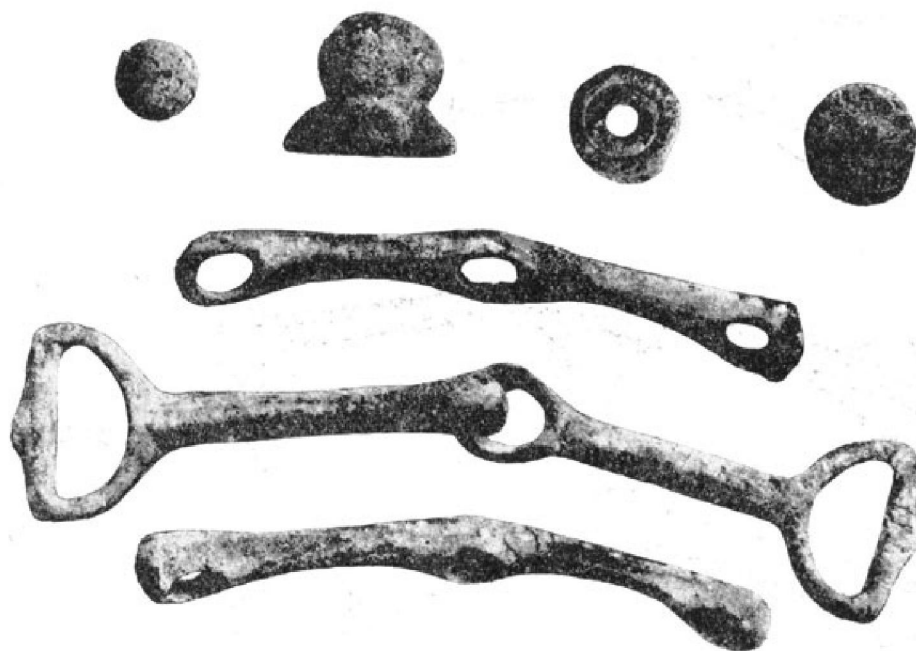

Рис. 89. Бронзовый уздечный набор из погребения № 3 кургана № 1 у хутора Черногоровка

В Погребение в кургане у с. Большая Камышеваха бывшей Екатеринославской губернии, раскопанное *Н. Е. Бранденбургом*, содержало своеобразный уздечный набор — бронзовые лунницы, бронзовые псалии гальштатского типа с муфточками у трех отверстий и большой шляпкой на одном конце и стремевидные удила (рис. 90).

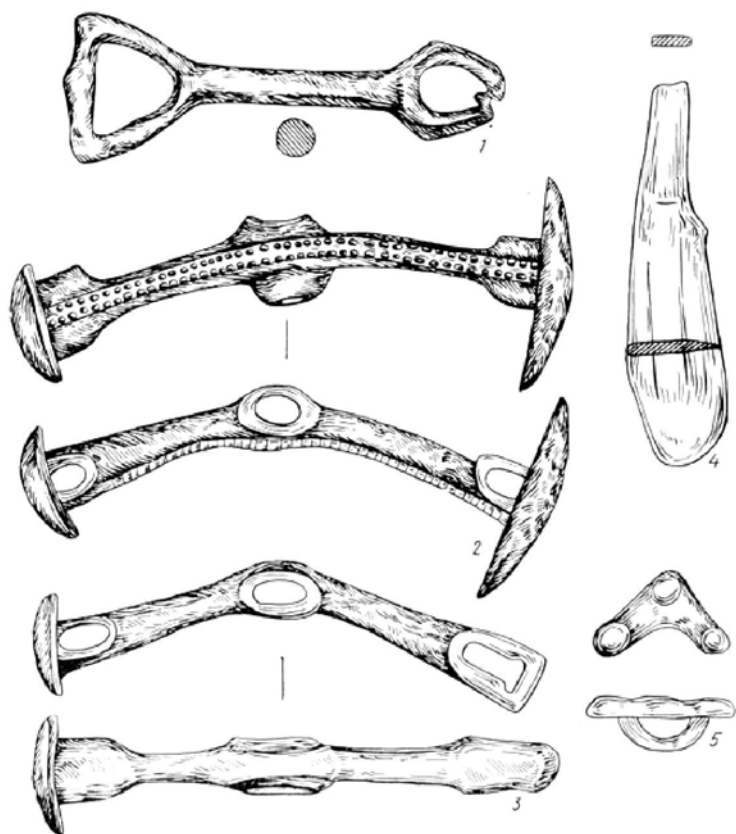

Рис. 90. Бронзовый уздечный набор и нож из погребения у большой Камышевахи: 1- звеню удила, 2, 3 - псалии, 4 - нож, 5- бляха.

Покойник лежал вытянуто, головой на запад³⁰. Уздечный убор свидетельствует об одновременности этого погребения с черноговорским. Вытянутое положение костяка и его ориентировка вполне отвечают одному из позднейших вариантов погребений в насыпях, которые неоднократно наблюдались в Приднепровье. Основным в Камышевахском кургане было типичное погребение катакомбной культуры.

Все перечисленные комплексы относятся к самому концу предскифского периода срубной культуры. К камышевахскому комплексу примыкают по времени псалии того же типа с двумя большими шляпками, хранящийся в Новочеркасском музее, и упомянутые удила IV типа, по *А. А. Иессену*, находящиеся в Ростовском музее³¹.

Металлических изделий из Приазовья известно мало. Здесь, очевидно, то же действие обычая не класть в погребения металлическое оружие, который существовал в первом периоде срубной культуры. В Приазовье племена срубной культуры пришли на рубеже первого и второго периодов, и потому здесь еще попадают обычные раннесрубные ножи-кинжалы. Кинжалов «киммерийского» типа мы здесь в курганах не находим. В Ждановском музее хранится наконечник копья с цельнолитой втулкой и большими

прорезами на пере, несомненно, относящийся к первой трети I тысячелетия до н. э. Такие копья дожили, может быть, до VII в. до н. э., так как от них происходят типичные копья ананьинской культуры VII — VI вв. до н. э. Конечно, были и здесь котлы, клепанные из полос меди. Правда, пока что они неизвестны, но еще В. А. Городцов отметил глиняные котлообразные сосуды на полом высоком поддоне. Особенно хорош роскошно украшенный котлообразный сосуд из Ждановского музея (рис. 91).

Рис. 91. Глиняный котлообразный сосуд Ждановского музея

ПРОДВИЖЕНИЕ ПЛЕМЕН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ПРИДНЕПРОВЬЕ И ДАЛЕЕ В

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.

ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПОСЕЛЕНИЙ КУРГАНОВ И КЕРАМИКИ

Итак, в конце первого периода началось передвижение племен срубной культуры на запад. По длительности соблюдения нижневолжских погребальных обычаев и по очень большому сходству керамики в Приазовье и Поволжье следует думать, что продвижение шло именно оттуда и группа племен воронежского Подонья в нем участия или совсем, или почти не принимала. Воронежская керамика срубных типов содержит явные признаки влияния соседней с севера абашевской культуры и потому имеет оригинальные черты, не отмеченные в приазовских вариантах посуды.

В Крым племена срубной культуры попали, вероятно, из Приазовья. Несколько поселений открыто на Керченском полуострове: А. Я. Брюсовым на горе Челки, И. Т. Кругликовой на месте древнего Киммерика и в других местах³². На этих поселениях поздняя срубная культура налегла на слой с многоваликовой посудой конца катакомбной культуры, что отчасти отразилось на формах и орнаментах срубной

керамики. Здесь есть и округлоплечие горшки с валиком под бортиком или на плечиках и, по-видимому, сабастиновские типы посуды.

Курганы с погребениями позднеесрубного времени представлены слабо. Очень важен курган у Кара-Тобе под Евпаторией³³. Там было 3 типичных погребения с баночной посудой, обычной костяной пряжкой и каким-то железным стержнем. По-видимому, срубной культуре принадлежит погребение у с. Зольное с очень богатым, полным оружия всадническим обиходом.

В степное Приднепровье и несколько дальше на запад срубная культура пришла, по-видимому, не сразу. По крайней мере, на ее пути от Дона до Нижнего Днепра встречен ряд остросереберных горшков очень своеобразной формы. Они повторяют один из поздних остросереберных типов, но имеют по всей поверхности орнаментуку, как сосуды катакомбной культуры. Часто этот узор состоит из сложных, иногда многоваликовых комбинаций геометрических фигур. Многоваликовая посуда свойственна позднему периоду развития катакомбной культуры. Найдена она, в частности, на селище Бабино III и близ Каховки³⁴. Там есть и формы сосудов, подражающие остросереберным, и своеобразные костяные пряжки, обычные у племен срубной культуры на первом этапе второго периода. Все это указывает на то, что передвижение племен срубной культуры на запад было постепенным и вызывало подражания им у теснимых местных племен. Однако, судя по некоторым хронологическим данным, продвигавшиеся на запад племена срубной культуры достигли своих западных пределов на Буге и Днестре еще в начале второго периода, почти сразу за тем, как они утвердились на Нижнем Днестре.

Довольно давно в нижнем степном Приднепровье археологам были известны курганы с погребениями срубной культуры. Но им не уделялось достаточного внимания.

Очень долго не привлекали внимания и селища племен срубной культуры. Они стали известны с раскопок на площадке Днепростроя, затем по раскопкам у Белозерского лимана напротив Никополя в Каменке-Днепровской и, наконец, с началом раскопок на Каховском строительстве, по берегам Днепра³⁵.

Серьезное внимание на эти селища обратили только с началом раскопок на Белозерском лимане. Здесь *О. А. Кривцова-Гракова* открыла селище, на котором была преимущественно округлоплечая посуда с отогнутой шейкой, с валиком по плечу, расчлененным обычно косыми насечками. Ряд черепков имел валики с усами на месте нарочитого перерыва. Были здесь и баночные сосуды, но их немного; иногда они украшены валиком почти под самым бортиком сосуда. Попался всего один остросереберный фрагмент. Нашли здесь и фрагмент чернолощеной чашечки с остатками белой инкрустации в резном узоре, и большую часть шаровидного лощеного сосуда с довольно высокой и узкой цилиндрической шейкой. Найденные слегка горбатые бронзовые ножички не типичны (рис.92). Обнаружена часть землянки с уступом по верхнему краю.

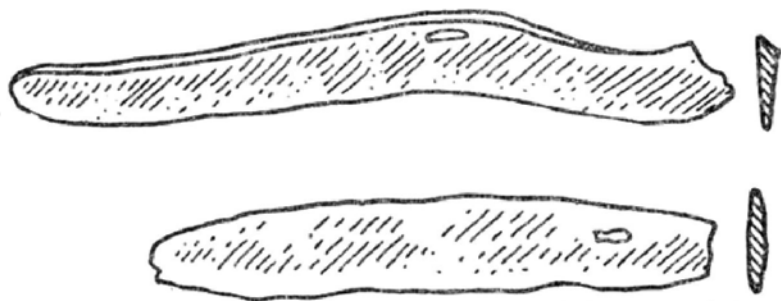

Рис. 92. Бронзовые ножи с Белозёрского селища

При изучении в музеях Украины находок с поселений срубной культуры О. А. Кривцова-Гракова выделила поселения, на которых среди типов обычной керамики попался вариант сосудов почти яйцевидных, со слабо отогнутой шейкой, часто залощенной поверхностью³⁶. Плечики не выражены, сосуд имеет основное расширение на середине или почти на середине высоты. Значительная часть их украшена одним или несколькими опоясывающими валиками, гладкими или с косыми насечками, изредка с усами. Они располагаются на 2 — 4 см ниже бортика. Вместе с этими сосудами встречены ручки и доньшки невысоких одноручных и двуручных кубков. Ручки имели выступ на перегибе, а доньшки — вдавину для устойчивости: и то и другое, как у «скифских» черпаков лесостепи (рис. 93).

Рис. 93. Керамика с поселения Сабатиновского типа 1 — яйцевидный сосуд, 2, 3, 4 — баночные сосуды, 5—двуручный кубок, 6 острореберный сосуд

Селища с такой посудой получили название селищ сабатиновского типа, по первому месту их находки у поселка Сабатиновка на Южном Буге, а наличие кубков, похожих на «скифские», позволило высказать предположение о том, что сабатиновский этап позднее белозерского. Этот этап и эти поселения оказались свойственными преимущественно междуречью Днестр — Днепр и мало известны восточнее Днепра. Следуя за О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Н. Погребова отнесла поселения на Ингуле и под Одессой с такой посудой к этому же этапу. Раскопанные ею поселения имели каменные постройки, а не землянки, чем отличались от обычных срубных, более восточных памятников³⁷ (рис. 94).

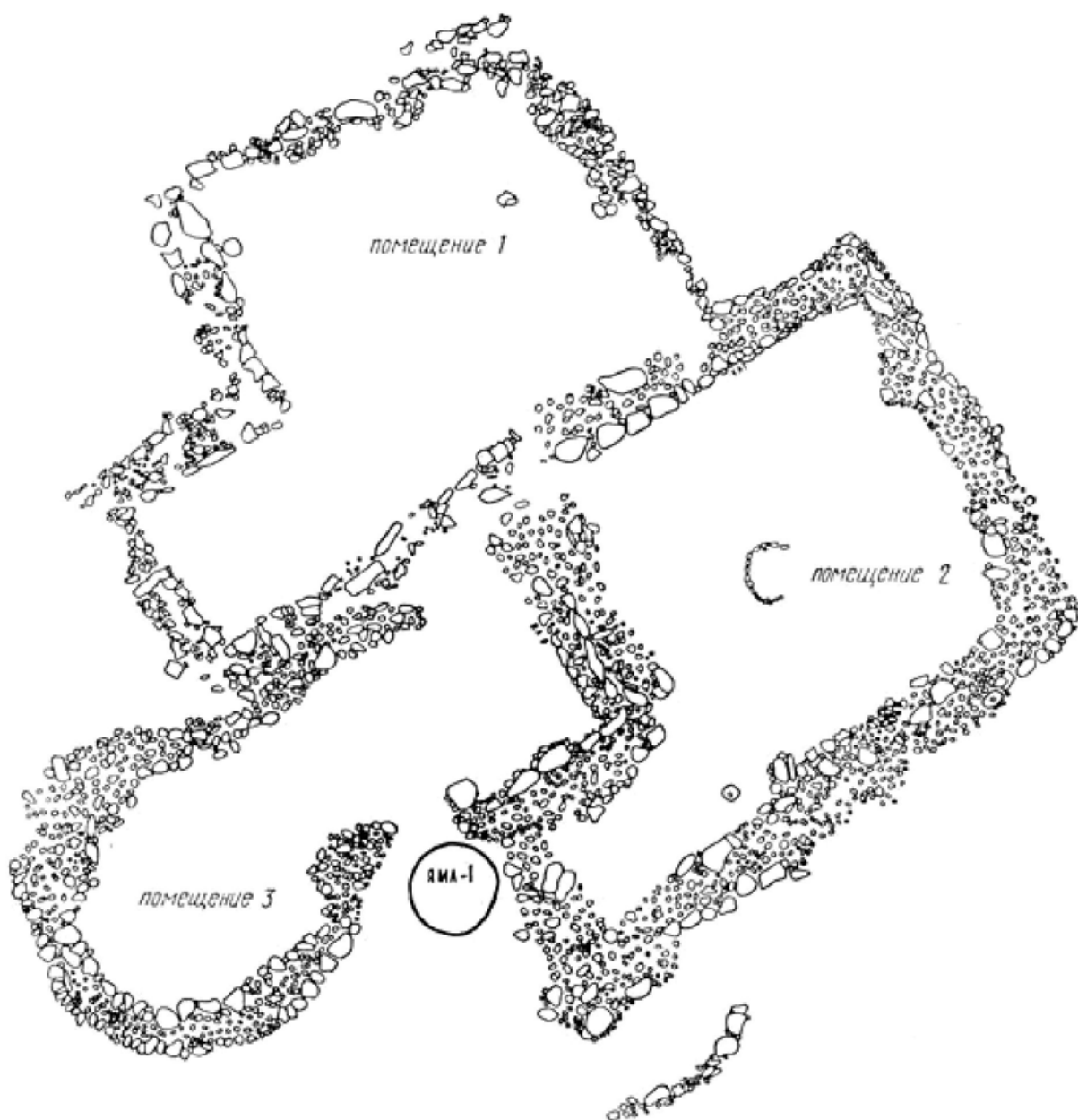

Рис. 94. Анатолевское поселение. План камерной постройки

О. А. Кривцова-Гракова руководствовалась однослойными поселениями, среди них не было ни одного с четко выраженной стратиграфией. В 1952 — 1955 гг. на Каховском строительстве киевские археологи раскопали на левом берегу Днепра у с. Ушкалка селище срубной культуры. На небольшой площади культурный слой оказался разделенным тонкой стерильной прослойкой. Последовательность развития керамики здесь оказалась почти обратной, чем предложенная О. А. Кривцовой-Граковой. В нижнем слое в значительном количестве найдены баночные горшки с валиком под самым бортиком. Имеется немного острореберных форм и округлоплечих горшков со слабо выраженным бортиком и с валиком почти у самого устья. Как и в Сабатиновке, здесь есть ручки черпаков. В этом же слое оказалось много костяных вещей: струги из челюсти лошади, втульчатый одношипный гарпун, пряслице из бедренной головки крупного животного, зубчатые «штампы» на краю плечевого сочленения лопатки и *т. п.* Из кости же сделан наконечник стрелы с внутренней втулкой. Он пятигранный в разрезе, так как одна грань получилась от естественного ребрышка на кости. Иначе этот наконечник был бы очень близок четырехгранным наконечникам собственно скифского раннего времени (VII — VI вв. до н. э.). Из бронзы сделана булавка с одновитковой головкой (рис. 95).

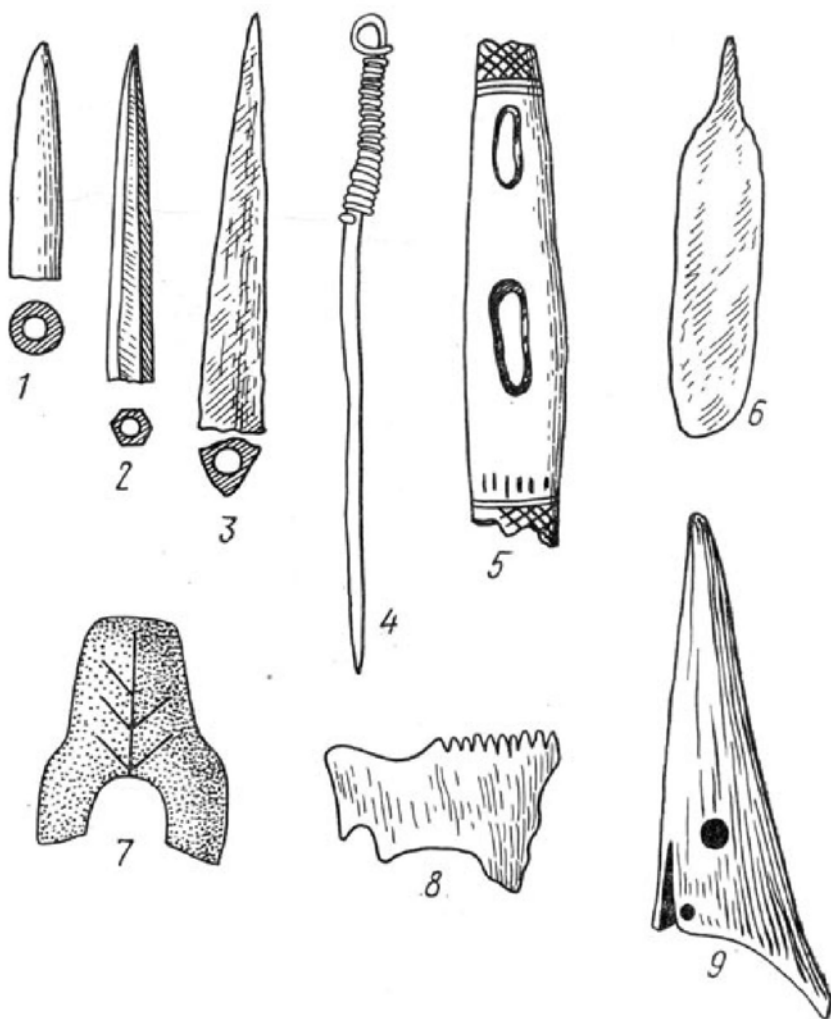

Рис. 95. Инвентарь с поселения Сабатиновского типа: 1, 2, 3 — костяные наконечники стрел, 4—бронзовая булавка, 5—костяной псалий, 6 — бронзовый нож, 7 — обломок каменного топора, 8 — костяной зубчатый «штамп», 9 — костяной гарпун

В нижнем же слое Ушкалки оказалось прямоугольное жилище — землянка площадью 8Х6 м. В нем было два очага: один — круглый из камня диаметром 1 м, может быть, представляющий развал печи; другой — небольшое овальное углубление, окруженное кольями, возможно, для подвешивания сосудов над огнем. Все это — в большом древнем зольнике.

Верхний слой Ушкалки содержал в основном округлоплечую посуду с расчлененными валиками по плечу, иногда имеющими усы. Встречаются сосуды, украшенные по плечикам круглыми или овальными выпуклостями. Банок почти нет. Известны низкие миски с почти вертикальными стенками. Иногда такая миска еще в сыром виде разрезалась на секторы, которые затем обжигались. Найдены круглые глиняные крышки. Стратиграфия поселения у с. Ушкалка показывает, что сабастиновские формы керамики предшествуют белозерским³⁸ (рис. 96 а, 96 б).

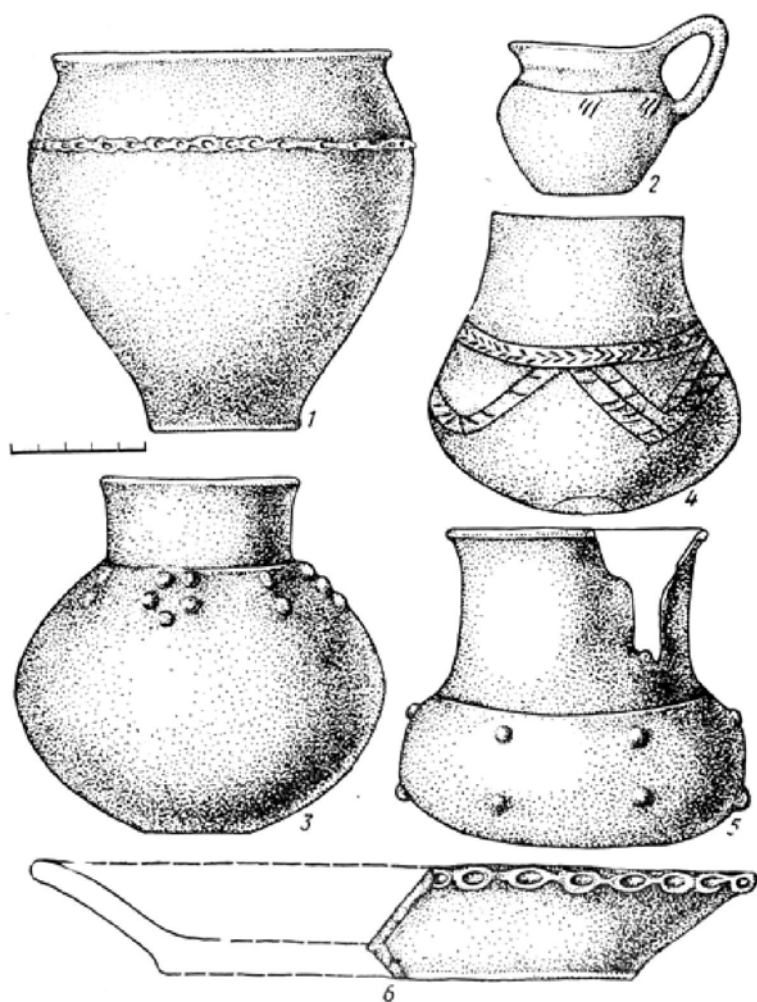

Рис. 96а. Керамика Белозерского этапа Позднесрубной культуры: 1- горшок, 2 - кувшинчик, 3, 4, 5- лощеные кубки с цилиндрическим горлом, 6 -тарелка

Само Сабатиновское селище, позволившее выделить особый вид яйцевидных сосудов, оказалось весьма ранним. Оно однослойно. На нем раскопана лишь небольшая, относящаяся к короткому промежутку времени площадь. Основанием для его ранней даты служит костяной псалий раннегальштатского образца для мягких ременных удил.

Вместе с тем здесь же был найден «цилиндрический» костяной наконечник стрелы — прототип таких же стрел скифского времени (рис. 95).

Рис. 96б. Керамика Белозерского этапа Позднесрубной культуры: 1, 2, 3- горшки, 4, 5 - лощеные кубки, 6, 7 - кувшинчики

По псалию сабашиновский слой следует относить к XI I— XI вв. до н. э. Ряд исследователей сближают поселения сабашиновского типа с румынской культурой ноа³⁹, которой

свойственны сосуды с гладким валиком несколько ниже края и кубки с одной или двумя ручками, имеющими вертикальный выступ на верхнем перегибе. Эти формы близки сабастиновской керамике. Сближение сабастиновских кубков со скифскими «черпаками» при отсутствии других аналогий на первых порах казалось очень убедительным, несмотря на то что в степи скифские «черпаки» в скифское время совсем неизвестны. Сходство сабастиновской керамики с некоторыми формами культуры ноа позволяет начало такой керамики также отнести к XII в. до н. э.⁴⁰; кубки говорят только о некотором влиянии этой культуры на западную окраину срубной культуры, так как селища последней с сабастиновской (яйцевидной) посудой все же имеют баночные и в меньшем числе острорезные формы, а западные образцы отнюдь не преобладают.

Формы сабастиновской посуды продолжают бытовать и на более поздних поселениях, относящихся к белозерскому этапу. На ряде селищ, в том числе и на Белозерском, посуда округлоплечих образцов бытует более или менее нераздельно с яйцевидной сабастиновской (Змеевка, Бабино и другие поселения). На Ингуле и Тилигуло-Березанском лимане это поселения Пересадовка и Анатольевка. Есть такие поселения и в области днепровских порогов. Сабастиновские формы наблюдаются на некоторых селищах Приазовья и Керченского полуострова. Очень близки поселению на Белозерском лимане и верхнему слою селища у с. Ушкалка селища в Змеевке и Бериславе на правом берегу Днепра, в Бабине IV, у с. Кайры, у с. Нижний Рогачик на левом берегу. Но почти на всех этих селищах есть (где более мощная, где более слабая) примесь сабастиновских сосудов. Это позволяет считать, что наличие сабастиновских форм керамики — явление длительное, но что большей частью такая керамика попадает вместе с обилием баночных сосудов, имеющих валики под бортиком, и некоторым количеством острорезных (рис. 93).

Важным достижением *О. А. Кривцовой-Граковой* является выделение сабастиновской группы керамики и поселений, но ее хронологическая шкала должна быть изменена. Поселения с посудой, в которой наблюдается преобладание старых срубных форм в сочетании с сабастиновскими, возникают около XII — XI вв. до н. э. Конец их приходится на IX в. до н. э., когда начинается следующий, белозерский этап. На некоторых селищах (в Бериславе, в Бабине IV, у с. Рогачик и на Белозерском лимане) встречены лощеные сосуды с цилиндрическим высоким горлом, шаровидным или приплюснутым туловом и с дном плоским или вдавленным в середине для устойчивости (рис. 96). Эти сосуды есть в датированных курганных комплексах у с. Лукьяновка около Каховки и у с. Большая Белозерка (курган Малая Цимбалка). Первый, по-видимому, относится к IX в. до н. э., второй, вне сомнения, — к первой половине VII в. до н. э. В Шолданештском могильнике в Молдавии такие сосуды относятся к VIII в. до н. э. Следовательно, белозерский этап датируется с IX по середину VII в. до н. э.⁴¹. Интересно упомянуть находку комплекса сосудов, может быть, из грунтового погребения у с. Кайры⁴². Там при двух сосудах белозерского типа с валиками на плечах найдены нелощеный узкогорлый сосуд с вытянутым туловом и лощеный серовато-черный кувшинчик со сливом и ручкой. Этот последний орнаментирован на плечиках косыми каннелюрами. Такой тип сосуда хорошо представлен в том же Шолданештском могильнике. Находка его вместе со срубными

сосудами — большая редкость. Возможно, такую же форму имел кувшин из погребения VIII — VII вв. до н. э. в Черногоровке, найденный вместе с узкогорлым сосудом. Встречаются они в Приднепровье еще один-два раза. Это — тоже вежа для даты белозерского этапа срубной культуры в Северо-Западном Причерноморье. В целом и здесь последовательность селищ, по керамике та же, что на Волге и в Приазовье, где округлоплечие горшки и узкогорлые сосуды относятся ко второму, белозерскому этапу позднесрубной культуры.

Происхождение посуды степных скифов связано с разными формами позднейшей срубной керамики: округлоплечей, яйцевидной. В разной степени и в разных местах степей она также связана с баночной, которая, как и острореберная, дожила в степях до скифского времени, хотя и в очень малом числе⁴³.

Курганы с погребениями срубной культуры довольно многочисленны по обоим берегам Днепра. Они, несомненно, распространены от моря и, по крайней мере, до Днепропетровска. На западе они доходят до Молдавии.

Повсеместно погребения срубной культуры здесь впускные в более ранние курганы, по большей части принадлежащие ямной культуре. Располагаются они в насыпях, редко достигая почвенного слоя, и еще реже проникают в грунт. Почвенные условия степного Приднепровья, может быть, — причина тому, что при этих погребениях нет остатков дерева, которые, по В. А. Городцову, обычны в курганах Северского Донца. При раскопках курганов у знаменитой Солохи нами обнаружена почти квадратная яма, всего на несколько сантиметров врезавшаяся в грунт. В ней сохранились сильно истлевшие плашки нижнего венца сруба (рис. 97).

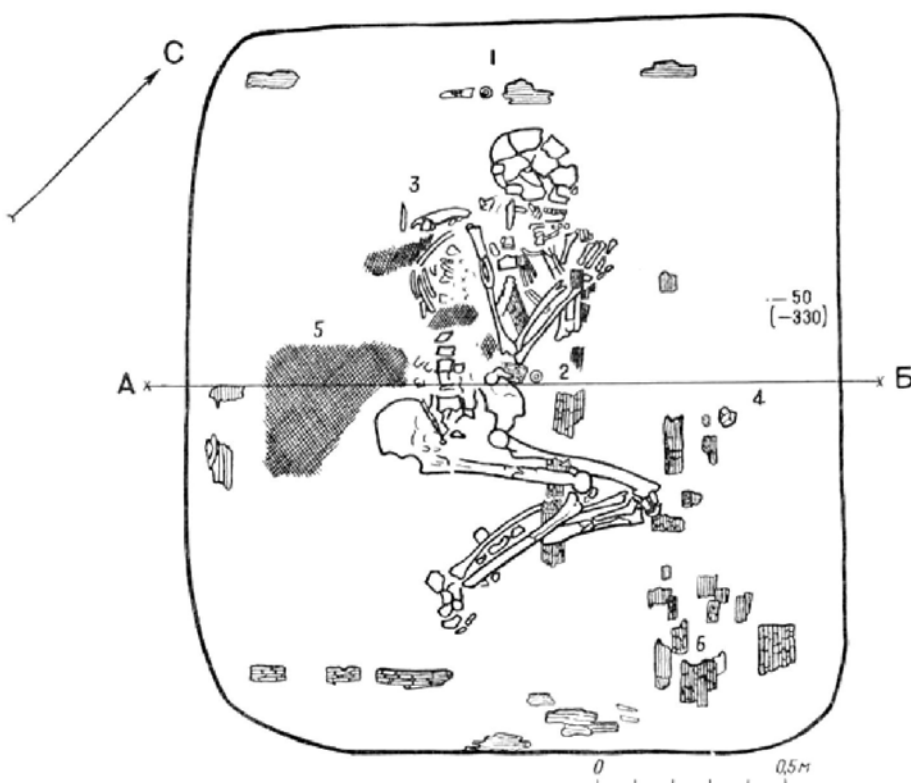

Рис. 97. Погребение в срубе — курган № 3, погребение № 8 в курганной группе у Солохи (раскопки 1961 г.): 1, 2 — костяные пряжки, 3—костяная проколка, 4—осколок кремня, 5 — тлен от коры, 6 — остатки деревянного сруба.

Погребальные ямы имеют прямоугольную или овальную форму. Костяки лежат скорченно, чаще всего на левом боку, головой на запад, иногда с отклонениями (Никопольские курганы), или на восток, также с отклонениями (у сел Кут, Перевозские хутора и Марьянское на правом берегу Днепра, у с. Первомаевка на левом берегу)⁴⁴. Мясной пищи в погребения обычно не клали.

Как и везде от Поволжья до западных пределов распространения срубной культуры, костяки редко лежали головой на юг. Нигде этот обычай не представлен иначе, чем единицами. Встречен он кое-где и в Нижнем Приднепровье. Он прослежен, например, в Первомаевке в кургане № 6 (погребение 2)⁴⁵, где это было единственное основное погребение с бронзовым кинжальчиком особого типа, который, по-видимому, может относиться к первому, сабастиновскому этапу позднесрубного времени. Таким же было, может быть, положение разрушенного костяка в основной и единственной в своем роде могильной яме в кургане Широкая могила у с. Большая Лепетиха, раскопанном *Н. И. Веселовским*. Там обширная четырехугольная яма, ориентированная по линии север — юг, с канавками по сторонам и ямками для столбов по углам была покрыта мощным накатником поперек уложенных бревен, выходящих далеко за края ямы (рис. 98).

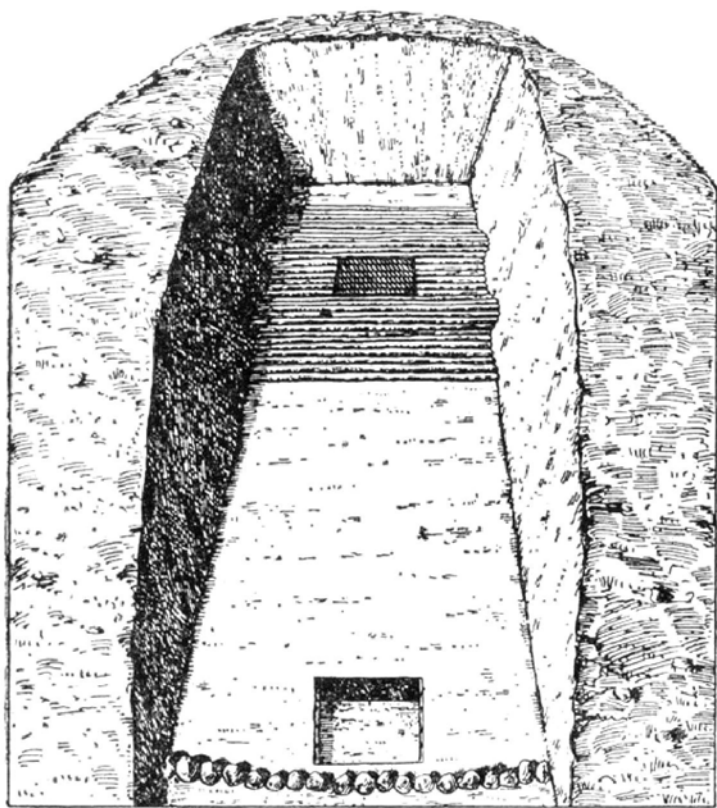

Рис. 98а. Погребение в кургане широкая могила у с. Большая Лепетиха. Общий вид вскрытой части насыпи

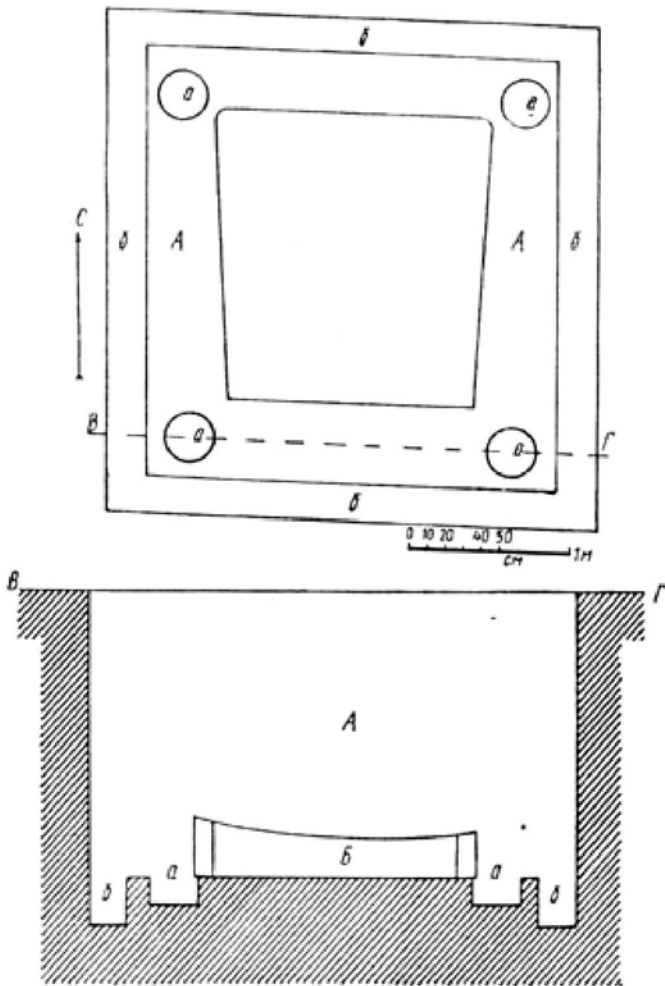

Рис. 98б. План и разрез могильной ямы погребения в кургане широкая могила у с. Большая Лепетиха Б - место захоронения, а - ямы от столбов, б - канавка

В этой яме найден такой же, как в первомаевском погребении, бронзовый кинжальчик вместе с ножичком «киммерийского» типа, но необычным благодаря бронзовому черешку и железному клинку (рис. 99).

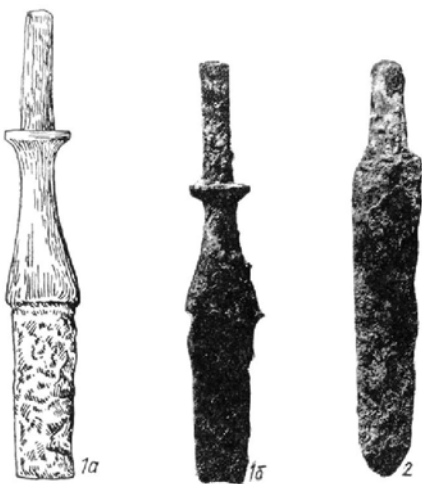

Рис. 99. Кинжалы из погребения в кургане широкая могила у с. Большая Лепетиха: 1а, 1б - биметаллический, 2- бронзовый

Таким образом, принадлежность этих могил к позднедревнему времени несомненна.

А. М. Лесковым у с. Широкое, недалеко от Голой Пристани, открыты распаханные курганы, содержащие по несколько могил со скорченными костяками головой на юг, со множеством простых и лощеных черных и бурых сосудов⁴⁶. Последние либо шаровидные с цилиндрическим узким горлом, либо реповидные с низкой шейкой. Время этой курганной группы — IX — VIII вв. до н. э. по найденным фибуле и булавам с одновитковой головкой. *А. М. Лесков* считает могильник у с. Широкое бескурганым. Основные погребения с южной ориентировкой костяков и компактные группы в Приднепровской левобережной степи с тем же обрядом, может быть, указывают на то, что среди племен срубной культуры было одно, отличавшееся этой деталью ритуала, жившее в позднем периоде особняком среди других.

Погребения срубной культуры на Днепре иногда теряли свой обычный облик и перенимали более ранние местные особенности. Так, например, в Федоровском могильнике, раскопанном *А. В. Бодянским* в 1941 г. в Верхнехортицком районе Днепропетровской области, погребения совершались под круглыми каменными выкладками в каменных ящиках. Покойники были положены в сильно скорченной позе. При них вместе с баночными, острорезными и округлоплечими горшками обычных срубных типов встречены лощеные чашки с ручками — черпаки — чернолесско-белогрудовских типов и грушевидный гальштатского типа небольшой сосуд⁴⁷.

Под каменными вымостками в грунтовых могилах покоились жители позднедревнего селища у с. Змеевка на правом берегу Днепра. В Припорожье, как очень хорошо известно, грунтовые погребения таких же типов встречались во время ямной и катакомбной культур и сопровождалась характерной для них керамикой. Двигаясь на запад, племена срубной культуры смешивались, очевидно, со своими предшественниками. В одних случаях они хоронили по своему ритуалу в их курганах, как было в Донбассе, на Молочной и на Днепре. В других случаях они принимали местный ритуал и заимствовали от более северных чернолесских или молдавских гальштатских племен некоторые образцы их посуды. *В. Д. Рыбалова* раскопала у с. Осокорьевка, Ново-Воронцовского района, Херсонской области, погребения с каменными «кромлехами», то есть овальными и круглыми кольцами из больших камней. Некоторые погребения находились в ямах под каменными выкладками и сопровождалась обычным для племен поздней срубной культуры керамическим инвентарем. Это пример переживания в позднедревнее время местного приднепровского ритуала погребений.

В течение всего бронзового века по нашим степям были в обычае скорченные подкурганые погребения; захоронение умерших в вытянутом положении в то время было редким. Вытянутое положение покойных почти поголовно применялось у савроматов и скифов. В единичных случаях старый обряд скорченных захоронений сохранялся и у них. Обычай вытянутых захоронений почти сразу вытеснил старые ритуальные нормы. Однако то слабо скорченные, то вытянутые костяки в некотором числе известны и в предскифское время. Несколько раз этот обычай был прослежен,

например, в никопольских курганах, как в погребениях с острореберными и баночными, так и в погребениях с отдельными сосудами поздней чернолесской культуры⁴³.

Острореберные и баночные сосуды бытовали и в эпоху поселений верхней Ушкалки и Белозерского лимана, хотя и в малом числе. Своеобразный консерватизм ритуала требовал именно этих, преимущественно безваликовых форм сосудов при погребениях. Лишь иногда встречаются сосуды с орнаментальными валиками. Так, например, в никопольских курганах найден лишь один горшок с валиком под бортиком и на плечике вместе с баночным, в другом случае на острореберном горшке лежала крышка из обломка округлоплечего сосуда с валиком⁴⁹. Попадают такие сосуды кое-где еще, но всегда в малом числе. Редки в погребениях узкогорлые лощеные и простые сосуды, типология их мало разработана. Можно полагать, что погребения срубной культуры впускались в более древние курганы с небольшими временными промежутками и принадлежали отдельным большим семьям. Следовательно, в тех курганах, где преобладают острореберные и баночные сосуды, вероятно, находились погребения сабатиновского этапа поздне-срубной культуры, а в тех, где больше округлоплечих сосудов, — погребения белозерского этапа. При этом наличие сосудов с валиком под венчиком определяет первый, или сабатиновский, этап, а с валиком на плечиках — второй, или белозерский, этап, как и узкогорлые сосуды и кувшинчики.

ОСТАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ВЕЩЕЙ ИЗ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В

СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ ОБЛАСТЯМИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Как в Поволжье и Приазовье, на Днепре и Днестре погребения поздне-срубной культуры отличаются простотой и однообразием инвентаря. В них встречаются один-два сосуда, иногда (у женщин) немного украшений, иногда костяные круглые или овальные пряжки с отверстием посередине. Чаще всего они находились на поясице. Такие пряжки, по-видимому, не дожили до начала скифского времени, хотя в Черногоровском кургане была обнаружена подобная бронзовая пряжка и лежала она на обычном месте (рис. 100)

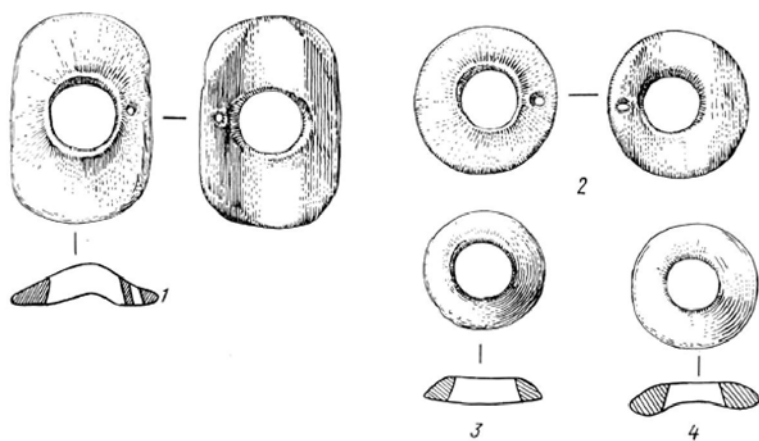

Рис. 100. Костяные пряжки Срубной культуры

В погребениях ранней срубной культуры находки конского снаряжения и оружия встречались чаще и больше в Заволжье. В Приазовье в раннесрубное время известны погребения с бронзовыми ножами-кинжалами обычного типа, но нет инвентарей с ранними костяными псалиями⁵⁰. В погребениях представлены лишь находки бронзовых уздечных наборов VIII — VII вв. до н. э. (Камышеваха, Черногоровка, Новочеркасский клад). Еще менее известны такие вещи в Северо-Западном Причерноморье: там даже нет обычных кинжалов древнесрубного типа. Изредка (в Широкой могиле у с. Лепетиха и в кургане у с. Первомаевка) встречены уже упоминавшиеся небольшие бронзовые кинжальчики особого типа и в первом случае «киммерийский» кинжальчик с бронзовым черешком и упорцем для ручки, но с железным клинком. Еще меньше клали в могилы всаднических принадлежностей. Есть они, впрочем, в поселениях: это уже известный нам древнего типа псалий из кости на Сабатиновском селище и позднейший роговой псалий с тремя отверстиями и с утолщениями около них на Усатовском селище близ Одессы.

Несомненно, к VIII — VII вв. до н. э. относятся некоторые всаднические инвентаря из погребений. В самом восточном из них в Северном Причерноморье (из-под Новочеркасска) кроме удил и псалиев I типа была форма для отливки бронзовых длинновтульчатых наконечников стрел. Такой же характер имеют находки из станицы Чернышевской на р. Чир. Подобные комплексы, судя по находке их севернее, на Ворскле у д. Бутенки, могут быть со временем найдены и на Нижнем Днепре. Эти комплексы по составу стрел самые ранние.

Близ Симферополя у с. Зольное открыто А. А. Щепинским изумительное впускное погребение в кургане с основными древнеямными захоронениями⁵¹. В прямоугольной яме под деревянным перекрытием на столбиках, шедших по стенкам, лежал на правом боку, головой на запад-юго-запад слабо скорченный костяк. При нем находился лощеный сосуд. Богатый инвентарь состоял из железного неясного устройства меча, 25 ромбовидных длинновтульчатых бронзовых наконечников стрел, 4 таких же по форме железных, 3 цилиндрических и одной четырехгранной из кости. Конское снаряжение представлено бронзовой цепью удил с псалиями I типа, по А. А. Иессену, и еще парой таких псалиев. К украшениям конского набора относятся 4 костяные фигурные лунницы, сложные и богато орнаментированные костяные бляхи, составленные из таких же попарно соединенных лунниц, 2 круглые костяные прорезные бляхи с солярным крестовидным изображением и другие кольца и подвески (рис. 101). Комплекс типичен скорее всего для конца VIII в. до н. э. Его длинновтульчатые наконечники стрел близки Новочеркасскому кладу, а костяные наконечники совершенно сходны с комплексом из кургана Малая Цимбалка. Здесь И. Е. Забелин на «верхоземке» (древнем горизонте) обнаружил захоронение всадника самого конца предскифского времени⁵². При нем было найдено 5 бронзовых и 5 костяных наконечников стрел. И те и другие совмещают черты предскифского и скифского времени. Бронзовые стрелы — 3 ромбические, 1 листовидная и 1 двуперая с шипами в низу лопастей — имеют уже короткие втулки. У двух из них на втулках шипы. Костяные стрелы: четырехгранная, листовидные с выемкой

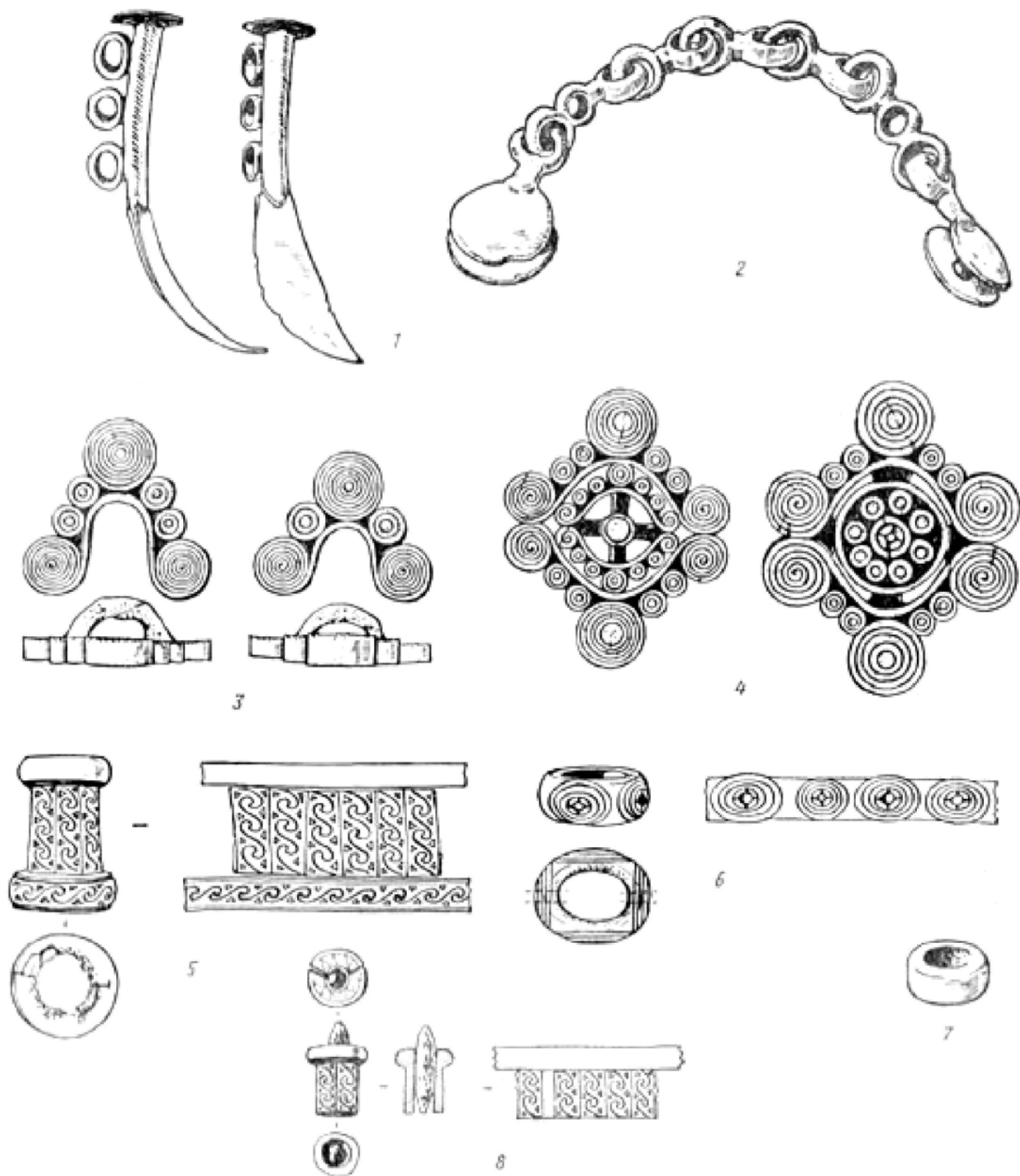

Рис. 101а. Инвентарь Всаднического погребения из кургана у с. Зольное: 1 — псалии, 2— удила, 3 — лунницы, 4 — бляхи, 5, 8 — муфты, 6 — перстень, 7— кольцо (1, 2, 7 — бронзовые, 3, 4, 5, 6, 8 — роговые)

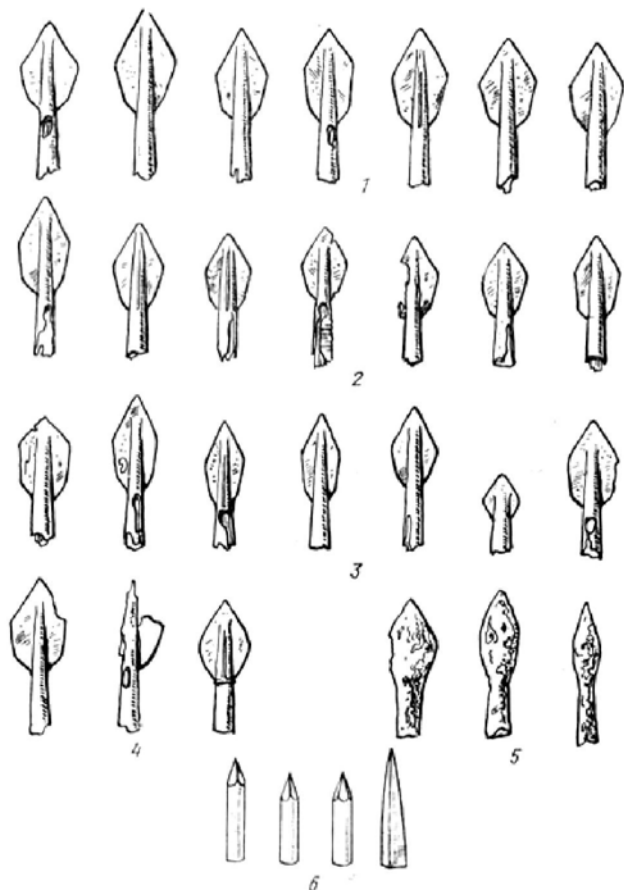

Рис. 1016. Наконечники стрел Всаднического погребения в кургане у с. Зольное 1, 2, 3, 4 — бронзовые, 5 — железные, 6 — костяные

у основания и ромбическим сечением и цилиндрическая — все со скрытыми втулками. Часть таких стрел сохраняется как пережиток и в скифское время, но часть не доживает до него (рис. 102). Костяной наконечник стрелы стрельчато-арочной формы происходит из селища в Бериславе, трехгранный — из Пересадовки и цилиндрический — из Сабатиновки (рис. 95). Стремечковидные бронзовые удила и такие же гальштатского типа псалии со шляпками на концах и с муфточками вокруг отверстий также восходят к предскифскому времени. Совершенно очевидно, что погребение у Цимбаловой могилы не скифского времени, а предшествует ему и, вероятно, относится к первой половине VII в. до н. э., то есть оно позднее Новочеркасскогоклада. В состав этого погребения входит еще лощеный сосуд с высоким узким горлом. По тулову он украшен зигзагами, нанесенными зубчатым штампом и затертыми белой пастой (рис. 102).

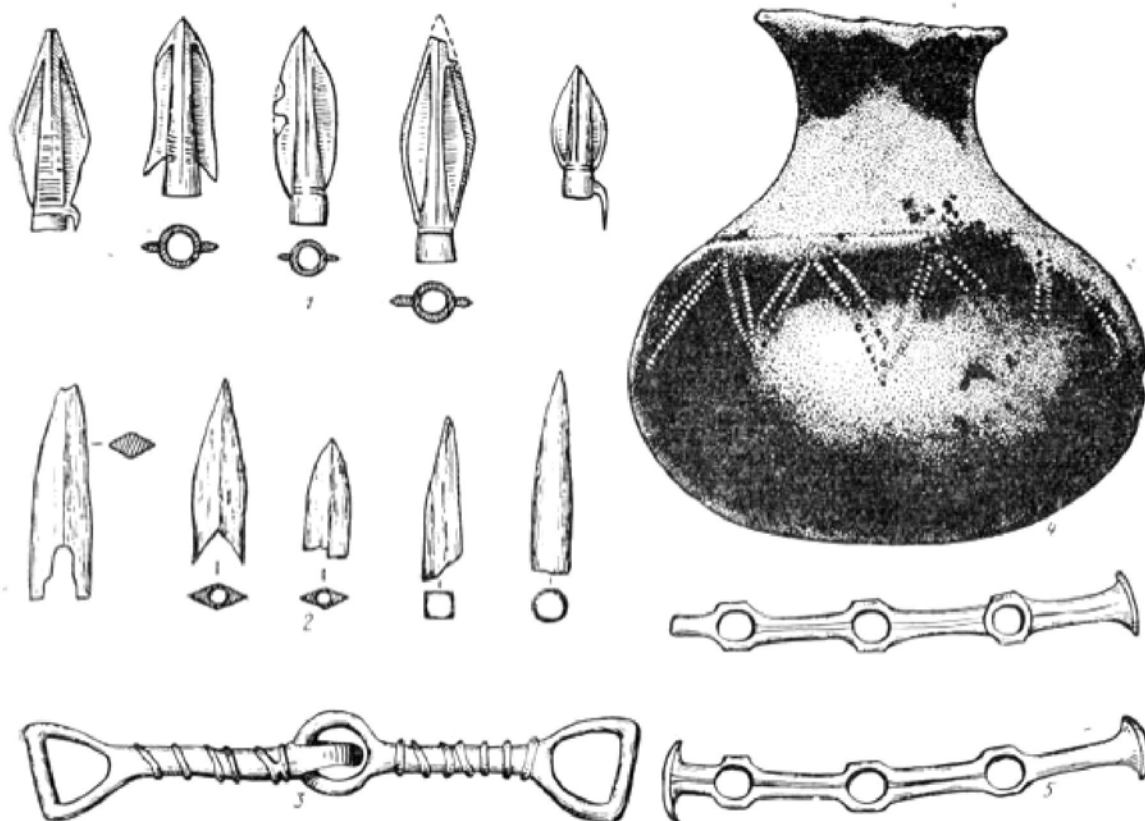

Рис. 102. Инвентарь Всаднического погребения из кургана Малая Цимбалка: 1 — бронзовые наконечники стрел, 2 — костяные наконечники стрел, 3, 5 — бронзовые удила и псалии, 4 — лощеный сосуд

Эти 3 инвентаря гиппотоксотов (конных лучников) предскифского времени, очевидно, принадлежат к началу времени, когда стал входить в обряд погребений инвентарь воина-всадника скифского образца. Упомянутые выше костяные псалии, а также несколько случайных находок низкоконических гальштатских бляшек с ушком из-под Никополя и фигурной лунницы от сбруи, двукольчатые удила и псалии I типа, по А. А. Иессену, у Днепропетровска говорят, что вооруженное всадничество существовало и в Приазовье и в Северо-Западном Причерноморье с появления там племен срубной культуры, но лишь в конце их «доскифского» бытия обычай погребать всадника со сбруей и оружием стал прививаться⁵³.

По погребальному инвентарю и обряду население срубной культуры в Северном Причерноморье кажется очень мирным. Но с этой же территории происходит ряд отдельных находок бронзовых предметов вооружения, их кладов, а также кладов литейных форм.

Основные типы бронзового оружия выделил В. А. Городцов и назвал их киммерийскими. О. А. Кривцова-Гракова уточнила, какие именно виды такого оружия бытовали в течение позднесрубного времени, и значительно увеличила их число, изучив в музеях Ленинграда, Москвы и Украины отдельные находки и клады металлических предметов и комплексы литейных форм. Остановимся на главнейших из них⁵⁴.

Набор бронзового оружия поздне-срубной эпохи довольно оригинален. Среди многочисленных наконечников копий наиболее типичны: 1 — простые листовидные с короткой или длинной втулкой и с ребром, неизменно идущим как продолжение втулки посередине пера; 2 — сравнительно небольшие с короткой втулкой и с расширением в верхней части пера, книзу наполовину и более своей длины перо сменяется очень узкими, низбегающими по швам литья лопастями; 3 — листовидные с большими полукруглыми прорезами в нижней части пера, по сторонам от втулки. Последние наконечники очень редки в степи и, может быть, связаны с Днепровским правобережьем эпохи белогрудовских памятников. А. М. Тальгрэн относил их по некоторым косвенным соображениям к IX — VII вв. до н. э., что кажется более или менее правильным⁵⁵.

Из плоских, типичных для ранней срубной культуры цельнолитых кинжалов с плоской ручкой, расширяющейся в небольшое округлое перекрестие, выработались кинжалы с простым листовидным или с лавролистным лезвием, то с ребром посередине, то без него. Ручка у таких «киммерийских» кинжалов превратилась в черешок с упорчиком для напуска деревянной или костяной колодки. В отдельных случаях под упором находится литое вместе с лезвием перекрестие в виде небольших выступов или завитков, обращенных вниз. Длина этих кинжалов обычно около 20 см. Впрочем, экземпляры, отливавшиеся в литейной форме Красномаяцкого клада (Днестровский лиман), достигали 36 см в длину. Именно эту форму повторяет уже известный нам миниатюрный биметаллический кинжальчик из Широкой могилы: его ручка бронзовая, а лезвие железное (рис. 103).

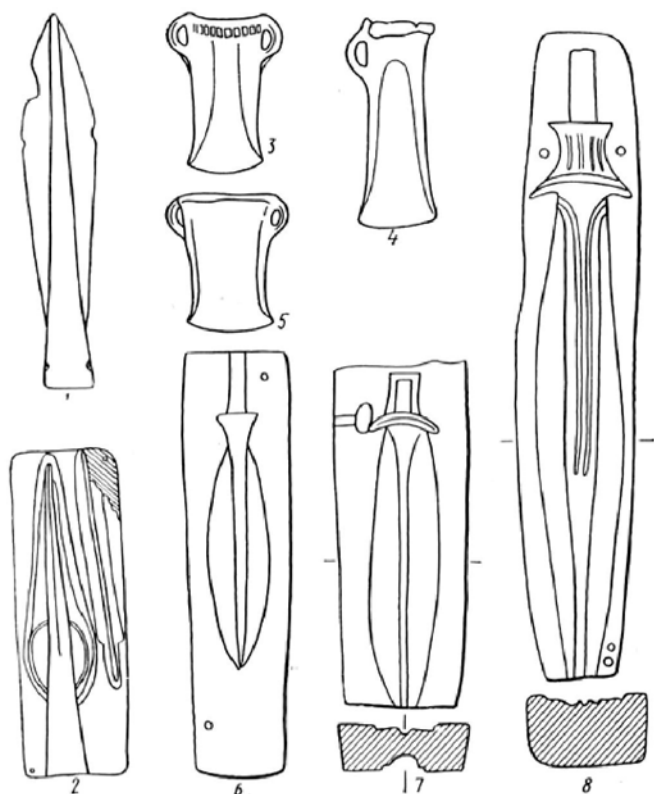
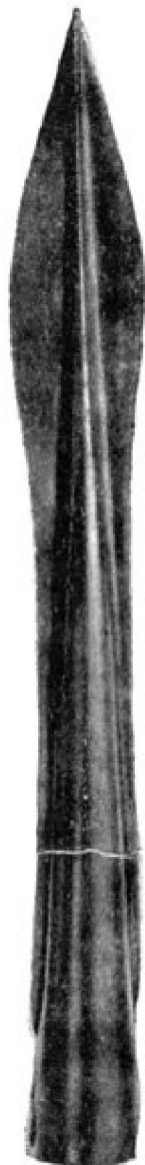

Рис. 103а. Бронзовое оружие Срубной культуры Северного Причерноморья 1, 2- наконечники копий, 3, 4, 5 - кельты, 6, 7, 8- кинжалы (2, 6, 7, 8- литейные формы)

Рис. 103б. Бронзовый наконечник копья из Северного Причерноморья

Вспомним кинжалы клада из Сосновой Мазы в Нижнем Поволжье. Таких кинжалов с грибовидным навершием и прорезной ручкой совсем нет в Приазовье и Северо-Западном Причерноморье. Один экземпляр найден в Среднем Приднепровье. Таким образом, можно ожидать подобной находки и в степных районах. Во всяком случае здесь есть бронзовые «киммерийские» клинки, у которых ниже черешка и упора намечено перекрестие в виде опрокинутой лунницы, простой или с завитыми вниз концами (Днепропетровский музей, Красномаяцкий клад и др.).

В позднесрубное время встречается кинжал миниатюрных размеров (13 — 20 см длиной) с плоским черешком и узким двулезвийным клинком. Лезвия параллельны и только в самом конце сведены в острие. Таковы знакомые читателю бронзовые кинжальчики в Широкой могиле и Первомаевском кургане № 6. Литейные формы таких кинжалов есть, например, в Кардашинском кладе⁵⁶.

Каменные сверленные топоры малоизученных форм неоднократно были встречены нами на селищах поздней срубной культуры с керамикой, орнаментированной наклепными валиками, во время разведок по Азовскому побережью. Обломки таких топоров есть и на поселениях Нижнего Приднепровья (рис. 95). Никаких указаний на доживание каменных топоров до скифской эпохи нет. Если учесть, что в соседнем лесостепном Приднепровье они доживают до белогрудовского и чернолесского времени, то до этого же времени, вероятно, следует доводить их применение и у племен срубной культуры.

Бронзовые литые топоры вислообушной формы, известные в курганах первого периода культуры, уже исчезли в позднесрубное время. Среди литейных форм этой эпохи, кладов бронзолитейщиков и случайных находок решительно преобладают короткие и широкие кельты (8—9Х3—4 см) с овальной втулкой и с одним или двумя боковыми ушками. Они изредка орнаментированы опоясывающими бороздками выше ушек, иногда опрокинутыми заштрихованными треугольниками или низбегающими вниз линиями. Время исчезновения таких кельтов неясно. В Красномаяцком кладе литейных форм такие кельты уживаются с кинжалами с упорцем, с копьями, перо которых расширено в верхней части, с крупными бляхами от уздечного набора, близкими скифским. Это указывает не столько на относительно позднюю принадлежность всего красномаяцкого набора форм, сколько на длительность существования многих входящих в этот набор видов вещей. Кельты были рабочим инструментом, но могли служить и для боевого употребления. Кроме этого типа есть четырехгранные кельты вроде сейменских и семиградских со щеками в виде дуговидной арки. Почти все они с двумя ушками. Бронзовый литой топор с округло-выгнутым лезвием и с узкими желобчатыми боками, принадлежащий к одному из северокавказских, точнее, кубанских типов, входит в состав Новочеркасского клада. По уже упоминавшейся, несомненно, правильной хронологии А. А. Иессена, все формы вещей этого клада относятся к VIII—VII вв. до н. э. и известны на Северном Кавказе вместе с железным оружием.

Бронзовое оружие в какой-то мере дожило до VIII—VII вв. до н. э. Таков бронзовый топор из Новочеркасского клада, некоторые копья и, может быть, некоторые миниатюрные кинжалы и кинжалы «киммерийского» типа.

Развитие металлургии хорошо засвидетельствовано еще предметами и литейными формами из самых ранних курганов срубной культуры в Поволжье. Еще лучше оно известно для Приазовья и Приднепровья А± многочисленнымкладам литейщиков. Хронология этих кладов далеко не всегда ясна. В Кардашинском кладе, например, кельты «киммерийского» типа были вместе с миниатюрными кинжальчиками; в Красномаяцком кладе миниатюрное навершие⁵⁷, близкое скифским, сочеталось с кинжалами, имеющими перекрестие, с семиградским и другими кельтами, с уздечными, сравнительно поздними бляхами и посудой сабашиновского типа. Таким образом, это свидетельствует о раннем появлении и длительном существовании ряда предметов бронзового вооружения. Верхняя граница их бытования неясна.

Из бронзовых сельскохозяйственных орудий крюкастые серпы распространены на всей территории срубной культуры, по крайней мере, от Куйбышевской области до Одессы. Особенно их много по нижнему течению Днепра (рис. 104).

Рис. 104. Бронзовый крюкастый серп срубной культуры

Эти серпы послужили прототипом одной из двух форм железных серпов скифского времени, известной на Суле и по Донцу. Так как нет никаких доказательств того, что бронзовые серпы дожили хотя бы до VII в. до н. э., то, может быть, следует заключить о появлении крюкастых железных серпов еще в позднесрубное время. Употреблялись, судя по находкам на селищах в Бабине IV и Ушкалке, также кремневые серпы того типа, что и в белогрудовской культуре. Косари, подобные сосновомазинским, но со слегка вогнутым лезвием, с округлым концом и с крючком, как у серпов, были найдены в кладе у Кабаковых хуторов Полтавской области в типичном острорезном горшке вместе с изящным «киммерийским» кинжалом и тремя «киммерийскими» кельтами. По типам этих вещей клад у Кабаковых хуторов близок по времени к Сосновомазинскому и Красномаяцкому кладам и, может быть, бытовал в самом начале позднесрубного периода, то есть около XII — X вв. до н. э. Впрочем, он мог бы относиться к началу I тысячелетия до н. э.⁵⁸. Вероятно, к деревообделочным орудиям, употреблявшимся в роли топоров и тесел, относится часть упомянутых кельтов. К тому же кругу орудий следует причислить бронзовые со сплошной цельнолитой втулкой долота. Они бытовали очень долго, так как встречаются и в Сосновой Мазе, и в Красномаяцком кладе, и в инвентаре кургана скифского времени у с. Прилуки, и на Восточном Бельском городище, где слой начинается с VII — VI вв. до н. э.

Отдельные бытовые орудия делали из бронзы до середины VII в. до н. э. Таков ножичек с горбатой спинкой из позднесрубного комплекса у Большой Камышевахи. Бронзовые четырехгранные шилья и иголки с ушками употребляли до самого предскифского времени: они есть в Черногоровском кургане № 3 в погребении № 2, лежавшем над костяком погребения № 3 со стремевидными бронзовыми удилами. Бронзовые копьевидные ножички с плоским черешком, известные в позднесрубном селище у Пересадовки, встречены еще в нескольких срубных курганах Нижнего Поволжья, но они не доживают далеко до начала скифской эпохи; это — пережиток катакомбной культуры.

Знакомясь с бронзовым оружием и орудиями, мы видим разнообразие бронзолитейного дела. Отметим только, что для Поволжья и Подонья обычные глиняные, а для степного Приднепровья — каменные матрицы. Первые происходят, например, с селища в Воронеже и из Калиновских курганов близ Волгограда. Все эти формы, предназначенные для отливки топоров и тесел, очень древние и относятся еще к первому периоду срубной культуры. Каменных форм очень много в кладах Приднепровья.

Сыродутный процесс и мелкие железные изделия (крицы и шильце у Воронежской ГЭС) были известны еще во II тысячелетии до н. э. Малочисленность железных находок позднесрубного времени почти ничего не прибавляет для характеристики черной металлургии. Однако по аналогии с некоторыми кавказскими и чернолесскими комплексами в VIII и VII вв. до н. э. железные вещи уже должны были здесь быть в довольно заметном числе и с разными функциями. Ко тот же консервативный обычай не класть орудий и оружия в могилу оставил нас и без изделий из железа. Железных предметов из погребений поздней срубной культуры так мало, что их нетрудно перечислить. На р. Калмиус в бывшем Бахмутском уезде в кургане № 5 (погребение № 2) В. А. Городцовым был найден гвоздеобразный предмет из железа, а в кургане № 27 (погребение № 3) — обломок железного ножа. Напомним снова о биметаллическом кинжальчике из Широкой могилы у Большой Лепетихи, который, вероятно, относится к IX — VIII вв. до н. э. Исключительно эффектна относящаяся к VIII — началу VII в. до н. э. уже упоминавшаяся находка А. А. Щепинского у с. Зольное близ Симферополя: железные ромбовидные длинновтульчатые наконечники стрел и узкий железный меч с навершием. П. Н. Шульцем был найден острый железный стержень при вытянутом костяке погребения, стратиграфически входящего в число впускных захоронений поздней срубной культуры в кургане урочища Кара-Тобе в Евпаторийском районе⁵³. Изделий, связанных с женским обиходом, известно мало. Это бронзовые булавки с одновитковой спиральной головкой (например, нижний слой в Ушкалке и находки у с. Широкое), бронзовые височные кольца калачиком, бронзовые фибулы позднего смычкового и раннего дуговидного типов (Лукьяновка и Широкое), мелкие пастовые голубые бусы-колечки и несколько золотых трубочек⁶⁰. Почти все это еще первого и начала второго этапов позднесрубной культуры (рис. 105).

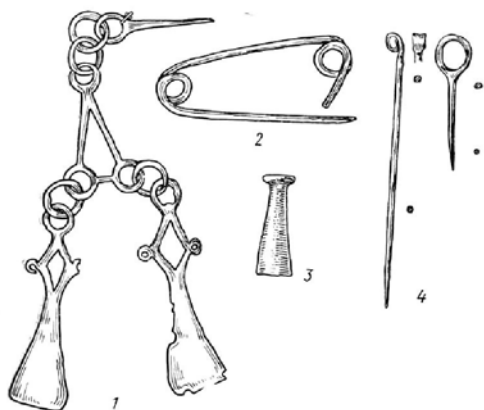

Рис. 105. Металлические принадлежности одежды Позднесрубной культуры :1,3 — привески, 2 — фибула, 4 — булавки

Медные иглы с загнутым ушком, костяные проколки и бронзовые шилья — весь набор инструментов женской домашней работы. Даже пряслица, по-видимому, по большей части были деревянными. Только в надпорожье Днепра встречены круглые шиферные и из черепков сосудов пряслица этого времени. В нижнем слое Ушкалки найдено пряслице из бедренной головки крупного копытного.

Очень мало известно и о костюме женском и мужском. Упомянутые булавки и фибулы служили для закалывания одежды, да у обоих полов применялись костяные пряжки, которые носили на поясице и стягивали ими пояс (рис. 100).

Зернотерки встречаются очень редко. Едва ли не лучший экземпляр найден в курганной группе (курган № 28) у с. Кут Никопольского района⁶¹. Это слабовогнутая плита, поверх которой находился узкий курант с концами, свисающими по бокам зернотерки. Эти зернотерки аналогичны зернотеркам чернолесской культуры и потому относятся к поздне-срубному времени. Вероятно, женщина лепила и орнаментировала глиняную посуду, как это часто известно у племен на ранних ступенях развития.

В женский кухонный обиход входила и утварь, изготовлявшаяся мужскими руками, — большие клепанные из медных или бронзовых полос «киммерийские котлы». В области распространения поздних срубных племен известно не менее 5 экземпляров таких котлов из разных мест Побужья и степного Приднепровья, хранящихся в коллекциях Николаевского, Одесского и Херсонского музеев⁶² (рис. 106).

Рис. 106. «Киммерийские» клепаные котлы Николаевского (1) и Одесского (2) музеев

Один такой уже упомянутый котел из Поволжья хранится в Куйбышевском музее. Два котла той же техники и формы известны из области чернолесской культуры. Создается такое впечатление, что котлы этой формы разработаны в среде позднесрубных медников. Они имеют широкое устье с низкой шейкой, снабженной двумя вертикально поставленными ручками. У них покатые или довольно хорошо выраженные плечики и сужающееся книзу тулово. Часто ко дну присоединена последующей приваркой или приклепкой коническая ножка. Нетрудно сразу уловить, что схема этих клепаных котлов та же, что и следующих за ними по времени литых котлов скифов, савроматов и меотов. Не только формы, но и величина клепаных котлов очень близка обычной величине литых скифских котлов. Целые клепаные котлы позднесрубного времени из Куйбышевского и Николаевского музеев свидетельствуют об этом (рис. 82, 106).

Техника клепки больших сосудов из листов меди появилась в глубоком бронзовом веке. В Южной Европе она существовала в эпоху поздней бронзы, особенно развилась в конце гальштата и продолжала жить в начале латена. На нашей территории эти находки относятся к эпохе поздней бронзы. Кавказские сосуды в начале скифского времени попали на Украину: они известны в селище на Тарасовой горе, где относятся к рубежу VII — VI вв. до н. э. Но форма этих кавказских сосудов совершенно иная.

Из области срубной культуры происходит несколько глиняных подражаний клепаным котлам. Их отметил в бассейне Калмиуса в позднесрубных погребениях В. А. Городцов⁶³. Сходны их корпус и поддоны, но ручек эти сосуды не имеют. Наиболее роскошное подражание таким котлам в глине хранится в Ждановском музее. Совершенно повторяет форму и орнаментику котла Куйбышевского музея глиняный сосуд (но без ручек и поддона), найденный в одном из савроматских погребальных комплексов VI в. до н. э. Короче говоря, и эти глиняные имитации указывают на конец доскифского времени как на срок бытования таких котлов.

Происшедшие от клепаных котлов, скифские литые котлы служили, как видно из описания Геродота, в первую очередь для варки мяса, в частности, жертвенных животных. Можно думать, что их прототип применяли для той же цели.

СКОТОВОДСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

В хозяйстве срубных племен скотоводство играло первостепенную роль⁶⁴. В общих чертах выяснено, что все основные виды домашних животных уже использовали в хозяйстве. Данных о составе стад опубликовано пока что немного, но для Поволжья, бассейна Дона и Днепра состав стада в первом и втором периодах срубной культуры в среднем дает 50 — 60% коров, до 30% лошадей, остальное приходится на долю овец и свиней, причем иногда число свиней выше числа овец. Все они, в том числе и лошади, шли в пищу. Сам состав животных говорит о некоем характере стада: свинья не терпит длительных переходов. Однако в какой-то момент предскифского времени это присельское пастушеское скотоводство на большей части территории стало перерастать

в кочевое и соответственно должен был измениться состав стада. Так и случилось, по крайней мере, на Нижнем Днепре: состав стада Каменского городища скифского времени вполне сходен с указанным выше, но в нем почти исчезла свинья. Когда и как произошел этот переход — судить трудно, но на Волге, в Приазовье и отчасти на Нижнем Днепре в VI в. до н. э. уже кочевали савроматы и скифы, потомки части племен срубной культуры. В этих районах ранее всего и должен был сказаться этот переворот.

В. И. Цалкин пришел к выводу, что комолый и короткорогий скот в степях Причерноморья не является в скифское время потомком широколобых пород эпохи бронзы, и высказал предположение о его появлении вместе с приходом кочевых скифов. *П. Д. Либеров* справедливо указал на постепенность движения племен срубной культуры с востока. Он находит вполне заслуживающее внимания объяснение в постепенной замене крупного рогатого скота трипольско-катакомбных племен новыми породами в процессе этого длительного переселения. Для окончательного подтверждения его гипотезы следует ждать такого же компетентного анализа, какой дал *В. И. Цалкин* для Причерноморья, для селищ и курганов срубной культуры в Куйбышевско-Саратовском Поволжье⁶⁵.

Лишь немногие селища на Нижнем Днепре продолжают жить и в скифское время (Бериславское, Нижнерогачицкое, у старой Знаменской пристани), а большинство прекращает свое существование. На Нижнем Буге, Днепре и во всем Приазовье на территории селищ срубной культуры всегда есть отдельные обломки греческих амфор и собственно скифской посуды, но нет настоящего слоя (Анатолевка на Тилигульском лимане и Пересадовка на Буге, Вовниги на Днепре, поселение у с. Преслав на Обиточной при впадении в Азовское море и др.).

На Волге савроматские селища неизвестны совсем. Вероятно, в конце своего существования племена срубной культуры перешли более или менее быстро к кочевому скотоводству, сохранив земледельческое хозяйство только в Северо-Западном Причерноморье. Это произошло тогда, когда появились инвентари в погребениях гиппокоттов, захороненных еще по старому ритуалу, то есть таких, как Зольненский курган и курган Малая Цимбалка. Время этих погребений — конец VIII — начало VII в. до н. э. Косвенным доказательством является состав стада в Кобякове в устье Дона, где на всем протяжении позднесрубного периода нет свиней, то есть состав стада приближается к кочевому. Позднейший его слой характеризуется следующим соотношением найденных в нем костей животных: овец и коз — 34%, собак — 27%, коров — 15%, лошадей — 7,5%, диких животных — 16,5%⁶⁶. К этому же времени относятся и далекие конные походы киммерийцев и скифов. Если в этот же ряд поставить и вторжения в Грецию амазонок, то, вероятно, можно говорить о появлении отдельных кочевых групп в нашей степи в конце II тысячелетия до н. э.

Оседлая с начала существования культуры жизнь срубных племен основывалась не только на присельском пастбищном скотоводстве. Крупную роль играло земледелие. Нам почти неизвестен набор злаков. Правда, отпечатки проса есть на керамике в Змеевке⁶⁷. У степных андроновцев найдена пшеница. Кроме того, Геродот сообщает о

возделывании земледельческими скифскими племенами проса, ячменя, конопли и льна. Эти факты дают возможность предполагать подобный же набор растений у племен срубной культуры. Еще на первом (сабатиновском) этапе второго периода срубной культуры в Поволжье и Приднепровье известны бронзовые серпы, которые продолжают бытовать и на втором (белозерском) этапе. На некоторых селищах Нижнего Приднепровья (Бабино IV) встречены кремневые серпы формы, известной в белогрудовской культуре и на ранней чернолесской ступени. Наличие у племен по Донцу в скифское время крюкастых железных серпов, сделанных по типу бронзовых, позволяет предполагать наличие их у срубных племен в предскифское время.

От Поволжья до нижнеднепровских степей на селищах второго периода срубной культуры встречены каменные мотыги с ямкой на тыльной стороне для упора привязывавшейся к ним ручки. Они известны и на поселениях первого периода (Зимница под Пензой). Такая мотыга была найдена на Бериславском селище, где также встречены бронзовые стремевидные удила. Это, однако, не означает одновременности обеих вещей: судя по керамическому материалу, данное селище существовало от начала второго периода срубной культуры на Днестре и до его конца.

По-видимому, земледелие было с какого-то времени пахотным⁶⁸. В этой связи следует вспомнить этногоническую собственно скифскую легенду, передаваемую Геродотом. В ней говорится, что у скифов был плуг, а одно из их племен называлось «скифы-пахари». При переработке зерна на муку и крупу женщины употребляли обычные зернотерки.

Оседлые земледельцы и скотоводы срубных племен к скифскому времени сохранили свой первоначальный хозяйственный облик лишь к западу от Днестра.

Мы уже упоминали о находках гарпунов и рыбьих костей на первом Сусканском поселении на Волге, Бабине IV и в Ушкалке на Днестре. Отпечатки сетей на сосудах, гарпуны и рыбьи кости были найдены в Кобякове. В иных местах, таким образом, практиковалось рыболовство, хотя данных о нем немного. То же, в общем, относится и к охоте. Очень существенно количество костей диких животных в Кобякове, где их 16,5% от общего числа. Может быть, этим там и объясняется очень большое количество собак (до 27% костей собаки в верхнем горизонте). Но в остальных поселениях кости диких животных единичны и как бы случайны по составу. По-видимому, охота не пользовалась широким распространением. Так, *В. А. Городцов* прямо указывает на отсутствие костей промысловых животных в поселении у озера Чернецкого под Изюмом. *А. П. Круглое* и *Г. В. Подгаецкий* также отмечают немного случаев находок костей диких животных и упоминают кабана, лисицу, лося, оленя (?) и крупных грызунов⁶⁹.

СОСЕДИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НИМИ.

ЭТНИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Племена срубной культуры в первый период, с 1600 до 1200 г. до н. э., по каким-то неясным теперь причинам внутреннего порядка все время проявляют тенденцию к расселению. Сначала они стали распространяться на север, встречаясь с жителями охотничьих и рыболовецких стоянок Оки и Волги и с племенами приказанской и абашевской культур. При этом обе стороны влияли друг на друга, что в разной степени и форме выражено в археологическом материале. В конце первого и в начале второго периодов срубной культуры эти племена распространились до Дуная. При этом срубная культура очень стойко сохраняла свой сложившийся на прародине облик, хотя и выработала и приобрела кое-какие местные, «сабатиновские» формы культуры (новые формы и орнаменты керамики, некоторые орудия и оружие и украшения). Как раз, когда движение культуры и, вероятно, племен ее достигло Северо-Западного Причерноморья, какие-то отряды конных амазонок проникли через Дунай до самых Афин. По-видимому, эти походы связаны с возникновением кочевого быта. Подтверждения этому имеются в археологическом материале: скотоводство у населения отдельных районов не знает свиней (например, состав стада в Кобякове из раскопок А. А. Миллера), что приближает его к кочевому облику. В то же время обширные поселения с прочной оседлостью, земледелием и скотоводством, включающим полный состав стада, распространены по всей территории. Живя иногда многие столетия и накапливая мощный культурный слой, эти поселения как будто не достигают скифского времени, тогда как в основании их нередко залегают фрагменты многоваликовой посуды позднейшей катакомбной культуры. Впрочем, на некоторых селищах, например на Нижнерогачицком, Белозерском, Бериславском и других, в верхних слоях попадает очень скромная примесь скифской посуды и находок. То же наблюдается на Калиновском и Пересадовском селищах на Ингуле. В Донской дельте это известно в Кобякове и Елисаветовской станице. В последнем случае на месте селища срубной культуры вырастает мощное городище какого-то варварского племени⁷⁰.

Погребения срубной культуры, почти все до единого впускные в более древние курганы, сохраняют присущий им ритуал до самого конца. Только во второй половине VIII и в первой половине VII в. до н. э. в редких погребениях с конской уздой появляется оружие, прежде всего стрелы. Эти погребения можно рассматривать как захоронения гиппотоксотов, то есть конных стрелков-лучников.

По-видимому, прежде относительно мирные сношения со Средним Днепром, выразившиеся в проникновении туда степных форм бронзы (копий, кельтов, ножей и кинжалов срубного и «киммерийского» типов) и даже отчасти керамики (культурный слой Субботовского городища), теперь стали настолько неустойчивыми, что чернолесские племена начали строить городища-убежища.

В савроматском и степном скифском быту сохранились черты предшествующего периода⁷¹. Как в савроматской, так и в скифской степной культуре, но в обоих случаях

совершенно по-своему формы новой керамики связаны генетически с позднейшей посудой срубной культуры. До начала V в. до н. э. погребения и рядовых скифов и царей совершаются в курганах эпохи бронзы. Погребенных по-прежнему клали головой преимущественно на запад и восток. Иногда костяки еще скорченны (впрочем, довольно редко). Вместе с тем следует вспомнить, что в эпоху поздней срубной культуры попадаются и вытянутые погребения. Зародившись в конце того же времени, погребения гиппокоттов остаются в основе такими же, но приобретают типичную скифскую «паноплию». Кое-где новые скифские поколения тянутся к старым селищам, но оставляют на них лишь слабый поверхностный след.

К рубежу VII — VI вв. до н. э. в степях установился собственно скифский облик быта. Из скифских степей он проник к лесостепным племенам Приднепровья. Об этом свидетельствует вполне «скифский» характер вооружения и конской сбруи.

Обычаи и навыки населения срубной культуры стали сменяться на рубеже VIII — VII вв. до н. э. новыми, а на значительной части территории, от Поволжья до Нижнего Днепра, кочевое скотоводство вытеснило прежние формы земледелия и оседлого скотоводства. Даже скифские земледельческие племена степей вели, по-видимому, только полуседлый образ жизни. По всем степным просторам бродили кочевые поезда царских скифов и их царей, таких, например, как Иданфирс, Скил, Атей, Сайтаферн. Вероятно, некоторые изменения в хозяйственном укладе произошли и в Среднем Приднепровье. Аристократия могла перенять кочевой образ жизни, тогда как основная масса населения прочно сохраняла оседлый быт. Так, хозяйственный и бытовой переворот в недрах племен срубной культуры за столетие отразился не только у них самих, но и у их северных лесостепных соседей.

Мы уже видели, что кое-где во втором периоде срубной культуры возникли подвижные кочевые группы. Ко точно установить их положение в недрах собственно срубных племен, преимущественно оседлых, трудно. Может быть, они жили бок о бок с земледельцами и даже на одних поселениях (например, Кобяково).

Прочная оседлость и невоинственность ритуала племен срубной культуры очевидны, хотя оружие хорошо известно по случайным находкам икладам. Отсутствие его в погребениях как будто бы свидетельствует, что оно редко было в личной собственности, разве что только у военных вождей (по крайней мере, мечи, копья, кельты). Видимая нерасчлененность внутри племен срубной культуры заставляет предполагать сохранение родовых отношений. Отчасти они, может быть, отразились в склонности хоронить в одном кургане нескольких покойников и рассматривать курганы всей степи как извечное кладбище предков.

Рост скотоводства и некоторые черты погребального ритуала свидетельствуют о существовании у населения срубной культуры патриархальной родовой общины. Однако элементы матриархальных отношений у некоторых степных племен, очевидно, сохранялись. Таковы «амазонки» Паросской хроники. Таковы савроматы, происходящие от племен срубной культуры.

Воинственный образ жизни скифских и савроматских потомков этих племен, явное расслоение на аристократию и рядовых общинников — все это указывает на зарождение вместе с погребальным ритуалом гиппотоксотов начал военной демократии. В какой-то мере этому способствовала несомненная победа в течение VII в. до н. э. железного оружия — на первых порах менее совершенного, но более доступного каждому общиннику.

Кто же были носители позднейшей срубной культуры? Их сплошь да рядом считают киммерийцами, во всяком случае в степях Приазовья и Северо-Западного Причерноморья. Между тем греческие авторы прямо говорят о том, что скифы находились в этих степях задолго до установления их полного господства в этой области в конце VII в. до н. э. Гомеровские млекоеды — доители кобылиц — не названы по имени, но поэт VIII в. до н. э. Гесиод прямо называет их скифами. Геродот передает в первой легенде о происхождении скифов, что они уже тысячу лет, как обосновались здесь. В скифские племена, хотя бы частично, вошли местные этнические элементы, как об этом можно судить по первому и второму преданиям о происхождении скифов у Геродота. Хотя третье предание относится в основе к событиям VIII — VII вв. до н. э., в нем могли отозваться и, вероятно, отозвались продвижения племен из-за Волги до Дуная уже в конце II тысячелетия до н.э. Все эти передвижения археологически мало или совсем незаметны в однокультурной среде⁷².

Между тем здесь же находятся и киммерийцы. Они живут в Причерноморских степях, где их знает Гомер. Какая-то более древняя традиция говорит об их более ранних походах под именем «амазонок». Последнее продвижение скифов, упоминаемое в третьей легенде Геродота, застаёт киммерийцев к западу от Днепра и в степях Крыма, особенно на Керченском полуострове. Может быть, они же занимали дельту Дона, где вариант срубной культуры близок крымскому⁷³. В настоящее время мы не можем разграничить территории между киммерийцами и первыми группами проникших сюда скифов, да, вероятно, и долго не сможем. Очевидно одно, киммерийцы и скифы долго жили на смежных землях украинских степей. Только в результате последней экспансии скифов киммерийцы на одно-два поколения раньше их показались на историческом горизонте Передней Азии.

На всем пространстве степей Северного Причерноморья и Приазовья с XII до начала VII в. до н. э. господствовала довольно единообразная срубная культура. Отсюда следует, что и киммерийские и скифские племена были охвачены одной этой культурой⁷⁴. Во всей письменной традиции нет никакого намека на приход киммерийцев откуда бы то ни было в Северное Причерноморье. Скифы, напротив, по третьей и, вероятно, второй легендам Геродота, явились с востока. Та же версия по-своему повторена Диодором Сицилийским, да и вообще всей античной письменной традицией. Поэтому, конечно, считать срубную культуру созданной киммерийцами нельзя. Правы те, кто рассматривает ее как принесенную в Причерноморье предками скифов. Мы видели, что продвижение с Волги было постепенным, но достаточно быстрым: племена срубной культуры достигли западных границ экспансии в конце II тысячелетия, вероятно, уже в XII в. до н. э. Из

дальнейшей судьбы этой культуры ясно, что она была полностью воспринята киммерийцами, хотя в Крыму и Донской дельте в формах посуды и ее орнаментике наблюдаются черты пережитков более ранней, многоваликовой керамики позднейшей катакомбной культуры. Со своей стороны, киммерийцы могли хотя бы отчасти быть распространителями некоторых западных форм керамики, таких, например, как цилиндрически-узкогорлая посуда, кувшинчики гальштатского типа, и некоторых видов бронзовых оружия и украшений.

Некоторые исследователи считают, что киммерийцы до принятия срубной культуры жили в условиях катакомбной, особенно позднейшей, культуры, а именно делали и употребляли соответствующую посуду, в частности многоваликовую⁷⁵. Известны подражания острореберным сосудам с многоваликовой орнаментикой. Они есть и на поселениях этого позднего времени катакомбной культуры, например на селище Бабино III — поселении с чисто многоваликовой посудой, и в Сабатиновке с ее собственно срубным обликом. Часто многоваликовые сосуды встречаются на поселениях с керамикой срубной культуры в порожистом Приднепровье. Нередки они в нижних слоях позднейших поселений срубной культуры (у пристани с. Большая Знаменка на Днестре, на селище у Белозерского лимана и т. д.). Что эта поздняя стадия катакомбной культуры доживает на Днестре и на Керченском полуострове до встречи со срубной, можно судить не только по керамике, но и по стратиграфии поселений и по некоторым другим вещам. Например, костяные пряжки изредка встречаются в катакомбах и в таких поселениях, как Бабино III; в то же время эти вещицы происходят главным образом из курганных захоронений поздней срубной культуры⁷⁶. По Тясмину, Роси и среднему течению Днестра поселения с многоваликовой керамикой встречаются довольно часто на дюнах поймы, но иногда и на коренном берегу. По этому поводу было высказано мнение, что часть киммерийцев ушла с таким культурным обликом на север под напором прошлых племен срубной культуры⁷⁷. Носили ли тогда эти народы имя киммерийцев и вся ли катакомбная культура принадлежала одной группе племен — неясно. Но эта гипотеза кажется резонной. Можно предполагать, что некие протокиммерийские племена до наступления в Северном Причерноморье эпохи господства племен срубной культуры составляли одну из групп населения катакомбной культуры.

Савроматы и степные скифы принадлежали к иранской группе языков индоиранской ветви. Поэтому их предки среди племен срубной культуры в Поволжье и частью в Приазовье и Причерноморье должны были говорить на тех же языках. О неясности языковой принадлежности киммерийцев упоминалось выше. На их языке, естественно, говорила киммерийская часть племен срубной культуры.

Процесс перехода к воинскому строю и быту военной демократии шел одинаково и у киммерийцев и у скифов. Киммерийцы исчезли и неизвестны после своих неудач в Малой Азии в VII в. до н. э. Эпизод, связанный в повествовании Геродота с последним нападением скифов на киммерийцев, где киммерийское общество распалось на консервативных царей-басилеев и склонный к уходу с родины народ-демос, как бы ни был фантастичен этот рассказ, отражает внутреннюю борьбу старых родовых органов

власти с новой подвижной конной аристократией. Скифы же достигли полного развития военно-демократического управления и господствовали в Северном Причерноморье с начала VII до II в. до н. э.

Мы отдали столько внимания срубной культуре потому, что она во втором периоде совпадает с одновременным бытованием на территории Северного Причерноморья киммерийцев и скифов, и потому, что она, несомненно, относится ко времени, когда железо победило бронзу, хотя от нее самой так мало осталось собственных железных вещей. Эта эпоха часто, в силу показанного выше исторического недоразумения, называется киммерийской. Также условно и наименование ее предскифской. Коль скоро эта общая культура и киммерийских и скифских, а отчасти в дельте Дона, может быть, и некоторых меотских племен есть поздняя срубная культура, то до нахождения более удачного термина мы сохраняем это название, хотя сооружения в могилах в виде срубов в это время, если и применялись, то очень редко.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Культуры

лесостепной полосы Северного Причерноморья

Во второй половине VII и в начале VI в. до н. э. в большей части лесостепной и степной зон Северного Причерноморья сложились и приобрели устойчивые формы культуры той эпохи, которая получила название скифской. Как и одновременные ей в Западной Европе поздний гальштат и ранний латен, скифская эпоха при единстве набора металлических и некоторых других вещей объединила несколько местных культур, имевших далеко не одинаковую подоснову. Примечательно, что предшественники лесостепных культурных вариантов скифского времени почти везде иные, чем в степях Причерноморья и Приазовья, где в основу скифской и меотской культур в •очень большой доле легла срубная культура в своих позднейших формах. Поэтому надо вкратце ознакомиться с предшественниками лесостепных культур скифского типа.

ВЫСОЦКАЯ КУЛЬТУРА

Высоцкая культура занимает небольшое пространство в Тернопольской области и частично на Львовщине у истоков Западного Буга и верхних притоков Припяти. Культура получила свое название от Высоцкого могильника. Не совсем твердо установлена ее хронология. Начало культуры восходит к рубежу II и I тысячелетий до н. э., а конец совпадает с началом скифского времени¹.

Поселения изучены мало. Это — открытые селища на приречных дюнах и над поймами. Жилищами служили небольшие четырехугольные землянки. На Рипневском поселении в Львовской области в землянке были обнаружены остатки небольшой сводчатой печи, сделанной на прутяном каркасе. На поселении Почапы Злочевского района встречены обломки каких-то литейных форм². Лучше изучены могильники. Еще с конца 90-х годов

прошлого века особенно известны могильники Высоцкий и Луговской у с. Чехи Львовской области. В первом из них исследовано 300 погребений, а всего их в этом могильнике должно быть около 1000. Грунтовой, без внешних признаков могильник располагается на холме, среди заболоченной местности. Могильные ямы шли рядами по линии восток-северо-восток — запад-юго-запад, то есть почти широтно. У ям не сохранилось следов каких-либо перекрытий. В них покойники лежат чаще вытянутыми на спине, головой на юг. В виде редких исключений встречается скорченное положение костяков на боку. Из общего количества раскопанных погребений труположения составляют до 90%, около 10% — полные трупосожжения. В немногочисленных случаях кремации пепел погребенного по большей части клали прямо в могилу. Значительно реже применялись урны. Довольно часто встречаются парные захоронения. Обычно это одновременно погребенные мужчина и женщина. Руки их иногда бывают сложены вместе, а в некоторых случаях умершие как бы лежат в объятиях друг друга. Вероятно, здесь мы имеем дело с насильственным умерщвлением женщин, что свидетельствует об особом положении мужчин в высокоцкой семье. Бывают немногочисленные семейные захоронения, когда в одной яме погребены вместе несколько взрослых и детей³.

В. И. Канивец упоминает о высокоцком Красненском кургане. Несколько обнаруженных в нем труположений, по его заверению, имеют вполне типичный высокоцкий инвентарь, но с западной и восточной ориентацией головы погребенных. *В. И. Канивец* склонен видеть в наличии насыпи и в ориентации погребений скифское влияние⁴. Инвентари погребений довольно бедны и не дают случаев сколько-нибудь заметного выделения того или иного погребенного. В частности, это относится и к трупосожжениям. Они не отличаются от труположений по инвентарю и не выделяются богатством или торжественностью ритуала.

Инвентари очень однообразны. Больше всего известно сосудов, из которых отдельные использованы как урны. Весьма возможно, что нередко встречающиеся миниатюрные сосудики служили для каких-то ритуальных целей. Реже находят бронзовые или железные украшения, мелкие орудия труда или оружие. Среди предметов известны еще каменные орудия, иногда очень оригинальных форм. Казалось бы, при том подчеркнутым в погребальном ритуале положении, которое в семье высокоцких родов или племен занимал мужчина, в его загробном имуществе оружие должно было бы занимать более или менее значительное место. Однако это совсем не так. Здесь нет мечей или кинжалов.

Однажды в Высоцком могильнике встречен железный наконечник копья с пером лавролистной формы. Внизу пера, по сторонам ребра, есть по небольшому отверстию (рис. 107).

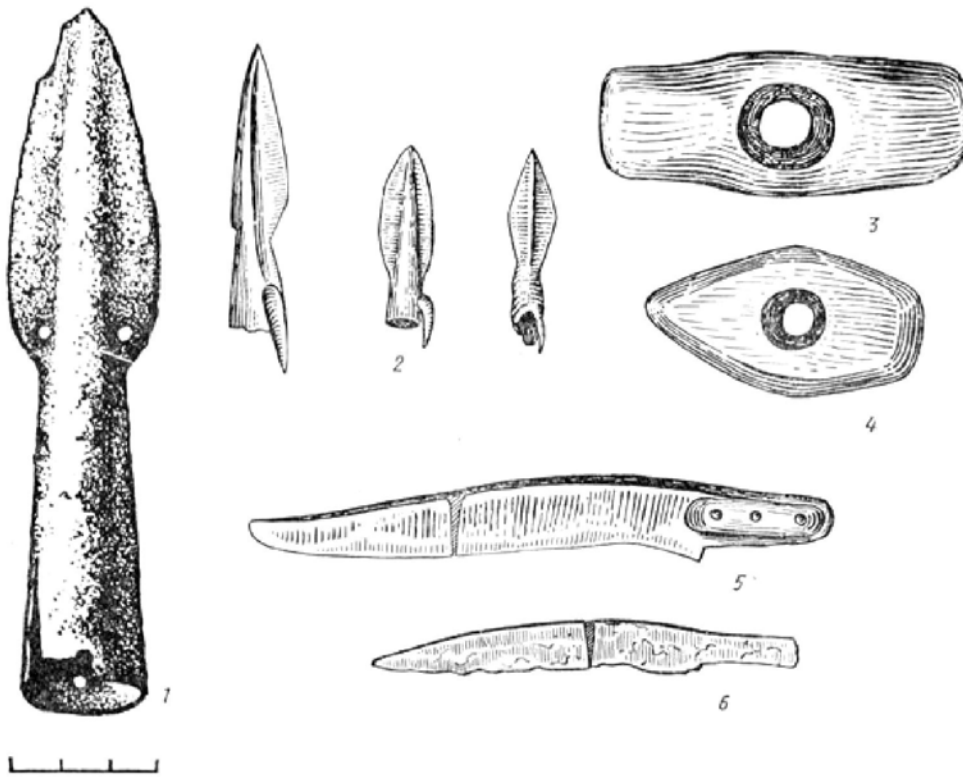

Рис. 107. Оружие и орудия Высоцкой культуры 1 — железный наконечник копья, 2 — бронзовые наконечники стрел, 3, 4 — боевые каменные молот и топор, 5, 6 — железные ножи

Ближайшей аналогией могут служить два наконечника копий из погребения чернолесской культуры у с. Бутенки Полтавской области, которое хорошо датируется концом VIII или началом VII в. до н. э.

Какую-то роль играли лук и стрелы. В раннее время единичны бронзовые двулопастные наконечники с длинной втулкой. Встречаются и кремневые наконечники с хорошей ретушью, их еще довольно много.

В позднейших погребениях, в частности Высоцкого могильника, неоднократно встречены скифские бронзовые наконечники стрел, иногда трехлопастные, порой с добавочным шипом. Все они не позднее VI в. до н. э. (рис. 107).

Камень еще довольно широко использовали. Сверленные клиновидные топоры, шаровидные булавы, цилиндрические, отлично шлифованные молотки применяли в рукопашной схватке (рис. 107). Абсолютно тождественные молотки самого предскифского времени обнаружены на Северном Кавказе в составе военного снаряжения⁵.

В мужских погребениях встречаются также железные и бронзовые орудия труда. Известны небольшая наковальня, плоский железный топорик с боковыми выступами (впрочем, он мог, как это было у скифов, служить теслом и даже мотыгой), бронзовые продолговатые кельты, втульчатые литые долота и т. п. Ножи из железа — один из обычных предметов в высокоцких погребениях — со слегка выгнутой спинкой и узким продолжающим ее черешком, довольно близко напоминают чернолесские. Среди них

есть ножи со слегка приподнятым острием гальштатского типа (рис. 107). Перечисленный инструментарий указывает на литейное и кузнечное дело, а также на значительное развитие деревообделочного мастерства.

Найдены бронзовые серпы с пластинчатым черешком и кремневые серпы в виде изогнутых ножей. Вместе с единичными зернотерками только они и позволяют судить о земледелии. О применении плуга сведений нет. Но ожидать их нужно.

Украшения употребляли не только женщины, но и мужчины, так как некоторые виды их встречены в мужских захоронениях. К их числу прежде всего относятся гривны и нагрудные булавки для зашпиливания плащей. Из головных украшений известны гладкие незамкнутые височные кольца в виде очень неполной спирали с коническими шишечками на концах, а также обычные гвоздевидные раннего скифского типа с широкой шляпкой и тонким спиральным стерженьком. Гривны были либо массивные, либо дутые. Первые на обоих концах имеют петельки для завязок. Эти петельки представляют или просто завиток из тонких концов обруча, или трубочки из раскованных в треугольную пластинку концов. Есть реберчатые гривны из четырехгранной крученой проволоки. Другие гривны ромбические в сечении и гладкие. Дутые гривны не имеют никаких ушек, толсты, сплошь покрыты довольно сложным нарезным орнаментом, состоящим из поперечных и продольных линий, зигзагов и *т. п.* К гривнам и другим украшениям нередко привешены бронзовые кольца с четырьмя выступами, иногда в виде сквозных кружочков. Привески из бронзовой пластинки имеют порой форму трапеции, завернутой сверху в ушко, к тому же украшенной пунктирным орнаментом. Эти привески применяли и в ряде других случаев. Браслеты делали из бронзы и железа. Одни из них были сплошными. Другие имели незамкнутые, находящие друг на друга или плотно сведенные концы. Браслеты либо гладкие, либо покрыты поперечными насечками, либо украшены овальными выпуклостями. Изредка встречаются спиральные браслеты в 4 — 5 витков. Они, как и некоторые незамкнутые браслеты, сделаны из пластинок. Нагрудные булавки менее разнообразных, но в целом общих для разных одновременных культур форм. Известны булавки с одновитковой головкой, иногда с реберчатым крученым верхом стержня, с гвоздевидной и конической головкой, с головкой в виде большой плоской односторонней спирали и, наконец, с утолщением или четырьмя выпуклостями несколько ниже головки. Последний тип — самый ранний, он заимствован из венгерского гальштата или из культуры ноа. Наряду с нагрудной булавкой не очень обычны, но все-таки изредка встречаются очковые спиральные фибулы (рис. 108, 109).

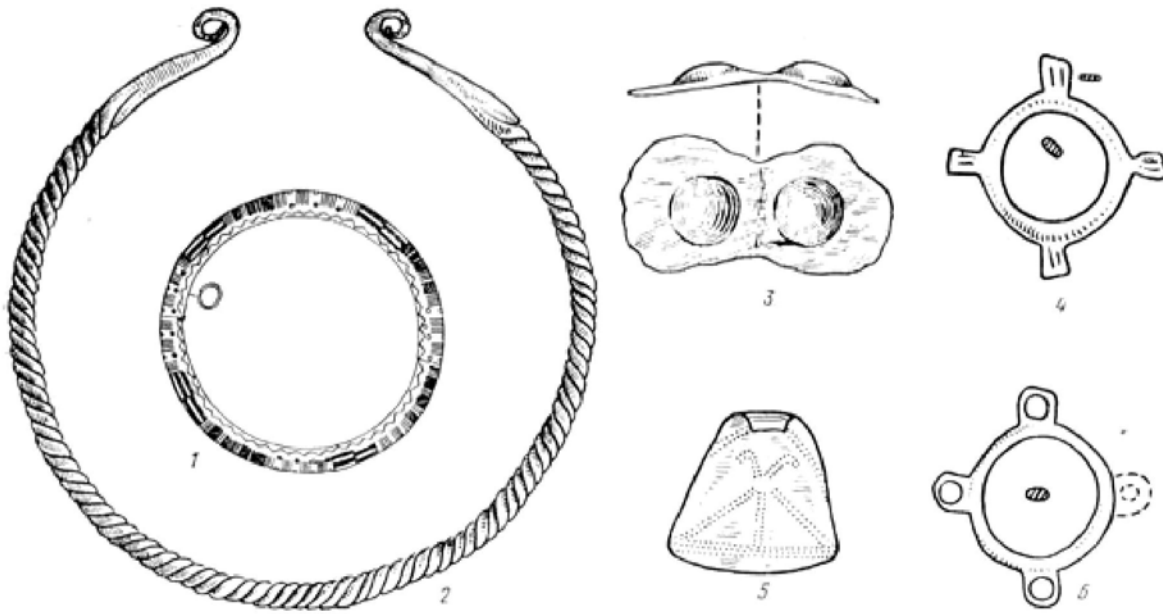

Рис. 108. Украшения Высоцкой культуры 1 — браслет, 2 — гривна, 3 — нашивная бляшка, 4, 5, 6 — привески

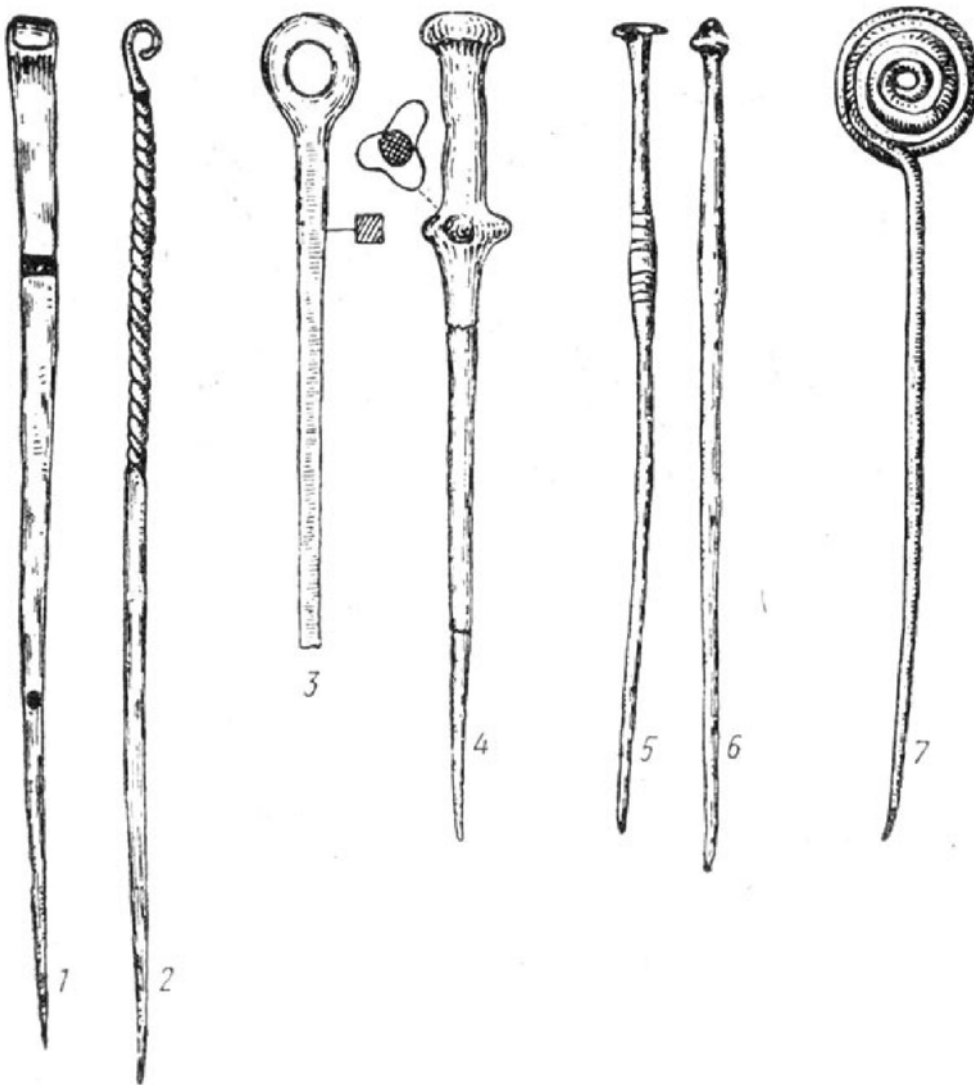

Рис. 109. Булавки Высоцкой культуры

Приглядевшись к украшениям, нетрудно увидеть, что гривны и браслеты при значительном сходстве с гальштатскими и лужицкими в некоторых деталях и орнаментике оригинальны; привески своеобразны, хотя трапециевидные частично напоминают гальштатские, но по способу прикрепления более сходны с чернолесским. Набор булавок в известной мере сходен и с лужицкими, и с чернолесским, и со скифскими. Булавки с большой спиральной головкой ближе всего к лужицким. В целом украшения этой довольно бедной культуры связаны с соседними культурами.

Керамика висоцкой культуры то грубая, то лощеная, часть ее имеет на тулове ребро, расположенное всегда ближе ко дну. Эти сосуды представлены в основном двумя формами: либо с широким прямым устьем, либо с заметно отогнутым краем. У сосудов обоих типов очень небольшое донышко. Изредка такие сосуды снабжены одной ручкой. Среди них есть немало миниатюрных. Конечно, в распространении в висоцкой культуре этих форм сосудов сказывается значительная доля лужицкого влияния, как это видят польские археологи. Но там острорреберность распространена много шире и встречается на сосудах разных форм. Вместе с тем у висоцких племен совсем не было в ходу баночных горшков лужицких типов⁶. Зато «тюльпановидные» сосуды, то есть горшки с наибольшим расширением около середины и с раструбом венчика при едва-едва намеченной шейке, ближе всего к белогрудовско-чернолесской форме. Они такие же серые или серо-коричневые, грубые, лишь изредка подлощенные. Орнаменты беднее, чем у чернолесских экземпляров. Порой они сглажены сверху вниз; пальцами.

Миски просто расширяются кверху, не имея по большей части бортиков. Грубые или подлощенные, они не повторяют лужицких. Иные из них имеют отверстия в дне и служили дуршлагами. Встречаются типы мисок раннескифского времени с загнутым внутрь краем.

Чашки, или как их нередко зовут «черпаки», обычно полушарные, иногда слегка сужаются в шейке и имеют ленточную ручку. Эта форма подражает более всего чернолесским. Иногда среди сосудов попадаются грушевидные лощеные, черноватые или бурые, иные с коническими выступами на плечиках. Эти сосуды вполне точно совпадают с чернолесскими и раннескифскими в лесостепи. В сущности говоря, сочетание из мисок, чашек и грушевидных сосудов в тех или иных вариантах — общий признак гальштатских, лужицких, чернолесских и раннескифских по времени лесостепных комплексов посуды.

В качестве дополнительных форм упомянем небольшие сосуды с двух-трех горлышками, сосуды в виде птиц на высокой ножке, ритоны с ручкой и остродонные кубки. Эти две последние формы бытуют и в раннескифское время в днестровско-днепровском культурном круге. Орнамент на висоцкой керамике нанесен резными линиями, гребенчатым штампом или концом палочки. Острорреберные сосуды бывают покрыты орнаментом от устья до ребра. Это вертикальные зигзаги, гладкие и заштрихованные треугольники вверх и вниз вершинами и *т. п.* Такой же орнамент имеют и другие сосуды. На одном острорреберном сосуде изображен ряд идущих друг за другом

лошадок, выполненных резными бороздами. Изредка встречается инкрустация белой пастой, что опять связывает эту культуру с чернолесской.

Те комплексы, в которых содержится керамика подражательная чернолесской или раннескифской, являются самыми поздними. Роль лужицкой керамики в образовании характерного для висоцкой культуры набора, несомненно, несколько меньше, чем это казалось польским авторам, не имевшим возможности учесть роли тогда еще не открытой чернолесской культуры. В целом состав висоцкой посуды смешанный лужицко-белогрудовско-чернолесско-скифский.

Наряду с земледельческим хозяйством, с орудиями которого мы уже ознакомились, существовало и скотоводство. Хотя данные по этому вопросу скудные, но они все-таки настолько очевидны, что дают представление о полном составе стада. Из Рипневского поселения известны кости крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец и коз. Ни охота, ни рыболовство не имели сколько-нибудь широкого развития.

Рис. 110. Керамика Высоцкой культуры: 1, 2, 3 — сосуды с острым ребром по тулову, 4, 10 — тюльпановидные сосуды, 5, 6, 7, 8 — черпаки, 9 — погремужка в виде птицы, 11 — миска, 12 — дуршлаг

Племена глухой и консервативной высококой культуры достигли, по-видимому, стадии патриархальной родовой общины. Малая доступность сделала ее относительно мирной. Небольшая территория, обжитая ее племенами, не позволяет предполагать, что племен было много. Скорее всего, это был небольшой союз племен, довольно устойчивый в течение, может быть, около 400 лет.

Смешанный характер культуры, включавшей некоторые лужицкие и чернолесские элементы, не вызывает сомнения. В то же время и в украшениях и в керамике есть местные элементы. Находясь на стыке лужицкой и чернолесской культурных зон, несколько отсталые высококие племена легко воспринимали их культурные компоненты. При несомненном влиянии лужицкого начала на комплекс украшений высококой культуры у носителей ее так и не развилось применение фибул, обычных у лужицких племен.

Почти с начала открытия высококой культуры, поскольку на территории ее некоторые интерпретаторы Геродота помещали неуров, ее приписывали праславянам. К этому склоняется польский автор Л. Козловский. Мы, как и *В. В. Хвойко*, локализуем неуров в правобережном Приднепровье. *В. И. Канивец* придерживается точки зрения *П. Н. Третьякова*, то есть склонен видеть в носителях высококой культуры одного из предков племен полей погребений, в конечном счете славян. Не будучи специалистом в славянском этногенезе, автор настоящей книги предпочитает ограничиться изложением наиболее распространенной точки зрения⁷.

БЕЛОГРУДОВСКАЯ

И ЧЕРНОЛЕССКАЯ КУЛЬТУРЫ

В сущности говоря, и белогрудовская и чернолесская культуры — это последовательные этапы одной и той же культуры. Хотя с течением времени произошли довольно значительные изменения в облике культуры, но развитие керамики, жилищ настолько определенно говорит о такой преемственности, что возникновение одного этапа из другого не вызывает сомнения⁸.

Белогрудовский этап представлен в разных местностях не совсем однородными памятниками. Еще далеко не полные данные позволяют наметить границы распространения соответствующих памятников на севере до припятских болот. На западе они известны в районе Каменец-Подольска, Могилева-Подольского и восточной половины Черновицкой области. На востоке они доходят до Днепра и на юге по Днепру и Бугу до кромки степи.

В начале 20-х годов в урочище Белогрудовский лес в 5 км от Умани были открыты похожие на курганы бугры, состоящие из земли с золой или просто из земли. Они насыщены черепками посуды, каменными и костяными орудиями и костями животных.

Вокруг Умани радиусом около 35 км расположено до 20 пунктов с подобным сосредоточением золистых бугров и зольников.

Относительно уманских зольников существуют разноречивые мнения⁹. Некоторая удаленность от воды, при расположении в 1/2 км от реки и более, наличие зольного основания, покрытого толстым слоем перегноя, позволили *С. С. Березанской* видеть в белогрудовских буграх и зольниках культовые сооружения. *П. П. Куринный* готов был считать их за курганы. В некоторых зольниках были обнаружены небольшие глинобитные очаги и кирпичики в виде глиняных лепешек и остроконечных пирожков от стенок и сводов таких очагов и печек. Исходя из этого *А. И. Тереножкин* видит в холмах остатки каких-то жилищ, конструкцию которых пока что установить не удастся. Во всяком случае несомненно, что в них содержатся отбросы быта и поэтому их следует признавать прежде всего за остатки жилого мусора. Может быть, с зольниками были связаны и культовые представления, но они едва ли играли главную роль.

В окрестностях Киева по Днепру и по его притоку Стугне известно некоторое количество открытых селищ довольно малых размеров, по несколько сот квадратных метров. На этих поселениях, расположенных близко к воде, пока не выявлено ни зольников, ни жилищ. Керамика же и другие изделия не отличаются от находок из уманских зольников.

На Верхнем Днестре, в Черновицкой области, прослеживается стык белогрудовской культуры с культурой ноа, при этом в керамике и металле черты культуры ноа преобладают над белогрудовскими¹⁰.

Строго говоря, рассмотренные поселения белогрудовской культуры еще не относятся к железному веку. Эти поселения, может быть, начинают свое существование в XI, а то и в XII в. до н. э., так как следующие за ними памятники ранней ступени чернолесской культуры, в инвентаре которых достаточно датирующего материала, могут быть приурочены к рубежу IX и VIII вв. до н. э.¹¹ В инвентаре же собственно белогрудовских поселений очень еще много сравнительно ранних элементов, в частности зубчатых штампов из лопатки домашнего животного, вырезанных по краю плечевого сустава или на широком ее конце. Железных предметов на этом этапе пока что неизвестно, но мы уже упомянули о находке тяжелого железного шлака на белогрудовском селище у с. Краснополка Уманского района.

По течению правобережного притока Днепра Тясмина и в районе Могилева-Подольского были открыты селища раннего времени чернолесской культуры с еще кое-какими признаками белогрудовских форм. К их числу прежде всего относится нижний слой Субботовского городища в Чигиринском районе Черкасской области¹². При бытовании жилищ этого яруса поселение, располагавшееся на довольно высоком берегу речки Суботи, может быть, еще не было укреплено. По юго-западному краю площади поселения открыто 7 землянок (рис. 111).

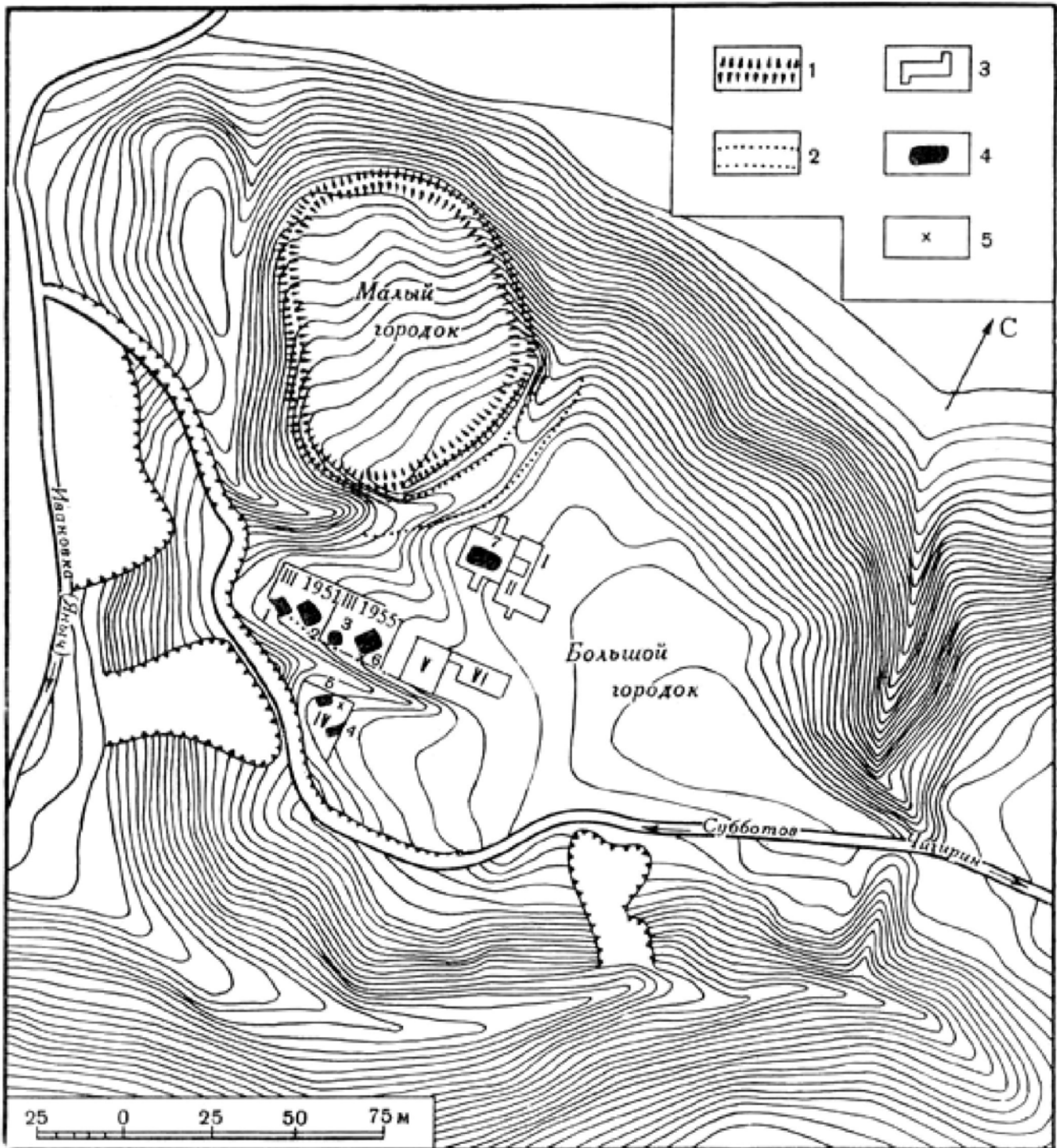

Рис. 111. План Субботовского городища 1 — вал, 2 — ров, 3 — раскопы, 4 — землянки, 5 — клады

Они разного плана. Одна почти круглая диаметром около 5 м при глубине 3 м; другие прямоугольные — наиболее сохранившаяся из них площадью 9х5,5 м при глубине 1 м; была и квадратная землянка площадью 10х10 м при глубине 1 м. Кое-где вдоль стенок жилищ шли ямы от столбов, такие же ямы попадались и в середине. Столбы подпирали стены, поддерживали крышу, но система их расположения не поддавалась разъяснению. В каждом жилище по одному, а то и по два-три очага. Очаги, то глинобитные, то в виде кучи золы на прокаленном глиняном полу, располагались в середине жилища или в ряд по его средней линии. Они были округлыми или овальными и имели в поперечнике

около 1 м. В одной из землянок обнаружены разбросанные без всякого порядка обожженные «кирпичики» в форме параллелепипедов (14X5x5 см). Может быть, они составляли когда-то печь. Некоторые из жилищ погибли от пожара: стенки и полы в них прокалены, иные из столбов обуглены. Все землянки перед возобновлением поселения были завалены жилым мусором с золой, иногда покрывавшей заполнение землянок сверху в виде зольного холмика. И здесь частично, но только частично, мог проявиться ритуальный смысл очажного пепла. В основном это все же жилой мусор.

На полу двух землянок сохранилось несколько целых сосудов. Вся керамика, которая связывается с жилищами, носит частью белогрудовские, частью чернолесские черты. В некоторых предметах почти нет различия с вещами раннего этапа. Это, между прочим, костяные проколки из длинных овечьих костей и пряслица из спиленных головок бедренных костей крупных копытных. За пределами землянок, к востоку, находилось много разнообразных хозяйственных ям. Некоторые из них принадлежали к тому же времени, что и землянки. В одной из таких ям, неглубокой, слегка расширяющейся книзу, найдены кремневые лезвия серпов и вместе с ними обломки очень обожженной обмазки. Может быть, обмазка принадлежала глинобитной печи на прутяном каркасе или сгоревшему глинобитному жилищу. Последнее позволило бы предположить раннее появление мазанок в этом районе, где они так распространились с самого начала скифской эпохи.

В 1959 г. *Е. Ф. Покровская* и *Е. А. Петровская* открыли в долине Тясмина у с. Большая Андрусовка 10 сходных с субботовскими землянок¹³. Наибольшая имела площадь 13X 6 м. Глубина этих землянок от 0,40 до 1 м. Их стены были обложены деревом: продольные — бревнами, а поперечные — колотыми досками. В этих землянках кое-какие остатки говорят о глинобитных очагах неопределенного устройства. Основные находки керамики принадлежат ранним субботовским типам. Все андрусовские жилища сгорели.

Около Могилева-Подольского в 1952 — 1953 гг. *М. И. Артамонов* произвел раскопки у с. Яруга¹⁴. Там оказалась вместе и белогрудовская и чернолесская керамика. Есть и местные формы, например прямостенные сосуды явно тех же назначений, что и обычные «тюльпановидные» горшки типа белогрудовских и чернолесских. В тех же районах были обследованы еще селища со смешанным составом керамики. На одном из селищ найден железный ножик одного из чернолесских типов. Переход к чернолесскому этапу совершился, таким образом, после частичного освоения железа. В одной из землянок Субботовского городища найден роговой черешковый двукрылый наконечник стрелы узкоромбического сечения в духе бискупинских. В Бискупинском городище такие наконечники датируются от VII до конца V в. до н. э., но они встречаются в лужицкой культуре и раньше. В той же землянке найдены костяной и роговой псалии с большим продолговатым прямоугольным прорезом в середине и двумя меньшими на концах. Все эти отверстия расположены в одной плоскости. В местах отверстий псалии утолщены. Псалии, по-видимому, сопровождалась какими-то мягкими удилами, которые истлели. Эта пара псалиев относится к нижнему слою Субботовского городища¹⁵ (рис. 112).

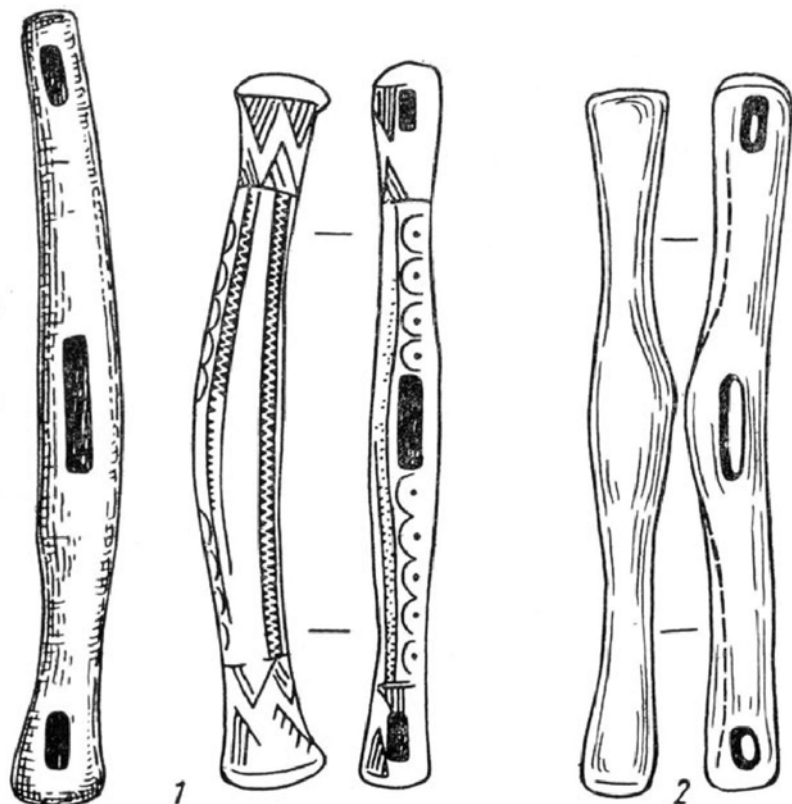

Рис. 112. Костяные псалии 1 — нижний слой Субботовского городища, 2 — поселение срубной культуры в Усатове

На следующем, собственно чернолесском, этапе употреблялись удила и псалии первого, по А. А. Иессену, кобанского типа. Стремевидные удила вошли в тех же местах во всеобщее употребление главным образом в конце VII и в начале VI в. до н. э. Следует предположить с большой долей вероятия, что некоторое непродолжительное время стремевидные удила сосуществовали с кобанскими.

Переход от белогрудовского времени к чернолесскому, учитывая такие памятники срубной культуры, как Усатовское селище у Одессы с его роговым псалием и Черногоровку с ее бронзовым подражанием роговым псалиям субботовско-усатовского типа, следует искать до момента появления бронзовых удил и псалиев, то есть на рубеже IX — VIII вв. до н. э.¹⁶ Этот переход выражен в нескольких поселениях Подолии, например у с. Яруга. Керамика здесь смешанная, как белогрудовских, так и чернолесских типов. Среди лощеной посуды уже много чернолесской, но есть заметное влияние и соседней культуры Молдавии. Есть на поселении у Яруги кремневый серп и каменный сверленный топор, как и в нижнем ярусе Субботовского поселения.

В верховьях Ингульца, близко подходящих к Тясмину, и на самом Тясмине, от Смелы до Ново-Георгиевска, вслед за временем землянок Субботова и Андрусовки появляются укрепленные городки¹⁷. Их около 10 по Тясмину, вплоть до его устья, и 3 в верховьях Ингульца. Новый этап получил название чернолесского по первому городищу этого типа, открытому в 1949 г. А. И. Тереножкиным на Ингульце в урочище Черный лес. Эти городища весьма своеобразны (рис. 111, 113).

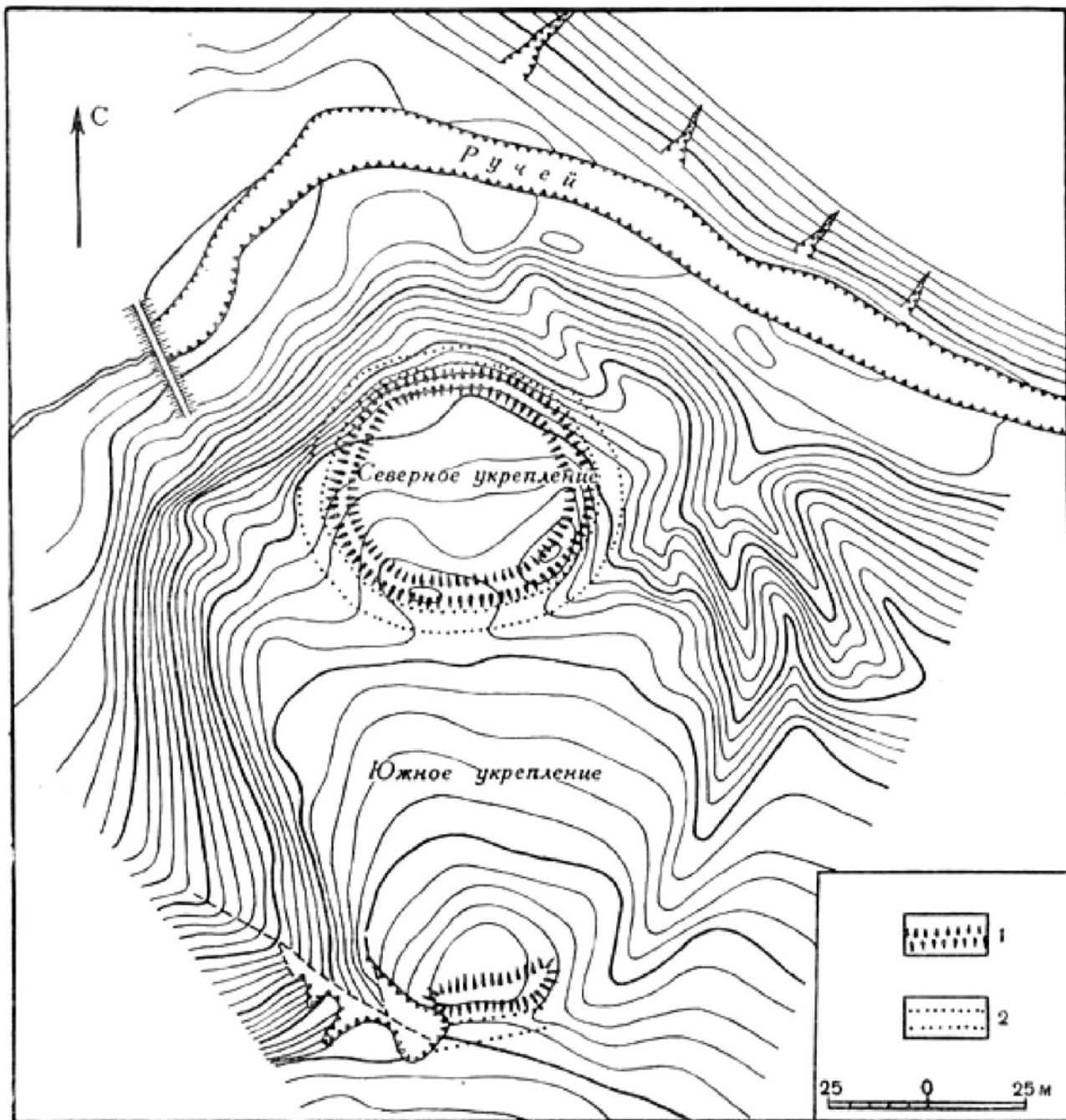

Рис. 113. План Тясминского городища 1 — валы, 2 — рвы

Они находятся обычно на высоких мысовых холмах, почти всегда труднодоступных. Укрепление невелико, в плане округлое или овальное. Оно окружалось едва теперь заметным валом. Именно такое укрепление — обязательная основа любого из тясминских городищ. Несколько раз (например, на Янычском, Тясминском и Московском городищах) прослеживаются поперечные дополнительные валы или рвы, перекрывавшие узкий проход со стороны всполья и увеличивавшие защищенную площадь поселения. На Московском городище глиняный вал был вообще открыт только раскопками. Такие низкие валы получили очень простое объяснение. Вал служил лишь подножием деревянной стены из четырехугольных клеток наподобие лужицких укреплений. Они сохранились в обгоревшем виде и составляли сплошной ряд, сберегшийся в высоту на 2 — 3 венца в валах Тясминского и Калантаевского городищ. В

последнем случае продолговатые клетки имели размер поперек вала 2,5 м, а вдоль него — от 0,75 до 1 м. Стена была заполнена глиной. Иногда валы, может быть, укрепляли камнем (если это не запас метательных снарядов); например, часть валов Калантаевского и Тясминского городищ была укреплена с внутренней стороны скоплением камней. Перед низким валом находились широкие (от 10 до 20 м) и глубокие (4 — 5 м) рвы. Книзу они иногда сильно сужаются. Внутри городищ почти нет культурных отложений и обычно не бывает жилищ, а лишь большее или меньшее число ям и одиночных очагов. Площадь такого городка обычно около 0,5 га.

Жилая площадка обычно занимает несколько сот квадратных метров и располагается вне основных укреплений. В некоторых случаях она находится внизу под холмом, ближе к воде. Таковы, например, довольно насыщенные культурные наслоения у подножия Московского и Тясминского городищ. Жилые слои Субботовского городища находятся на плато к юго-востоку от основного городка и занимают площадь до 2 га. Здесь обнаружен культурный слой с множеством хозяйственных ям. Жилища представлены главным образом прослойками глины от слабо углубленных полов. Склон холма от валов к подножию тоже обычно имеет слабо насыщенный культурный слой или отдельные его вкрапления. Однако именно на склоне Тясминского городища была открыта одинокая землянка чернолесского этапа, почти квадратная (3,6х3,3 м), глубиной в человеческий рост. Вдоль ее стенок сделаны узкие канавки в 10 см ширины и до 0,5 м глубины, в которые вертикально вставлены концы колотых досок, сплошь облицовывавших стенки.

На склоне холма Калантаевского городища в очень слабо насыщенном культурном слое были обнаружены остатки наземного квадратного в плане жилища размером 6,5 X X6,5 м. Остатки его состояли из глины с отпечатками прутьев от плетеного каркаса стен. В завале этой обмазки оказались обломки горелых бревен. Во всех четырех углах жилища — ямки от подпорных столбов. На полу сохранилась обмазка, а на ней глиняный под от печи.

Землянки вроде субботовских, но самого позднего чернолесского времени обнаружены и на Днепровском левобережье на р. Ворскле у с. Хухры Ахтырского района Полтавской области¹⁸. На Ворскле, вплоть до ее верховьев, чернолесцы проникли в VIII — VII вв. до н. э. Таким образом, в чернолесское время существовали и наземные дома и землянки. По конструкции укреплений чернолесские городища сходны с лужицкими. Типы жилищ чернолесской культуры продолжают бытовать в поселениях скифской эпохи.

Чернолесские городки строились не для обитания, а для укрытия от нападения на поселок и притом от внезапного нападения. Площадь такого укрепления вполне может вместить отдельную отцовскую семью или небольшой род. По расположению городищ на Тясмине можно предполагать, что в них искало убежища племя или союз небольших племен с центром расселения из Субботова. По-видимому, городища возникли после какого-то внезапного вторжения, вызвавшего пожары на Субботовском и Андрусковском селищах, и, очевидно, такая опасность не прекратилась после первого набега. Может быть, это были кочевники-скифы, появившиеся в IX — VIII вв. до н. э. в степях.

Что появление городищ на Тясмине и Ингульце — необязательно результат внутреннего развития общества, свидетельствуют довольно многочисленные неукрепленные чернолесские поселки на Подолии¹⁹. Они редко подходят к самому Днестру, а чаще располагаются несколько в стороне, на склонах оврагов или на мысах. Раскопок на них почти не было. На поселении у с. Ленковцы Черновицкой области открыты глинобитные полы наземного жилища плохой сохранности. На поселении у Луки Врублевецкой *И. Г. Шовкопляс* раскопал незначительные остатки такого же жилища. Сходство материала селищ с находками на городищах полное. Их керамический комплекс очень близок чернолесскому из Поднепровья. Есть, однако, здесь и пришлые формы керамики из соседней Западной Украины и Молдавии.

Погребений, относящихся к белогрудовскому этапу, почти неизвестно. К ним следует отнести могильник со скорченными костяками у с. Белый Камень Винницкой области. Костяки 6 взрослых и детей лежали на правом боку, головой на запад. Могилы неглубоки (25 — 50 см) и без каких бы то ни было насыпей. Для собственно чернолесского времени известны захоронения как из районов по Роси и Тясмину, так и из Подолии и окрестностей Черновиц. Устойчивости в сооружениях и ритуале нет. Для бассейна Тясмина и Роси, исключительно по материалам старых раскопок, известны и трупосожжения и трупоположения. Есть там и грунтовые погребения и курганы²⁰. Характерные для Киевской и Черкасской областей чернолесские браслеты из Киевского музея, по данным старых инвентарных книг, неоднократно находили при корчевке пней вместе с остатками трупосожжений. Среди курганов в окрестностях Смелы по чернолесской керамике легко выделяется несколько курганов у с. Оситняжка: в 4 из них на кострищах или в высланных деревом ямах лежали сожженные кости 2 — 3 человек. В одном кургане при двух скорченных костяках было до десятка чернолесских сосудов. В кургане № 52 у с. Оситняжка в огромной квадратной яме (7X7X2,3 м), обложенной и перекрытой деревом, захоронено 7 покойников. Трое из них положены на перекрытии ямы в вытянутом положении, головой на восток. Четверо лежали в той же позе, головой на запад, на дне в особых канавках. У Гуляй-Городка на р. Тенетника в кургане № 185 было найдено около 30 сосудов, несомненно, чернолесского этапа. В 20 из них лежали кремнированные кости, местами кучки пережженных костей находились на площадках кострищ. Кроме большого количества сосудов в перечисленных погребениях есть только одиночные украшения, чаще всего браслеты.

В 1959 г. на Ворскле, у д. Бутенки, Кобеякского района, Полтавской области, было случайно найдено на глубине 80 см бескурганное чернолесское трупосожжение с богатым воинским инвентарем²¹. В него входили предметы конского снаряжения: несколько пар двукольчатых удил I типа, по *А. А. Иессену*, трехпетельчатые псалии I же типа со шляпкой на верхнем и лопастью на нижнем конце, гладкие и прорезные уздечные бляхи (последние с крестом солярного значения), пара очень больших колец (диаметром 12 см) с круглой подвеской на подвижной муфточке. Все это из бронзы. Найдены здесь и бронзовые ромбовидные наконечники стрел (до 30) с длинными втулками и 2 листовидных с длинной втулкой наконечника копий из железа — оружие гиппотоксота. По перу копья идет ребро, а в основании пера имеется пара отверстий по

бокам втулки. Два литых сплошных бронзовых браслета, близкие чернолесским, составляют украшение воина. Этот инвентарь — провозвестник обихода конного воина скифского времени. Бутенковский комплекс относится к VIII в. до н. э. или, может быть, к первой половине VII в. до н. э. (рис. 114).

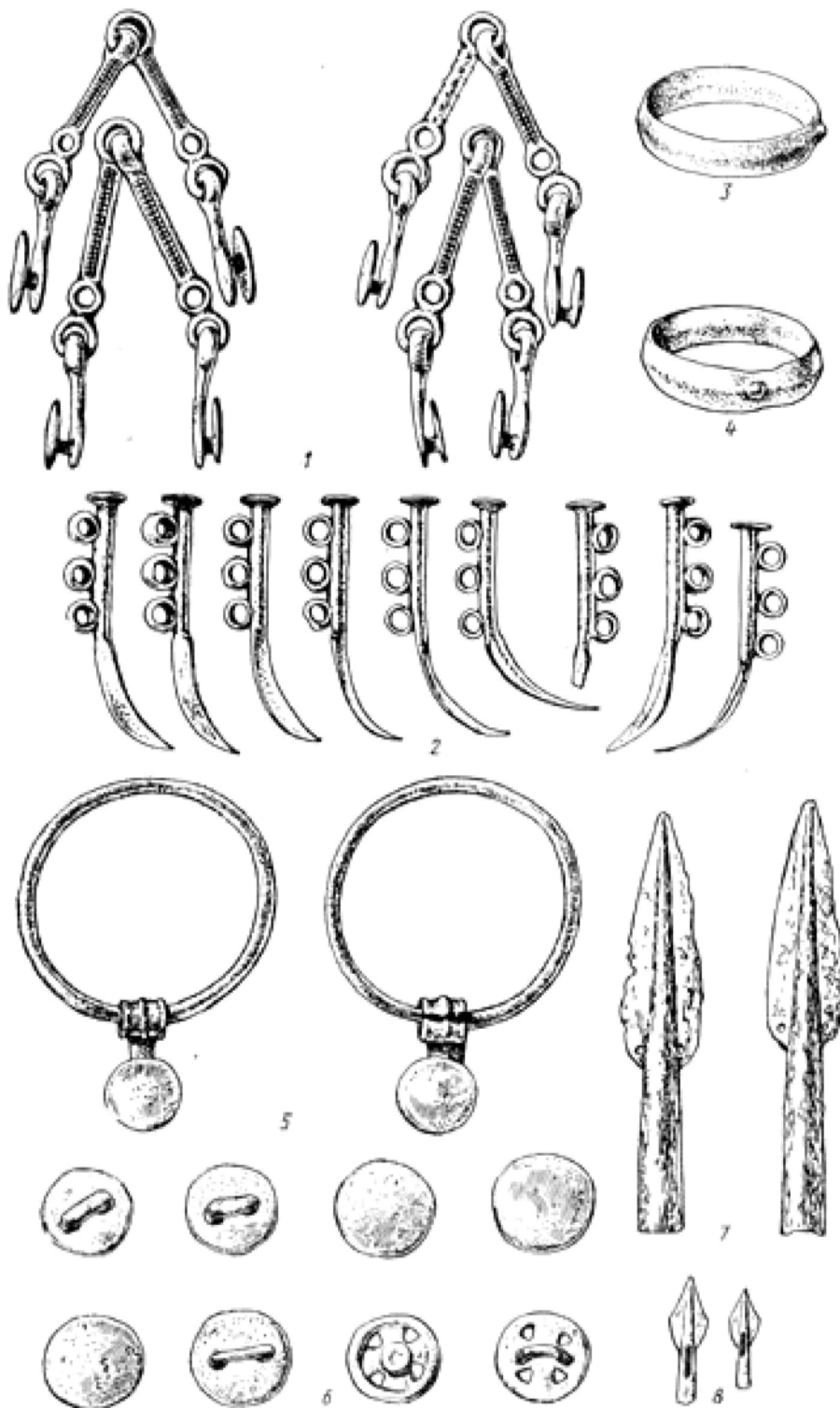

Рис. 114. Инвентарь Всаднического погребения в Бутенках: 1- удила, 2 — псалии, 3, 4 — браслеты, 5, 6 — кольца и бляхи от сбруи, 7 — железные наконечники копий, 8 — наконечники стрел (1—6, 8 — бронза)

На Подолии известно пока что до 10 курганов этого времени у сел Лука Врублевецкая и Мервинцы²². Они раскопаны *И. Г. Шовкоплясом* и *М. И. Артамоновым*. Все эти насыпи из камня, кроме одной чисто земляной у Мервинцев. Их размеры до 1 м в высоту и от 7 до 17 м в диаметре. Покойники лежали или на вымостке из плит на древнем горизонте, или в ямах с деревянным перекрытием, выложенных по стенам и полу каменными плитками, или в каменных ящиках, окруженных кромлехом. Погребенные по большей части лежали скорченно на правом боку, головами на северо-запад и юго-восток (Лука Врублевецкая). Как правило, их от 2 до 6 в гробнице. Всего 2 трупосожжения в урнах обнаружены в 2 из 8 курганов у Луки Врублевецкой. Они находились в неглубоких ямах. Одна из урн была обложена камнями. Отличие подольских курганов от тясминских — в широком применении камня для насыпи и погребального сооружения. Инвентарь этих могил — сосуды белогрудовско-чернолесских и гальштатских типов. В курганах у с. Мервинцы были найдены железные гальштатские удила и железный ножик уже VII — VI вв. до н. э.

Исключительное преобладание в погребениях глиняной посуды не позволяет точно отделить мужские захоронения от женских. Впрочем, упомянутые погребения из Бутенок и Мервинцев, по крайней мере, для последнего этапа чернолесской культуры говорят о мужчине-воине. Само появление городищ указывает на вынужденную смену в бассейне Тясмина мирного быта на постоянно воинственный и тревожный. О вооружении кроме единичных погребений воинов дают представление еще и некоторые материалы городищ и случайные находки.

Лук и стрелы засвидетельствованы находками роговых и костяных наконечников стрел, особенно с Субботовского городища²³. Основной тип их — листовидный по форме, ромбический в сечении наконечник, с выемкой в основании и со скрытой втулкой. Этот тип есть и в андроновской и в срубной культурах. Вероятно, от них он проник в чернолесскую. Этот тип исчезает лишь к началу скифского времени. Менее обычные двушипные черешковые и с прорезной втулкой наконечники близки к типам стрел гальштатской и лужицкой культур. Они реже предыдущих. Лавролистный наконечник с прорезной втулкой единичен; по форме головки он сродни гальштатским, лужицким и раннескифским наконечникам. Костяной квадратный в сечении втульчатый наконечник совпадает с некоторыми одновременными образцами, происходящими из степи, и ранними скифскими наконечниками. Бронзовые наконечники стрел из Бутенок, имеющие головку условно ромбических контуров и длинную втулку, совершенно совпадают с некоторыми наконечниками VIII — VII вв. до н. э. с Северного Кавказа и из степей Приазовья и Подонья. В стрелах с черешком и расщепленной втулкой видно среднеевропейское или местное начало. Втульчатые наконечники более всего связывают стрелковое дело чернолесского этапа со всем набором доскифских наконечников стрел степи, приведшем в конце концов к сложению скифского военного обихода (рис. 115).

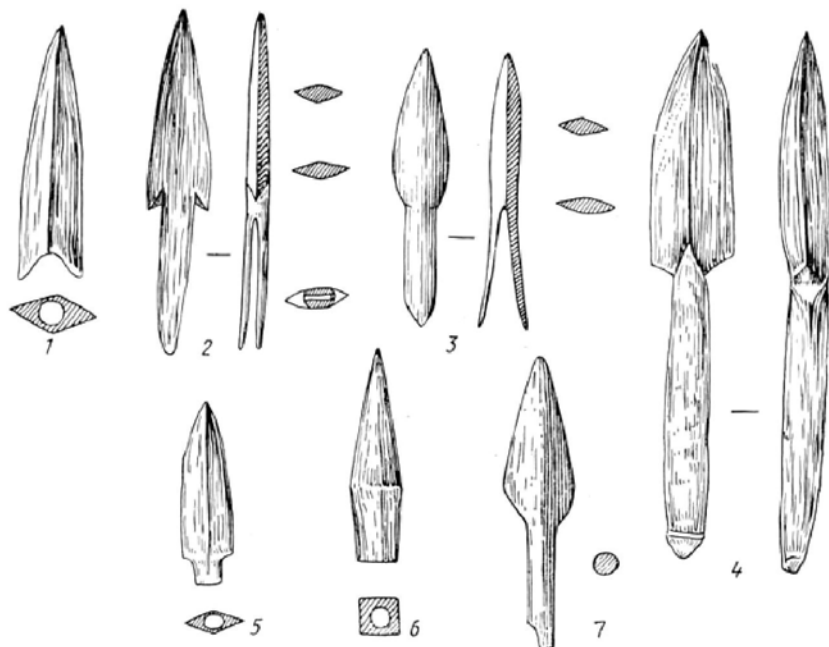
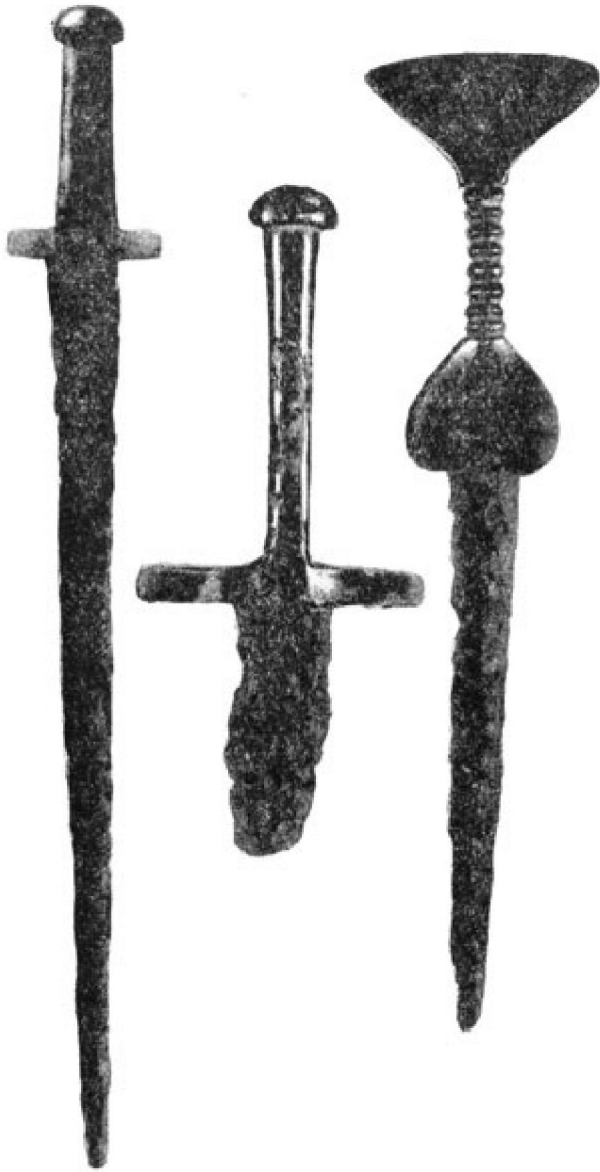

Рис. 115. Костяные наконечники стрел Белогрудовского-Чернолесской культуры: 1, 5, 6 — втульчатые, 2, 3 — с прорезной втулкой, 4, 7 — черешковые

Среди довольно обильных втульчатых наконечников копий из бронзы, восходящих, по видимому, к степному влиянию, следует отметить: наконечники листовидной формы с большими прорезами в лопастях; наконечники с пером, расширяющимся в верхней части и очень суженным к широкой втулке; листовидные наконечники с длинным пером и короткой втулкой. Есть в белогрудовско-чернолесском Приднепровье и литейные формы для изготовления подобных степных типов наконечников копий. Ввиду того что мы считаем срубную культуру доживающей до скифского времени, можно полагать, что некоторые из этих наконечников могли существовать и в чернолесский период. То, что А. И. Тереножкин относит их полностью к белогрудовскому времени, вызывает сомнение. Напомним, что наконечники копий с прорезами в пере явились прототипами наконечников VI — V вв. до н. э. ананьинской культуры, то есть дожили там до начала скифского времени. Заслуживает внимания еще одна группа бронзовых наконечников копий с малым пером и длинной втулкой (5-я группа, по А. И. Тереножкину). Они действительно могут относиться к предскифскому, или собственно чернолесскому, времени²⁴.

Наконечники копий из железа все втульчатые, иногда с лавролистным пером. Они — очевидные прототипы железных наконечников скифского времени. Возможно, в это время появился и обычай носить два копья (сравните копья из Бутенок), который прочно укрепился в скифское время.

На типологических основаниях А. И. Тереножкину удалось отнести к чернолесскому времени группу биметаллических (с бронзовой рукоятью и железным клинком) коротких колющих мечей и кинжалов. Все они из случайных находок. Рукоять их имеет грибовидный полусферический пустотелый набалдашник, плоскую в охвате ручку и прямое перекрестие. Их обоюдоострый клинок достигает в длину 60 см (рис. 116).

Рис. 116. Биметаллические мечи и кинжал с территории Чернолесской культуры

Подобные, но нетожеественные мечи есть в Трансильвании, под Краковом и в предскифских комплексах Предкавказья. Один чернолесский кинжал с ребристой рукоятью из бронзы и железным лезвием имеет двукрылое перекрестие, близкое перекрестиям скифских акинаков²⁵.

Из Среднего Поднепровья происходит несколько так называемых «киммерийских» бронзовых кинжалов и ножей листовидной формы с черешком, имеющим цилиндрический упор для ручки. Известен также бронзовый кинжал хвалынского типа с прорезной рукоятью и грибовидной низкой шляпкой-навершием²⁶. Это вещи позднеархаичных типов. На территории чернолесской культуры они могли существовать еще на белогрудовском этапе и, может быть, в пору переходных субботовских и андрусовских землянок. Остальные кинжалы чернолесского времени.

То ли рабочими, то ли боевыми орудиями служили бронзовые кельты. Есть кельты с шестигранной втулкой и с одним или двумя ушками, может быть, семиградского

происхождения. Они известны и в срубной культуре Причерноморских степей. Встречены также кельты степного, собственно «киммерийского» типа, с овальной втулкой и двумя ушками. Много и других кельтов разных форм. Все ли они относятся к белогрудовскому времени или часть доживает до чернолесского, пока еще неясно. Отчетливо выделяется группа узких одноушковых кельтов с круглой втулкой и шестигранным клином. Они почти все украшены в верхней половине вертикальным слаборельефным елочным орнаментом. Это — основная, собственно чернолесская, форма. Глиняные литейные формы подобных кельтов обнаружены в Субботове и Подгорцах. В верхнем горизонте Субботовского городища такой кельт найден в кладе вместе с двумя типичными чернолесскими браслетами и железным теслом-мотыгой с двумя боковыми выступами. Интересно отметить, что браслеты были надеты на кельт. Тип тесла хорошо известен в гальштатской, лужицкой, висоцкой культурах, а позднее в культурах скифского облика. В с. Зарубинцы был найден кельт чернолесского типа, но уже из железа (рис. 117, 118).

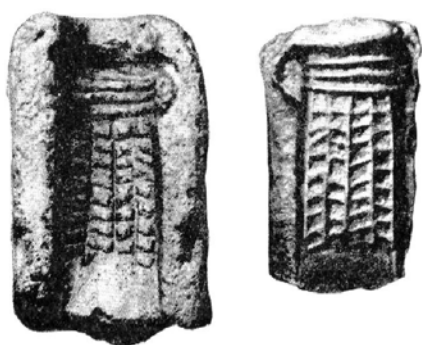

Рис. 117. Глиняная литейная форма Чернолесского кельта и оттиск с неё

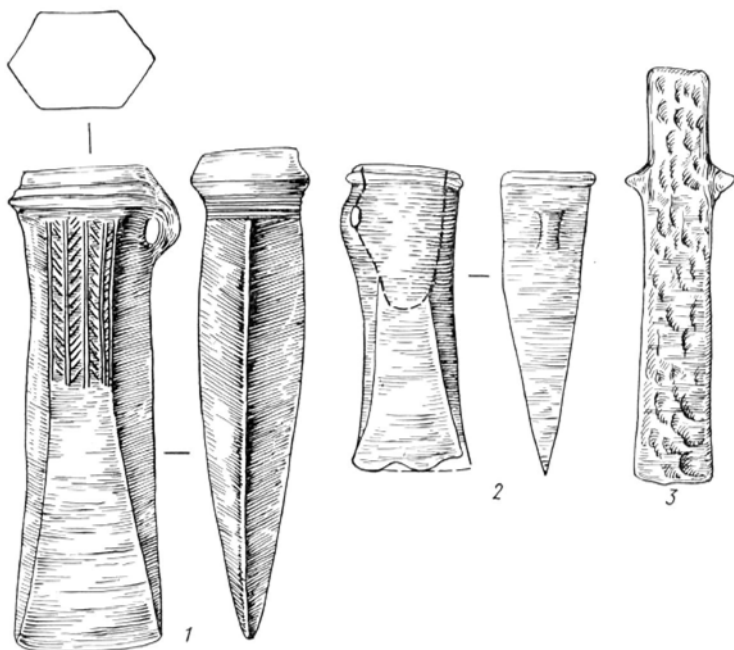

Рис. 118. Бронзовый кельт (1) с Субботовского городища, железный кельт (2) из с. Зарубинцы, железное тесло (3) с Субботовского городища

Универсальные орудия мужского и отчасти женского обихода — нож и шило — пока что малочисленны. На развитой ступени чернолесской культуры распространяются железные ножи. Они то с узким черешком, то с черешком одинаковой ширины с лезвием. Ножи имеют либо прямую, либо довольно сильновыгнутую спинку. У некоторых ножей кончик острия слегка поднят кверху наподобие гальштатских, висоцких и лужицких (рис. 119).

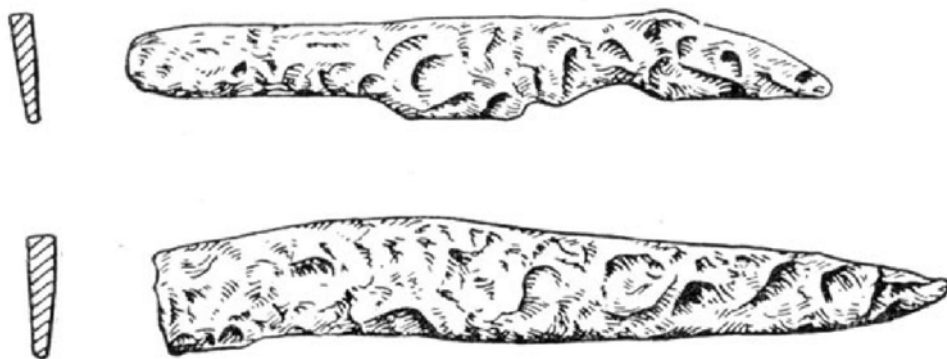

Рис. 119. Железные ножи Чернолесской культуры

Мужчина пользовался конем, шедшим под верх и в упряжку. У нас нет сведений о характере повозки. Известно только устройство удил и псалиев. Судя по нахождению нескольких пар удил в погребении воина из Бутенок, это был всадник, владеющий несколькими конями. Если бы речь шла о колесничнике, в состав инвентаря вошли бы металлические шины. Впрочем, из Восточной Европы нет никаких сведений о колесничниках, известных в гальштатских и южных лужицких погребениях. Раннее развитие коневодства привело к раннему же развитию верховой езды.

Удила и псалии различны. Известно несколько находок удил кобанского типа, литых бронзовых с двумя кольцами на концах каждого плечика. Этим удилам соответствуют псалии со шляпкой наверху, отогнутой лопастью внизу и тремя ушками в середине стержня. Удила III типа, по А. А. Иессену, то есть «стремечковидные», вероятно, должны были применяться у чернолесских племен, но пока что еще не найдены.

Интересны удила из роговой пластинки с отверстиями на обоих концах: они известны на Субботовском и Калантаевском городищах. Этот тип примитивных одночленных удил найден еще на Тарасовой горе — селище самого раннего скифского времени, а именно второй половины VII в. до н. э. Известны они и на Бискупинском городище лужицкой культуры.

Найдено несколько роговых псалиев с тремя удлиненными, овальными или четырехугольными (иногда квадратными) отверстиями, далеко отставленными друг от друга. Они в роге и бронзе известны уже нам в поздней срубной культуре (сравните псалии с селища в Усатове и в кургане у Черногоровки, рис. 89, 112). В чернолесской культуре они свойственны ее ранней и развитой ступеням.

Кроме того, обнаружены роговые псалии с муфточками у трех отверстий, напоминающие бронзовые гальштатские и бронзовые из погребения поздней срубной культуры в Большой Камышевахе. Вероятно, к более раннему, еще белогрудовскому времени относится псалия из рога, найденный в Субботове в засыпке глубокой колоколовидной ямы. Он имеет форму русского С. В нем овальное отверстие в середине спинки и две маленькие дырочки в концах, но в другой плоскости. Подобные псалии из рога при бронзовых удилах встречены были *Б. А. Куфтиным* в Грузии.

Сохранилось несколько круглых и овальных уздечных блях. Одни из них — бронзовые, другие костяные или из рога; большинство их найдено на городищах. Их диаметр обычно невелик: всего 3 — 4 см (рис. 120).

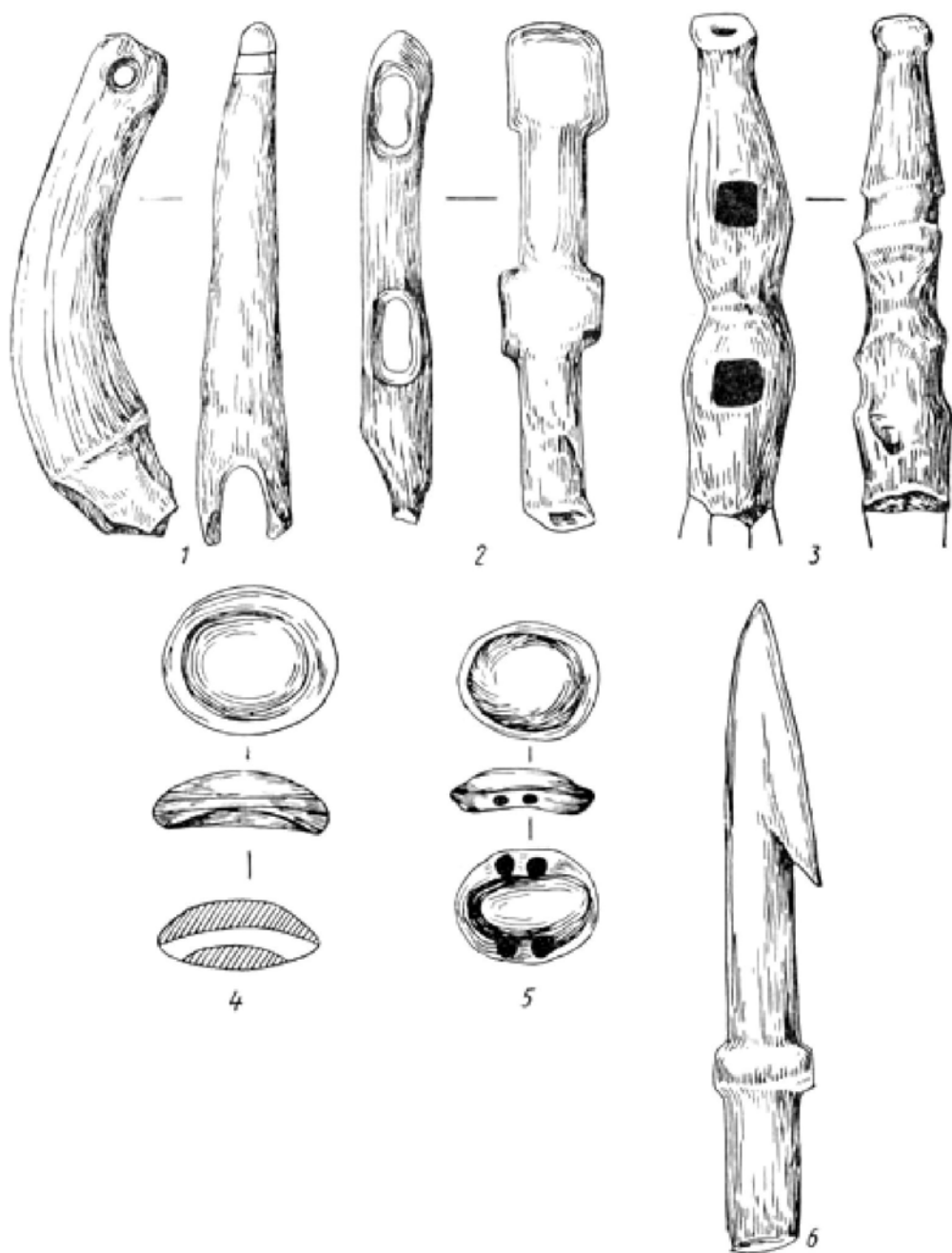

Рис. 120. Роговые псалии (1, 2, 3), бляшки (4, 5) и гарпун (6) Чернолесской культуры

Весьма большое значение имеет набор бронзовых блях и колец от узды в Бутенках при удилах и псалиях I типа, по А. А. Иессену. Там есть гладкие круглые бляхи, бляхи с крестовидным «солярным» орнаментом на поле и большие кольца с круглой подвижной привеской. Бронзовые удила и отчасти бляхи переходят затем в ранний скифский и меотский обиход. Бронзовая сложнопрофилированная бляха из Субботова и набор из Бутенок имеют несомненные параллели на Северном Кавказе. Оттуда они, вероятнее всего, и происходят.

С территории чернолесской культуры происходит несколько лунниц из бронзы, имеющих от 3 до 7 выпуклых кружков на поверхности. Подобные лунницы также входят в состав кавказских комплексов VIII — VII вв. до н. э. *Бронзовые* лунницы есть и в позднерубной культуре (например, из Большой Камышевахи). Их костяные образцы, одинарные и двойные, осложненные орнаментами, уже знакомы нам по кургану у с. Зольное в Крыму.

Украшения представлены довольно бедно, так как погребений известно мало, а на поселениях они случайны²⁷. Из головных украшений мы знаем только спиральные, свернутые из проволоки височные привески. В белогрудовское время это очень неплотная и довольно большая спираль с завитками на концах. В собственно чернолесское время — очень плотно скрученная плоская спираль с петелькой на свободном верхнем конце и с небольшой пластинчатой вставкой в середине. Вставная пластинка либо бронзовая, либо железная (Субботово).

Шейные украшения известны также в небольшом числе. Пока еще не найдены гривны, но по распространению их в лужицкой и раннескифской культурах можно предполагать, что со временем они будут найдены на белогрудовско-чернолесской территории. Спиральные биконические и цилиндрические пластинчатые пронизи, вероятно, составляли ожерелья. Впрочем, их могли нашивать и на одежду. Вероятно, к набору нашивных нагрудных украшений принадлежат также восьмеркообразные бляшки, вырезанные из медных пластинок. Их длина от 1,5 до 4,0 см; они состоят из двух кружков с выпуклостями посередине каждого. Бляшки прикреплялись шнурком за место соединения кружков, как видно иногда по следам потертости между кружками, и составляли более или менее плотные ряды.

К числу нагрудных деталей костюма относятся булавки. Самые древние из них (с кольцевидной головкой) известны главным образом из случайных находок. Они, конечно, еще белогрудовского времени. Только однажды такая булавка была найдена в раннечернолесской землянке у с. Андрусовка. Собственно чернолесскими являются булавки с полушарной или конической головкой, часто пустотелой, и с петелькой немного ниже головки. В течение всего времени, вплоть до скифского, бытовали булавки с одновитковой спиральной головкой. Как видно на примере глиняной литейной формы из Субботова, некоторые булавки нарочно отливали слегка согнутыми (рис. 121).

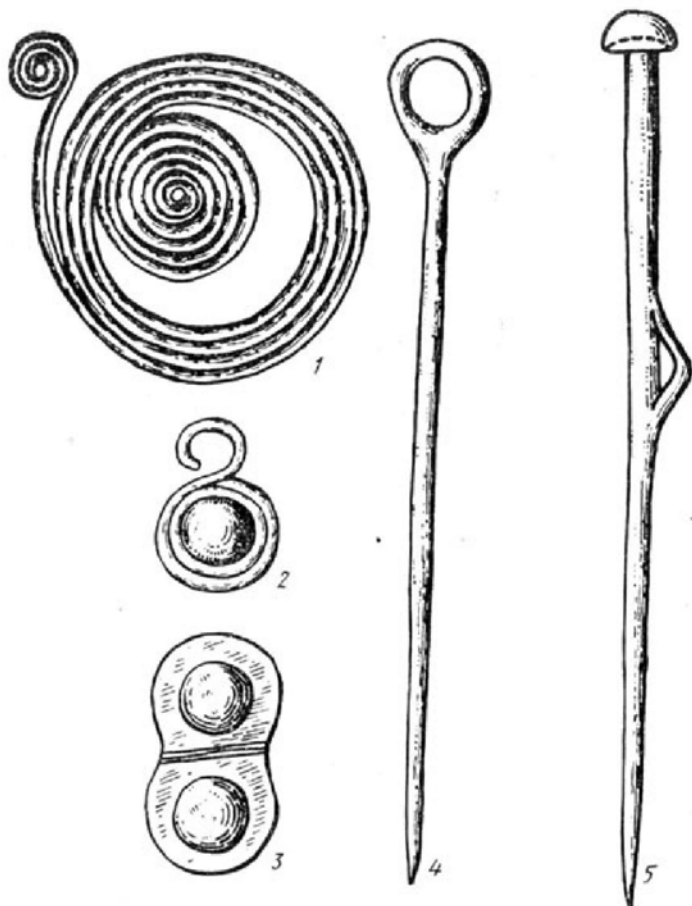

Рис. 121. Височные привески (1, 2), нашивная бляшка (3), булавки (4, 5) Белогрудовско-Чернолесской культуры

Фибул с территории белогрудовско-чернолесской культуры, кроме одной, неизвестно. Вероятно, этот вид украшения не был здесь сколько-нибудь распространен, как и в последующее, скифское время.

Не определено, к какой части украшения относятся пластинчатые привески в виде узких трапеций с загнутым в трубочку верхним краем. Известны 3 такие привески из клада на городище в с. Залевки на Тясмине. Они украшены мелким пунсонным орнаментом в три низбегающих ряда с тремя большими кружками внизу (рис. 122). Форма и орнамент этих привесок вполне сходны с гальштатскими, но у тех для подвешивания обычно служит дырочка наверху. Они подвешивались там на цепочках к фибулам, накосным пластинкам и ко множеству других украшений.

Особенно типичны для чернолесской культуры литые по восковой модели пластинчатые браслеты. Они широкие и массивные, обычно овальные, реже круглые. Как видно по форме и величине браслетов, их носили на плечевой части руки. Эти браслеты имеют замок, состоящий из отверстия или гнезда на одном и штифта на другом конце. Они покрыты очень богатым рельефным орнаментом в виде бегущей спирали и завитков, простых кружков, рубчатых поясков и т. п. (рис. 123).

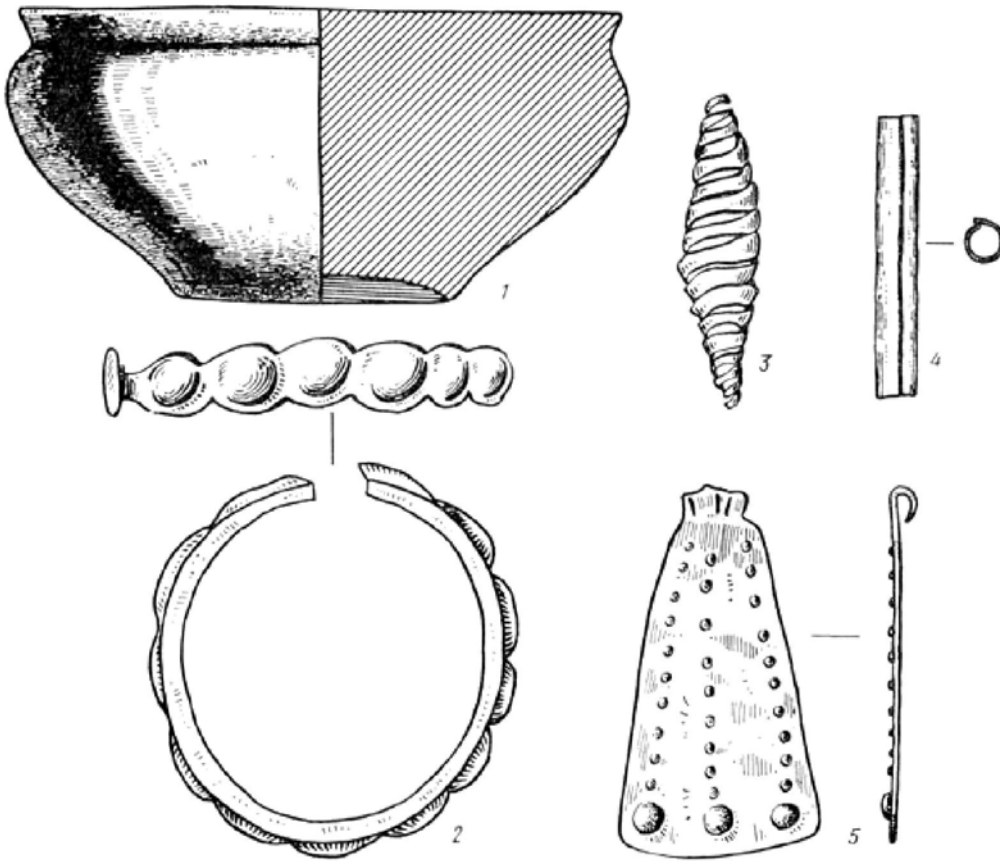

Рис. 122. Вещи Залевкинского клада 1 — миска, 2—браслет, 3, 4 — пронизи, 5 — подвеска (бронза)

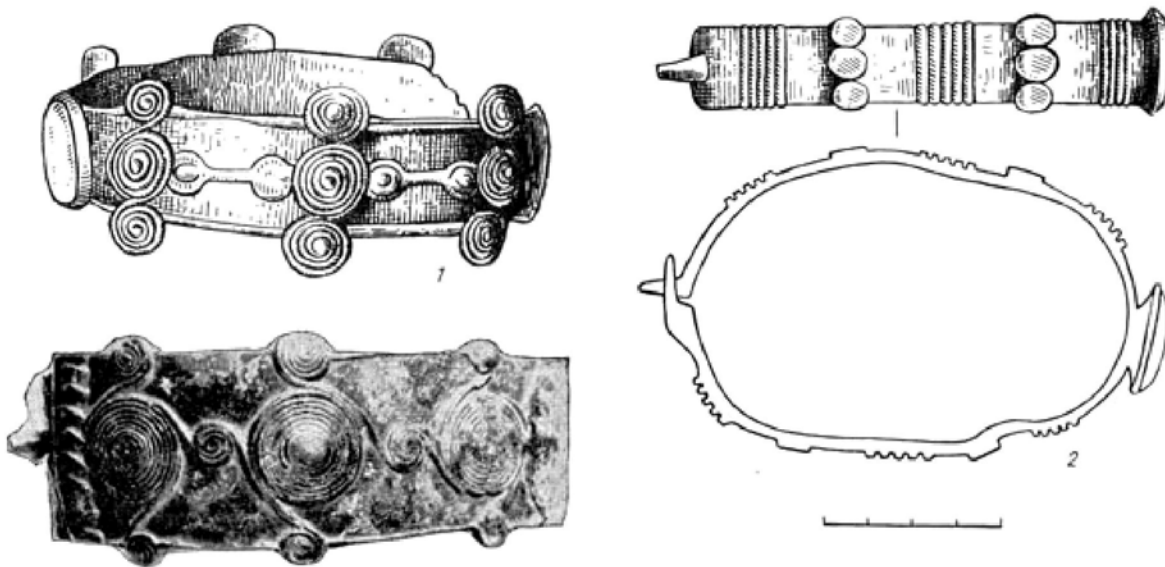

Рис. 123. Браслеты Чернолесской культуры

За пределами чернолесской культуры такие браслеты отсутствуют. Это самое типичное из чернолесских украшений, вероятно, не только женское, но и мужское. По крайней мере, 2 подобных браслета есть в погребении воина из Бутенок на Ворскле. На этом же примере, а также по двум кладам Субботовского городища, можно строить предположение о том, что такие браслеты носили по одному на каждой руке. В

Субботовском городище в составе небольшого клада украшений были найдены 2 спиральных пластинчатых браслета в 3 — 4 оборота, встречающиеся и в соседних культурах, в частности в лужицкой. В другом кладе, у с. Залевки, был найден бронзовый, типичный для позднего гальштата браслет, орнаментированный рядом выпуклых кружков. Таков набор чернолесских украшений, часть из которых, особенно наплечные браслеты, булавки с петелькой и густоспиральные височные привески, обычна для этой культуры, а остальные сходны с украшениями соседних культур. Характерно для комплекса чернолесских украшений отсутствие в нем фибул.

Хотя от белогрудовского этапа нет точных и сколько-нибудь полных сведений о железных изделиях, но, как мы помним, для этого времени прочно засвидетельствован сыродутный железный шлак из окрестностей с. Краснополка Винницкой области. Со времени перехода к чернолесскому этапу находки железных и бронзовых вещей идут бок о бок. Таковы бронзовый кельт и железное тесло из клада Субботовского городища, железные копья из Бутенок наряду с бронзовыми стрелами и бронзовыми удилами оттуда же, железные тесла с боковыми выступами, уже достаточно обильные железные ножички с разных городищ и случайно найденный, но вполне типичный железный кельт. Все это, безусловно, местной работы. Сыродутный процесс, судя по шлаку из Краснополки, бытовал здесь еще во время белогрудовской культуры. Для чернолесского времени он очевиден, но только по обильным изделиям из железа; следы же самого процесса пока еще не отысканы²⁸.

Бронзолитейное мастерство представлено несколько богаче²⁹. К белогрудовскому этапу и, может быть, к переходному времени относятся несколько каменных форм для отливки «киммерийских» листовидных кинжалов-ножей, крюкастых бронзовых серпов, кельтов позднесрубных или подобных им типов. К чернолесскому времени можно отнести ряд глиняных форм для отливки вещей с утерей восковой модели, а именно браслетов характерного чернолесского типа и булавок с петлей (рис. 124).

Рис. 124. Обломки литейных форм Чернолесских браслетов и оттиски с них

Эти литейные формы происходят приблизительно из одного и того же места на Субботовском городище, из его верхнего, собственно чернолесского слоя. Из других пунктов Субботовского городища происходят обломок массивного глиняного сопла, глиняная воронка и глиняные лодочкообразные льячки с носиком для вливания расплавленного металла в отверстия литейной формы. На Московском городище найдены обломки льячки с пустотелой ручкой. На Субботовском городище обнаружен глиняный сердечник для образования втулки в бронзовом кельте при его отливке.

Известны 3 клада бронзовых вещей, найденные в слоях, принадлежащих развитой ступени чернолесской культуры³⁰. В Залевках Смелянского района клад состоял из миски, кованной из медного листа, кобанских удил, трех привесок, браслета и трубочек-пронизей (рис. 122). Пестрота набора вещей в этом кладе говорит, вероятно, о том, что он весь должен был пойти в переплав. На Субботовском городище были найдены 2 клада. Один клад (пара спиральных височных привесок, цилиндрические пронизи, два спиральных браслета и многочисленные восьмеркообразные бляшки) лежал в сосуде. Это едва ли лом, а скорее набор украшений из бронзы, принадлежавший одному лицу и спрятанный как ценность. Другой клад состоял из двух наплечных чернолесских браслетов, бронзового чернолесского кельта с елочным орнаментом и железного тесла с боковыми выступами. Все 3 клада, как и литейные формы, указывают на обычность и разнообразие литейного дела в быту чернолесских городищ. Последний клад говорит, может быть, о мастере, одновременно делавшем орудия и украшения из бронзы и ковавшем изделия из железа.

Следы бронзолитейного дела встречены на нескольких городищах. Очень вероятно, что мастера литья имелись в каждом поселке. Возможно, и сыродутное дело было в тех же руках. Если судить по белогрудовским каменным и чернолесским глиняным формам, техника литья по восковой модели особенно распространилась в собственно чернолесское время. На первой стадии развития металлургии она находилась под более или менее сильным влиянием степных позднеархаических племен.

Кроме бронзы и железа для изготовления оружия, орудий труда, предметов сбрауи и украшений употребляли кость и рог. Найдены кости и особенно рога оленей со следами отрубания, отпиливания и резания. Есть «муфты» из оленьего рога для крепления каких-то орудий. Одна из них, с Субботовского городища, имеет вокруг круглого отверстия для вставления рукояти сложный звездообразный узор. Относительно много проколов, костяных стругов, наконечников стрел, псалиев, роговых мотыг. Мало известно наконечников гарпунов³¹. В целом число костяных вещей не очень велико: оно гораздо меньше, чем, например, у ранних скотоводов дьяковских городищ лесной зоны.

До конца белогрудовского этапа встречались каменные проушные клиновидные топоры и вкладышевые кремневые серпы с пильчатой ретушью.

Основой хозяйственной жизни носителей изучаемой культуры были земледелие и скотоводство³². Доказательства земледелия прежде всего в орудиях — это кремневые

пильчатые серпы, бронзовые крюкастые узкие серпы и серповидные секачи степных образцов для срезания кустов (рис. 125).

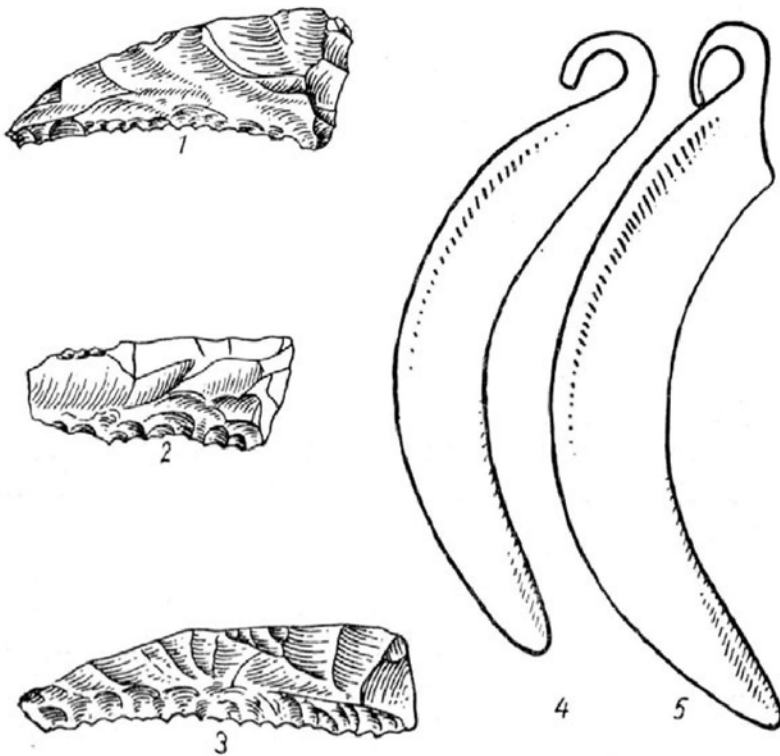

Рис. 125. Кремневые (1, 2, 3) и бронзовые (4, 5) серпы Белоградовско-Чернолесской культуры

В собственно чернолесское время, по-видимому, появились уже железные серпы, слабоизогнутые, с вертикальным столбиком на конце черешка. Один такой небольшой серпик был найден на Субботовском городище. С начала скифского времени такой тип серпов становится основным для всех культур скифского типа. По-видимому, все виды злаков, кроме разве ржи, уже выращивали. Об этом можно судить ретроспективно по данным скифского времени. Зерно растирали в муку на каменных зернотерках (30—35x15—20 см). Очень своеобразны терочки в виде узкого камня с висящими по бокам нижней плиты концами (рис. 126).

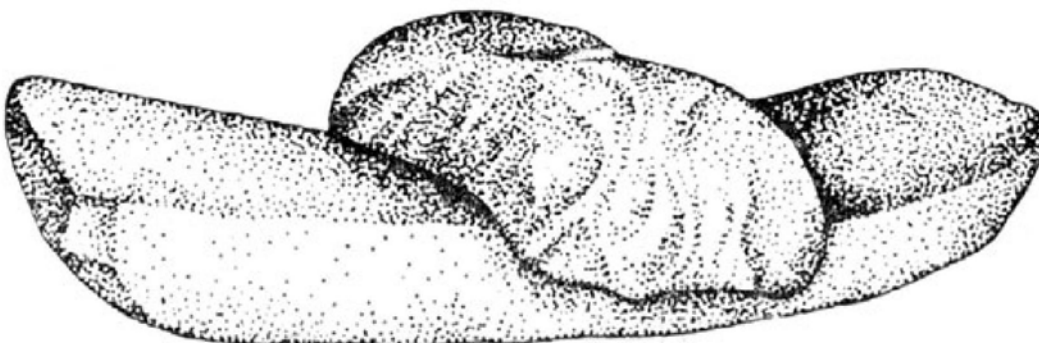

Рис. 126. Зернотерка с Субботовского городища

Было ли земледелие мотыжным или плужным? Мотыги известны в виде отростков оленьих рогов, железных тесловидных орудий с боковыми выступами и бронзовых то ли мотыг, то ли тесел с втулкой из двух сведенных вместе лопастей. Однако наличие в соседней лужицкой культуре и в ранних культурах скифского времени деревянных плугов «гальштатских» типов при очень большой близости по культурному облику поздней лужицкой и чернолесской культур заставляет предполагать существование у чернолесцев пахотного земледелия.

По данным с Субботовского и Чернолесского городищ, известно, что 49% стада составляли коровы, 24,4% — лошади и по 13,3% — мелкий рогатый скот и свиньи. Свиньи указывают на оседлый характер скотоводства. В чернолесском Поднепровье, как определяет *В. И. Цалкин* по материалам из поселения у с. Ленковцы, состав стада был количественно иной: 37% — костей быка и коровы, 30% — свиньи, 18% — лошади и 15% — мелкого рогатого скота. Скотоводство было оседлым, так как и здесь есть свиньи и притом в немалом числе.

Служила ли лошадь тягловой силой при пахоте или для этой цели применяли только волов, пока неизвестно. Но лошадь шла в повозки и под верх, как свидетельствует множество удил и псалиев. Погребение из Бутенок говорит о том, что символически, по числу удил, всадника-воина сопровождало до 6 коней. В обоих районах распространения культуры была известна какая-то порода собак. Уже на белогрудовском этапе встречены фигурки коней, быков, свиней и каких-то птиц из глины (Собковка). Известны они и в чернолесское время (Субботово). Каково бы ни было назначение этих фигурок, они — непосредственное отражение состава тогдашнего стада.

Охота при обильном и разнообразном стаде не играла сколько-нибудь заметной роли. На Собковском и Субботовском поселениях были найдены кости зубра и благородного оленя. Из Ленковецкого поселения известны кости оленей, кабанов и выдр. Рога оленя шли на изготовление псалиев, мотыг и еще кое-каких предметов.

О рыболовстве свидетельствуют находки двух костяных однотипных поворотного типа гарпунов очень тщательной работы. Один гарпун с Лубенецкого, другой — с Московского городищ. Московское городище можно отнести уже к самому предскифскому времени. Эти гарпуны по виду совершенно тождественны с обычнейшими гарпунами ранних лесных городищ Средней России, в частности дьяковских.

Чернолесский земледелец и скотовод был достаточно умелым плотником. Доказательством служат отличные колотые доски от облицовки стенок землянок в Андрусовке и на Тясминском городище, подпорные столбы жилищ в Субботове и клетки стен Тясминского и Калантаевского городищ. К сожалению, мы ничего не знаем относительно деревянной посуды.

Женщина несла вспомогательную, но большую работу в земледелии: конечно, мотыга, серп и зернотерка были преимущественно ее орудиями. На ней лежала обработка молочных продуктов и кож. Она ткала и шила.

При обработке кож и шкур для соскабливания мездры применяли струги, изготовленные из челюстей и ребер животных. После срезывания гнезд для зубов или грани ребра у них делалось туповатое лезвие. Этим орудиям много во все время существования культуры. Для сшивания кож и, вероятно, тканей применяли проколки. На белогрудовском и переходном этапах их делали чаще из тонких трубчатых костей. В чернолесское время их предпочитали выделывать из сколов больших костей или из рудиментарной локтевой кости лошади, так называемой «грифельной» косточки. Есть небольшие медные и железные шилья; для раскроя употребляли сначала бронзовые, а позднее железные ножи. Пряли при помощи веретен с пряслицем. В белогрудовское время пряслица изготовляли из спиленных сегментовидных верхушек плечевых и бедренных костей коров, лошадей и других крупных копытных или из глины; они имели усеченно-коническую, коническую и плоскую круглую форму. В собственно чернолесское время костяные пряслица окончательно исчезли. О форме ткацкого станка и глиняных или иных грузил к нему пока еще ничего неизвестно.

Познакомимся ближе с керамикой этой культуры³³. Глиняная посуда белогрудовского этапа представлена прежде всего тюльпановидными сосудами без орнамента или с гладким или реже расчлененным пальцевыми вдавлениями валиком на уровне плечика. Иногда концы валика не сомкнуты, а двумя усами свисают прямо или под острым углом вниз, в некоторых случаях концы заходят друг за друга. Под венчиком нередко проколы. Встречаются большие округлоплечие горшки с цилиндрической низкой шейкой. Поверхность обоих типов сосудов чаще сглажена рукой, реже залощена. Приземистые кубки с плоским или круглым дном, с цилиндрической шейкой имели иногда зубчатый орнамент по верхней части тулова. Узор состоял из горизонтальных поясков и зигзагов. Чашки в форме горшочка — черпаки — снабжены поднимающейся над краем и округлой наверху ручкой. Глубокие миски с отогнутым или срезанным краем по тулову имели угловатый излом. Кубки, чашки и миски нередко покрыты легким черным, серым и буроватым лощением. На Подолии нередко прямостенные горшки, близкие по орнаменту к тюльпановидным. Есть воронкообразные цедилки, покрытые сплошь отверстиями (рис. 127).

В землянках нижнего слоя Субботовского городища известны еще тюльпановидные горшки с гладким валиком. В этом слое растет число больших горшков с выпуклым туловом. Встречаются высокие яйцевидные или шаровидные кубки с цилиндрическим горлом и большие сосуды подобного типа, приложенные или хорошо лощеные. Один приземистый кубок был украшен строеными шишковидными налепами. Подобные кубки известны из срубных поселений на Нижнем Днестре. Была также найдена глиняная «жаровня» позднесрубного типа. Таким образом, этот горизонт близок по керамике как к белогрудовскому, так и к собственно чернолесскому. Подобные же явления наблюдаются и на селище у с. Яруга на Днестре.

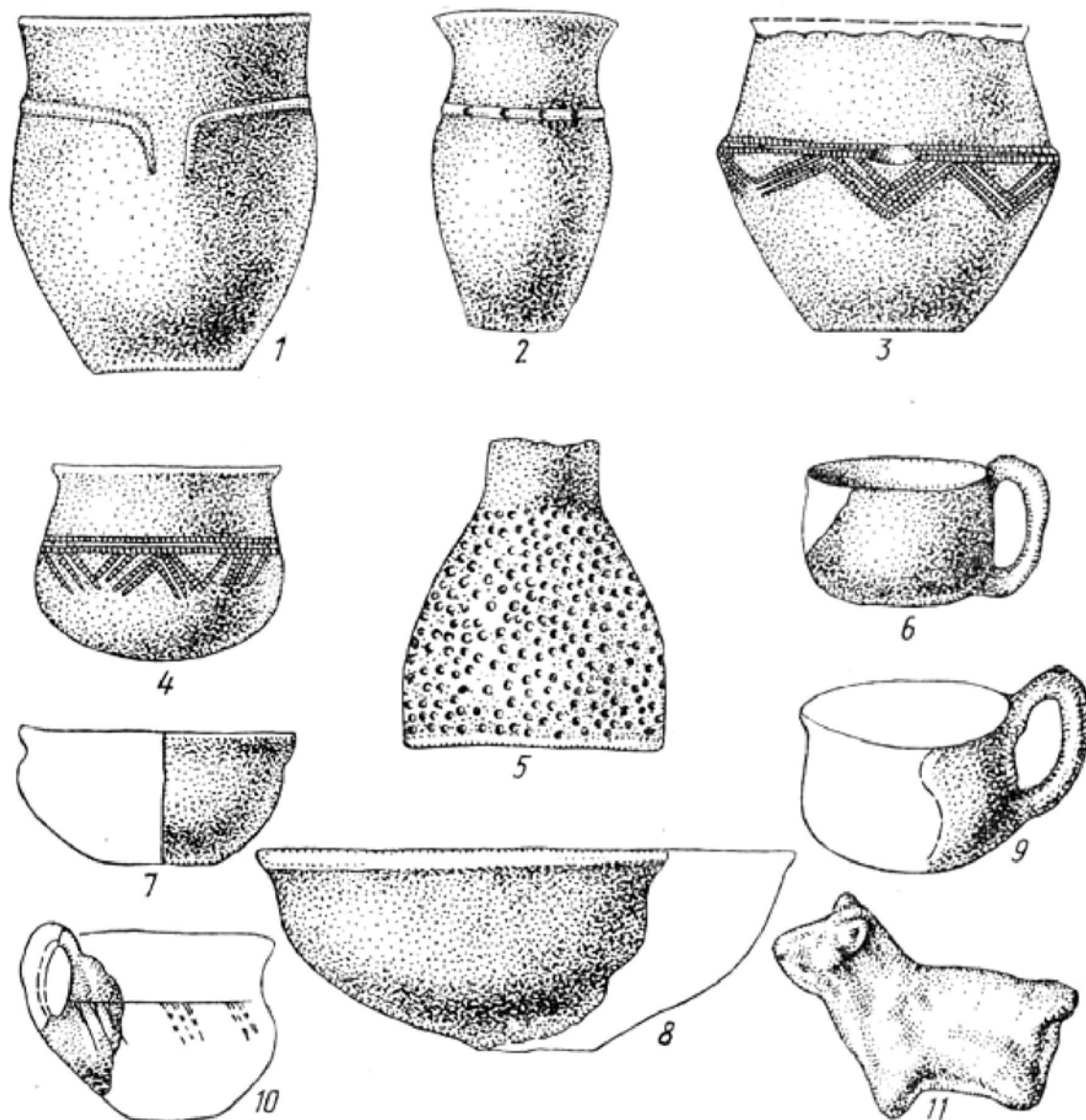
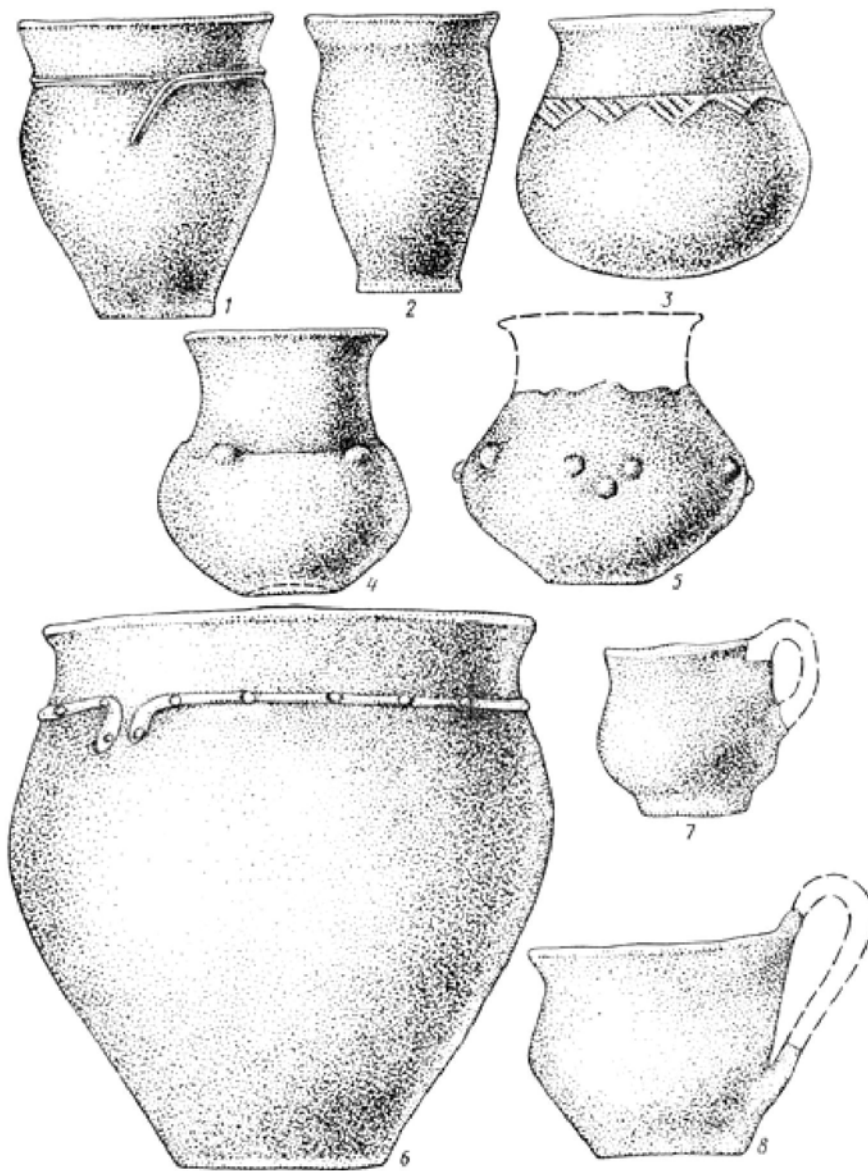

Рис. 127. Керамика Белогрудовского этапа 1, 2 — тюльпановидные сосуды, 3, 4 — кубки, 5—цедилка, 6, 9, 10 —черпаки, 7, 8 — миски, 11 — зооморфная статуэтка

Среди находок на Андрусовском селище есть довольно большой сосуд черного лощения с выпуклыми шишечками на плечиках. Его шейка цилиндрическая, корпус шаровидный, а в середине дна — вдавление для устойчивости. Подобный сосуд был найден на поселении позднеархаической культуры Бабино IV. Кубок с шишечками из Субботов а — малый вариант такого же сосуда (рис. 128).

На собственно чернолесском этапе из простых сосудов сохраняются тюльпановидные горшки с проколами под венчиком и валиками в основании шейки или несколько ниже. Валик обычно расчленен пальцем или палочкой. Есть и совсем гладкие валики. Появляются боченковидные сосуды как результат развития тюльпановидных форм в более приземистые также без ясно выраженного плечика и с очень низким горлом. Горшки эти продолжают жить и в скифское время. Появившиеся в земляночном слое Субботовского городища горшки с выраженным плечиком сохраняются и в позднейшее

время. Они украшены проколами под бортиком и пояском ямочных вдавлений по тулову.

Рис. 128. Керамика I ступени Чернолесской культуры 1, 2 - тюльпановидные сосуды, 3, 4, 5 — кубки, 6 — горшок с выпуклым туловом, 7, 8 — черпаки

Увеличивается число лощеных сосудов. Количество шаровидных и яйцевидных кубков значительно возрастает. Они часто покрыты не только зубчатым, но и резным орнаментом, состоящим обычно из пояaska по плечу и свисающих вниз заштрихованных треугольников. Применяется заполнение этого орнамента белой мастикой. Чашки с ручкой, то полушарные, то в виде низкого или высокого горшочка, хотя имеют чаще плавный перегиб ручки, возвышающийся над краем, но иногда на нем появляются невысокие выступы-конусы. Очень своеобразны появившиеся в самом конце существования культуры низкие лощеные стаканы, покрытые геометрическим орнаментом, заполненным белой пастой (Московское городище в устье Тясмина и курганы у с. Лука Врублевцевская на Днестре). У многочисленных мисок края прямые или слегка загнуты внутрь. Наконец, на этом этапе появляются биконические и грушевидные

сосуды вполне гальштатского образца. Их плечики нередко украшены сосковидными выступами, обрамленными снизу рядами углубленных полукружков. Налепы (полукруглые, продолговатые, подковообразные) украшают и огромные грушевидные сосуды, и кубки, и другую лощеную посуду. Подвергнувшись незначительным изменениям, позднечернолесская посуда почти полностью переходит в собственно скифское время (рис. 129).

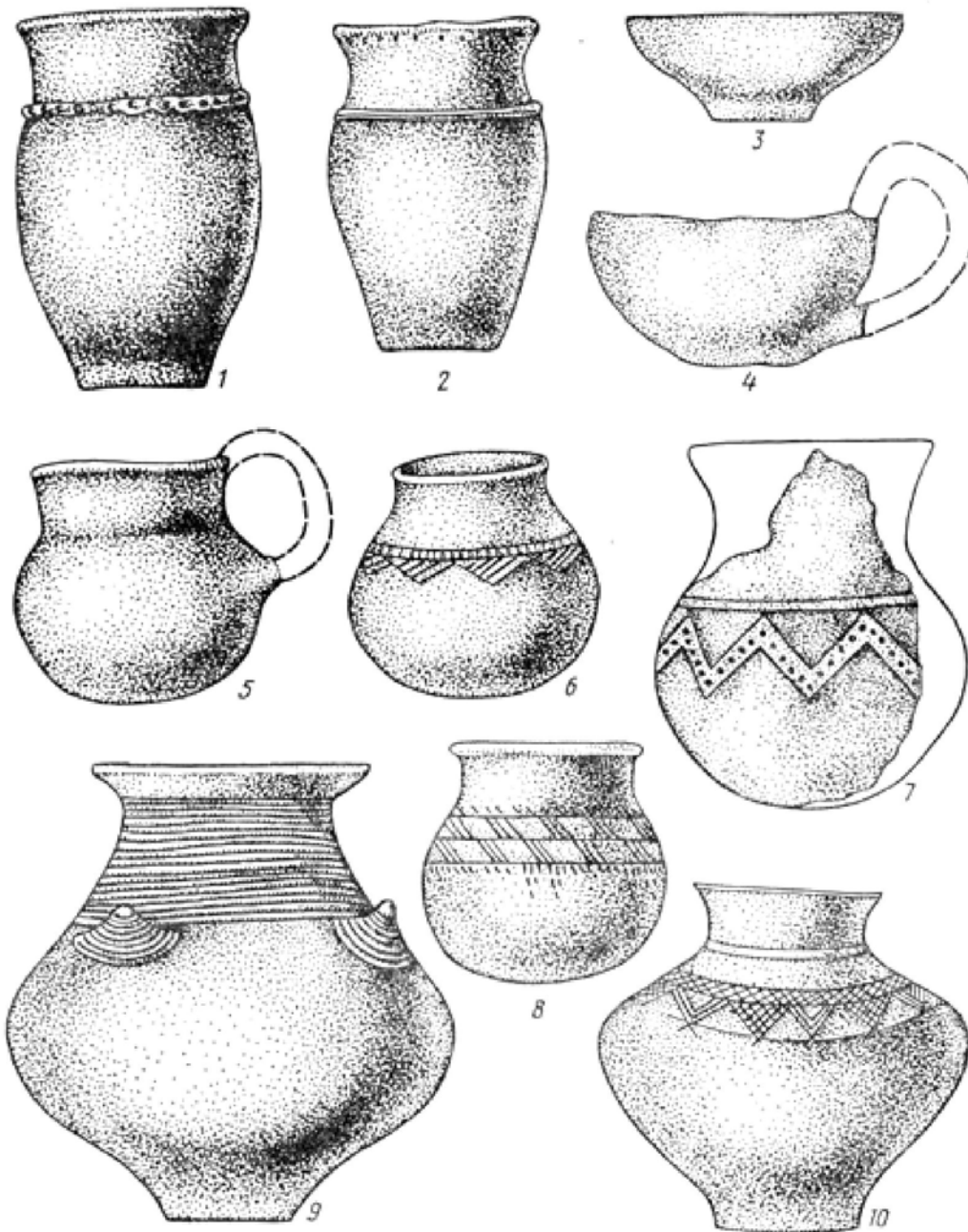

Рис. 129. Керамика II ступени Чернолесской культуры 1,2— тюльпановидные сосуды, 3 — миска, 4, 5 — черпаки, 6, 7, 8 — кубки, 9, 10 — корчаги

Еще в землянках поселения у Андрусовки несколько раз встречены конические или воронкообразные сосуды, у которых нет дна, а все тулово покрыто множеством круглых дырок. Эти сосуды рассматривают то как цеделки для творога, то как своеобразные жаровенки, под которыми могли сохраняться долгое время раскаленные угольки.

Появились они еще в Собковке и просуществовали до самого начала скифского времени. Они встречены на селище у Тарасовой горы на Тясмине, на Бельском городище на Ворскле, а также в гальштате и в лужицких городищах.

Металлическая посуда чернолесского времени известна пока только в одном экземпляре. В уже упоминавшийся Залевкинский клад входит выбитая из медного листа миска. Однако здесь бытовали и клепанные из полос бронзовые котлы на ножке, известные в поздней срубной культуре по Южному Бугу и Нижнему Днепру. Один такой котел был найден в Среднем Поднепровье, а другой — в Западной Украине³⁴.

Нетрудно увидеть, что, имея во многом сходство со среднеевропейской посудой, а именно в лощении, в некоторых орнаментах, в наличии мисок, чашек, кубков, «корчаг» керамика белогрудовско-чернолесской группы с самого начала самостоятельна. В ней было создано немало своих форм, и лишь в самых общих чертах она совпадает с гальштатской. В белогрудовско-чернолесской керамике нет сходства с лужицкими формами. Теперь на основании стратиграфии Субботовского городища нельзя более считать, как делали некоторые археологи, что белогрудовская стадия одновременна чернолесской. Хотя ее происхождение еще не вполне ясно, но связь с комаровской культурой вероятна. Во всяком случае чернолесская культура — прямой источник культуры скифской эпохи на территории Волыни, Подолии, Среднего Приднепровья и частично бассейна Ворсклы.

Еще в белогрудовское время степное воздействие в ряде форм бронзовых орудий, оружия и даже в единичных формах посуды указывает на проникновение в этом направлении влияний степных племен позднесрубной культуры. В свою очередь, под Никополем и даже южнее в погребениях степняков, хотя и единицами, попадаются чернолесские и подражающие им сосуды.

Костяные и бронзовые наконечники стрел и степные типы удил, существовавшие в Среднем Поднепровье в последний период чернолесской культуры, говорят о влиянии здесь военного дела степных племен. Набор удил и сбруи из Бутенок очень близок, прямо сказать, тождествен с северокавказскими наборами того же времени. Это свидетельствует о том, что степное начало усилилось, заносся сюда далекие кавказские формы быта. Этим же степным путем проникают сюда или, наоборот, расходятся отсюда биметаллические мечи с грибовидным навершием.

К концу VII в. до н. э. *степное* влияние в лесостепи усилилось настолько, что все оружие, все принадлежности сбруи, наконец, звериный стиль получили широкое распространение и здесь сложилась своеобразная культура жаботинского этапа. Эта территория зажила общей жизнью со степью, сохраняя самобытность в характере поселений, жилищах, в составе стада, деталях одежды, в керамике, в погребальных сооружениях и ритуале. Но настолько сильно было степное воздействие, что оно кроме чернолесской территории частично проникло к лужицким и даже гальштатским племенам. Начальным эпизодом степной экспансии было сожжение Андрусовских и Субботовского селищ. Появились городища-убежища, в которых мог временно

поместиться только разве небольшой род. В связи с этим первым вторжением возникли, вероятно, довольно обширные союзы чернолесских племен, превратившиеся затем в мощные политические образования скифского времени, оставившие Немировское, Матронинское и другие городища. Вероятно, вследствие этого в VIII в. до н. э. началось движение чернолесцев на левый берег Днепра, отразившееся в жилищах Хухринского селища, в поселении Ницаха в верховьях Ворсклы, в могиле одного из чернолесских воинов в Бутенках и, наконец, давшее расцвет новой культуре в огромном и своеобразном Бельском городище. Появление таких погребений, как в Бутенках, говорит о том, что с началом внешней угрозы стало развиваться всадничество — первый шаг к развитию аристократии, господствовавшей с начала скифского периода.

Самобытность чернолесской культуры по сравнению с лужицкой и гальштатской очевидна. Некоторые черты сходства объясняются только как результат взаимосвязей. Через днестровскую границу в южную зону белогрудовско-чернолесской культуры проникали отдельные собственно гальштатские предметы, но это небольшое и несущественное влияние.

Некоторые авторы склонны видеть в носителях чернолесской культуры южную группу древнейших славян. Этой точки зрения в особенности придерживается *А. И. Тереножкин*, который ставит дальнейшее развитие чернолесских племен в связь с зарубинецкой культурой, принимаемой многими за древне-славянскую. Но едва ли это построение можно считать вышедшим за рамки чистой гипотезы. *А. И. Мелюкова* отклоняет гипотезу *М. И. Артамонова* о фракийской принадлежности племен раннего железного века Подолии. Она устанавливает родство племен Подолии и Поднепровья, но не ищет в этих племенах обязательно предков славян³⁵.

КУЛЬТУРЫ НОА И ФРАКИЙСКОГО ГАЛЬШТАТА

В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ И МОЛДАВИИ

В лесостепной части Молдавской ССР, Черновицкой и Ивано-Франковской областях УССР открыты памятники, относящиеся к культуре ноа³⁶. Эта культура распространена в Румынской Молдове и в Трансильвании. Ряд поселений культуры ноа исследован по Днестру. В этих поселениях на площади от 0,75 до 2 кв. км встречается до 7 — 12 зольников от 10 — 15 до 40 м в диаметре при высоте 0,10 — 1,8 м. В плане они округлы или овальные. Кроме этих курганообразных насыпей бывают и зольные пятна. Примером может служить поселение у с. Гиндешты, раскопанное *А. И. Мелюковой*. Здесь в зольниках были встречены глинобитные круглые очаги, очаги на каменном поду, обломки очажной обмазки, множество костей животных. Поселение было окружено забором из разной величины камней, ничем не скрепленных, ширина забора до 1 м. Между двумя зольниками находилась ограда из крупных камней, поставленных на ребро в один ряд. Внутри нее заключалась площадь 8X7,20 м. Около зольников предполагают легкие, не оставившие следов жилища.

Керамика неравномерного обжига, желтоватая и желтовато-коричневая с примесью шамота. Это прежде всего слабо суженные вверху горшки преимущественно баночных форм с небольшим отогнутым бортиком, есть небольшое число горшков с заметно округленными боками, а также двуручные кубки и черпаки с невысокой ручкой. Украшения — гладкие налепные валики, иногда с усами. Есть воронкообразные сосуды с дырками по всей поверхности (рис. 130). Посуда культуры ноа встречается в древнейших позднесрубных, в белогрудовских и даже высоцких поселениях, указывая, по-видимому, на их самую раннюю ступень.

Рис. 130. Керамика культуры Ноа 1, 2, 3 — сосуды баночной формы, 4 — миска, 5, 6 — двуручные кубки

В Гиндештах много костяных изделий. Струги из челюстей и зубчатые «штампы» на сочленении лопаток крупных животных вполне совпадают с теми, которые очень свойственны поселениям начала позднесрубной эпохи, например у Сабатиновки и Ушкалки. Очень существенны находки наконечников стрел. Они сделаны из сколов крупных трубчатых костей. Все стрелы черешковые, по форме листовидные или веретенообразные. Встречаются разные костяные проколки и шилья из сколов костей. Есть подражание бронзовым булавам с четырьмя шпичками под головкой (рис. 131). Из бронзы сделаны четырехгранные шилья, булавы с одновитковой или кольцевидной головкой, булавы с головкой, имеющей круглые ушки по сторонам прорезного ромба, иголки с ушком. Есть пара небольших бронзовых серпов, один с отверстиями для скрепления с рукоятью. Очень интересна пара сечкообразных резчиков для кожи. В Гиндештах найдены примитивные фигурки свиньи и поросят (рис. 132).

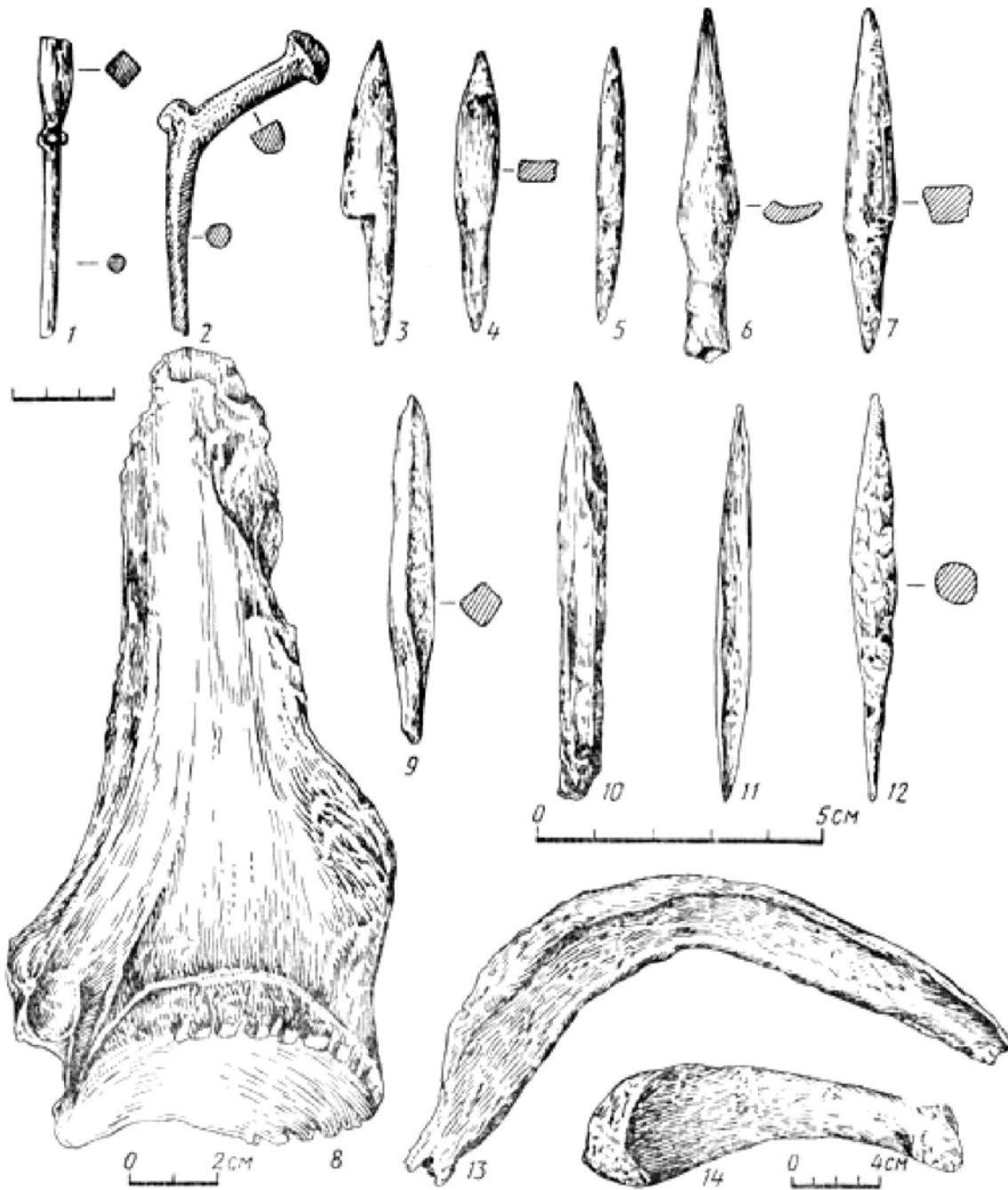

Рис. 131. Изделия из кости культуры Ноа 1, 2 — булавки, 3, 4, 5, 6, 7, 9 — наконечники стрел, 8 — зубчатый «штамп», 10, 11, 12 — шилья и проколки, 13, 14 — струги

В 10 км от Черновиц раскопано селище у с. Магала. Его нижний слой относится к культуре ноа. Селище является одним из самых северных памятников этой культуры. Здесь открыты остатки наземных жилищ со столбовой конструкцией. Из бронзы, соответствующих культуре ноа, найдены серпы семиградского типа, булавки с полушарной головкой и четырьмя выпуклостями немного ниже ее, а также некоторое количество керамики. В то же время есть и булавки с одновитковой головкой, и с кольцевидным навершием, то есть вещи, доживающие до таких памятников, как селище у с. Андрусовка. Следовательно, это вполне современный белогрудовскому этапу памятник, достигающий даже раннего чернолесского времени³⁷.

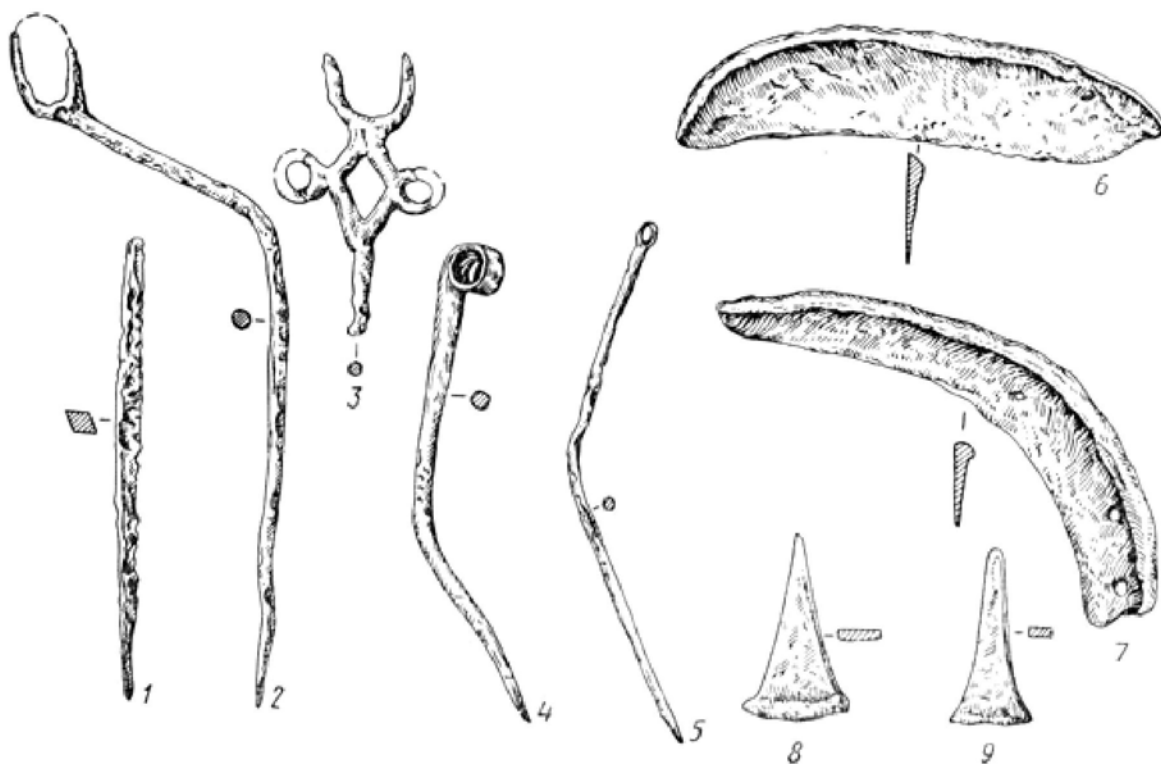

Рис. 132. Изделия из бронзы культуры Ноа 1 — шило, 2, 3, 4, 5 — булавки, 6, 7 — серпы, 8, 9 — сечкообразные резчики

Румынские ученые сначала датировали культуру ноа в пределах XI — IX вв. до н. э. Сейчас они переносят ее в XIII — XII вв. до н. э.³⁸. В первом случае она совпадает полностью с белогрудовским этапом и с первыми шагами поздней срубной культуры на западе Причерноморья. Если правильна вторая дата, то культура ноа захватывает только самое начало обеих этих культур. Но влияние культуры ноа, особенно на культуру сабашиновского этапа Северного Причерноморья, и их прочные связи несомненны.

В западной части Черновицкой, а также в Тернопольской и Ивано-Франковской областях памятники культуры ноа сменяет другая культура, получившая у польских археологов название голиградской группы памятников по месту раскопок Т. Сулимирского у с. Голиграды Тернопольской области. Она рассматривается как одна из групп фракийского гальштата. Со времени окончания Великой Отечественной войны экспедиции Института археологии АН СССР, Государственного Эрмитажа и местных музеев, особенно Львовского и Черновицкого, непрерывно пополняют сведения об этой культуре. Граница между голиградской группой памятников и чернолесской культурой не совсем ясна: она проходила приблизительно по течению Збруча. В основном памятники этой группы приурочены к IX — VIII вв. до н. э. и относятся ко времени белогрудовской и чернолесской культур³⁹. Более всего поселений открыто в западной части Черновицкой области. Есть сведения о небольших валах у нескольких поселений Черновицкой и Ивано-Франковской областей. Два из этих поселений, впрочем, оказались позднейшими славянскими. Однако на поселении у с. Городница Ивано-Франковской области оказался современный голиградской культуре совершенно затянувшийся ров до 3 м ширины и 1,1 м глубины и остатки какого-то легкого ограждения вроде частокола. Поэтому несколько

неубедительным кажется определение как открытых селищ тех поселений, которые расположены на малодоступных от природы мысах с крутыми склонами, как, например, поселение у с. Магала на мысу над долиной Прута. Разве не могли быть здесь укрепления вроде рва и тына, а то и даже типа клетей? Мы уже видели, что на чернолесских городищах валы или очень низки, или внешне совсем незаметны, так как их насыпали очень невысокими, потому что они составляли лишь основу деревянных стен⁴⁰.

Жилища были и наземными и углубленными. Землянки открыты Т. Сулимирским на поселениях у сел Голиграды и Новоселка Костюковская, но их формы не описаны. Неполные следы землянки овальной формы обнаружены на селище у с. Крылос Ивано-Франковской области. Гораздо обстоятельнее описаны жилища на селище у с. Магала. Устройство наземных жилищ здесь сходно с тем, что обнаружено в более раннем слое того же поселения. Эти жилища прямоугольны; их площадь, отмеченная ямами от столбов, 25 — 30 кв. м. В западной части в ямах располагались печи, сделанные на прутяном каркасе и обмазанные глиной. Обмазка печей частью обвалилась на дно, частью удержалась на стенках, на которых накопились уголь, сажа и зола. Яма для одной печи — вытянутый по широте овал, для другой — круглая. Одна из землянок была овальная, ориентированная с северо-запада на юго-восток (9X6x1,20 м). В ней вскрыто два наслоения пола. Обоим горизонтам соответствовали развалы глиняных на прутяном каркасе печей.

Встречены курганные и грунтовые погребения, принадлежащие голиградской культуре⁴¹. Они описаны в литературе очень суммарно. В кургане у с. Комарове в большой урне голиградского времени был найден пепел покойника. Но там же в насыпи обнаружены и обломки посуды собственно комаровской культуры. В грунтовом могильнике в с. Увисла Тернопольской области трупосожжения находились на глубине 0,60 м от современного уровня. Кальцинированные кости и пепел погребенных лежали в ничем не прикрытых урнах. В качестве урн в ходу были большие грушевидные и шаровидные сосуды, условно называемые «типа Вилланова». При урнах встречались бронзовые булавки, височные кольца или серьги, разные подвески и *т. п.* Связывать эти могилы с поселениями голиградской группы позволяет совпадение керамики.

Довольно много известно кладов⁴². Еще в 1878 и 1897 гг. при земляных работах был найден в два приема широко прославленный Михалковский клад золотых вещей из Тернопольской области. Кроме него известно несколько кладов бронзовых вещей. Из них особенно важен и известен клад у с. Грушка Ивано-Франковской области. Михалковский клад весил около 7 кг⁴³. В сохранившуюся часть этого клада входят главным образом золотые вещи: две диадемы с вертикальными зубцами в виде рогов-воллют; дуговидные фибулы с большим приемником, двумя пружинами и бусинами на спинке; зооморфные фибулы в виде лающих собак с выпуклыми дисками на боках, внутри которых изображены солярные знаки и трискелии из утиных (?) головок; большие четырехлепестковые розетки; круглые фалары с выпуклыми полушариками по поверхности; более 3000 золотых, стеклянных и янтарных бусин; разные сложные

пронизи от шейных украшений; браслеты с очковыми спиралями на концах; браслет с ажурным рядом крестов, обычных в кобанском орнаменте; четыре низкие чаши, одна из которых с овальными большими выпуклостями на корпусе; обломки и слитки золота (рис. 133).

Рис. 133. Михалковский клад золотых вещей 1, 2 — браслеты, 3, 4 — пронизи-бусы, 5 — бляха, 6 — фибула, 7 — диадема, 8, 9 — зооморфные фибулы, 10 — чаша

Это один из случаев накопления богатств в руках вождей, что уже давно стало обычным в Средиземноморье и на Дунае и только к концу гальштата В для лужицкой культуры и, как видим, для областей, соседних с киммерийцами и чернолесскими племенами. Такие клады хотя бы отчасти могли создаваться из местных изделий; об этом говорят слитки и лом в их составе. Часть вещей могла быть привозной. Основные типы Михалковского клада, особенно дуговидные фибулы, браслеты, фалары, гальштатские. Они датируют клад VIII — VII вв. до н. э. Иногда подобные клады связывают с вторжениями то скифов, то киммерийцев (Т. Сулимирский, А. М. Тальгрэн). Вернее, однако, видеть здесь лишь общую тенденцию к накоплению богатств в среде родоплеменной аристократии кельтских, фракийских и других племен предантичного времени, усиливавшуюся со все большим распространением транзитной торговли с югом и юго-востоком. Может быть, только городища бассейна Тясмина — единственный свидетель внешних набегов из степи в довольно глухие места Среднего Днепра.

Клад бронзовых вещей из с. Грушка⁴⁴, напротив, относится к более раннему времени этой культурной группы. В нем было 13 целых и 19 обломков кельтов, 17 целых и фрагментированных серпов, 1 нож, 2 целых и 2 поломанных копья, 3 обломка кинжалов, фрагмент меча, 4 целых браслета и 3 их фрагмента, 2 булавки, 6 спиралек, 2 бляхи, 13 обломков пояса, подвески, мелкие куски проволоки и 39 слитков бронзы весом 4,95 кг. Это, конечно, клад литейщика, назначенный в переплав. В его составе кельты и серпы венгерского и степного причерноморского происхождения. По времени он соответствует в основном белогрудовскому этапу.

Составить представление о голиградском оружии трудно, так как все оно происходит из кладов бронзолитейщиков и из случайных находок. Известны только бронзовые предметы вооружения. Вероятно, бытовало и железное оружие, но о нем пока нет данных.

Между тем некоторые культурные слои и погребения голиградских типов, несомненно, относятся к самому предскифскому времени, то есть к VII в. до н. э. Мы представляем поэтому воинов голиградских племен скорее в раннюю пору их бытования, чем в позднюю. Совсем ничего неизвестно о стрелковом деле. Обломки 4 мечей и кинжалов есть в кладе у с. Грушка, они представляют собой венгерские типы конца эпохи бронзы. Недалеко от Перемышля был найден короткий меч, прорезная рукоять и гвоздевидное навершие которого восходят к поздне-срубным, а клинок с расширением в середине — к гальштатским мечам. Близ Снятина, уже в Польше, найден «киммерийский» листовидный кинжал с черешком и упором. В наконечниках копий (клад у с. Олешев) наблюдается то же смешение форм поздней европейской бронзы и степных бронз поздне-срубного периода. Среди поздне-срубных типов наконечников копий листовидные на Среднем Днестре доживают до начала скифского времени, то есть до жаботинского этапа (например, курган № 344 у д. Ковалиха на Сухом Ташлыке, притоке Тясмина)⁴⁵. Ту же картину смешения можно проследить и на бронзовых кельтах. Так, например, из Грушковского клада происходит 10 кельтов с дугообразно вырезанным краем втулки, острым выступом с одной ее стороны и ушком с другой. Этот тип свойствен румынско-

венгерскому гальштату конца бронзового века. В том же кладе, однако, есть 2 кельты с овальной ровной втулкой, типичных для поздней срубной культуры Северо-Западного Причерноморья. Эти кельты были рабочими орудиями, но могли служить и в качестве оружия (рис. 134).

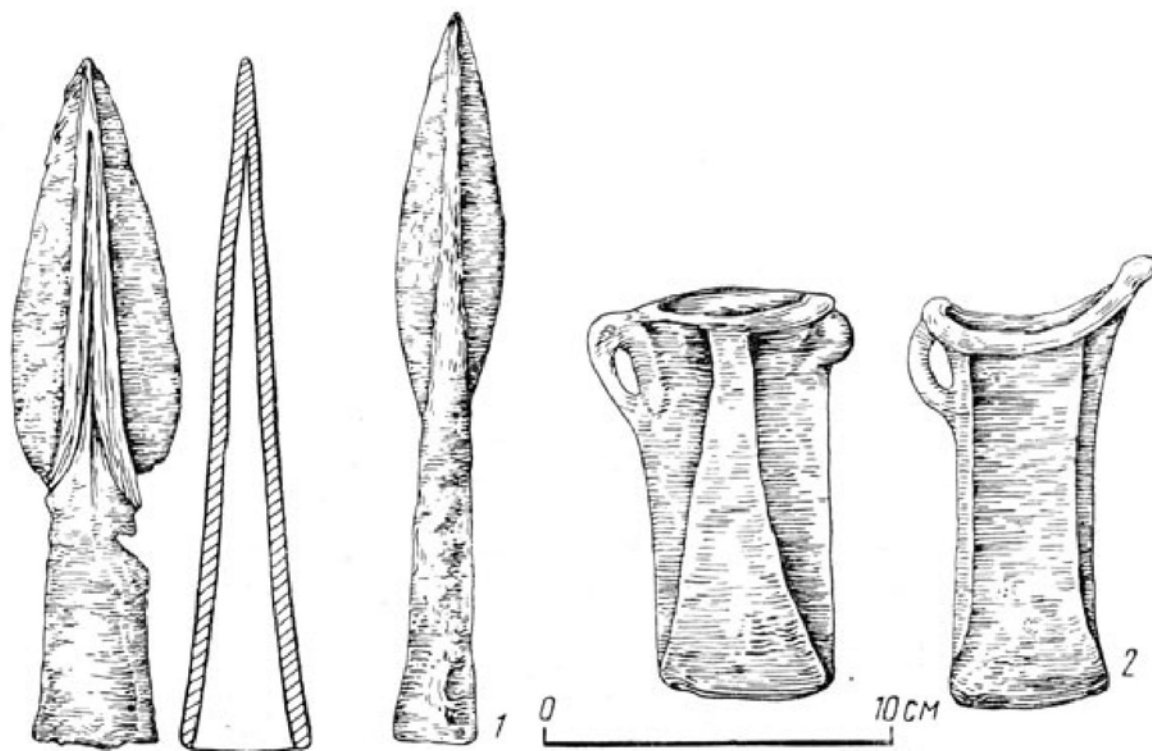

Рис. 134. Бронзовы наконечники копий (1) и кельты (2) Голиградской культуры

Среди вещей, найденных на территории голиградской культурной группы, из д. Кременная Хмельницкой области происходит протоэтруссский шишакообразный шлем, относящийся также к VIII — VII вв. до н. э.⁴⁶

Железное оружие, вероятно, здесь должно соответствовать позднему гальштату Венгрии, хотя вполне возможно и чернолесское влияние. Единственным достоверным орудием из железа пока что является железный ножик с выгнутой спинкой и узким черешком с поселения у с. Магала.

Был ли воин голиградских племен колесничником, как его однокультурный соплеменник с территории современной Венгрии? Может быть, но доказательств для этого пока нет. Конем он во всяком случае пользовался, по крайней мере, как верховым. Не один раз находили стержневые псалии со шляпкой на верхнем конце и с тремя отверстиями в виде трубок в стержне. Это достаточно типичная и знакомая нам для гальштата вещь, датируемая VIII—VII вв. до н. э. Около с. Залещики Тернопольской области найдены бронзовые удила с крупными неподвижными кольцами, самые обычные для венгерского гальштата в VIII и VII вв. до н. э.

Не слишком многочисленны, если не считать клада из Михалкова, украшения. Единственной находкой головных украшений является диадема Михалковского клада.

Оттуда же происходит шейная гривна гальштатского типа, золотые биконические и шаровидные сканные бусы. К нагрудным украшениям принадлежали подвески и бляшки. Вполне гальштатский облик имеют треугольные подвески с ушками и цепь из трех колец с проволочными привесками в виде утиных головок. Сюда же относятся круглые, а иногда двойные бляшки с ушком. Браслеты есть и гальштатских и лужицких типов. Первые гладкие и ребристые, вторые сплошь покрыты косыми и прямыми насечками. Золотые браслеты из Михалковского клада имеют концы в виде направленных в разные стороны очковых густых спиралей (рис. 135).

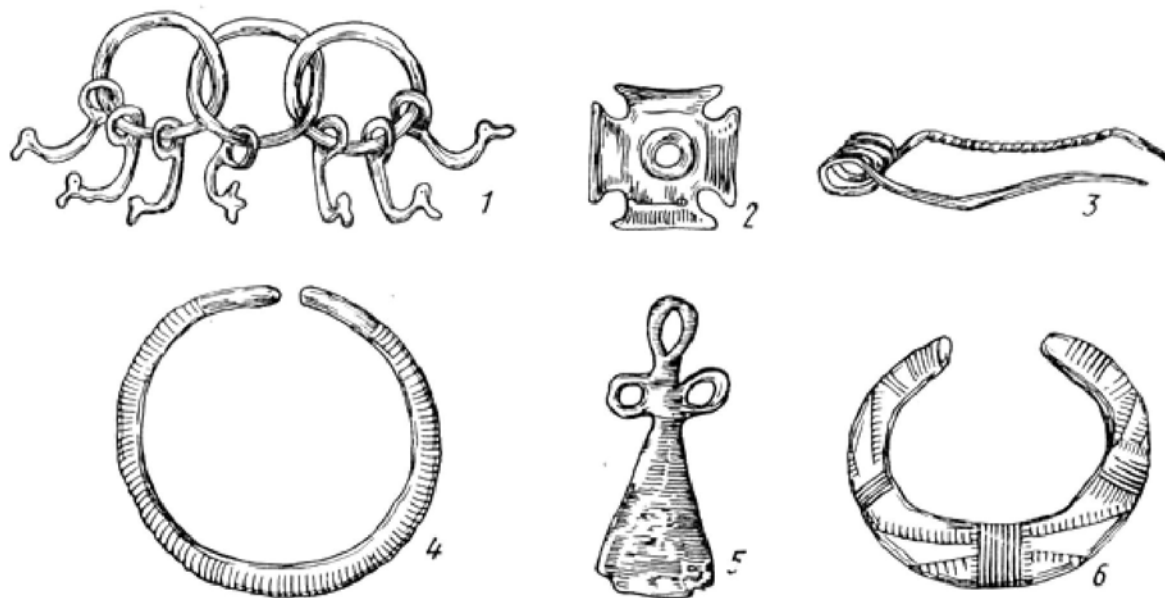

Рис. 135. Украшения Голиградской культуры 1, 5 — привески, 2 — бляшка, 3 — фибула, 4, 6 — браслеты

В противоположность чернолесской культуре голиградские племена применяли кроме булавок еще и фибулы. Булавки в раннее время имели разную форму. У них были конические, одновитковые и кольцевидные головки. Фибулы встречены ладьевидные, дуговидные и зооморфные (Михалкове). С голиградского поселения у с. Новоселка Костюковская происходит фибула с перекрученной ребристой вогнутой дужкой одного из италийских типов⁴⁷.

Совершенно очевидно, что описываемая культура была основана на земледелии и скотоводстве. Гальштатский характер ее позволяет предполагать пахотное земледелие. На территории голиградских племен встречены серпы из бронзы: с кнопкой у конца ручки, с выступом в плоскости серпа на границе ручки и рабочей части и с крючком (рис. 136). Первые два типа свойственны территории Венгрии и Румынии в конце бронзового века и принадлежат скорее к эпохе ноа, а последний встречается также и в начале железного века, причем он является одним из основных типов для Семиградья, срубной культуры и Северного Кавказа, но со своими местными вариантами. Позднейших серпов, особенно железных, пока что неизвестно.

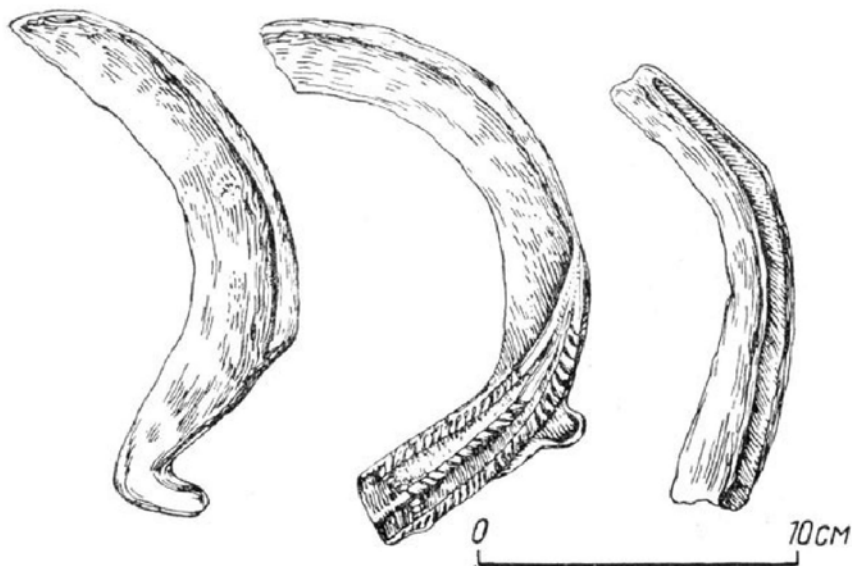

Рис. 136. Бронзовые серпы Голиградской культуры

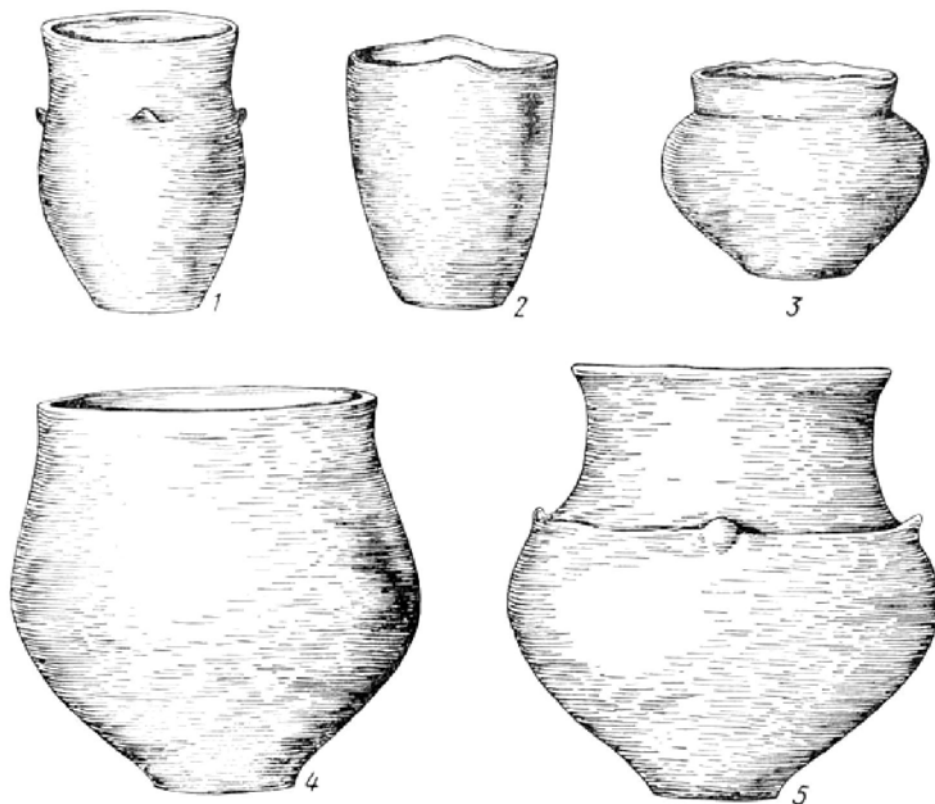
О черной металлургии нет никаких положительных сведений, хотя общее развитие голиградской группы заканчивается уже в пределах гальштатского железного века. Зато о бронзолитейном деле говорят многочисленные клады литейщиков. К их числу принадлежит и старейший из них Грушковский. В нем наряду с целыми еще больше изношенных и поломанных предметов. Может быть, правильно будет датировать этот клад IX — VIII вв. до н. э., хотя в нем есть вещи гораздо более ранние: все это вышедшие из употребления и подлежащие переплаву предметы.

Для домашнего труда продолжали изготавливать бронзовые четырехгранные и округлые в сечении шилья, а также иглы с ушком. Применение бронзы для кельтов и мелких инструментов продолжалось вплоть до VII в. до н. э., как это очевидно по их находке в верхнем слое поселения у с. Магала.

Большое место в быту занимала керамика. Из глины изготавливали плоские круглые пряслица и катушки, столь распространенные позднее у соседних племен скифского времени. Основная масса глиняных изделий — все та же посуда. В ней прежде всего сказываются отличия этой культуры от чернолесской, висоцкой и лужицкой. Простая кухонная керамика представлена горшками с боками, сильно раздутыми несколько ниже середины корпуса, с очень малым дном и широким устьем. Это — типичные гальштатские горшки. Сюда же относятся баночные горшки, часто с волнистым краем. Есть и сосуды, похожие на тюльпановидные, но с более отчетливым горлом. Под шейкой этих сосудов бывают конические выступы. Встречаются небольшие ручки-упоры. Поверхность таких сосудов шероховата, в их глине грубые примеси — крупный шамот, гравий и кусочки сланца.

Из столовой посуды очень распространены грушевидные, шаровидные и биконические сосуды с узким дном и высоким горлом, раздутые горшки с цилиндрическим горлом, чашки с небольшими ручками и глубокие миски с вертикальным краем. Глина этих сосудов хорошо отмучена и содержит только мелкую примесь шамота, песка или

дресвы. Поверхность столовой посуды обычно залощена до лакового блеска и имеет черный, желтый и даже розоватый цвета. Орнамент в виде шишечек на плечиках сопровождается густо идущими горизонтальными или вертикальными каннелюрами на горле и тулове. Последние чаще встречаются на небольших лощеных сосудах. Края некоторых лощеных мисок и чаш имеют волнистую, так называемую лепестковую отделку. В ограниченном количестве встречаются проникающие на голиградскую территорию чернолесские сосуды (рис. 137).

Рис. 137. Керамика Голиградской культуры: 1 — тюльпановидный сосуд, 2 — баночный сосуд, 3 — горшок с цилиндрическим горлом, 4 - горшок гальштатского типа, 5 — грушевидный сосуд с высоким горлом

Весь известный комплекс предметов голиградской культуры в основном явно гальштатский, близкий венгерскому его варианту. И в украшениях, и в посуде, и даже в оружии прослеживается влияние соседей, чернолесской и лужицкой культур. Однако совершенно ясно, что голиградские памятники можно рассматривать как северную окраину венгерского и семиградского гальштата. Как и во всем собственно гальштате, на голиградской территории чувствуется выделение слоя воинов, а грандиозный Михалковский клад говорит об огромных богатствах, сосредоточившихся к концу эпохи в руках племенной аристократии. Можно полагать, что в это время здесь начинают формироваться отношения, характерные для военной демократии.

Рассмотренная культурная группа часто именуется фракийским гальштатом. Этот термин возник у некоторых польских археологов, считающих, что в конце эпохи бронзы и начале железа из Венгрии сюда продвинулись фракийские племена, которые, по мнению Т.

Сулимирского, заняли здесь господствующее положение. Наши исследователи, особенно *М. И. Артамонов* и *А. И. Мелюкова*, склонны видеть в пришельцах гальштатское по культуре население, ассимилировавшее носителей местной комаровской культуры. Не ясно — было ли оно фракийским по языку или иным⁴⁸.

Изучение Молдавии этой же эпохи началось в основном с 1954 г.⁴⁹ К 1960 г. стало известно 6 поселений и могильник. Они содержали почти исключительно керамический материал. Поэтому дать представление обо всем составе материальной культуры предскифской Молдавии еще невозможно, хотя внешние связи молдавских племен доскифской эпохи могут быть в некоторой мере установлены.

Поселения IX — VII вв. до н. э. — это небольшие неукрепленные селища в несколько сот квадратных метров, расположенные на мысах или на берегах неглубоких оврагов. На селище у с. Шолданешты были открыты при раскопках остатки трех наземных жилищ, сильно испорченных распашкой⁵⁰. Стены их сооружали из круглых жердей диаметром в 3 — 4 см, которые обмазывали толстым слоем глины и затем обжигали, по-видимому, при помощи разводившихся вдоль них костров. По расположению обмазки стен установлено, что жилища в плане были прямоугольными и имели довольно большие размеры, а именно 8x8, 8x6 и 9,4x5 м. На земляном полу этих жилищ находились остатки печей, свод которых был сделан из глины на каркасе из довольно толстых, до 3 см прутьев. Однако сколько-нибудь точного представления о форме печей получить не удалось. Внутри домов и около них находились крупные ямы хозяйственного назначения. В одном из домов расчищена овальная вымостка (1,2x1,1 м) из каменных плиток, среди и возле которых обнаружено немного золы. Был ли это открытый очаг или жертвенник — неясно.

В 1 км от того же селища у с. Шолданешты обнаружен могильник без каких бы то ни было внешних признаков. Всего открыто 9 погребений: 8 трупосожжений и одно трупоположение. Последнее, принадлежавшее ребенку, было скорченное, скелет лежал на левом боку, головой на северо-восток. Стенки могильной ямы обставлены каменными плитами. Трупосожжения помещались в ямах глубиной около 0,5 м. Кости сожженных покойников складывали в большие сосуды и накрывали каменными плитками или мисками, 5 трупосожжений были одиночными. Одна из могил содержала 3 трупосожжения. Над некоторыми могильными ямами сделаны вымостки из камней, к нашему времени частично уже разрушенные. Инвентарь погребений Шолданештского могильника состоит почти из одних сосудов. Впрочем, среди кальцинированных костей найдено несколько мелких украшений, железные ножи, обломок бронзовых удил и глиняные пряслица.

Оружие отсутствует, конечно, случайно⁵¹. Из орудий известно несколько железных очень небольших ножей. Они с выгнутой спинкой и со слабо выделенным черешком. У одного но-жа острый кончик несколько приподнят, черешок пластинчатый в ширину всего лезвия, Этот тип ножа — один из вариантов весьма хорошо известных в гальштатской, лужицкой и чернолесской культурах. Рядом с одной из могил обнаружено звено

бронзовых удил с двумя кольцами на внешнем конце, обычных, как мы уже указали, для чернолесского этапа, I тип по А. А. Иессену (рис. 138).

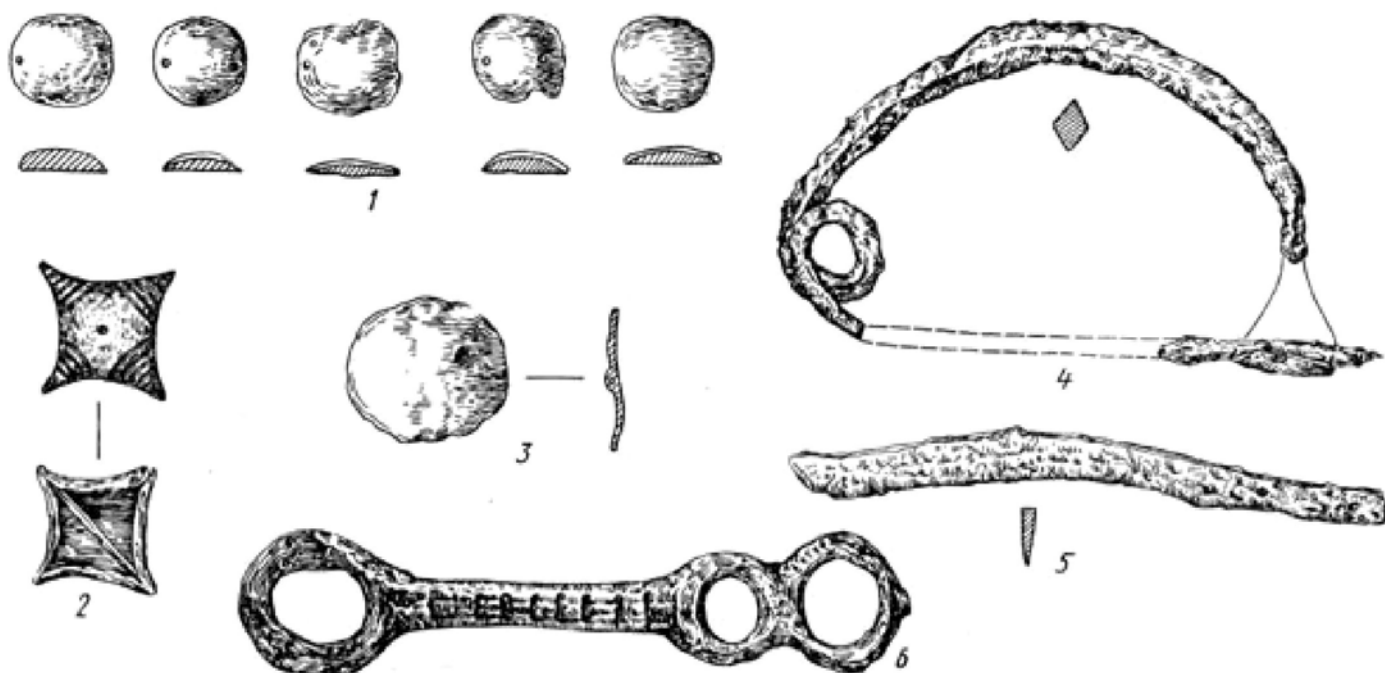

Рис. 138. Инвентарь из погребений могильника у с. Шолданешты: 1, 2, 3 — бронзовые бляшки, 4 — железная фибула, 5 — железный нож, 6 — звено бронзовых удил

На поселениях попадают кремневые отщепы и обломки пластин. Известен один кремневый наконечник стрелы из пластины с ретушью по краю. Из кремня изготовлены серпы обычной для белогрудовского этапа формы. Попадают шиферные оселки для точки ножей с отверстием для ношения. Очень малочисленны украшения. Изредка встречаются булавки из бронзы с биконической или петельчатой головкой. Найдены 2 железные фибулы с дуговидной спинкой и трапециевидным приемником, очень похожие на гальштатские или кобанские, главным образом бронзовые. В Шолданештском могильнике известны простые полушарные бронзовые бляшки с парой боковых отверстий для нашивки.

Керамика представлена большим числом форм, порой довольно своеобразных⁵². Наиболее распространенной формой кухонной посуды являются баночные сосуды значительных размеров. Они часто украшены расчлененными пальцем валиками под венчиком или посередине тулова; порой такие валики заменены рядами пальцевых вдавлений. На корпусе простых сосудов бывают горизонтальные ручки-упоры.

Довольно много лощеных или подлощенных черных и коричневых сосудов. Среди них кринкообразные сосуды с шаровидным, яйцевидным или приплюснутым корпусом, снабженным часто сосковидными налестками. Эти сосуды имеют обычно в середине дна полушарную вдавлину, сообщающую ему устойчивость. Такая форма проникает в чернолесскую и позднесрубную культуры. Впрочем, там она не слишком обычна.

В памятниках типа Шолданешты особенно многочисленны различные миски и кубки. Миски иногда имеют сильно отогнутый наружу край. Они очень глубоки и часто богато украшены. Встречаются менее глубокие миски с прямым или слабо загнутым внутрь краем, что соответствует уже позднечернолесскому времени. Известны кувшинообразные кубки с приземистым корпусом, небольшой петельчатой ручкой и высокой широкой шейкой. У этого типа корпус часто украшен вертикальными каннелюрами. Реже встречаются кубки с двумя выдающимися над краем рогатыми ручками. Оба типа идут с запада, с территории Румынии. Они проникли и в область распространения срубной культуры, достигнув единицами Нижнего Днепра (с. Кайры) (рис. 139).

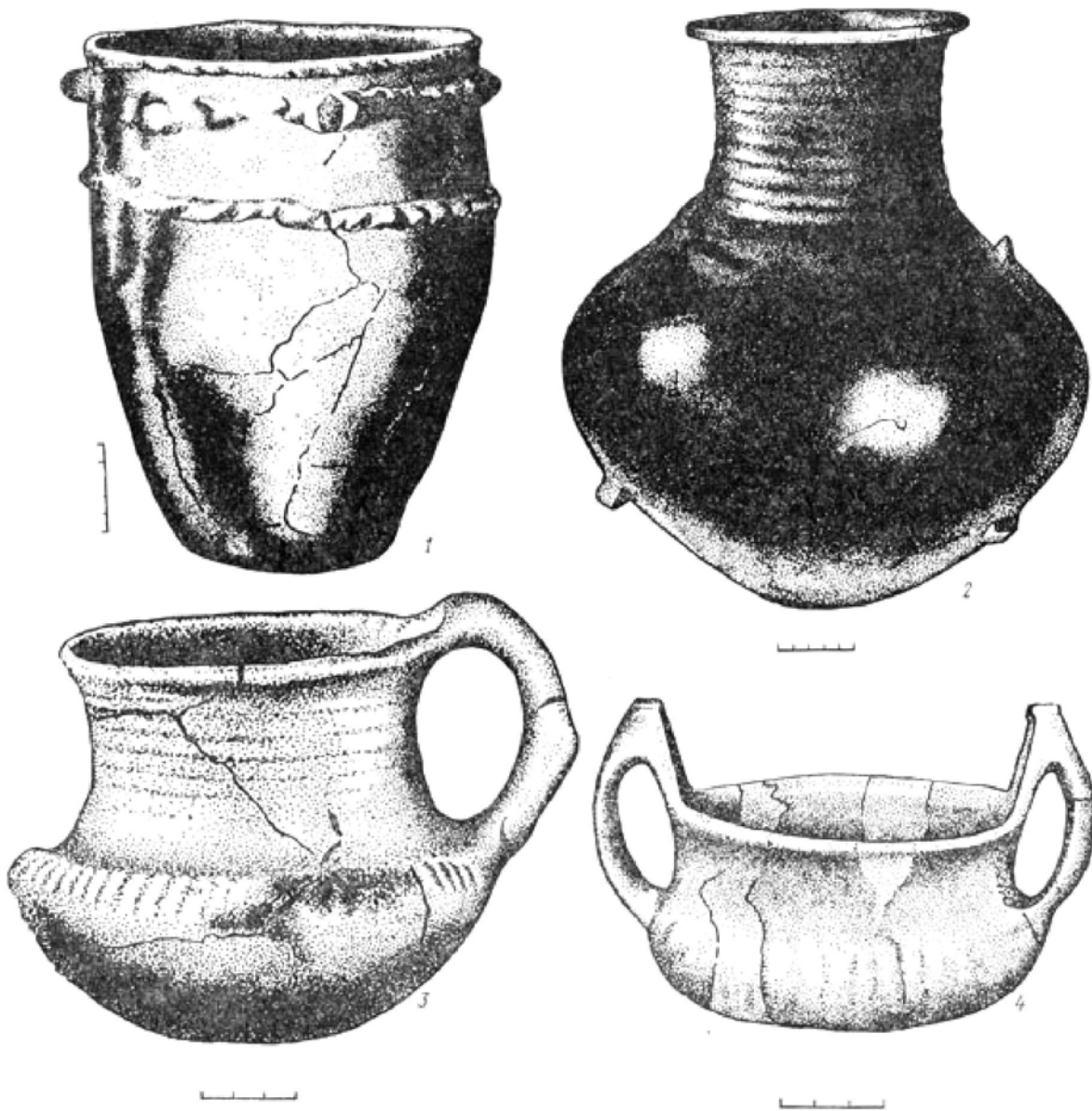

Рис. 139. Керамика с поселения у с. Шолданешты 1 — баночный оссуд, 2 — кринка, 3 — кувшинообразный кубок, 4 — кубок с двумя ручками

На керамике всех указанных типов очень распространен орнамент в виде горизонтальных или вертикальных сплошных широких каннелюр. Этим она напоминает фракийский гальштат Западной Украины. Но формы посуды здесь много разнообразнее. Из немногочисленных украшений фибулы также свидетельствуют о западном влиянии. Форма же удил, напротив, связывает памятники типа Шолданешты с соседней чернолесской и позднегрубной культурами. К западу тянет и погребальный обряд Шолданештского могильника. Он обычен для Карпато-Дунайского района, начиная с эпохи бронзы, хотя припрутскому гальштату Румынии свойственны скорченные трупоположения. Совершенно сходные с Шолданештским могильники присущи также и венгерскому галыплату. Итак, по керамике, некоторым металлическим вещам и погребальному ритуалу предскифская культура лесостепной Молдавии — еще один выход гальштатской культуры на территорию Советского Союза.

В 1956 г. А. И. Мелюкова частично раскопала поселение близ Кишинева. Здесь обнаружены остатки наземных жилищ и землянки. На поселении много вещей, в частности типичной гальштатской посуды, украшенной горизонтальными и вертикальными каннелюрами. Встречаются налепные валики, гладкие, по типу сосудов культуры ноа, с насечками или пальцевыми вдавлениями, как в сабашиновской керамике. Есть ручки с выступом на сгибе в духе черпаков ноа. Обнаружены роговой псалий со шляпкой и продолговатыми отверстиями в одной плоскости и проколка. Встречен бронзовый кинжальчик с плоским черешком одного из позднегрубных типов, известного, в частности, в Широкой могиле близ Большой Лепетиhi. К находкам из бронзы относятся еще двусторонняя пилка и изогнутая пластина для обработки дерева. Они тоже напоминают о культуре галынтата А и В. Следовательно, размах этого поселения во времени довольно велик: думается, от XI до IX (может быть, VIII) в. до н. э.⁵³ (рис. 140).

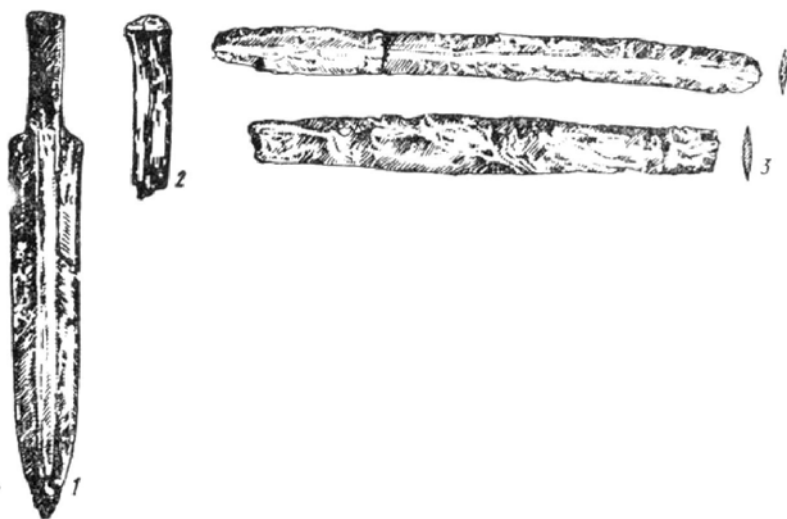

Рис. 140. Находки с поселения близ Кишинёва 1 — бронзовый кинжальчик, 2 — обломок костяного псалия, 3 — бронзов пилки

Находки на поселениях молдавского гальштата зернотерок, больших сосудов-хранилищ, серпов из кремня и отпечатков соломы в обмазке стен говорят о земледелии. По В. И. Цалкину, среди костей здесь преобладают кости домашних животных. Более половины

их принадлежит крупному рогатому скоту. Наряду с этим есть кости лошади, мелкого рогатого скота, свиньи и собаки. Охота имела, несомненно, очень малое значение. До сих пор известно лишь несколько костей благородного оленя и кулана.

Наличие биконических пряслиц из глины и проколов из кости — слабое свидетельство прядения, ткачества и шитья одежд.

Хотя нет еще непосредственных следов местной металлургии, но по находкам отдельных украшений и орудий из бронзы и железа ее следует предполагать. В этой связи упомянем клад из урочища «Ла Хыртопе» у с. Валя Русулуй Фалештского района⁵⁴. Он состоит из целых вещей и лома, вероятно, предназначенного для переплавки. Особенно важен бронзовый (в обломках) меч, рукоять которого завершается антеннами, а клинок имеет в середине расширение. Есть в кладе 4 кельта семиградского и венгерского типов, спирали от очковых фибул и *т. п.* Все это в целом должно датироваться гальштатом А и В, то есть концом II и первыми тремя веками I тысячелетия до н. э. Клад важен прямыми связями с дунайской гальштатской культурной группой. Он же свидетель бронзолитейного дела и воинственности носителей молдавского варианта этой культуры.

По керамике видно, что здесь, как и в западной части Поднестровья, — вариант настоящего гальштата, но иной, чем в голиградской культурной группе. В скифское время здесь, по-видимому, жили геродотовы агафирсы, культура которых генетически связана с доскифским гальштатом Молдавии⁵⁵.

КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО

ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

В своем движении с Нижней Волги срубная культура проникла на Харьковщину, где она была открыта, как мы уже говорили, В. А. Городцовым в пределах бывшего Изюмского уезда, на границе лесостепных и степных районов. Здесь он проследил дальнейшее развитие срубной культуры в так называемых погребениях в насыпи и на горизонте. Он раскопал в этом районе несколько десятков курганов с погребениями этой культуры и там же обнаружил одно из относящихся к ней поселений. Далее на север курганы срубной культуры встречены по притоку Северского Донца Осколу в пределах бывшего Куляпского уезда. Еще севернее, на Ворскле, известны курганы того же типа у д. Кирьяковка и в урочище Таранов Яр, несколько южнее Полтавы у с. Мачуха⁵⁶. На Бельском городище в слоях VI в. до н. э. найдено довольно много экземпляров чисто баночных горшков, буквально повторяющих позднесрубные типы. Совсем уже к северу, в бассейне Сулы, баночные сосуды срубных типов доживают до скифского времени в курганах, а на Басовском городище и в некоторых курганах той же эпохи изредка встречаются пережиточные экземпляры острореберных горшков срубного образца. Так или иначе есть указания на то, что пережитки срубной культуры, хотя бы в керамике, в малой степени прослеживаются у племен по лесостепным притокам Днепра и в бассейне верхнего течения Северского Донца в эпоху, соответствующую первым двум столетиям

существования «скифских» культурных форм. Особенно этим вопросом занимался *И. Ф. Левицкий* на материале древнего поселения у станции Мерефа под самым Харьковом. Он решительно утверждал, что на этом поселении перерастание срубной керамики в скифскую, постепенное и очевидное, прослеживается шаг за шагом. Впрочем, это построение в основном типологическое: отчетливой стратиграфии в Мерефе не наблюдалось⁵⁷.

В. А. Городцов писал: «Имеются признаки, указывающие на то, что народность, хоронившая покойников в насыпях и на горизонте, оставалась на берегах р. Донца до вторжения греко-скифской культуры и позже восприняв последнюю»⁵⁸.

С 1951 г. начались охранные раскопки по Донцу в районе Изюма, а с 1955 г. — по р. Осколу в различных урочищах. В ходе раскопок в этих местах, а также по течению Ворсклы, от верховий до окрестностей Ахтырки и Бельского городища, была открыта неизвестная ранее культура, получившая название бондарихинской, по первому месту ее раскопок у с. Бондариха на Северском Донце близ

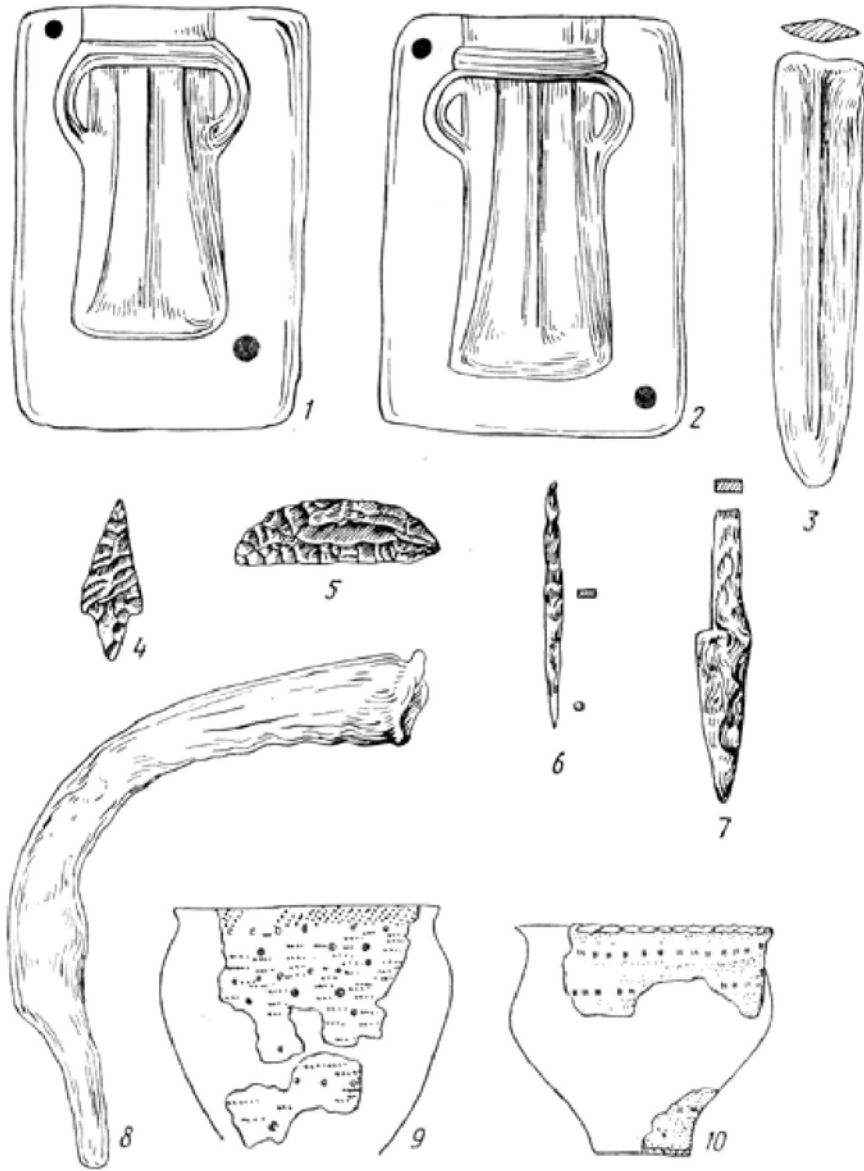
Изюма⁵⁹. Хронологические рамки этой культуры определяются тем, что на ее селищах встречаются поздне-срубные литейные формы и предметы из железа и бронзы: каменные формы для кельтов с овальной втулкой и одним или двумя ушками, обломок бронзового кинжала с ребром, напоминающего одну из срубных форм, обломок литейной формы для листовидного кинжала с упором под черешком. Есть также несколько железных вещей: четырехгранное шило по типу бронзовых поздне-срубных (селище у с. Бондариха) и железный ножик (селище у с. Оскол) с изломом -горбиком на границе черешка и треугольного клинка. На этих поселениях встречаются кремневые серпы типов, свойственных белогрудовской и ранней чернолесской культурам, а также поселениям сабатиновского этапа поздней срубной культуры в степном Поднепровье (рис. 141).

Наконец, среди керамики попадаются воронкообразные сосуды с множеством круглых отверстий в стенках; такие сосуды известны в ранне-чернолесское время (Андрусовка) и живут, по крайней мере, до конца VI в. до н. э. (Западное Вельское городище). Итак, бондарихинская культура начинается вместе с поздне-срубной и белогрудовской культурами, то есть где-то на рубеже II и I тысячелетий до н. э. *Конец* бондарихинской культуры определяется тем, что на двух селищах ее по течению Ворсклы (у сел Хухра и Ницаха) бондарихинским слоем подстилается чернолесский. Однако такая смена культуры наблюдается только на Ворскле, куда в конце VIII или в начале VII в. до н. э. *проникли* племена чернолесской культуры. К северу от Ворсклы и к югу от нее проникновения чернолесской культуры не произошло. Это в некоторой степени сказалось на развитии культуры скифского времени.

Вопрос о происхождении бондарихинской культуры ставится открывшими эту культурную группу украинскими археологами так, что в ней видят производное от культуры типа Марьяновского поселения на Сейме. Эту культуру относят уже ко II тысячелетию до н. э. Для нее обычны сосуды, у которых прямые вверху стенки сужаются

от середины тулова к узкому уплощенному донышку. Поверхность таких сосудов сплошь покрыта горизонтальными рядами круглых ямок, чередующимися с рядами косо поставленных то влево, то вправо оттисков гребенчатого штампа. Форма и орнаментика этой посуды в целом близки ямочно-гребенчатым сосудам поздних неолитообразных культур бронзового века в лесной полосе по Оке и Волге.

Рис. 141. Предметы с поселений Бондарихинской культуры: 1,2 — литейные формы кельтов, 3 — бронзовый кинжальчик, 4 — кремневый наконечник стрелы, 5 — кремневый вкладыш серпа, 6 — железное шило, 7 — железный нож, 8 — костяной струг, 9, 10 — керамика малобудковского типа

В керамике собственно бондарихинских типов намечается как бы две ступени развития. От Сейма и Сулы (например, с. Малые Будки) до Донецкой области (селища № 2 и 5 у с. Студенки) известны поселения, получившие название памятников малобудковского типа с генетически более ранней, чем бондарихинская, посудой. Это открытые горшки с широким устьем, с совсем не намеченной или едва выделенной шейкой и плечиками. Наибольшая ширина сосуда приходится около середины корпуса. Диаметр устья почти

равен высоте сосуда. Днища значительно меньше устья и имеют выступающую закраинку. Есть, впрочем, сосуды и более стройных пропорций. Сосуды сплошь орнаментированы. Их поверхность часто заштрихована зубчатым штампом. По этому фону горизонтальными рядами или без определенного порядка нанесены круглые, треугольные или прямоугольные ямки, сделанные палочкой или щепочкой. Другой орнамент — ряды отпечатков зубчатого штампа — иногда перемежаются с поясками ямок (рис. 141).

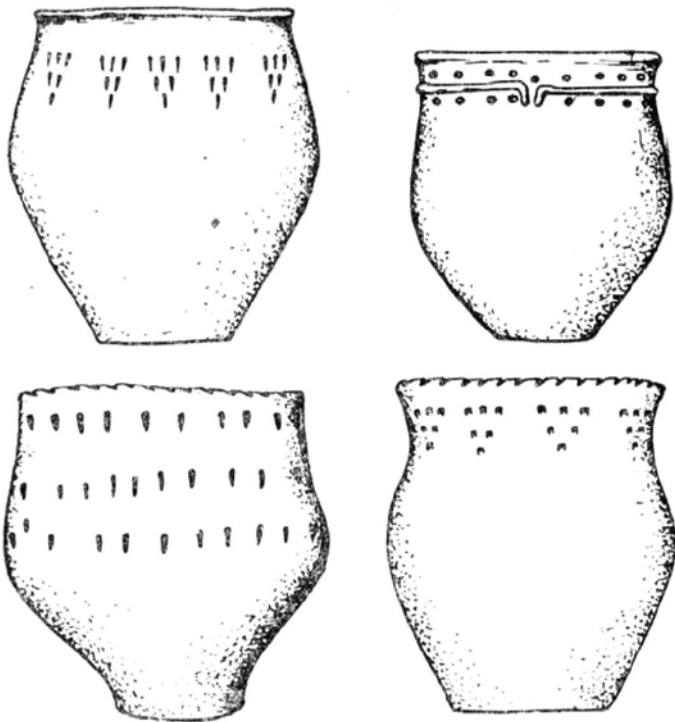
Керамика собственно бондарихинских типов, развившихся из малобудковских, занимает, в общем, ту же территорию. Ее формы характеризуются новыми признаками. Горшки с широким устьем и узким дном получили более выработанные бортик и шейку. Бока стали несколько выпуклее. Из более высоких горшков развилась вторая форма. Это довольно стройных пропорций сосуды, у которых дно по диаметру составляет половину устья. Тулово этих сосудов плавно переходит ко дну. Фон из штриховки и отпечатки гребенчатого штампа почти исчезают. Орнамент в виде ямок из отпечатков круглой палочки или щепочки образует, на верхней части сосуда два-три опоясывающих ряда или ряд перевернутых вершинами вниз треугольников. Есть отпечатки ногтя, ямки от пальца, кое-какие сложные узоры. Среди сосудов попадаются баночные, но очень редко. Появились налепные валики, гладкие и расчлененные, а также выпуклости на корпусе. В ограниченном количестве встречены лощеные сосуды. Например, на селище у с. Оскол найден биконический рыжеватого цвета сосуд с тремя валиками на наиболее широком месте корпуса и небольшой кубок с цилиндрическим горлом и шаровидным дном, но без орнамента⁶⁰. Г. Т. Ковпаненко обнаружила на Ворскле у с. Хухра жилище с бондарихинской посудой, среди которой были встречены чуждые этой посуде орнаменты. Это — валики с усами и наколами под ними и над ними, свидетельствующие о влиянии чернолесских узоров⁶¹ (рис. 142, 143). К сожалению, бондарихинская культура представлена только поселениями, и поэтому почти нет данных о металлических оружии и орудиях, кроме тех, что уже нами упомянуты. Неизвестны и украшения.

Поселения располагались по берегам речек над их долиной и занимали по несколько сот квадратных метров. Жилищами служили пока еще известные в малом числе неглубокие землянки и наземные сооружения. Прямоугольная землянка на Бондарихинском селище имела длину 10 м, ширину 4 м при глубине около 40 см. На полу сохранился развал печки в виде глиняной обмазки со следами прутьев, что сходно и с белогрудовскими, и с гальштатскими и со скифскими более поздними печами. В жилище на Хухринском селище на Ворскле было обнаружено несколько круглых хозяйственных ям диаметром 0,75 — 1,50 м при глубине 25 — 30 см. В них найдены достаточно типичные для бондарихинской культуры фрагменты глиняной посуды.

Немногочисленные каменные литейные формы с Бондарихинского и Оскольского селищ говорят о местной металлургии, подражающей преимущественно срубным образцам. Известные пока единичные железные вещицы также связаны со срубными формами. Однако установленные выше хронологические рамки прямо указывают, что, несмотря на

малочисленность этих железных предметов, бондарихинская культура охватывает и время перехода от бронзы к железу, и начало железного века.

Значительно многочисленнее костяные орудия, хорошо представленные находками в Хухре и особенно в Ницахе⁶². Здесь много проколов из сколов костей как мелких, так и довольно крупных. Из сколов же сделаны и весьма многочисленные иглы с круглыми ушками. Обычны в Ницахе различные долотообразные орудия. Некоторые из них могли быть мотыгами. Встречены белорудовского типа костяные пряслица из суставных бугров плечевых костей крупных животных. На селище у с. Оскол были найдены костяные струги для обработки шкур (рис. 141). Таким образом, косторезное дело, направленное на изготовление орудий женского труда, было очень развито.

Рис. 142. Керамика Бондарихинской культуры

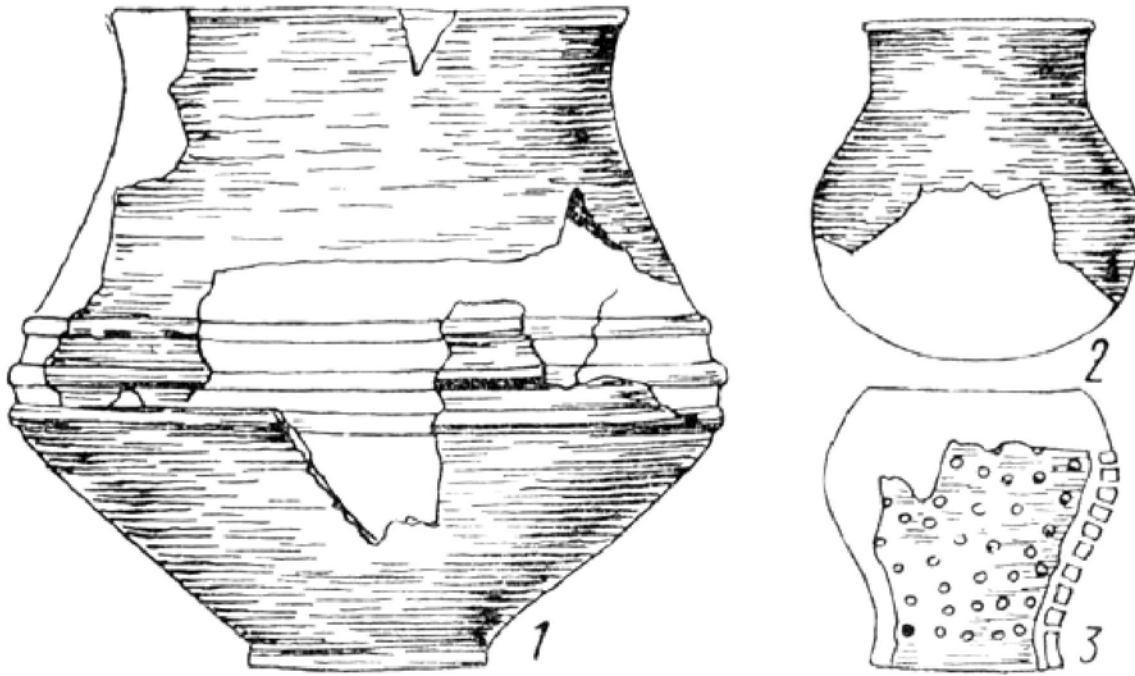

Рис. 143. Редкие формы сосудов с поселений Бондарихинской культуры

Обилие проколов и игл, как и пряслица, уже само по себе указывает на наличие волокна, растительного или животного, дававшего нитки и материю. О земледелии свидетельствуют кремневые серпы белогрудовского образца, найденные на поселениях в Ницахе, в Бондарихе и у с. Оскол, а также каменные небольшие зернотерки. Скотоводство изучено пока еще очень слабо. Во всяком случае, как показывает остеологический материал, все основные виды домашних животных здесь уже бытовали.

Мы видели, что на Ворскле чернолесские племена сменили бондарихинские, может быть, слившись с ними. Это выразилось позднее в отличии поворсклинской культуры скифского времени от посульско-донецкой. Впрочем, у той и другой есть немало родственных черт,

Форм бондарихинской посуды среди посульско-донецкой керамики скифского времени почти нет, хотя к ним могут восходить иные из горшков с широким устьем и узким дном. Это указывает на возможность ухода части бондарихинских племен со своей территории.

Интересно отметить, что керамика скифского времени этого района, пожалуй, имела больше черт срубной культуры, чем бондарихинская. Более того, эти черты представлены здесь ярче, чем в стопной скифской культуре. Вместе с тем в посульско-донецкой группе прослеживаются и некоторые формы степной скифской керамики, притом уже с VI в. до н. э.

В. А. Ильинская выдвинула мысль о превращении бондарихинской культуры в юхновскую. Она права в том отношении, что в юхновской культуре есть сосуды, напоминающие обе основные бондарихинские формы. Однако они встречаются и в дьяковской культуре, и в культуре городищ Смоленщины. Что скрывается за этим —

неясно. В. А. Ильинская предполагает, что отступившие на Десну и Сейм племена стали основателями юхновских городищ северной лесостепи и южной кромки лесов. Пока что это недостаточно аргументированная гипотеза⁶³.

Еще в середине 20-х годов нашего века по рязанско-муромскому течению Оки была открыта своеобразная культура, получившая по месту селища у с. Поздняково название поздняяковской⁶⁴. Она возникает в середине II тысячелетия до н. э. и кончается при переходе к железу. Поселения этой культуры носят явные следы скотоводства. Среди сосудов много остросереберных и баночных, но вместе с тем налицо и пережитки ямочно-гребенчатой керамики. Эволюция керамики идет по пути постепенного установления форм с округлыми плечами и упрощения орнамента. В верхних слоях отдельных селищ поздняяковской культуры на Цне в пределах Тамбовской области появляются сосуды бондарихинских форм.

Таким образом, не имеем ли мы основание полагать, что культурные варианты, получившие название малобудковской и бондарихинской стадий, представляют собой позднейшее развитие поздняяковской культуры? Не продвинулись ли потом эти племена на Донец, Ворсклу и Сулу, чтобы вслед затем вернуться снова в приокские и тамбовские леса? Не потому ли в юхновской и в дьяковской и даже в городецкой прирязанской археологической среде есть сосуды без шейки, с прямыми стенками вверху и резким переходом у середины корпуса к узкому дну? Не исключено, конечно, и иное, а именно: бондарихинские племена шли близким путем развития с поздняяковскими, то есть это более западный вариант слияния пришлых срубных племен с неолитообразными по культуре лесными соседями, постепенно вытеснившими чисто срубное население. Родство бондарихинской и поздняяковской культур представляется очень возможным, но пока еще все-таки гипотетично.

ДОКЛАДЫ ЮБИЛЕЙНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ПОСВЯЩЕННОГО 75-летию СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Б.Н.ГРАКОВА

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б. ГРАКОВА

Борис Николаевич Граков был талантливым и блестящим исследователем, специалистом в области греческой эпиграфики и скифо-сарматской археологии. Он был выдающимся педагогом, воспитавшим не одно поколение ученых-археологов. Его труды, для которых характерны огромная эрудиция, широта мысли и тонкий анализ, занимают ведущее место не только в советской науке, но и за рубежом.

Б. Н. Граков родился 14 декабря 1899 г. в г. Онеге Архангельской губернии. С 1906 г. и до конца своих дней жил в Москве. Интерес к древней истории и классическим языкам сложился у него еще в гимназические годы. Окончив 7-ю Московскую гимназию в 1918 г., он поступил на классическое отделение историко-филологического факультета

Московского университета. Его учителем был М. М. Покровский, о котором Борис Николаевич часто вспоминал с большой теплотой и любовью. Под руководством М. М. Покровского *Б. Н. Граков* изучал греческую и римскую филологию и литературу, уже тогда сосредоточив свое внимание на греческой эпиграфике, истории греческого и римского быта.

Еще в студенческие годы (с 1919 г.) он начал работать в Государственном Историческом музее, а после окончания университета, с 1922 до 1923 г. *Б. Н. Граков* — научный сотрудник отдела археологии этого музея. Видимо, работа в музее способствовала увлечению археологией. С 1924 по 1929 г. *Б. Н. Граков* занимался в аспирантуре РАНИОН по специальности «классическая археология».

С 1925 г. начинается его полевая археологическая деятельность в Поволжье и Приуралье, связанная с изучением сарматских памятников. С 1937 г. и до середины 60-х годов он руководил раскопками скифских древностей на территории Украины. Особенно большое значение имели многолетние раскопки под руководством *Б. Н. Гракова* на Каменском городище.

После защиты кандидатской диссертации «Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов» он становится старшим научным сотрудником секции археологии РАНИОН (теперь ИА АН СССР). В 1926 г. вышла первая печатная статья *Б. Н. Гракова* по керамической эпиграфике, а в 1928 г. были опубликованы уже 4 его статьи, основанные на археологических источниках. С тех пор греческая керамическая эпиграфика и проблемы скифо-сарматской археологии стали основными темами в творческой жизни ученого. В изучении керамической эпиграфики ему принадлежит ведущая роль в мировой науке. Теоретические и полевые исследования Гракова в области скифо-сарматской археологии способствовали тому, что скифоведение превратилось в особый раздел советской исторической науки.

В 1939 г. *Б. Н. Граков* защитил докторскую диссертацию «Древнегреческая клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли». С 1943 по 1947 г. в Институте истории материальной культуры АН СССР он возглавлял сектор вспомогательных дисциплин, а в 1947 — 1953 гг. — сектор скифо-сарматской археологии, созданный по его инициативе. Руководя этим сектором, Борис Николаевич надеялся на широкий размах полевых работ в разных районах Скифии, который способствовал бы получению новых материалов, необходимых для широких исторических обобщений. Страстным было его желание создать силами сотрудников сектора обширный труд, который мог бы заменить «Скифию и Боспор» *М. И. Ростовцева*. К сожалению, этим замыслам ученого не удалось осуществиться. Но по его инициативе и при его содействии начались раскопки в ряде мест Украины, Молдавии и РСФСР, где памятники предскифской и скифской поры были плохо известны или совсем неизвестны. Организующая и направляющая деятельность *Б. Н. Гракова* в секторе скифо-сарматской археологии благотворно сказалась на работе всех его сотрудников, способствовала расширению и углублению знаний и их мобилизации на изучение сложных вопросов, скифо-сарматской истории.

Стремясь к сплочению исследователей, занимающихся скифо-сарматской проблематикой, и к более целенаправленному обсуждению дискуссионных и вместе с тем особенно важных вопросов, *Б. Н. Граков* считал необходимым проведение периодических конференции по скифо-сарматской археологии. Он сам был организатором и активным участником первой такой конференции, состоявшейся в 1952 г. Эта конференция оказалась важной вехой в развитии скифоведения. На ней был подведен итог всему тому, что было сделано в этой отрасли науки в советский период, выяснены наиболее спорные проблемы и намечены пути их решения. Продолжая дело, начатое *Б. Н. Граковым*, сектор скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР организовал вторую (1967 г.) и затем третью конференции (1972 г.). В работе второй конференции *Б. Н. Граков* принимал живое участие, хотя из-за болезни присутствовал не на всех ее заседаниях. Третья конференция состоялась уже после смерти ученого.

Параллельно с большой научной деятельностью Борис Николаевич вел и преподавательскую работу. С 1932 г. он преподавал древние языки, а с 1937 г. и археологию в Московском институте истории, философии и литературы. С 1941 г. и до конца жизни — он профессор кафедры археологии исторического факультета Московского университета. По археологии Скифии, в широком понимании этого термина, *Б. Н. Граков* читал обычно два специальных курса. Один из них назывался «Общие черты скифской культуры степной и лесостепной областей Северного Причерноморья». В этом курсе главным был акцент на характеристику вещей, типичных для всей скифской культуры. Во втором специальном курсе «Археологический комментарий к скифскому рассказу Геродота» *Б. Н. Граков* подчеркивал различия между выделяемыми им отдельными вариантами скифской культурной общности и сопоставлял их с данными Геродота о расселении скифских и соседних с ними племен.

Специальный курс «Сарматы» *Б. Н. Граков* читал почти с самого начала преподавания в университете на кафедре археологии. Представление о раннем варианте этого курса дает статья (Пережитки матриархата у сарматов»). Она наглядно показывает, насколько оригинальными и значительными по содержанию были курсы, читавшиеся *Б. Н. Граковым*.

Кроме этих курсов, которые он читал из года в год, студенты имели возможность прослушать и некоторые другие, например по скифской религии и эпосу, античной керамической эпиграфике. Из общих курсов *Б. Н. Граков* читал «Введение в археологию» и «Железный век». Он готовил к печати громадный по замыслу труд — учебник по культурам раннего железного века Восточной и Западной Европы.

Разносторонность интересов, живость ума, богатейшие знания в различных областях древней истории, филологии и археологии, глубокая человечность и простота в общении с людьми привлекали к Борису Николаевичу молодежь. В дни, когда *Б. Н. Граков* бывал на кафедре археологии, он не только читал лекции или вел семинары, а многие часы проводил в беседах со студентами и аспирантами, щедро делась с ними всем тем, что знал, оказывал помощь в работе каждому, кто в ней нуждался.

Постоянная забота о молодом поколении археологов особенно сказалась в том, что Борис Николаевич воспитал много специалистов по скифо-сарматской археологии и греческой эпиграфике. Его ученики и последователи, среди которых уже теперь много кандидатов и докторов наук, работают в разных городах нашей страны и за рубежом.

Б. Н. Граков скончался на 71-м году жизни 14 сентября 1970 г. Но чем дальше от нас этот печальный день, тем ошутимее заслуги ученого.

А. И. Мелюкова

Д. Б. ШЕЛОВ,

Ю. Г. ВИНОГРАДОВ

Б. Н. ГРАКОВ И РАЗВИТИЕ АНТИЧНОЙ ЭПИГРАФИКИ В СССР

С именем Бориса Николаевича Гракова неразрывно связаны успехи в изучении античных эпиграфических памятников в СССР, главным образом в изучении керамической эпиграфики. Само становление керамической эпиграфики как науки в значительной степени определялось деятельностью *Б. Н. Гракова*. Эта дисциплина охватывает изучение трех основных видов надписей — керамических клейм, граффити и надписей, сделанных краской на керамике (дипинти). *Б. Н. Граков* занимался всеми этими видами надписей, но особенно много керамическими клеймами.

Филолог-классик по образованию, прекрасно знавший древнегреческий язык и его диалекты, *Б. Н. Граков* как нельзя лучше был подготовлен для работы над эпиграфическими памятниками. Совмещение филологической подготовки со знаниями и интересами археолога позволило ему уверенно работать на стыке различных дисциплин, в таких областях, как историко-археологическое комментирование свидетельств древних авторов о скифах и сарматах или лингвистический и ономастический анализ керамических надписей.

Можно уверенно сказать, что советская школа исследователей керамической эпиграфики занимает одно из ведущих мест в мировой науке почти во всех отношениях, за исключением, пожалуй, чисто публикационного аспекта. Что касается исследования памятников керамической эпиграфики и особенно их исторической интерпретации, то работы *Б. Н. Гракова*, на которые ориентируются все советские эпиграфисты, заложили прочные основы успешного развития этой науки; он» обеспечивают советским исследователям передовые позиции в изучении керамической эпиграфики. Идеи *Б. Н. Гракова* восприняты и используются не только советскими учеными, но и эпиграфистами других стран — Болгарии, Румынии, Польши.

Наиболее популярную и изученную категорию памятников керамической эпиграфики составляют клейма на античных амфорах а черепицах. Их собирание и исследование было начато в России еще в XIX — начале XX в.¹, но только в 30-х годах нашего столетия

эта область знания, лежащая на границе собственно эпиграфики и археологии, превратилась в подлинно историческую дисциплину, а сами керамические клейма — в полноценный исторический источник. Это превращение целиком связано с деятельностью *Б. Н. Гракова*. Хотя и до него некоторые исследователи на основании рассмотрения отдельных, клейм, чаще черепичных, чем амфорных, пытались делать исторические выводы², такие попытки были случайны, разрозненны и не касались большинства материалов керамической эпиграфики. Только *Б. Н. Граков* впервые показал значение керамических клейм для исследования экономической, социальной и культурной истории античного мира. Им же была разработана методика изучения керамических клейм на основании обобщения опыта всего предшествующего изучения этого материала. Только это сделало керамическую эпиграфику подлинной наукой с ясно сформулированными задачами исследования и с собственной методикой. К рассмотрению важнейших аспектов керамической эпиграфики мы еще вернемся, но предварительно проследим решение *Б. Н. Граковым* и последующее развитие некоторых частных вопросов изучения керамических клейм.

Особо следует остановиться на работе по собиранию и изданию керамических клейм. В этой области *Б. Н. Граков* проделал поистине титаническую работу. Он продолжил после смерти *Е. М. Придика* и успешно завершил собирание и систематизацию всех керамических клейм, найденных в Северном Причерноморье до 1955 г. Созданный главным образом его трудами, *Corpus* клейм (*IOSPE, III*) насчитывает более 30 тысяч копий клейм; это самая полная сводка такого материала в мировой науке. Даже в рукописи *Corpus* стал необходимым справочником не только для исследователей керамических клейм, но и для всех историков Северного Причерноморья.

Уже в процессе работы над *Corpus*ом *Е. М. Придик*, *Б. Н. Граков* и его сотрудники осуществили публикацию некоторых музейных коллекций клейм и клейм из раскопок отдельных памятников³; *Б. Н. Граков* в самом начале своей деятельности издал коллекцию энглифических клейм, определенных им как гераклейские, из собрания Государственного Исторического музея, а позднее опубликовал все амфорные клейма, найденные на Каменском городище на Днепре⁴. Довольно значительную публикационную работу развернули ученики и последователи *Б. Н. Гракова* в послевоенный период; более или менее систематически издавались керамические клейма, находимые при раскопках большинства античных городов Северного Причерноморья: Пантикапея, Фанагории, Мирмекия, Тиритаки, Нимфея, Херсонеса, Танаиса и т. д.⁵. Особенно важна публикация клейм из закрытого комплекса-водоема на ольвийской агоре⁶. В результате этой публикационной деятельности в науку был введен довольно значительный новый эпиграфический материал, но, конечно, такие частные публикации не могут удовлетворить потребности в общем своде находок керамических клейм Северного Причерноморья. Необходимость издания подготовленного *Б. Н. Граковым* *Corpus*а клейм еще более подчеркивается этими публикациями, поскольку авторы их в поисках аналогий вынуждены все время обращаться к рукописи *Corpus*а. Технические трудности издания *Corpus*а до сих пор стоят непреодолимым препятствием

на пути его издания, но в последнее время предпринимаются некоторые шаги для подготовки Корпуса к печати, хотя бы по частям.

Одной из важнейших проблем изучения керамических клейм является определение места клеймения, то есть определение места производства керамической тары. Для некоторых групп керамических клейм, в легендах которых упоминается демотикон или присутствует характерная эмблема, определение не представляет трудностей и их атрибуция установлена давно и твердо. Таково большинство клейм Книда, Родоса, Фасоса. Происхождение других клейм установить значительно труднее. Уже в первой своей научной работе, вышедшей в 1926 г., посвященной англифическим клеймам на горлах эллинистических амфор, *Б. Н. Граков* убедительно обосновал тезис о принадлежности этих клейм и отмеченных ими амфор продукции мастерских Гераклеи Понтийской. Он опирался на анализ состава собственных имен в клеймах, на исследование диалекта и сопоставление эмблем, встречающихся в клеймах. Эта атрибуция большой группы эллинистических клейм получила всеобщее признание.

Несколько позже, исходя из тех же критериев, *Б. Н. Граков* определил синопское происхождение самой большой в наших коллекциях и едва ли не самой интересной группы керамических клейм с именами астиномов. Им была посвящена кандидатская диссертация *Б. Н. Гракова*, изданная отдельной книгой в 1929 г.⁷ Эта работа замечательна во многих отношениях, так как помимо решения конкретной задачи определения, систематизации, датировки клейм с именами астиномов она содержит и общие методические положения, ставшие основными при изучении керамических клейм и для самого *Б. Н. Гракова*, и для всей школы советских эпиграфистов вплоть до настоящего времени.

Определение астиномных клейм, как синопских, было признано не сразу и не всеми исследователями⁸. Некоторые специалисты возражали против такой атрибуции и продолжали называть эту группу клейм по-старому «понтийскими» или «южнорусскими». Но со временем становились все более несомненными граковские определения этих клейм, и сам методический подход *Б. Н. Гракова* к атрибутированию клейм вообще. После раскопок античной Синопы турецко-германской экспедицией в 50-х годах, где было обнаружено большое количество керамических клейм, сомневаться в определении *Б. Н. Гракова* уже невозможно⁹.

Установив принадлежность англифических и астиномных клейм, *Б. Н. Граков* тем самым завершил определение всех основных групп клейменной керамической тары. Некоторое количество амфорных клейм неопределенного происхождения остается еще и теперь, но число таких клейм составляет сравнительно небольшой процент среди всех памятников этого рода и к тому же оно все время уменьшается, так как время от времени удается установить происхождение то одной, то другой небольшой группы клейм.

Работая под руководством *Б. Н. Гракова* над составлением Корпуса, *Е. М. Штаерман* выяснила наличие в Гераклеи Понтийской не только англифического, но и рельефного клеймения амфор, пополнив, таким образом, сделанное *Б. Н. Граковым* определение

гераклейских клейм¹⁰. Она же указала на существование помимо известных ранее косских клейм на двуствольных амфорных ручках, таких же клейм на одноствольных ручках¹¹. Это наблюдение нашло позднее подтверждение в материалах водоема на ольвийской агоре¹². Синопе оказалось возможным приписать ряд клейм без упоминания имени астинома; эти клейма частично предшествовали астиномному синопскому клеймению, частично, видимо, относились к позднему этапу клеймения¹³.

Еще окончательно не определено происхождение интересной группы так называемых колесообразных клейм, которые приписывали в разное время различным центрам — Ольвии, городам Фракии и Македонии и даже Боспору¹⁴. *Б. Н. Граков* сначала предположительно, а позднее уверенно отнес их к керамическому производству Фасоса, видя в амфорах с этими клеймами особый кратковременный выпуск фасосской тары¹⁵. По-видимому, и в данном случае атрибуция *Б. Н. Гракова* является правильной, она подтверждается и другими дополнительными соображениями¹⁶ и принята ныне большинством исследователей¹⁷, в том числе и авторами работ, специально посвященных фасосским клеймам¹⁸. Уже после работы *Б. Н. Гракова* к Фасосу или к «кругу Фасоса» было отнесено несколько мелких групп клейм, анэпиграфных или содержащих сокращенные буквенные обозначения¹⁹.

В последние годы произведена атрибуция ряда единичных анэпиграфных клейм на эллинистических амфорах, позволившая, несмотря на редкость этих клейм, сделать интересные выводы о торговых связях некоторых античных центров, в том числе и городов Северного Причерноморья. Таковы определения амфорных клейм Менды, данные *В. Грейс*²⁰, и атрибуция клейм Эгины и Самоса, предложенная *И. Б. Брашинским*²¹. Эти определения осуществлены на основании так называемого нумизматического метода исследования амфорных клейм (сравнение изображений клейм с типами и эмблемами монет), разработанного *Б. Н. Граковым*. Предлагая этот метод, *Б. Н. Граков* имел в виду главным образом датировку керамических клейм при помощи соответствующих монет, но, как видим, такой метод прекрасно оправдал себя и при атрибутировании клейм ранее неизвестных центров. Впрочем, в этом значении применял его наряду с другими методами и сам *Б. Н. Граков* при определении места производства астиномных и энглифических клейм.

При изучении керамических клейм не меньшее значение, чем определение происхождения, имеет их хронологическая классификация и датировка. В этой области заслуги *Б. Н. Гракова* исключительно велики. Дело не столько в том, что он установил абсолютные датировки многих групп керамических клейм (эти датировки в ряде случаев подверглись некоторым изменениям в связи с новыми находками и открытиями), сколько в том, что он разработал основные методы их хронологического определения. Кратко эти методы были изложены им в книге об астиномных клеймах²² и подробно разработаны в докторской диссертации, защищенной в 1939 г. *Б. Н. Граковым* предложены 7 методов, из которых 5 (названные им палеографическим, нумизматическим, грамматическим, синхронистическим и историческим) основаны на рассмотрении данных самого клейма, шестой (стратиграфический) метод

предусматривает изучение археологического контекста, где встречено клеймо, а седьмой (морфологический) метод связан с исследованием эволюции формы сосуда, на котором клеймо поставлено²³. Эти методы практически исчерпывают все возможные приемы датировки и применяемые в совокупности обеспечивают надежное хронологическое определение керамических клейм. 7 методов *Б. Н. Гракова* неоднократно излагались и комментировались в нашей специальной литературе²⁴. Практически все исследователи керамических, клейм прибегают к его методам при датировке той или иной группы клейменной керамической тары. Эти принципы легли в основу и всех разработок хронологической классификации клейм разных групп. Методику *Б. Н. Гракова* использовали *Р. Б. Ахмеров* для систематизации херсонесских клейм, *И. Б. Брашинский* и *Б. А. Василенко* — гераклейских, *Ю. Г. Виноградов* — фасосских²⁵. Даже те, кто, как, например, *В. И. Цехмистренко*, отвергает созданные *Б. Н. Граковым* схемы и предлагает вместо них свои, вынуждены при этом пользоваться все теми же методами *Б. Н. Гракова*.

Впрочем, сами эти методы не оставались неизменными. Так, сличение штемпелей, разработанное в современной нумизматике, может быть с успехом применено и в исследовании керамических клейм, на что совершенно справедливо указывал *В. И. Цехмистренко*²⁶. Могут быть плодотворными и наблюдения над типологическими изменениями клейм²⁷. Такие наблюдения составляют как бы продолжение морфологического метода, но в применении уже не ко всему сосуду, а лишь к клейму. Сам морфологический метод получил новые возможности после изучения массовой неклеяменной амфорной тары, предпринятого советскими исследователями, и прежде всего *И. Б. Зеест*²⁸.

Новыми деталями обогатился и синхронистический метод, в частности в отношении исследования родосских клейм²⁹. Но особенного развития достиг метод стратиграфический, так как большое число достоверных археологических комплексов, содержащих керамические клейма, в том числе и комплексов закрытых, хорошо датированных, позволяет теперь применять этот метод в таких размерах и с такой уверенностью, о которых в 30-х годах *Б. Н. Граков* не мог и мечтать.

Накопление нового эпиграфического материала, успехи в развитии смежных наук, особенно нумизматики и археологии, совершенствование методов исследования, естественно,

заставляют внести коррективы в хронологические и типологические схемы, созданные *Б. Н. Граковым* 40 — 50 лет назад. Особенно большому пересмотру подверглись классификация и датировка группы гераклейских амфорных клейм, предложенные *Б. Н. Граковым* на заре его научной деятельности в середине 20-х годов и опиравшиеся на численно довольно ограниченный материал. Датировка клеймения гераклейских амфор несколько раз понижалась³⁰, в том числе и самим *Б. Н. Граковым* в его более поздних печатных работах и в рукописи Корпуса клейм³¹. Вопросы систематизации и датировки гераклейских клейм дискутируются в специальной литературе до сих пор³², и пока еще нельзя считать даты гераклейского клеймения твердо установленными.

Классификация синопских клейм, подробно разработанная *Б. Н. Граковым* еще в конце 20-х годов, остается незыблемой и сейчас. Попытка *В. И. Цехмистренко* противопоставить ей иную систематизацию³³ синопских эпитафических памятников не может быть признана удачной, несмотря на его отдельные ценные наблюдения³⁴. Что касается абсолютной хронологии периодов синопского клеймения, то ее несколько раз пересматривал и сам *Б. Н. Граков*³⁵, и другие исследователи опять-таки в сторону удревнения³⁶, но работа по выяснению точных дат разных групп синопских амфор не может пока считаться законченной. Для создания надежной хронологической классификации требуется детальный пересмотр всего материала с использованием всех методов датировки, как это когда-то было сделано *Б. Н. Граковым*. После него провести такой всеобъемлющей работы никто не удосужился. К сожалению, во многих новейших работах для датировки применяются два-три метода, тогда как другие совсем не используются. В частности, почти совсем забыты методы палеографического и грамматического анализа. Может быть, это объясняется тем, что большинству современных исследователей не хватает той филологической подготовки, которая была у *Б. Н. Гракова* и которая позволяла ему рассматривать амфорные клейма не только как памятники керамического производства, но и как памятники греческого языка.

Как бы ни были велики заслуги *Б. Н. Гракова* в решении отдельных конкретных вопросов истории керамических клейм, наибольшее значение его работы в данной области состоит в том, что он проложил дорогу к широкому использованию этого материала как полноценного источника для исторических выводов. Керамические клейма с этой точки зрения *Б. Н. Граков* рассматривал во многих работах, но главным образом в докторской диссертации: «Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли». Несмотря на то что эта капитальная работа осталась неопубликованной, она оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие советской керамической эпиграфики. Архивной рукописью ее практически пользовались все советские исследователи керамических клейм. Все эти ученые независимо от того, были ли они сотрудниками и учениками *Б. Н. Гракова* непосредственно или восприняли его идеи из его работ и работ его учеников, следуют в своей деятельности тем направлениям в исследовании керамических клейм, основу которых заложил *Б. Н. Граков*.

Керамические клейма рассматриваются прежде всего как источник для истории производства в тех центрах, которые клеймили свою керамическую продукцию, для определения числа мастерских, социального статуса их владельцев и работников, для выявления организационных основ этого производства, наличия государственной регламентации, положения официальных чиновников-астиномов, агораномов, эсимнетов и т. д. Это относится, например, к исследованию боспорских черепичных клейм, которые со времени их первого изучения еще в начале 30-х годов *В. Ф. Гайдукевичем* и *Б. Н. Граковым*³⁷ стали важнейшим нашим источником по организации керамического производства на Боспоре³⁸. В том же направлении проводится

исследование и некоторых других категорий керамических клейм — черепичных и амфорных клейм Херсонеса Таврического, амфорных клейм Синопы, Родоса и Фасоса³⁹.

В еще большей степени керамические клейма привлекают для изучения торговых связей между античными городами Северного Причерноморья и центрами, ввозившими свою продукцию в клейменной керамической таре.

Можно рассматривать всю совокупность находок амфорных клейм в каком-либо центре или районе и на этом основании определить главные торговые связи данного центра в эллинистическое время⁴⁰. Но может быть и иной подход к этому материалу — изучение распространения клейм определенного центра в разных городах и выяснение направлений его экспортной торговли. Такая работа была проделана, например, в отношении распространения синопских клейм в Причерноморье и родосских клейм на северном берегу Понта Евксинского⁴¹. Исследование торговых отношений на материале амфорных клейм во многом способствовало выяснению экономической истории припонтийского района в эпоху эллинизма, в частности тех внутривосточных связей, развитие и укрепление которых привели во II в. до н. э. к созданию известного причерноморского экономического единства, ставшего реальной основой для политического объединения всех припонтийских земель в границах державы Митридата Евпатора. Определение ряда клейм, ранее не поддававшихся атрибутированию, позволило документировать наличие торговых связей с северопричерноморскими городами с некоторыми центрами материковой и островной Греции⁴². Следует обратить внимание еще на один аспект изучения амфорных клейм. Поскольку эллинистические клейменные амфоры получили довольно значительное распространение в скифской степи, куда они попадали с вином, импортировавшимся и потреблявшимся туземной знатью, регистрация и определение клейменной амфорной тары, найденной на варварской периферии Северного Причерноморья, позволяют проследить некоторые весьма существенные стороны греко-варварских отношений в этом районе⁴³. В то же время подобные находки очень важны для хронологических определений комплексов, в которых они встречены, в том числе для датировки скифских курганов⁴⁴. Датировочное значение памятников керамической эпиграфики достаточно велико и в материалах из раскопок античных городов. При систематическом изучении керамические клейма могут предоставить опорные данные для решения многих вопросов, требующих хронологического уточнения⁴⁵.

В отличие от клейм другие виды керамических надписей (граффити и дипинти) не вошли в окончательный вариант Корпуса IOSPE III, хотя и были первоначально включены туда Е. М. Придиком. Это объяснялось, по всей видимости, не просто техническими соображениями⁴⁶. Вероятно, Б. Н. Граков принимал во внимание специфику двух указанных групп надписей, все отличие их от клейм и вытекающую отсюда необходимость отдельной работы над их исследованием. Действительно, клейма, подобно монетам, выходили из-под одного или нескольких идентичных штампов в большом количестве экземпляров-копий. Этот факт в сочетании с определенной устойчивостью их типа, более или менее сильной традиционностью построения,

«формульностью» легенды обуславливает и совершенно особый подход в их изучении. В то же время граффити и дипинти, наносившиеся острым орудием или кистью от руки, были надписями совершенно индивидуальными и в принципе неповторимыми. Это не означает, конечно, что они не поддаются никакой классификации, напротив, их можно разбить на ряд групп, внутри которых выделяются определенные формульные построения. Однако последние не в такой степени, как у клейм, сложились в жесткую и застывшую структуру. Иными словами, текст этих надписей по существу всегда оставался оригинальным творением писавших их людей.

Несмотря на то что *Б. Н. Граков* исключил граффити и дипинти из Корпуса IOSPE III, он параллельно со сбором клейм не прекращал работу по собиранию и этих керамических надписей, надеясь, вероятно, когда-нибудь издать их отдельно. Так, им целиком были обработаны коллекции Музея изобразительных искусств (материалы из раскопок Палтикапея и Фанагории), Исторического музея и частично других собраний. Некоторые результаты этих изысканий *Б. Н. Граков* опубликовал в виде отдельных статей, где он ввел в научный оборот наиболее интересные памятники. И тут он ярко проявил присущую ему черту: умело сочетать обширные знания из различных областей науки — скифской археологии и греческой эпиграфики. Такой синтез обогатил отечественные скифоведение и антиковедение, в фонд которых прочно вошло, например, греческое граффито на лепном кубке с Немировского городища, которое документально засвидетельствовало непосредственное проникновение эллинов в глубь скифской лесостепи в раннеархаическую эпоху, по всей вероятности, уже в конце VII в. до н.э.⁴⁷. В другом интересном исследовании об обращении у скифских и фракийских племен первобытных заменителей денег — наконечников стрел и монет-стрелок — *Б. Н. Граков* издал замечательный памятник ольвийской эпиграфики — граффито на чернолаковом скифосе, окончательно подтверждающее роль этих оригинальных суррогатов монеты как денежных единиц⁴⁸.

Не обошел вниманием *Б. Н. Граков* и дипинти. В небольшой заметке о знаках, исполненных красным лаком до обжига на горлах некоторых архаических амфор, он удачно подметил, что они представляют собой бету мегаро-коринфского алфавита VI в. до н. э., и на этом основании предложил в порядке гипотезы атрибутировать этот тип амфор Византию — мегарской колонии на Босфоре⁴⁹.

В последние два десятилетия эпиграфисты нашей страны обращают все больше внимания на изучение граффити и дипинти. И хотя монографический сборник граффити издан только один (он включает надписи, хранящиеся в Эрмитаже)⁵⁰, граффити постоянно публикуют в специальных эпиграфических эссе или попутно в археологических отчетах, статьях и монографиях. Из наиболее значительных публикаций назовем чернолаковый килик из Ольвии с дарственной стихотворной надписью от родителей сыну, амфорный черепок с интереснейшим письмом ольвийских магистратов-навклеров своим предшественникам по должности, посвятельное граффито из Мирмекия с упоминанием архонта Спартока в оригинальном написании, также вотивную надпись на краснолаковом кубке из Киммерика, остракон с первой строкой киклической поэмы

«Малая Илиада»⁵¹. Особую важность приобретают архаические граффити — почти единственные письменные источники по наиболее темному периоду истории северопонтийских полисов. Так, например, целая серия вотивных остраконов с одного из поселений ольвийской хоры содержит интереснейший материал для характеристики культа Ахилла в VI в. до н. э.⁵². Древнейшее пока граффито из Ольвии дало основание говорить об участии родосцев в выведении этой милетской апойки и уточнило дату ее основания⁵³; архаическая надпись на ойнохое из Пантикапея подтвердила преимущественно ионийский характер этого города в раннюю эпоху⁵⁴.

Но как ни важны публикации отдельных документов, в последнее время все острее становится вопрос об издании общего Корпуса всех граффити Северного Причерноморья. Работа по собиранию такого Корпуса, начатая Е. М. Придилом и успешно продолженная *Б. Н. Граковым*, ведется и в настоящее время. Это одна из насущных задач нашей науки, поскольку создание Корпуса сразу введет в круг письменных источников новую большую группу их, одну из наименее разработанных. При составлении Корпуса следует отказаться от принципа публикаций случайно подобранных коллекций⁵⁵ либо материала из отдельных музеев⁵⁶, не говоря уже об издании каких-то более узких сборников, извлекающих из всей массы граффити лишь наиболее интересные. Залог успеха здесь — в массовой публикации всех граффити *in toto*; только после этого они будут по-настоящему поняты и смогут превратиться в полноценный источник по истории, культам и особенно быту и психологии самых разных слоев населения полисов Северного Причерноморья.

В настоящее время подготовлен к печати Корпус граффити Херсонеса и полным ходом идет собирание граффити Ольвии. Надо сказать, что эта работа — первый опыт не только в нашей советской, но и в мировой науке; до сих пор издавались в лучшем случае лишь соответствующие материалы из отдельных комплексов (например, из святилищ)⁵⁷, но не сборники, охватывающие более широкие регионы, хотя бы отдельные полисы.

Исследования по лапидарной эпиграфике занимают более скромное место в творческом наследии *Б. Н. Гракова*; он относился к тому разряду эпиграфистов, которые, успешно работая над «каменным архивом», сами мало публиковали новые документы⁵⁸. Однако он постоянно обращался к лапидарным источникам в своих студиях по истории племен, населявших в древности Юг нашей страны. В качестве примера можно привести его статью о термине «скифы» в надписях Северного Причерноморья⁵⁹.

Б. Н. Граков удачно проследил здесь две тенденции в греческой литературе о скифах — конкретную историко-географическую, отличавшую собственно скифов от окружающих их родственных племен, и обобщающую, причислявшую к скифам все народности, обитавшие в древности от Истра до Задонья. Используя такие дефиниции, он старался выявить отражение указанных литературных направлений в языке надписей греческих северопонтийских полисов. *Б. Н. Граков* приходит к выводу, что до времени Митридата лапидарная терминология полностью находится в русле первого литературного направления — этноним прилагается только к конкретным его носителям. Декрет в честь Диофанта, в общем, следует этой же традиции, но и отдает уже дань второй историко-

литературной тенденции, когда он повествует о том, что Диофант «обратил в бегство скифов, считавшихся прежде непобедимыми, и (таким образом) сделал то, что царь Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей»⁶⁰. Кроме важных общеисторических выводов эта статья содержит ряд тонких наблюдений частного порядка, например блестящее замечание о наличии в Скифском царстве времен Скилура. и Палака собственного военного флота.

Основной вклад *Б. Н. Тракова* в лапидарную эпиграфику — это подборка греческих надписей, касающихся истории Северного Причерноморья⁶¹. Этот свод, содержащий 125 документов, является, с одной стороны, как бы продолжением латышевского Корпуса надписей IOSPE, а с другой стороны, его же свода известий древних авторов о Скифии и Кавказе. Документы в собрании *Б. Н. Тракова* разделены по пяти тематическим отделам, им предпослано введение, где наряду с замечаниями практического порядка содержится краткий, но очень насыщенный очерк о значении Северного Причерноморья как рынка рабов для Греции. Неоспоримой ценностью этого свода надо признать то, что все документы даны в оригинальных греческих текстах, снабжены леммами, русским переводом и сжатым, но весьма содержательным комментарием, частью заимствованным у предшествующих издателей, частью составленным самим *Б. Н. Траковым*.

Свод *Б. Н. Тракова* был и остается настольной книгой для каждого занимающегося античной историей греческих полисов и варварских племен северного берега Понта Евксинского. Но вне зависимости от этого насущной задачей современной эпиграфической науки должно стать его скорейшее переиздание. Оно необходимо из-за неполноты сборника уже ко времени его составления⁶²: *Б. Н. Траков* рассматривал его только как предварительную публикацию материалов⁶³. Кроме того, за истекшие 35 лет каменный архив пополнился, хотя и не столь значительно, новыми интересными документами. Как пример можно привести надпись об ольвийских теопропах — священных послах к оракулу Аполлона в Кларосе⁶⁴. Наконец, было бы весьма желательным включение в свод также греческих и римских папирусов и латинских надписей. Многие из них обсуждал и комментировал сам *Б. Н. Траков*, например известный папирус из архива Зенона о посольстве Перисада II ко двору египетского властителя Птолемея II Филадельфа⁶⁵, латинские надписи: *Res gestae divi augusti* и эпитафию Плавтия Сильвана из Тибура⁶⁶.

Таковы настоятельные требования современного состояния науки, долг теперешних эпиграфистов, продолжающих дело, начатое в свое время русской эпиграфической школой, замечательным представителем которой был Борис Николаевич Траков.

А. И. МЕЛЮКОВА, И. В. ЯЦЕНКО

СКИФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ Б. ГРАКОВА

Интерес к скифским древностям возник в начале научной деятельности Бориса Николаевича Тракова, тогда уже успешно работавшего и в области античной эпиграфики.

К концу довоенного периода *Б. Н. Граков* становится большим знатоком скифо-сарматской материальной культуры и письменной традиции об этих народах. В 1947 г. на украинском языке вышел его научно-популярный очерк «Скіфи», написанный еще в предвоенные годы. Здесь по-новому даны характеристика письменной традиции о скифах и оригинальный обзор истории Скифии. В научной литературе советского времени впервые скифская культура, быт, хозяйственный уклад населения Скифии, ее общественный строй, искусство, религия получили всестороннее освещение. Здесь автор наметил и новое решение некоторых узловых проблем истории и археологии скифов, которые получили в дальнейшем более подробную и углубленную разработку.

Особенно интересна проблема, привлекающая и в настоящее время внимание всех скифологов независимо от того, работают они непосредственно над ней или нет. Кратко она может быть сформулирована — «киммерийцы и скифы». Эта проблема объединяет большой комплекс важнейших вопросов, сложно переплетающихся в единый клубок: территория, занятая киммерийцами; археологическая культура или памятники, им принадлежащие; время появления скифов в Северном Причерноморье; археологические памятники, связанные с ними; происхождение скифов и скифской культуры.

Совершенно определенным и всегда одинаковым было мнение ученого относительно территории, занимаемой киммерийцами до их вытеснения скифами. Опираясь на данные Геродота и других греческих авторов, он помещает их в Северном Причерноморье, связывая с территорией, впоследствии занятой скифами, и резко возражает против нахождения киммерийцев на Северном Кавказе¹.

Уже в научно-популярном очерке «Скіфи» *Б. Н. Граков* высказал мысль о появлении в Северном Причерноморье скифов еще в IX — VIII вв. до н. э. и их сосуществовании с киммерийцами до конца VII в. до н. э. Это суждение основано на толковании «доителей кобылиц-млекоедов» Гомера в качестве скифов². Такая трактовка терминов Гомера была известна и раньше, например в трудах *С. А. Жебелева*³. Новым является сопоставление времени появления скифов в Северном Причерноморье с возникновением здесь скифской культуры лишь в конце VII в. до н. э.⁴. В результате такого сопоставления стало очевидным, что скифы появились на этой территории в более раннее время, чем сформировалась здесь скифская культура. Это и послужило отправной точкой при решении некоторых вопросов проблемы — «киммерийцы и скифы». Опираясь на события, изложенные в третьей генеалогической легенде Геродота, и данные других античных авторов и клинописных источников, *Б. Н. Граков* относит последнее вытеснение киммерийцев или их части скифами из Северного Причерноморья к концу VII в. до н. э.

Тонкий и глубокий анализ двух первых, генеалогических преданий Геродота дал исследователю материал для реконструкции процесса формирования скифов. Скифы Причерноморья, по *Б. Н. Гракову*, представляли собой как бы сплав местных земледельческих и кочевых племен, с одной стороны, и пришлых кочевых — с другой⁵.

На вопрос, откуда появились пришельцы, *Б. Н. Граков* отвечает, что они продвинулись из Заволжья; он предполагает, что река Араке, которую они перешли, по свидетельству Геродота, прежде чем попасть в землю киммерийцев, — это Волга⁶. Свое предположение исследователь не обосновывает. Вероятно, он выбирает такое толкование термина в связи с отождествлением им предков скифов с носителями срубной культуры. Но нельзя не отметить, что такое же толкование Аракса в данном контексте Геродота является наиболее распространенным в среде классиков и историков древнего мира⁷.

Эти положения, основанные на изучении письменных источников, оставались неизменными до конца жизни ученого. В ряде случаев только немного увеличивался подбор фактов, подтверждающих ту или иную мысль. Эти же взгляды легли в основу определения *Б. Н. Граковым* археологических памятников и культур как киммерийских, так и принадлежащих предкам скифов. В значительной мере, в зависимости от них, складывались и представления исследователя о формировании скифской культуры.

Мысль о сосуществовании киммерийцев и скифов на территории Северного Причерноморья при сопоставлении с однообразными памятниками поздней срубной культуры, предшествовавшей скифской и распространенной в Поволжье и Северном Причерноморье, позволила ученому высказать предположение о культурной близости этих народов⁸. Идея однокультурности предков скифов и киммерийцев, представление о них как о носителях поздней срубной культуры сохраняются во всех трудах *Б. Н. Гракова*. Со временем в связи с углублением представлений о поздней срубной культуре изменялись некоторые детали в трактовке отдельных явлений. Несколько изменялись и доказательства. Впоследствии ученый все определеннее связывает предков скифов с носителями срубной культуры и определеннее говорит о влиянии срубной культуры на формирование скифской. Отмечая постепенный и длительный характер проникновения групп населения срубной культуры в Северное Причерноморье, *Б. Н. Граков* относит свидетельство Геродота о приходе скифов к движению последних волн уже кочевых племен «срубников». Киммерийцев он склонен отождествлять с населением катакомбной культуры, ассимилированным племенами срубной, ранее проникшими в причерноморские степи⁹. В постановке вопроса о происхождении скифов от носителей срубной культуры концепция *Б. Н. Гракова* сближается с точкой зрения на предков скифов *М. И. Артамонова*¹⁰, хотя и отличается от нее.

Большое значение для решения вопросов, связанных с проблемой «киммерийцы и скифы», имеют выделенные в начале 50-х годов *А. А. Иессеном* погребения конных воинов VIII — VII вв. до н. э., которые он считал возможным трактовать как скифские и киммерийские¹¹. Принимая такой вывод *А. А. Иессена*, *Б. Н. Граков* рассматривал эту группу памятников как доказательство, подтверждающее его концепцию. В своих последних работах, особенно в публикуемой книге «Ранний железный век», он уделяет много внимания воинским погребениям VIII — VII вв. до н. э. Близость ритуала этих погребений к памятникам поздней срубной культуры, с одной стороны, и новые черты в вещевом комплексе — с другой, позволяют ему рассматривать их как новое явление,

зародившееся в недрах срубной культуры и свидетельствующее о начале формирования скифской¹².

50-е годы нашего века были временем широкого распространения «срубной» теории происхождения скифов в среде скифологов. Большинство исследователей придерживались этой концепции¹³. Она нашла отражение и в общих работах¹⁴. Ситуация сильно меняется в 60-е годы. Против «срубной» теории наиболее активно выступает ее бывший приверженец *А. И. Тереножкин*¹⁵. За ним следуют некоторые исследователи, касаясь тех или иных вопросов этой проблемы¹⁶.

А. И. Тереножкин считает, что установление новой абсолютной и относительной хронологии этапов срубной культуры, по сравнению с намеченной *О. А. Кривцовой-Граковой*, углубление даты появления срубной культуры в Северном Причерноморье и, наконец, значительные отличия скифской культуры от культуры предшествовавшего периода делают отжившей теорию происхождения скифов от носителей срубной культуры¹⁷.

Однако новая абсолютная и относительная хронология этапов срубной культуры ничего не меняет в построении *Б. Н. Гракова*. По-прежнему прослеживаются некоторые, идущие от срубной традиции в скифской степной культуре. Например, зависимость скифской керамики от срубной и белозерской не отрицает в настоящее время и сам *А. И. Тереножкин*¹⁸.

Современное углубление даты начала продвижения срубной культуры в Северное Причерноморье создает почти тысячелетний разрыв между этим событием и бытованием во время Геродота легенды о приходе скифов с востока. *А. И. Тереножкин* утверждает, что устная традиция о приходе скифов не могла сохраниться столь долгое время. Этот довод не бесспорен и вызывает ряд возражений. Самым же главным можно считать то, что *Б. Н. Граков* не связывал традицию о вторжении скифов с первыми пришельцами «срубников», а лишь с последними волнами этого движения.

И наконец, последнее возражение *А. И. Тереножкина* — срубная культура, и прежде всего свойственный ей комплекс вещей, не имеет ничего общего со скифской. Этот довод не является новым. Для *Б. Н. Гракова* хорошим переходом от срубной культуры к скифской послужили погребения всадников-лучников VIII — VII вв. до н. э., которые он идентифицировал с киммерийцами и скифами. *А. И. Тереножкин* связывает эти памятники безоговорочно с киммерийцами и считает их совершенно отличными от скифских и «по своему типу, и по особенностям художественного стиля». Он считает также, что, «несмотря на крайнюю хронологическую близость между ними, мы не обнаруживаем никаких переходных форм от доскифских к скифским как в оружии, так и в конском снаряжении», хотя на этой же странице ниже делает оговорки относительно некоторых форм удил, наконечников стрел, керамики¹⁹.

А. И. Тереножкин при определении этнической принадлежности ранних воинов-всадников совершенно игнорирует положения, установленные *Б. Н. Граковым* на основе

изучения письменных источников, которые и послужили опорными вехами для возникновения «срубной» теории. Однако критика построения *Б. Н. Гракова* может быть существенной лишь в том случае, если она затронет эти основы или соответствие с ними археологического материала.

Кроме того, работы *А. А. Иессена* и других исследователей показали преемственность некоторых элементов конского снаряжения и вооружения в архаической скифской культуре от типов, известных в комплексах погребений воинов-всадников VIII — VII вв. до н. э.²⁰ *А. И. Тереножкин* не останавливается на критике этих выводов, а или отрицает существование такой преемственности в скифской культуре от предшествующего периода, или считает ее очень несущественной. При этом он сосредоточивает внимание на новых явлениях, возникающих в период скифской архаики. На наш взгляд, при настоящем уровне науки объективно невозможно установить, имеем ли мы дело с развитием возникшей в предскифский период одной культурой или с внедрением совершенно новой скифской культуры, принесенной в готовом виде из глубин Азии, как предполагает *А. И. Тереножкин*. Решение этого вопроса во многом зависит от тех позиций, к которым пришел тот или иной исследователь при изучении письменных источников. Позиции *Б. Н. Гракова* нам известны и до сих пор никем не были поколеблены. *А. И. Тереножкин* пока еще не дал своей трактовки данных письменных источников. Он просто резюмирует, что его вывод о смене киммерийской культуры независимой от нее скифской служит главным подтверждением общей достоверности исторического предания Геродота о приходе скифов в Северное Причерноморье из глубинных мест Азии²¹.

В пользу «срубной» теории происхождения скифов свидетельствуют также данные антропологии, на которые в свое время обращал внимание *Б. Н. Граков*. В этом плане интересны соображения *Г. Ф. Дебеца*, связанные с его последними работами по изучению среднеазиатских черепов конца бронзового и раннего железного века. По его утверждению, черепа, происходящие из Средней Азии, не похожи на скифские, что делает маловероятным предположение о приходе скифов из Азии²².

В последние годы последовательно и убедительно мысль о генетической связи не только киммерийцев, но и скифов с носителями срубной культуры развивает *А. М. Лесков*, работающий над предскифскими археологическими материалами из степей Северного Причерноморья²³.

Таким образом, можно отметить, что представления *Б. Н. Гракова*, связанные с проблемой «киммерийцы — скифы», включая теорию происхождения скифов от населения срубной культуры, пока не опровергнуты. Отход от них некоторых исследователей, видимо, носит временный характер. Можно надеяться, что с выходом в свет монографии *Б. Н. Гракова* «Ранний железный век» эти положения вновь привлекут внимание ученых.

Взгляды *Б. Н. Гракова* относительно территории Скифии, ее этнографии и связанного с ними понятия термина «скифская культура» не оставались неизменными. Легко

прослеживаются два этапа в развитии этих взглядов. Первый этап охватывает предвоенные и первые послевоенные годы, второй начинается с 1950 г. Изменения в большой степени зависели от накопления археологических источников, особенно в конце 40-х годов, когда появились принципиально новые археологические материалы в лесостепных областях Северного Причерноморья. Немалое влияние оказала и дискуссия 1950 г., в результате которой были отвергнуты антимарксистское учение *Н. Я. Марра* о языке и вместе с тем понятие «скифской стадии»; эта дискуссия стимулировала изучение конкретных племен и племенных образований на юге нашей страны.

В популярной книге «Скіфи» *Б. Н. Граков* разделял господствующее тогда представление о распространении скифов как в степи, так и в лесостепи Северного Причерноморья²⁴. В основу такого определения территории Скифии были положены размеры «скифского квадрата», по Геродоту, названные впоследствии самим исследователем «наиболее слабым и схематическим сообщением древнего автора»²⁵, а также распространение в степи и лесостепи сходных форм оружия, конского убора и звериного стиля. Северная граница Скифии, согласно «скифскому квадрату», отодвигалась вплоть до лесной полосы РСФСР, в которой размещались нескифские племена, перечисленные Геродотом, — невры, андрофаги, меланхлены, будины и гелоны, имевшие в быту ряд сходных черт со скифами. Не проводя этнического различия между собственно скифами степи и населением лесостепи и веря в справедливость данных Геродота о языковом и этническом родстве скифов, *Б. Н. Граков* полагал, что ираноязычная, собственно скифская, среда победила местные языки на всем огромном пространстве степного и лесостепного Северного Причерноморья. Лишь для Северного Кавказа он подчеркивал отсутствие скифов по данным письменных источников, вопреки мнению многих своих предшественников и современников.

Таким образом, карта Скифии, составленная в те годы, была довольно традиционной для исторической науки и предполагала размещение скифов-пахарей в лесостепном междуречье Днепра и Буга, скифов-земледельцев также в лесостепи, по обоим берегам Днепра. Остальные, преимущественно кочевые, племена, населявшие Скифию, по Геродоту, располагались в степной зоне.

Понимая Скифию в столь широких географических пределах, *Б. Н. Граков* не производил деления культуры на степную и лесостепную, отмечая лишь различие их по хозяйственно-бытовому укладу.

В сформировавшейся к началу 50-х годов точке зрения *Б. Н. Граков* также основывался прежде всего на свидетельствах античных письменных источников, и главным образом Геродота. Но теперь акцент был сделан на геродотовском представлении о Скифии как о едином целом, общности, связанной единством языка, обычаев, происхождения, бытового уклада, единством политическим. Причем в это объединение, по мнению *Б. Н. Гракова*, входили не только кочевые, но и земледельческие племена. Недоверие к данным Геродота о скифской общности решительно осуждалось *Б. Н. Граковым*: «Нужно предполагать у Геродота какую-то особую цель, чтобы считать, что идея этнического родства, политического и территориального единства скифов Причерноморья является

его выдумкой», — писал он в 1952 г.²⁶. Тогда же впервые им было высказано недоверие к сообщению Геродота относительно размеров Скифии, которое в еще более категорической форме содержится в книге «Скифы»: «Строго геометрическое построение фигуры страны и равенство всех ее границ не позволяют серьезно оперировать с таким представлением»²⁷.

Накопившийся к тому времени археологический материал позволил наметить существенные различия между памятниками степи и лесостепи и их разное происхождение. Общими для тех и других были преимущественно изделия из металла — оружие, конский убор, а также звериный стиль. Сопоставляя данные археологии с письменными свидетельствами, *Б. Н. Граков* пришел к выводу, что население степи и лесостепи Северного Причерноморья не могло составлять той единой Скифии, о которой сообщает Геродот. Этому определению древнего автора может соответствовать лишь степное население, оставившее единую археологическую культуру; лесостепные племена не были скифами и имели свою культуру, во многом отличную от скифской. Общие черты, выразившиеся в распространении там и здесь так называемой «скифской триады», ученый истолковывал как вещественное подтверждение данных Геродота о нескифских народах, соседивших со скифами и имевших сходный с ними образ жизни²⁸.

Соответственно с этим выводом была изменена и карта расселения племен, данная в научно-популярном очерке 1947 г. Изменения коснулись в первую очередь территории скифов-пахарей и земледельцев. Последних Борис Николаевич достаточно уверенно помещал теперь тоже на обоих берегах, но не Среднего, а Нижнего Днепра, главным образом между Ингульцом (Пантикапом) и Днепром. Что касается скифов-пахарей, то он решительно возражал против гипотезы *М. И. Артамонова* о локализации их в Подолии. Вместе с тем он допускал, что это племя, согласно описанию Геродота, могло находиться «либо в пределах северной части Кировоградской области, по правобережным лесостепным притокам Днепра», либо скифы-пахари могли занимать очень малую территорию в междуречье Буга и Днепра, жить не так далеко на север и быть носителями степной скифской культуры²⁹. Это предположение о расселении скифов-пахарей представлялось исследователю наиболее вероятным. Соседившие со скифами нескифские племена он помещал теперь не в лесной зоне РСФСР, а в лесостепных областях Украины.

Скифская этническая и культурная общность сохранялась в степях Северного Причерноморья до второй половины III в. до н. э. *Несмотря* на существование в степи нескольких, хотя и родственных племен, заметных отличий в культуре каждого из них не прослеживалось, за исключением района Припорожья, где, по мнению исследователя, могли жить андрофаги, Нижнего Побужья, где помещались каллипиды, и степного Крыма³⁰.

Немало внимания уделял *Б. Н. Граков* изучению поздних скифов и их культуре. Впервые он показал своеобразие скифских памятников конца III в. до н. э. — III в. н. э., вместе с тем наметив элементы, связывающие их с более ранними и подтверждающие сохранение скифского этноса в сарматском окружении вплоть до гуннского нашествия.

Он же был первым, кто обратил внимание на проникновение в позднескифскую среду Нижнего Приднепровья носителей Черняховской культуры³¹.

По-прежнему *Б. Н. Граков* подчеркивал отсутствие скифов на территории Северного Кавказа и спорил с теми, кто считал скифскими большие курганы Прикубанья типа Келермеса, Ульского аула и др. При этом он подчеркивал отсутствие у скифов шатровых погребальных сооружений, каменных и сырцовых склепов, столь характерных для кубанских памятников, очевидно, принадлежащих меотам и ведущих свое происхождение от местных прототипов бронзового века. В то же время на примере местных памятников Нижнего Дона, близких к скифским по общему облику, он проводил мысль о том, что культура и этнос не всегда равнозначны³².

Культуру нескифских племен лесостепных областей Северного Причерноморья *Б. Н. Граков* не рассматривал как единую. В ней выделялось 6 локальных вариантов, или групп, в соответствии со сложившимися к тому времени представлениями. Все в целом и каждая в отдельности отличались от степной скифской по погребальным сооружениям, чертам обряда, керамике и некоторым видам украшений. Различия между культурами объясняются разным происхождением степных и лесостепных памятников. Так, в отличие от срубной основы для скифской культуры степи культура скифского времени лесостепной Молдавии и правобережной Украины восходит к местным культурам позднего бронзового века.

Считая, что данных для отождествления локальных групп лесостепи с отдельными нескифскими племенами Геродота еще недостаточно, *Б. Н. Граков* вместе с тем предполагал, что молдавская группа соответствует агафирсам. Близкие между собой Подольская, По-бужская и правобережная Среднеднепровская группы принадлежат неврам. С засвидетельствованным Геродотом переселением невра в страну будинов связывалась Поворсклинская группа, тогда как все остальные памятники левобережной лесостепи вплоть до Дона в пределах Воронежской области считались принадлежавшими будинам.

Существенным в трактовке лесостепных групп является еще и то, что *Б. Н. Граков* пытался показать конкретные взаимодействия каждой из них со степью. Так, он допускал проникновение скифов-степняков на Тясмин начиная с чернолесской поры, а по Днепру до Киева в IV — III вв. до н. э.

Для других групп сколько-нибудь явного внедрения скифов в иноплеменную среду, по его мнению, не наблюдалось, и речь могла идти лишь о влияниях, культурных и экономических связях, способствовавших «оскифлению» местных культур.

Концепция, созданная *Б. Н. Граковым* и впервые доложенная им на первой конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в 1952 г., существенно отличалась от бытовавших в то время привычных представлений о «скифах» и «скифской культуре». Вместо расплывчато-аморфного, объединяющего под одним названием разные этнические группы, *Б. Н. Граков* попытался дать весьма конкретные определения,

наметить реальные этнические и культурные общности. В период, когда еще не были окончательно преодолены пережитки марризма, эта концепция имела особенно важное значение: она стала шагом вперед в развитии науки о скифах. Важность ее сохраняется и в наши дни, хотя целиком эту концепцию разделяли и разделяют далеко не все исследователи.

Уже на первой скифо-сарматской конференции в выступлениях *А. И. Тереножкина*, *В. А. Ильинской*, *П. Д. Либерова* прозвучало несогласие с мыслью об этнически единой Скифии³³. Вместе с тем признавалось и подчеркивалось отличие лесостепных племен по происхождению и культуре, их иная по сравнению с собственно скифами степи этническая принадлежность. Скифия же в целом рисовалась им как крупное, но лишь политическое объединение, в которое входили этнически различные племена степи и лесостепи. При этом оппоненты *Б. Н. Гракова* обращались преимущественно к археологическим источникам, а из письменных учитывали главным образом данные о размерах «скифского квадрата» Геродота. Обращая внимание на глубокое проникновение элементов скифской культуры в иноплеменную среду, которое, кстати, отмечал и *Б. Н. Граков*, они не учитывали всех письменных свидетельств о скифском этническом единстве, так убедительно представленных *Б. Н. Граковым*.

Дискуссия, развернувшаяся более 20 лет назад, продолжается до сих пор. На второй конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (1967 г.) *А. И. Тереножкин* выступил против ранее принимавшегося им вывода о различиях между степной и лесостепной культурами Северного Причерноморья³⁴. Возрождая старое понятие скифской культуры, объединяющее памятники степи и лесостепи Северного Причерноморья и Прикубанья, *А. И. Тереножкин* исходил прежде всего из общности в металле и искусстве (оружие, конский убор, звериный стиль), как и многие исследователи в начале XX в. и сам *Б. Н. Граков* до 1950 г. Кроме этого, для доказательства положения о единой скифской культуре он назвал, еще общие черты, объединяющие памятники разных территорий. Они отмечены им в погребальных сооружениях и обряде у племен степи и лесостепи Северного Причерноморья и даже у других народов Евразии. Однако и эти аргументы трудно признать убедительными, поскольку автор не показал, насколько характерны отмеченные им общие черты для каждой из областей, и не проанализировал весь комплекс данных, что необходимо для вывода об общности культуры у разных групп племен.

Отказ *А. И. Тереножкина* от конкретизации понятия «скифская культура», предложенного *Б. Н. Граковым*, на второй скифо-сарматской конференции не получил общей поддержки³⁵. Все археологи, которые исследуют памятники лесостепи на Днестре, Буге, правобережье Среднего Приднепровья и Ворскле, подчеркивают их отличие от степных и сложение культуры скифского времени в этих областях на местной основе бронзового века. Исключение, видимо, может быть сделано лишь для Посульско-Донецкой группы, которая по происхождению, как думает *В. А. Ильинская*, была связана с передвижением в этот район собственно скифских племен после их возвращения из Передней Азии³⁶. Однако следует иметь в виду, что в процессе формирования культура этих племен

испытала сильное влияние правобережной лесостепи, имеет ряд особенностей, что и позволяет отличать ее от степной, собственно скифской, с одной стороны, и правобережной лесостепной — с другой.

Интересное развитие мысль *Б. Н. Гракова* о различии между степной и лесостепной культурами получила в работах *Б. А. Шрамко*, который с большой убедительностью показал, что каждая из культурных областей имела свои собственные, не только хозяйственные, но и производственные традиции, сохраняющиеся в течение всего скифского времени³⁷.

В связи с вопросом о территории Скифии *А. И. Мелюковой* сделана попытка уточнить западную границу расселения скифских племен³⁸.

Накопление новых археологических источников за последнее десятилетие и более тщательная обработка старых, позволяют внести уточнения в распределение и характеристику локальных групп лесостепи, а также наметить некоторые локальные различия внутри степной скифской культуры³⁹. Кроме того, из лесостепной скифообразной культуры, очевидно, следует исключить лесостепные памятники Молдавии, поскольку теперь уже ни у кого не вызывает сомнений их принадлежность к фракийскому кругу. Но эти уточнения не противоречат построениям *Б. Н. Гракова*, а лишь дополняют их.

Много интересных открытий сделано украинскими археологами в степной зоне Северного Причерноморья. Они расширяют и углубляют наши представления о разносторонних этнокультурных контактах кочевых и земледельческих племен двух ландшафтных зон, особенно для VIII — VII и VII — VI вв. до н. э. Так, в степи увеличилось количество могил с деревянными конструкциями и число находок лощеной керамики, украшенной резным и штампованным орнаментом, сходных с правобережными лесостепными формами. Однако вопрос о происхождении этих общих элементов пока не может быть решен. *В. А. Ильинская* считает, что могилы с деревянными конструкциями развились в степи от погребальных сооружений срубной культуры и от скифов передались племенам лесостепи, тогда как керамика имела обратную зависимость⁴⁰. Не отрицая закономерности такого построения, нужно отметить, что слабая изученность погребальных памятников в лесостепи для предскифского времени и редкость обнаружения погребений в срубках в степной зоне пока не позволяют говорить об этом достаточно уверенно.

С другой стороны, отсутствие земледельческих поселений VI — V вв. до н. э. в степной зоне Северного Причерноморья заставляет исследователей сомневаться в правильности предположения *Б. Н. Гракова* о размещении скифов-пахарей и даже земледельцев в пределах степной зоны, а видеть их в лесостепи. Вместе с тем сторонники этой гипотезы не отказываются от вывода о разной этнической принадлежности степных скифов и скифов-пахарей и по-прежнему представляют Скифию лишь как политическое объединение, состоявшее из разнородного населения. Признавая эти сомнения обоснованными, мы в то же время считаем нужным подчеркнуть, что вывод *Б. Н.*

Гракова относительно этнического, территориального и политического единства Скифии, сделанный на основании анализа свидетельств Геродота и других письменных источников, пока еще никем не опровергнут. Есть один и археологический факт, подтверждающий этот вывод, не использованный в свое время, но впоследствии отмеченный *В. Г. Петренко*, а именно: размещение городищ, построенных населением лесостепи на границе со степью и предназначенных, очевидно, для защиты от воинственных степняков⁴¹.

М. И. Артамонов в последней работе, вышедшей уже после его смерти, пересмотрел свою точку зрения на Скифию как политическое объединение разноэтничных племен. Нынешняя трактовка скифского царства и скифов как единого целого, этнического, политического и культурного, вполне соответствует представлениям *Б. Н. Гракова*. «Скифия была населена только скифами», — пишет *М. И. Артамонов*⁴². Однако этот исследователь не ограничивает Скифию лишь степью, а считает, что в нее входили и лесостепные племена от Днестра до Дона. Именно их, по мысли автора, имел в виду Геродот, когда говорил о скифах-пахарях. Все это лесостепное население он считает тоже собственно скифским, то есть иранским по языку, связанным по происхождению с населением срубной культуры. Таким образом, концепция *М. И. Артамонова* внешне соответствует данным письменной традиции и выглядит гораздо более стройной, чем вывод сторонников разноэтничной Скифии. К сожалению, принять ее невозможно, потому что автор явно ошибался, пытаясь вывести из одного источника степные и лесостепные племена скифского времени Северного Причерноморья. Во всяком случае археологические источники явно противоречат этому.

Итак, приходится признать, что в настоящее время не выработалось единого решения одной из самых важных и вместе с тем сложных проблем скифологии. *Б. Н. Граков* предложил один из возможных путей ее разрешения, имеющий довольно твердые, но все же пока недостаточные основания. Видимо, лишь будущие исследования должны помочь создать правильное представление о территории Скифии и входивших в нее племенах.

Много внимания и труда вложил *Б. Н. Граков* в изучение степной Скифии, ее социальноэкономического строя. В конце 30-х годов он начал раскопки Каменского городища и большого курганного могильника под Никоподем с погребениями рядового населения Скифии; они были прерваны Великой Отечественной войной и продолжены в первые послевоенные годы. Эти раскопки обогатили науку новыми археологическими источниками, чрезвычайно важными для реконструкции социальной истории степной Скифии. В монографии «Каменское городище на Днепре», ряде статей и научно-популярных книгах эти материалы были использованы для убедительных и ярких характеристик производственной и хозяйственной деятельности, бытового уклада, торговли и социальных отношений в Скифии IV—III вв. до н. э.⁴³

Изучение грандиозного Каменского городища позволило определить этот памятник как своеобразный город скифских ремесленников-металлургов, экономический, торговый и,

видимо, административный центр Скифии, возникший в конце V в. до н. э. и просуществовавший до конца III в. до н. э.

Материалы Никопольского курганного могильника легли в основу характеристики погребальных памятников рядовых общинников Скифии, впервые созданной *Б. Н. Граковым*. Классификация погребальных сооружений, данная им около 20 лет назад, получила полное подтверждение в последнее десятилетие на материалах больших раскопок скифских курганов в степях Украины.

Всестороннее исследование степных скифских памятников, в том числе и материалов из старых раскопок, так называемых царских скифских курганов, сопоставление с данными археологии античных письменных свидетельств привели *Б. Н. Гракова* к оригинальному выводу относительно изменений в экономике и социальном строе скифов, наступивших в начале IV в. до н. э. *Придерживаясь* установившейся к тому времени точки зрения на Скифию эпохи Геродота (V в. до н. э.) как на социальную организацию, переживавшую последний этап первобытнообщинных отношений, он считал, что уже с IV в. до н. э. *Скифия* представляла собой первичное государственное образование, возглавляемое единым царем — Атеем⁴⁴.

Характер социально-экономических отношений в скифском государстве исследователь рассматривал как рабовладельческий, полагая, что скифское общество уже знало все формы рабства древности. Положение завоеванных рабов — основных производителей в Скифии — он определил как особую форму общинного рабства типа илотов и пенестов. Вместе с тем *Б. Н. Граков* подчеркивал примитивность государства Атея, сохранение в нем племенного деления и других явлений, характерных для родо-племенного строя.

Мысль о возникновении государства в Скифии в эпоху Атея в свое время многим исследователям казалась неприемлемой. Одни вообще отрицали государство у скифов⁴⁵. Другие придерживались точки зрения *М. И. Артамонова*, полагавшего, что государственный период у скифов начинается лишь в конце III — начале II в. до н. э. после сокращения территории царства и переноса его центра в Крым⁴⁶. Однако многие исследователи древности (*В. Д. Блаватский, Э. И. Соломоник, Д. Б. Шелов* и др.) уверенно пошли за *Б. Н. Граковым* и немало сделали в развитие его взглядов⁴⁷. В настоящее время сам факт существования государства у скифов ни у кого не вызывает сомнений, но споры о времени его возникновения и форме продолжаются. *А. И. Тереножкиным* была выдвинута гипотеза о начале государственности у скифов в конце VII—начале VI в. до н. э.⁴⁸. *М. И. Артамонов* и в последней своей работе настаивает на том, что скифское царство IV в. до н. э. *продолжало* оставаться на стадии военной демократии, «стоящей на грани превращения в государство»⁴⁹.

Некоторые новые источники подтверждают вывод *Б. Н. Гракова*. К ним относится прежде всего обнаружение и признание подлинности монет с именем царя Атея⁵⁰. Выпуск Атеем своей серебряной монеты, по мнению *Д. Б. Шелова*, свидетельствует о том, что этот царь осознал свою власть как власть государственную, осуществляющую право монетной чеканки. Монетный же тип, близкий к типу монет Филиппа II Македонского, говорит о

стремлении этого царя продемонстрировать свое равенство с Филиппом, подчеркнуть не только суверенитет, но и могущество своей державы⁵¹.

В пользу больших социальных изменений, происходивших в IV в. до н. э., говорит и очень глубокая имущественная и социальная дифференциация, особенно ярко вырисовывающаяся из материала массовых курганных раскопок последних лет.

В связи с развитием в настоящее время науки о социальных отношениях в древних обществах стало возможным внести некоторые уточнения в определение характера скифской государственности. А. М. Хазанов предлагает считать скифское государство государством раннеклассового типа⁵². Под этим подразумевается политическое образование с недостаточно развитой классовой структурой, где форма эксплуатации не была единой, а существовали, по крайней мере, три подобные формы — данничество, рабство, кабальная зависимость. Ведущей формой эксплуатации А. М. Хазанов, как и Б. Н. Граков, считает данничество, но в отличие от последнего он не видит в данничестве зависимости рабского типа.

В пределах одной статьи трудно осветить все вопросы скифской истории и археологии, которые интересовали и изучались Б. Н. Граковым. Мы остановились на узловых, наиболее спорных проблемах, в разработку которых он внес большой вклад. Труды ученого в этой области оставили значительный след в исторической науке. Нет сомнения в том, что ими будет пользоваться не одно поколение археологов и историков древнего мира.

МОШКОВА, СМИРНОВ

ПРОБЛЕМЫ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В РАБОТАХ Б. ГРАКОВА

Имя профессора Б. Н. Гракова тесно связано с изучением истории и археологии сарматов — большого ираноязычного массива Евразии в древности.

В начале своей научной деятельности Б. Н. Граков находился под определенным влиянием крупнейшего историка античности академика М. И. Ростовцева, в классических трудах которого по истории скифов и сарматов были сведены все археологические и письменные данные об этих племенах, населявших в древности юг Восточной Европы¹. Первые работы по истории сарматов были написаны Б. Н. Граковым в конце 20-х — начале 30-х годов. В них ярко отразились как многие положительные, так и некоторые отрицательные стороны исторической концепции М. И. Ростовцева. Но уже с первых лет своей научной деятельности Б. Н. Граков проявил себя как крупнейший советский ученый, наметивший новое направление в изучении скифо-сарматского мира. Многие плодотворные идеи Б. Н. Гракова, успешно в дальнейшем разрабатываемые его учениками и последователями, были впервые высказаны или намечены в его ранних научных трудах.

Они созданы на основе полевых исследований, проведенных *Б. Н. Граковым* в Поволжье в 1925 — 1926 гг. (курганские группы Блюменфельд, Харьковка, Кано) и Южном Приуралье с 1927 по 1932—1933 гг. (группы в районе пос. Нежинского, Благословенского, Матвеевского и др.).

Хотя статьи эти принадлежали перу совсем еще молодого ученого, только приступившего к изучению сарматских памятников, круг проблем и вопросов, затронутых в них настолько широк и многогранен, что нет никакой возможности, особенно в небольшой статье, осветить их полностью, поэтому мы остановимся на наиболее важных и принципиальных.

Когда *Б. Н. Граков* начал свои исследования в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, сарматская археология располагала лишь незначительным и почти неизданным или частично изданным материалом из раскопок *А. А. Спицына*, *П. С. Рыкова*, *П. Д. Рау* и *Т. М. Минаевой* в Нижнем Поволжье, *П. С. Назарова*, *Ф. Д. Нефедова* и некоторых деятелей Оренбургской архивной комиссии в Южном Приуралье, а также замечательным трудом *М. И. Ростовцева* «Курганские находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», где были собраны, подвергнуты блестящему анализу и датированы в пределах V — II вв. до н. э. все памятники раннего железного века Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Однако, исходя из данных письменных источников, *М. И. Ростовцев* полностью отрицал генетическую связь геродотовских савроматов и сарматов позднего эллинизма и римского времени; он связал исследованные им памятники с сарматами, преимущественно ранними, подчеркивая при этом пришлый, «иранский» характер их культуры. Уже *М. И. Ростовцеву* было ясно, что приуральские сарматские памятники неодновременны. Намеченные им хронологические группы, раннюю (V — IV вв. до н. э.) и более позднюю (III — II вв. до н. э.), в соответствии с теперешними представлениями — савроматская и прохоровская культуры — он объяснял последовательными сарматскими волнами².

Раскопки *Б. Н. Гракова* в Поволжье в 1925 и 1926 гг. дали свежие и яркие материалы, особенно по скифо-савроматскому времени, позволившие исследователю поставить и решить ряд важнейших вопросов сарматской археологии. Исследования 1927 — 1929 гг. в Южном Приуралье, может быть, не были столь впечатляющими, как в Поволжье, но тем не менее оказались такими же ценными для разрабатываемых *Б. Н. Граковым* вопросов.

В результате этих исследований в 1928 — 1935 гг. *Б. Н. Граковым* была опубликована серия статей по сарматской археологии, столь насыщенных тонким анализом материала, яркими наблюдениями, интуитивно подсказанными направлениями поисков, что они и по сей день остаются кладезем мысли, из которого можно бесконечно черпать идеи, каждый раз находя все новые аспекты рассмотрения той или иной проблемы³.

Достаточно сказать, что в первых же двух статьях «Памятники культуры скифов между Волгой и Уральскими горами» и «Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г.», вышедших в 1928 и 1929 гг., были очень точно выделены два хронологических периода, охватывающие VI — первую половину IV в. до н. э. и конец IV — II вв. до н. э. *Материалы* из многих сотен сарматских погребений, вскрытых в последующие 30 лет, лишь слегка отодвинули начальную дату первого периода. Но рубеж между двумя хронологическими группами, впоследствии культурами, остался незыблемым. Тогда же были намечены границы распространения памятников этих двух групп, покрывающих территорию степей от Оренбурга до правобережья Волги⁴.

Но, утверждая культурное единство памятников первой хронологической группы на всей территории ее распространения, *Б. Н. Граков* отмечает и местные особенности для Самаро-Уральского региона, которые затем легли в основу выделения двух локальных вариантов савроматской культуры — Волго-Донского и Самаро-Уральского⁵.

Однако, разделяя точку зрения *М. И. Ростовцева* об отсутствии савромато-сарматских генетических связей, *Б. Н. Граков* отождествил раннюю хронологическую группу, то есть памятники блюменфельдского типа, с историческими скифами, считая, «что жители (оставившие эту культуру) были остатками скифских миграций»⁶. Правда, уже в IV в. до н. э. их вытеснили носители новой культуры (это вторая хронологическая группа IV—II вв. до н. э., памятники типа прохоровских курганов), которых он вслед за *М. И. Ростовцевым* считает каким-то ответвлением сарматской народности, но не господствующим классом сарматов-наездников, как писал *М. И. Ростовцев*, а сплошным сарматским населением⁷. Открытие массовых погребений рядового сарматского населения, тождественных по основным чертам обряда богатым всадническим захоронениям, подтвердило последнее положение.

Хотя *Б. Н. Граков* и отождествил блюменфельдскую группу памятников со скифами, свойственная ему удивительная научная интуиция все время приводила его к верным решениям при исследовании частных конкретных вопросов.

Так, блестяще анализируя вещи в зверином стиле из Блюменфельдского кургана и все время сравнивая их со скифскими, *Б. Н. Граков* говорит о независимости развития звериного стиля в восточной части Скифии. Он видит большую общность этого звериного стиля с камскими и сибирскими находками подобного рода. Сходство же блюменфельдской и западноскифской ветвей звериного стиля *Б. Н. Граков* объясняет единством их происхождения.

Собственно говоря, в этих замечаниях *Б. Н. Гракова*, прозвучавших почти полвека назад, совершенно верно выделена савроматская ветвь звериного стиля и определено ее место. Новые находки и исследования лишь подтвердили правильность сказанного *Б. Н. Граковым*⁸.

Особое место среди вышедших в конце 20-х — начале 30-х годов статей *Б. Н. Гракова* принадлежит работе «О ближайших задачах археологического изучения Казахстана».

Она дает полное представление о состоянии археологического изучения восточных районов скифо-сарматского мира к началу 30-х годов. С другой стороны, она как бы заканчивает первый этап в исследованиях *Б. Н. Гракова* по сарматской археологии и намечает пути дальнейших поисков и осмысления новых археологических фактов.

Уже в этой работе в очень сжатом виде даны по существу все те отличительные признаки, которые легли затем в основу характеристики савроматской и прохоровской культур. Здесь сказано несколько слов и о памятниках римского времени, которые хронологически и генетически, по мнению *Б. Н. Гракова*, примыкают к прохоровской культуре, отождествляемой с сарматами. Здесь же выделены и памятники эпохи переселения народов, к которым вслед за *Т. М. Минаевой* *Б. Н. Граков* справедливо отнес и знаменитые Шиповские курганы⁹. Дискуссии, возникшие в конце 60-х годов вокруг шиповских погребений¹⁰, показали правильность первоначальной позиции *Б. Н. Гракова*, согласно которой они принадлежали к особой группе памятников конца IV — V вв., включавшей погребения с сожжением из Покровска (ныне г. Энгельс), могилу у с. Новогригорьевка на Днестре и др.

Одновременно с *Б. Н. Граковым* в Поволжье вел исследования талантливый раскопщик и ученый *П. Д. Рау*. В 1926, 1927 и 1929 гг. выходят 3 его книги, где помимо публикации материала раскопок значительное внимание уделено вопросам периодизации и интерпретации исследованных нижеволжских памятников¹¹.

В книге *П. Д. Рау*, вышедшей в 1929 г., были вновь проанализированы известные из Поволжья и Приуралья материалы, подтверждена их хронология, в частности на основе классификации и типологии бронзовых наконечников стрел, и отвергнута точка зрения *Б. Н. Гракова* о принадлежности этих памятников скифам. *П. Д. Рау* считал население, оставившее нижеволжские памятники, «савроматами Геродота, восточными соседями скифов, живущими по ту сторону Дона в Азии и близкими скифам».

Одним из аргументов, приводимых *П. Д. Рау* в пользу своей точки зрения, была различие погребального обряда и инвентаря нижеволжских и северопричерноморских скифских погребений, в частности наборов бронзовых наконечников стрел и вещей в зверином стиле (особенно костяных).

Дальнейшие задачи исследования *П. Д. Рау* видел в решении двух основных вопросов: во-первых, взаимосвязь савроматов с широкими могилами и сарматов с меридиональными могилами, то есть блюменфельдских и прохоровских групп погребений, во-вторых, этнический состав населения СамароУральской области и его отношение к савроматам Нижней Волги¹².

Высказанная *П. Д. Рау* гипотеза заставила *Б. Н. Гракова* обратить самое пристальное внимание на скифские памятники Северного-Причерноморья именно с позиций их сходства и различия с нижеволжскими материалами, а также еще раз проанализировать все данные письменных источников, в интерпретации-которых он был непревзойденным знатоком.

В результате этого труда появилась выдающаяся работа *Б. Н. Гракова* («Пережитки матриархата у сарматов»), которая вышла в 1947 г.; в ней подытожены многолетние исследования *М. И. Ростовцева*, *П. С. Рыкова*, *П. Д. Рау* и самого автора¹³.

Еще раньше, в 1945 г., в письменных материалах, подготовленных к Всесоюзному археологическому совещанию, *Б. Н. Граковым* были изложены в тезисной форме основы сарматской периодизации¹⁴.

В работе «“ES±№єієБ±ДіЕјмSi№» *Б. Н. Граков* выделяет обширную территорию от Аткарска до Степного и Яшкюля между Волгой и Доном — на западе, до Эмбы и Орска — на востоке и отсюда до Бузулука и Магнитогорска — на севере, которую, по его мнению, занимает одна археологическая культура, тождественная на всем ее протяжении. Лишь по наличию каменных алтарей-жертвенников, некоторым вариантам керамики и наконечников стрел, а также слабым чертам связи с ананьинским кругом памятников можно отделить в этой культуре зону Куйбышев — Чкалов — Орск от зоны Степной — Саратов — Уральск. Культура покрывает всю территорию савроматов (по Минзу—Рау) и сарматов (по Ростовцеву), поэтому, как считает *Б. Н. Граков*, следует либо отказаться от отрицания тождества обоих понятий, либо искать исход позднейших сарматов далее на восток¹⁵.

Б. Н. Граков останавливается на первом варианте и впервые представляет развернутую систему доказательств генетической связи савроматов Геродота и сарматов позднего эллинизма и римского времени. Новый материал в совокупности со скрупулезным анализом всего ранее известного принес исследователю недостающие звенья в цепи доказательств. Были обнаружены переходные формы как в ритуале, так и в инвентаре блюменфельдской и прохоровской культур, а также от прохоровской группы памятников к группе римского времени (по *П. С. Рыкову* и *П. Д. Рау*). Кроме того, удалось, наконец, собрать и осмыслить факты, которые свидетельствовали о действительно особом положении женщины в савроматском обществе: центральное место женской могилы в кургане, вооружение и предметы культа в женских могилах. Но главное заключалось в том, что эта традиция нашла свое продолжение и в раннесарматских памятниках.

Таким образом, было ликвидировано одно из основных препятствий для утверждения генетической связи между блюменфельдской и прохоровской культурами.

Не менее важное значение работы *Б. Н. Гракова* «Пережитки матриархата у сарматов» состоит и в том, что здесь впервые была дана четкая хронологическая схема сарматского материала. Все археологические памятники сарматов предстали в виде 4 следующих друг за другом периодов, отличных в целом друг от друга и по ритуалу и по инвентарю. Знаменательно, что каждый из этих периодов *Б. Н. Граков* назвал культурой или ступенью, видимо, сознательно не употребляя термин «этап». Так он, может быть, хотел подчеркнуть очень большое своеобразие каждого периода и всю сложность и неравнозначность процесса перехода от одной ступени к другой. В этой терминологии была уже заложена идея необходимости исследования моментов перехода одной культуры в другую, то есть вопроса происхождения каждой из них.

И в то же время все 4 отдельные культуры (блюменфельдская, прохоровская, сусловская и шиповская) *Б. Н. Граков* объединяет общим понятием сарматская культура, указывая тем самым на существование генетических связей на протяжении всей тысячелетней истории сарматов.

Предложенная *Б. Н. Граковым* четырехчленная периодизация савромато-сарматских памятников с некоторыми модификациями принята сейчас всеми без исключения исследователями.

После данной работы изучение сарматских памятников пошло по линии детальных, глубоких разработок отдельных периодов истории сарматов и конкретных проблем внутри каждого периода.

Этот труд взяли на себя и продолжили многочисленные ученики и последователи *Б. Н. Гракова*. Так, в одной из первых работ *К. Ф. Смирнова* были уточнены хронологические рамки среднесарматской (сусловской) и позднесарматской (шиповской) культуры¹⁶. Исследователь аргументировал весьма плавный переход от прохоровской культуры к сусловской, а сложение последней отнес к концу II — рубежу II — I вв. до н. э. Он подчеркнул особую генетическую близость этих культур в противоположность позднесарматской культуре, носители которой не представляли столь тесной этнической группы с предшествующим населением Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Особенно плодотворно была изучена *К. Ф. Смирновым* савроматская культура¹⁷. Были затронуты все вопросы ее развития: происхождение, детальная хронология, производство и характер хозяйства, общественный строй, религиозные представления, торговые связи и взаимоотношения с соседями¹⁸.

Много внимания было уделено также исследованиям по прохоровской культуре, особенно вопросам ее хронологии и происхождения¹⁹. Дело в том, что прохоровская культура, хотя и связана генетически с савроматской, однако в формировании ее принимали участие и иноэтнические элементы. Наиболее уверенно можно говорить об участии в этом процессе отдельных групп населения лесостепного Зауралья раннего железного века и предположительно о группах кочевников Центрального Казахстана и Восточного Приаралья. Наиболее аргументированной является в настоящее время также гипотеза о сложении прохоровской культуры на территории Южного Приуралья и расселении ее носителей к концу IV в. до н. э. на Нижнюю Волгу и далее на запад, в низовья левобережного Дона.

Некоторому пересмотру и хронологическому уточнению подверглись памятники последнего периода исторического существования сарматов, когда они утратили господство в степях юга Восточной Европы, уступив свое место гуннскому племенному союзу. В работе *И. П. Засецкой* высказано справедливое сомнение в правомочности называть культуру поздних сарматов шиповской²⁰. Ибо сами Шиповские курганы, датируемые не ранее конца IV — начала V в. н. э., являются памятниками гуннской эпохи. Эти яркие комплексы свидетельствуют лишь о том, что гуннские племена, обитавшие

какое-то время на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, впитали отдельные элементы культурной традиции поздних сарматов (аланов).

Многие памятники, ранее связываемые с поздними сарматами, *И. П. Засецкая* совершенно справедливо отнесла к эпохе переселения народов и в то же время уточнила датировку наиболее ярких позднесарматских комплексов Нижнего Поволжья²¹.

Рядом исследователей проводилась разработка отдельных категорий савромато-сарматских вещей, особенно оружия. Эти исследования наметили не только хронологические вехи, но и позволили сделать интереснейшие выводы и наблюдения, касающиеся организации войска и военного искусства сарматов²².

Многолетние и очень интересные исследования ведут *И. И. Гущина* и *М. П. Абрамова* по выяснению степени и характера процесса сарматизации материальной культуры античных городов и местных племен Крыма²³ и Северного Кавказа²⁴ в последние века до нашей эры и первые века нашей эры.

Вопросы этнической истории Приазовья II — III вв. н. э., неразрывно связанные с импульсивными передвижениями ираноязычных сарматских, по всей видимости, именно аланских племен, решаются на основе данных танаисской ономастики²⁵.

Всесторонний анализ сарматских памятников Северо-Восточного Кавказа и их историческую интерпретацию можно найти в работах *В. Б. Виноградова*²⁶.

Проблема внешнеторговых связей сарматских племен Поволжья и Приуралья, возникших в савроматское время, была рассмотрена в специальной статье *Б. Н. Гракова*, также вышедшей в 1947 г.²⁷. Со свойственным ему блеском в интерпретации письменных источников, *Б. Н. Граков* на основании сведений Геродота, а также археологических материалов неопровержимо доказывает существование сухопутного торгового пути, связывавшего в V в. до н. э. *Ольвию* с Поволжьем и Приуральем. Разработка этой проблемы для более позднего времени нашла свое продолжение в исследованиях *В. П. Шилова*, *С. И. Калошиной* о предметах итальянского импорта из богатых сарматских погребений Нижнего Дона и Поволжья²⁸.

Помимо вопросов периодизации и преемственности савромато-сарматских памятников в статье *Б. Н. Гракова*, вышедшей 28 лет назад, был поднят еще один вопрос — о сарматской гинекократии, — остающийся в какой-то мере дискуссионным и по сей день.

Не только письменные источники, сведения которых об особом положении савроматских женщин *Б. Н. Граков* вслед за *М. И. Ростовцевым* считал вполне реальными, но и появившийся после раскопок 20 — 30-х годов археологический материал привели *Б. Н. Гракова* к постановке этой проблемы.

Суммируя археологические данные, *Б. Н. Граков* обратил внимание на сравнительно большое число вооруженных женщин, на особое положение женских захоронений в

кургане, а иногда и в могильнике, на каменные переносные алтари-жертвенники, находимые только в женских могилах, и, наконец, на человеческие жертвоприношения (они очень редко встречаются в сарматских могильниках, но во всех случаях связаны именно с женскими погребениями).

Все это, по мнению *Б. Н. Гракова*, следовало рассматривать как мощные следы матриархата у савроматов²⁹.

Но коль скоро автор ставил перед собой задачу не выяснения сущности явления, а лишь констатации его на археологическом материале савроматского и раннесарматского периодов, то и мы должны видеть в работе *Б. Н. Гракова* лишь постановку этой проблемы. Именно этим обстоятельством, а также терминологической нечеткостью объясняется не вполне последовательная позиция *Б. Н. Гракова* в данном вопросе.

Как всегда, новая концепция нашла своих сторонников (*С. П. Толстов, И. В. Сеницын, К. Ф. Смирнов, В. Б. Виноградов*)³⁰ и противников (*В. П. Шилов, И. П. Берхин-Засецкая, Л. Я. Маловицкая, А. П. Смирнов*)³¹. Однако долгое время дискуссия оставалась бесперспективной. Во-первых, авторы почти не учитывали современные точки зрения на проблему материнского рода, и, во-вторых, дискуссии мешала терминологическая неопределенность, когда одни и те же термины — матриархат, пережитки матриархата, материнский род, матрилинейность и *т. д.* — разные авторы употребляли не однозначно.

В работе *А. М. Хазанова* «Материнский род у сарматов», вышедшей в 1970 г., были вскрыты причины тупиковой ситуации с дискуссией о матриархате у савроматов и предложена наиболее плодотворная трактовка этой проблемы³².

Вновь разбирая все основания для определения савроматского общества как матрилинейного, *А. М. Хазанов* подошел к анализу всех источников под этнографическим углом зрения. Совокупность письменных и археологических данных привела исследователя к констатации определенных явлений, о которых впервые писал *Б. Н. Граков*, присущих именно савроматскому обществу.

1. Активное участие савроматских женщин в военных действиях. Кстати, по данным *К. Ф. Смирнова*, погребения вооруженных савроматских женщин составляют не менее 20% от всех могил с оружием, что не наблюдается ни в одном из кочевых обществ Восточной Европы.
2. Отправление савроматскими женщинами жреческих функций.
3. Участие савроматских женщин в общественной жизни и их высокое положение в обществе.

Все эти черты общественного развития, по-мнению *А. М. Хазанова*, присущи только матрилинейным обществам. Опираясь на имеющиеся в настоящее время в

этнографической науке представления о том, что позднематеринский род и патриархальный род являются параллельно существующими формами распада первобытнообщинных отношений, А.М. Ха-занов приходит к выводу о бытовании у савроматов именно материнского рода на поздней ступени его развития. А. М. Хазановым подчеркнута также динамика процесса развития савромато-сарматского общества, на что в свое время делал упор и *Б. Н. Граков*.

Несмотря на то что с конца 40-х годов *Б. Н. Граков* по существу отошел от сарматской археологии, всецело посвятив себя изучению скифов, его отдельные мелкие заметки, связанные с историей сарматов, появлялись в печати до конца его дней³³. И каким бы вопросам они ни были посвящены, удивительно тонкие наблюдения и меткие замечания всегда составляли их сущность.

С момента появления первых работ *Б. Н. Гракова* по сарматской археологии, то есть за последние полвека, эта дисциплина, несомненно, достигла огромных успехов. У истоков сарматской археологии, превратившейся со временем в специальный раздел советской археологии, находятся труды *Б. Н. Гракова*. Мысли и идеи, высказанные в этих исследованиях, нашли свое продолжение и развитие в работах его учеников и последователей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВДИ — Вестник древней истории

ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета

ВМУ — Вестник Московского университета

ГИМ — Государственный Исторический музей

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗООА — Записки Одесского археологического общества

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей

ИАК — Известия Археологической комиссии

ИВАД — Известия на Варненско археологическо дружество

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
- КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
- МАР — Материалы по археологии России
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
- МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НИС — Нумизматика и сфрагистика
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
- ОАК — Отчет Археологической комиссии
- ПИМК — Проблемы истории материальной культуры РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
- СЭ — Советская этнография
- AA — Acta Archaeologica
- Athen. Mitt. — Mitteilungen des Deutschen Archaeologi-sehen Instituts, Athenische Abteilung
- BCH — Bulletin de correspondance hellénique
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
- ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
- IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
- MAGW — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft
- PZ — Praehistorische Zeitschrift
- RE — Pauly—Wissowa—Kroll Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft
- SA — Slovenska archeologia
- SCIV — Studii si cercetări de istorie veche. Bucuresti

SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften

WPZ — Wiener prđhistorische Zeitschrift

WMBH — Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina

ZfN — Zeitschrift für Numismatik

Сноски

стр.5

¹ Гесиод. Работы и дни. Пер. В. В. Вересаева. М., 1927, стихи 150—151, 176—178.

² П. Овидий Назон. Метаморфозы. Пер. С. В. Шервинского. М., 1937, кн. 1, стихи 125—131.

³ Дж. Леббок. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей. М., 1876.

⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

стр.6

⁵ G. de Mortillet. Formation de la nation française. Paris, 1897, p. 193; В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период. М.—Пг., 1923, стр. 24.

⁶ Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 636—679; М. Гернес. Культура доисторического прошлого, ч. III. Железный век. М., 1914; J. Dйchйlette. Manuel d'archйologie prйhistorique, celtique et gallo-romaine, vol. II, part. 2. Premier vge du fer ощ йроque de Hallstatt. Paris, 1913; idem. Manuel d'archйologie prйhistorique, celtique et gallo-romaine, vol. II, part. 3. Second vge du fer ощ йроque de la Tine. Paris, 1914.

⁷ O. Montelius. Die dlteren Kulturperioden im Orient und in Europe, Bd I. Die Methode. Stockholm, 1903; Bd II. Babylonien. Elam. Assyrien. Stockholm, 1916—1923; idem. La Grise прйclassique, part. 1. Stock- holm, 1924; part. 2, fasc. 1. Stockholm, 1928; idem. La civilisation primitive en Italie дйpuis l'introduction des мйтаux, part. 1. Italie septentrional. Stockholm, 1895; part. 2. Italie centrale. Stockholm, 1904, 1910; idem. Wann begann die allgemeine Werwendung des Eisens? PZ, Bd V, Hf. 34. Leipzig—Berlin, 1913, SS. 289—330; idem. Die vorklassische Chronologie Italiens. Stockholm, 1912.

⁸ P. Reinecke. Brandgrдber vom Beginne der Hallstattzeit aus den цстlichen Alpenldndern und die Chronologie des Grabfeldes von Hallstatt. MAGW, Bd XXX. Wien, 1900; idem. Grabfunde der zweiten Hallstattstufe aus Suddeutschland. Alterтърmer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz, 1908; idem. Grabfunde der dritten Hallstattstufe aus Suddeutschland. Alterтърmer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz, 1911.

стр.7

⁹ Н. Мь11er - Karpe. Beitrдge zur Chronologie der Urnenfelderzeit нрдlich und сьдlich der Alpen. Rцmisch-germanische Forschungen. Berlin, 1959.

¹⁰ Ж. де Морган. Доисторический человек. М.—Л., 1926.

¹¹ J. de Morgan. Прйhistoire orientale. Oeuvre posthume, vol. III. L'Asie антйrieure. Paris, 1927.

¹² Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892; его же. Могилы русской земли. М., 1908.

¹³ О. И. Бич. Архив А. А. Спицына. II. Заметки на карточках («корочки») № 303 (426). «Общая археология». СА, т. X. М.—Л., 1948, стр. 32.

¹⁴ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910; его же. Археология, т. I. Каменный период, стр. 21—30; его же. Археологическая классификация. М., 1925; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.

стр.8

¹⁵ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, гл. I—VIII. Эта же классификация принята и в последнем учебнике по археологии (Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967).

¹⁶ Очерки истории СССР. Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайт. М., 1956, гл. IV (см. также История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 томах, т. 1. М., 1966, стр. 6).

¹⁷ О понятии «военная демократия», о смысле, в каком его употребляли разные исследователи, см. А. М. Хазанов. «Военная демократия» и эпоха классовобразования. «Вопросы истории», 1968, № 12, стр. 87—97.

стр.9

¹⁸ Г. Кларк. Доисторическая Европа. Пер. М. Б. Граковой-Свиридовой. М. 1953, стр. 203.

стр.10

¹⁹ Калевала. Пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1940, стр. 50.

²⁰ Р. В. Шмидт. Очерки по истории горного и металлообработывающего производства в античной Греции. ИГАИМК, вып. 108. М.—Л., 1935, стр. 237—256.

²¹ Б. Е. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 238—410; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32. М., 1953, стр. 20—22 и сл.; Г. Кларк. Ук. соч., стр. 205—206. См. в этих работах указания на характер сыродутного процесса и устройство кричных печей.

стр.12

²² Д. Перси. Руководство к металлургии, т II. Пер. А. Доброницкого. СПб., 1869; Т. А. Rickard. Man and Metals, vol. 2. New York, 1932.

²³ Гесиод. Теогония. Пер. В. В. Вересаева М, 1928, стихи 861 и сл.

²⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 163.

²⁵ Г. Чайлд. Прогресс и археология Пер. М. Б. Граковой-Свиридовой. М, 1949, стр. 78—85.

²⁶ Р. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 255, рис. 13; Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 81—84.

стр.13

²⁷ Гомер. Одиссея. Пер. В. А. Жуковского. М.—Л., 1935, кн. IX, стихи 391 и сл.

²⁸ Д. Перси. Ук. соч.; Р. В. Шмидт. Металлическое производство в мифе и религии античной Греции. ИГАИМК, т. IX, вып. 8—10. Л., 1931, стр. 1—81. В этой работе кроме древнегреческого материала по данной теме собрано много азиатских, африканских и других фольклорных данных с полной библиографией вопроса, русской, советской и зарубежной (см. также Б. Е. Деген-Ковалевский. Ук. соч., прим. 21).

стр.14

²⁹ Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись (под 1114 годом). СПб., 1843, стр. 5.

³⁰ Калевала, прим. 18.

стр.15

³¹ Б. Н. ГБаков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36. М., 1954, стр. 115 и сл.

³² Следует иметь в виду, что интервокальное «эр» в греческом слове первичное, а в латинском возникло из «эс». Поэтому решающее — корень «sid», а созвучие второго слога случайно.

стр.16

³³ Вергилий. Энеида. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева. М.—Л., 1933, кн. VIII, стихи 415—453.

стр.17

³⁴ Например, О. Montelius. Warm begann..., SS. 300—304; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 155; С. К. Дикшит. Введение в археологию. М., 1960, стр. 421.

³⁵ О. Montelius. Warm begann..., SS. 302 — 303.

³⁶ О. Montelius. Wann begann..., SS. 293 — 308; Г. Картер. Гробница Тутанхамона. Пер. Ф. Л. Мендельсона и Д. Г. Редера. М., 1959, стр. 165 — 171, табл. 101 Б, 128; Г. Чайлд. Прогресс и археология, стр. 78; С. К. Дикшит. Ук. соч., стр. 430 — 431.

стр.18

³⁷ Например, М. Гернес. Железный век, стр. 88 — 92; Народы Африки. М., 1954, стр. 64 и 66.

³⁸ Г. Чайлд. Прогресс и археология, стр. 76—77; его же. Древнейший Восток..., стр. 240; С. К. Дикшит. Ук. соч., стр. 422. См. также Э. Бикерман. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.

стр.19

³⁹ G. Perrot et Ch. Chipier. L'histoire de l'art dans l'antiquité, vol. II. Assyrie. Paris, 1885, p. 721.

⁴⁰ О. Montelius. Wann begann..., S. 309; idem. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa, Bd. II, SS. 76—78; Г. Чайлд. Прогресс и археология; стр. 76—78; его же. Древнейший Восток..., стр. 432— 433.

стр.20

⁴¹ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 201 и сл.; С. К. Дикшит. Ук. соч., стр. 428 — 430.

⁴² Г. Чайлд. Прогресс и археология, стр. 77; его же. Древнейший Восток..., стр. 240.

⁴³ Г. Чайлд. Прогресс и археология, стр. 78; J. Schaeffer. Syria. Paris, 1929 — 1939; С. К. Дикшит. Ук. соч., стр. 425 — 428.

стр.21

⁴⁴ С. К. Дикшит. Ук. соч., стр. 451— 483.

⁴⁵ О. Montelius. Warm begann..., SS. 310 — 311; G. Perrot et Ch. Chipier. L'histoire de l'art dans l'antiquité, v. VII. La Grèce de l'époque. Paris, 1898, p. 229 sq.

⁴⁶ Т. Лукреций Кар. О природе вещей. Пер. Ф. А. Петровского. М.—Л., 1946, кн. V, стихи 1283— 1296.

стр.27

¹ R. Pittioni. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien, 1954, SS. 541 — 555.

² В этом разделе даны основные варианты гальштатской культуры, связанные с различными этническими группами. Выделение их относится еще к началу XX в. (М. Гернес. Культура

доисторического прошлого, ч. III. Железный век. М., 1914, стр. 42; J. Дйчйlette. Manuel d'archйologie рйhistorique, celtique et gallo-romaine, vol. II, part. 2. Pгmier dge du fer ou йpoque de Hallstatt. Paris, 1913, pp. 617 — 628). С некоторыми изменениями, учтенными Б. Н. Граковым, они признаются и современными специалистами. Примером может служить статья Я. Филипа «Hallstattkultur» («Enzyklopedisches Handbuch zur Ur- und Fruhgeschichte Europas», Bd I. Prag, 1966, S. 458). Наряду с выделением больших областей в настоящее время существует очень дробное деление внутри их (например, для территории Австрии см. R. Pittioni. Op. cit., pp. 535-645).

³ Под северо-восточной, или эльбо-одерской, группой Б. Н. Граков подразумевает памятники типа погребений в Платеницах, которые чешские исследователи относят к третьей ступени силезско-платеницкой культуры (J. Filip. Popelnicowa pole a rosdtki zeleznyй doby v Cechach. Praha, 1936—1937, str. 87—101).

⁴ P. Reinecke. Chronologie des Graberfeld von Hallstatt. MAGW, Bd. XXX. Wien, 1900.

⁵ J. Дйчйlette. Op. cit., vol. II, part. 2, pp. 617— 628; М. “ернес. Ук. соч., стр. 39—54.

стр.28

⁶ R. Pittioni. Op. cit., pp. 541—555. Наряду с делением гальштатской эпохи на две ступени, о чем говорится в тексте, существует более дробное деление гальштатских древностей на фазы А, В, С, D, предложенное П. Рейнеке. Фаза А его периодизации соответствует V и VI периодам бронзы О. Монтелиуса, фаза В — это время бытования бронзовых гальштатских мечей, фаза С — больших железных мечей, а фаза D — кинжалов (P. Reinecke. Brandgrдber von Beginne der Hallstattzeit aus den цtlichen Alpenlndern und die Chronologie des Grabfeldes von Hallstatt. MAGW, Bd XXX. Wien, 1900; idem. Grabfunde der zweiten Hallstattstufe aus Suddeutschland. Alterymer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz, 1908; idem. Grabfunde der dritten Hallstattstufe aus Suddeutschland. Alterymer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz, 1911). Деление П. Рейнеке на фазы А, В, С, D сохраняется до настоящего времени. Исследователи дают даже более дробные фазы и уточняют их абсолютную датировку. Показательным примером таких исследований может быть работа Г. Мюллера-Карпе, уточнившего абсолютную хронологию ранних фаз гальштатской эпохи: А1 — XII в. до н. э., А 2 — XI в. до н. э., В 1 — X в. до н. э., В 2 — IX в. до н. э., В 3 — VIII в. до н. э. (H. Myller-Karpe. Beitrдge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nцrdlich und sцdlich der Alpen. Rцmisch-germanische Forschungen. Berlin, 1959).

⁷ Бронзовые мечи с антенным навершием характерны для времени, предшествующего собственно гальштатскому (R. Pittioni. Op. cit., p. 483). Некоторые поздние типы этих мечей, как исключение, встречаются в комплексах I ступени гальштатской культуры. Один такой меч известен из богатого оружием Гальштатского могильника (K. Kromer. Das Grдberfeld von Hallstatt. Firenze, 1959, S. 24). Еще один подобный меч можно назвать в могильнике Клайнклайн, Австрия (R. Pittioni. Op. cit., p. 605).

стр.29

⁸ С. Truhelka. Der vorgeschichtliche Pfahlbau im Savebette bei Donja Dolina Bezirk Bosnisch Gradiska. WMBH, Bd IX. Wien, 1904, SS. 3 — 156; idem. Der Pfahlbau von Donja Dolina. WMBH, Bd XI. Wien, 1909, SS. 3 — 27.

стр.32

⁹ J. Дйчйlette. Op. cit., vol. II, part. 2, pp. 601 — 606; K. Kromer. Op. cit. (эта публикация содержит исчерпывающую библиографию). В тексте данной книги сведения о количестве погребений взяты у Дешелетта (J. Дйчйlette. Op. cit., pp. 601— 602). Новые подсчеты с включением более поздних раскопок сделаны Кромером. К его времени научно обработано 1112 погребений. Из них: трупосожжений — 505, трупоположений — 597 (K. Kromer. Op. cit., p. 15). На русском языке впервые развернутую и интересную характеристику Гальштатского могильника дал В. А. Го родцов (Бытовая археология. М., 1908).

стр.37

¹⁰ А. М. Та11gren. Die Kupferen Flachdхте mit seitlichen Zdpfen. «Finsk. Forn. Tidskrift», Bd XXVI. Helsingfors, 1912; idem. La pontide p̄iscythique apris l'introduction des м̄таux. ESA, t. II. Helsinki, 1926, p. 174; Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. Вестник Государственного музея Грузии, т. XIII. Тбилиси, 1944, стр. 31 — 32; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, т. XVIII. М., 1953, стр. 294 — 295; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 123 — 124.

стр.49

¹¹ Г. Кларк. Доисторическая Европа. Пер. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1953, стр. 108 — 111, рис. 47 — 51; Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, стр. 73 — 90; его же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, № 4, стр. 84 — 101.

стр.50

¹² Ножны из Гальштатского могильника по времени относятся к эпохе латена В, по Рейнеке—Питтиони, или латена I, по Дешелетту (R. Pi11ioni. Op. cit., p. 655; J. Дйчйlette. Op. cit., p. 1168; K. Kromer. Op. cit., pp. 24, 28). Однако в украшениях ножен ярко выступают признаваемые всеми традиции гальштатского искусства. Такой же облик имеют и некоторые Другие вещи раннего латена, например ситула из Куффарна. Характер изображений послужил причиной помещения этих вещей еще в раздел гальштата.

¹³ H. Wankel. Bilder aus der Mдhrischen Schweiz und ihrer Vergangenheit. Wien, 1882.

¹⁴ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 256 — 273.

стр.51

¹⁵ H. Мь11ег - Karpe. Op. cit.

¹⁶ O. Montelius. La civilisation primitive en Italie dйpuis l'introduction des м̄таux, part. 1. Italie septentrional. Stockholm, 1895.

стр.53

¹ Геродот. История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888, II, 33; IV, 49. •х±Д±ДїВ, 22.

² J. Дйчйlette. Manuel d'archйologie p̄ihistorique, celtique et gallo-romaine, vol. II, part. 3. Second vge du fer оц йроque de la Tine. Paris, 1914, p. 921 et sq.

стр.55

³ В основе современных хронологических периодизаций латенской культуры лежат деления, предложенные Ж. Дешелеттом и П. Рейнеке. J. Дйчй1e11e. Op. cit., vol. II, part. 3, pp. 928—934; P. Reinecke. Zur Kenntniss der la Tine-Denkmalер der Zone Nordwdrts der Alpen. «Festschrift des Rцm. Germ. Centralmuseum zu Mainz», 1902. Хронологическую систему Рейнеке с сохранением его буквенных обозначений широко использовали последующие исследователи, и она легла в основу дальнейших уточнений хронологии латенской культуры на разных территориях. Примером может служить работа Питтиони (R. Pittioni. Urgeschichte des Osterreichischen Raumes. Wien, 1954, SS. 646 — 651). Показательно также, что культура эпохи латена в Британии носит название культуры ABCD. Другие авторы, например С. А. Моберг, сохраняют терминологию Дешелетта (С. А. Moberg. Between La Tine II and III. AA, t. XXII. Koebenhavn, 1952; idem. When did Late La Tine begin? AA, t. XXI. Koebenhavn, 1950). Своеобразный характер носит периодизация Я. Филипа, которая исходит из основных этапов социальной и политической истории кельтов. Я. Филип уточнил время бытования ведущих форм латенских вещей в

Средней Европе (J. Filip. Keltovй vй strйdni Evropй (Die Kelten in Mitteleuropa). Praha, 1956, str. 249 — 333, 504 — 512). В данной работе принята периодизация Ж. Дешелетта.

стр.57

⁴ J. Filip. Op. cit., pp. 107—112.

стр.60

⁵ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. Пер. и комм. М. М. Покровского. Изд. 2-е. М., 1962, VII, 22 (в дальнейшем сноски на это издание даны сокращенно: Юлий Цезарь. Галльская война).

⁶ J. Дйчйlette. Op. cit., vol. II, part. 3, pp. 985 — 996; Я. Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 118.

стр.62

⁷ Юлий Цезарь. Галльская война, VI, 19

⁸ J. Дйчйlette. Op. cit., vol. II, part. 2, p. 665; Я. Филип. Кельтская цивилизация..., стр. 30.

стр.63

⁹ J. Дйчйlette. Op. cit., vol. II, part. 3, pp. 973— 981, 1102 — 1105; S. Piggott. British Prehistory. London — New York — Toronto, 1949, pp. 150 — 201; Г. Кларк. Доисторическая Европа. Пер. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1953, стр. 204; Ch. Hawkes. The ABC of the British Iron Age. «Antiquity», vol. XXXIII, No. 131. Cambridge, 1959.

¹⁰ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 168 — 173.

¹¹ Юлии Цезарь. Галльская война, V, 21.

стр.64

¹² Плутарх. Сравнительные жизнеописания, в трех томах, т. I. Камилл. Пер. С. П. Маркиша. М., 1961, XLI, стр. 194.

¹³ Polybe, II, 33.

¹⁴ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, табл. VII; —. —. огребова. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. МИА, № 96. М., 1961, стр. 114, рис. 11, 4. В дополнение можно привести основную литературу о распространении латенских вещей на территории СССР. Впервые на них обратил внимание А. А. Спицын (Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12. СПб., 1904, стр. 78—86); см. также Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 32—51; А. В. Бодянский. Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье. СА, 1961, № 2, стр. 272—275, рис. 1, 1; В. I. Бідзіля. Поселения Галіш-Ловачка. «Археологія», т. XVII. Київ, 1964, стр. 92—143. О распространении италийских шлемов, также связанных с кельтской культурой, см. И. И. Гущина. Случайная находка в Воронежской области. СА, 1961, № 2, стр. 241—246.

¹⁵ Б. —. «Баков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36. М., 1954, стр. 126, 128, табл. XVII, 2.

стр.65

¹⁶ Юлий Цезарь. Галльская война, IV, 33.

¹⁷ П. Н. Шульц. Ук. соч., табл. XIII, 6; Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 130, рис. 11, 2.

стр.66

¹⁸ М. Ebert. Zur Geschichte der Fibel mit ungeschlagenen Fuss. PZ, Bd III, Hf. 3/4. Leipzig-Berlin, 1911, SS. 232 — 237; А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. «Археологія», т. VIII. Київ, 1953, стор. 76 — 94.

стр.70

¹⁹ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64. М., 1958, стр. 229— 232, рис. 49; М. І. Вязьмітіна. Золота Балка. Київ, 1962, стор. 208—213, рис. 86.

стр.72

²⁰ Г. Чайлд. Прогресс и археология. Пер. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1949, стр. 81.

стр.74

²¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания..., т. I. Камилл, XV, стр. 176.

стр.75

²² География Страбона, в семнадцати книгах. Пер. и пред. Ф. Г. Мищенко. М., 1879, IV, 1, § 2; IV, 4, § 3; IV, 5, § 3.

²³ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 275—276.

²⁴ Юлий Цезарь. Галльская война, III, 13.

²⁵ Я. Филип. Кельтская цивилизация..., стр. 130— 138; J. Filip. Keltovй ve strldni Evropл, str. 224—248; Юлий Цезарь. Галльская война, V, 12.

стр.76

²⁶ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 107; Я. Филип. Кельтская цивилизация..., стр. 91 — 96.

стр.77

²⁷ Юлий Цезарь. Галльская война, I, 4, 16; V, 4—6; VI, 13—15.

²⁸ Я. Филип. Кельтская цивилизация..., стр. 150—177.

²⁹ Отчет Исторического музея за 1908 г. М., 1909, стр. 14, табл. I.

стр.79

¹ С. Schuchhardt. Alteuropa. Berlin, 1941, SS. 240—241; Ю. Неуступный. Первобытная история Лужицы. Прага, 1947, стр. 47; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 40—41; J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa—WrocBaw, 1955, str. 78—102; см. также Ю. В. Кухаренко. Археология Польши. М., 1969, стр. 68—71.

² J. Kostrzewski. Op. cit., pp. 127—184 (карты № 9, 10); Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 75—98; E. Baudou. Die regionale und chronologische Einteilung der jungeren Bronzezeit im Nordischen Kreis. Stockholm, 1960. О памятниках лужицкой культуры на территории СССР писали довольно много. Сулимирский высказал мнение о широком проникновении этой культуры на Украину (Т. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury Wi~uskiej na Ukraine. «Wiadomo[ci archcolcgizne», t. XIV. Warszawa, 1936, str. 44). Однако это положение не получило поддержки у советских и польских ученых (Ян Домбровский. Проблемы восточных связей лужицкой культуры. СА, 1970, № 3, стр. 76, здесь полно собрана литература по этому вопросу).

³ C. Schuchhardt. Op. cit., p. 241; J. Filip. Po бткы slovanskýho osidleni v Ceskoslovensku. Praha, 1946, str. 36.

⁴ C. Schuchhardt. Op. cit., pp. 245—247.

⁵ J. Kostrzewski. Osada bagienna w Biskupinie. «Przełd archeologiczny», t. 2—3. PoznaD, 1933— 1936; idem. Wielkopolska w pradziejach, str. 160; Z. A. Rajewski. Biscupin gryd prasiowiaDski. Poznan, 1947; . П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 72; Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 73 (см. в этой работе библиографию по Бискупинскому городищу).

стр.82

⁶ C. Schuchhardt. Op. cit., pp. 245 — 248; idem. Vorgeschichte von Deutschland. Berlin, 1928, SS. 152— 154.

⁷ C. Schuchhardt. Op. cit., p. 241; J. Filip. Po бткы..., str. 34.

стр.83

⁸ C. Schuchhardt. Op. cit., p. 241.

⁹ C. Schuchhardt. Op. cit., p. 242, tabl. XLVI; A. Kickbusch. Das Kцnigsgrab von Seddin. «Fцhrer zur Urgeschichte», Bd I. Leipzig, 1928. Как уже говорилось, мечи с навершиями в виде завитков относятся в основном к до собственно гальштатской эпохе, но некоторые экземпляры заходят в нее.

стр.84

¹⁰ Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 93 — 98; J. Kostrzewski. Wielkopolska..., str. 165.

стр.85

¹¹ J. Дйчйlette. Manuel d'archйologie прйhistorique, celtique et gallo-romaine, vol. II, part. 3. Second vge du fer оц йроque de la Типе. Paris, 1914, pp. 1504 — 1506.

¹² Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 98 — 101; J. Kostrzewski. Wielkopolska..., str. 181—185.

стр.86

¹³ C. Schuchhardt. Der Goldfund vom Messingwerk bei Ebersswalde. Berlin, 1914.

¹⁴ J. Filip. Правйкй Ceskoslovensko. Praha, 1948 tabl. 30.

¹⁵ Z. Durczewski. Grupa gornoslasko-malopolska kultury luzyckiej w Polsce. «Prace Prehistoryczne Slaskie PAU», 1939—1946, № 4. Krakow, tabl. XCIX.

¹⁶ Z. Durczewski. Op. cit., tabl. XCIX.

стр.88

¹⁷ П. Д. Либеров. Курганы у Константиновки. КСИИМК, вып. XXXVII. М., 1951, стр. 137—143, рис. 45, 6.

стр.91

¹⁸ П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. АП, т. I. Київ, 1949, стор. 230.

стр.93

¹⁹ J. Kostrzewski. Op. cit., pp. 160 — 161.

стр.94

²⁰ J. Kostrzewski. Op. cit., p. 149, tabl. 423.

стр.95

²¹ М. В. Воеводский. Остатки торфяного поселения лужицкой культуры в Польше. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 224 — 237.

²² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 74 — 76.

²³ В данном случае, говоря о «трудовом быте жителей» Бискупина, Б. Н. Граков противопоставляет свой взгляд точке зрения Я. Филипа на лужицкие городища как на торговые и административные пункты (J. Filip. Po btky..., str. 30).

стр.96

²⁴ C. Schuchhardt. Op. cit., pp. 237 — 238; idem. Vorgeschichte..., S. 162.

²⁵ G. Kossina. Die indogermanische Frage archdologisch beantwortet. «Zeitschrift für Ethnologie», 1902. Berlin, SS. 211—212; idem. Zur älteren Bronzezeit Mitteleuropas. Mannus, 1912, SS. 173, 287.

²⁶ I. L. Pi. Starožitnosti země eský, Bd II, 3. Praha, 1905, str. 186—187, 215—280; J. Filip. Po btky...; idem. Pravýk eskoslovensko, str. 198 и сл.; J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu Wedrywek ludyw. Prahistória ziem polskich. Krakow, 1938—1948; idem. Kilka osad kultury grobyw skrzykowych i zagadnienie przynależności etnologicznej tej kultury. «Przegląd Archeologiczny», t. VI. Poznań, 1939; T. Lehr-Splawinski. O pochodzeniu i praojczyźnie slowian. Poznań, 1946; T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury luzyckiej na Ukrainie. «Wiadomości archeologiczne», 1936, t. XIV. Warszawa, str. 44; Ю. Неуступный. Ук. соч., стр. 66 — 70.

стр.97

²⁷ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 78—82.

²⁸ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 228— 238; его же. Лужицкая культура и культуры Среднего Поднепровья. КСИИМК, вып. 67. М., 1957, стр. 3— 16; K. Moszynski. Rierwotny zasiag jezuka praslowianskiego. Krakow, 1957.

²⁹ T. Sulimirski. Zagadnienie upadku kultury luzyckiej. «Slavia antiqua», 1948, t. I. Poznań; idem. Kultura luzycka a Scytowie. «Wiadomości archeologiczne», 1939, t. XVI. Warszawa, str. 76.

³⁰ A. Furtwängler. Goldfund von Vettersfelde. «Berliner Winckelman Programm», 1883, S. 43; Ю. Неуступный. Ук. соч., стр. 72—73, рис. 22 — 23, табл. V.

стр.102

¹ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, № 4, стр. 3 — 9.

² Б. А. Шрамко, Л. Д. Юмин, Л. А. Солнцев. Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе. СА, 1965, № 4, стр. 203.

³ П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 70 — 74.

стр.103

⁴ Гомер. Одиссея. Пер. В. А. Жуковского. М.—Л., 1953, XI, 12 — 19, стр. 188.

⁵ F. Lehmann-Haupt. Kimmerier. RE, Hb. 21. Stuttgart, 1921, SS. 429—430.

стр.104

⁶ Геродот, IV, 11. См. в издании: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I,

вып. 1. СПб., 1893.

⁷ Страбон. География, I, 1, § 10; 2, §9 — 10; XIII, 4, § 8; XIV, 1, § 40. См. В. В. Латышев. Ук. соч., т. I, вып. 1, стр. 91, 92, 162.

⁸ Каллимах. Гимны. III. К Артемиде. См. В. В. Латышев. Ук. соч., т. I, вып. 2. СПб., 1896, стр. 392.

⁹ В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота. ВДИ, 1952, №2, стр. 60 — 78; его же. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, стр. 88 — 91.

¹⁰ Восточные тексты. ВДИ, 1947, № 1, стр. 265 — 275.

стр.105

¹¹ К вопросу о киммерийской проблеме и языке киммерийцев см. J. Harmatta. La problime cimtyriene. Archaeologiai Ertesity, vol. 7 — 9. Budapest, 1946 — 1948; В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 125 — 127; его же. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. МИА, № 177. М., 1971, стр. 10 — 11; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 43 — 47.

стр.106

¹² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. «Труды XII археологического съезда», т. I. М., 1905, стр. 174 — 340; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. «Труды XIII археологического съезда», т. I. М., 1907, стр. 211 — 365.

¹³ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. «Труды секции археологии РАНИОН», т. II. М., 1928, стр. 46 — 60.

¹⁴ Т. Нансар. Hallstatt und der Ostraum. (Ein Beitrag zur Kldrung des Kimmerier Problems). Сб. «Гаврил Кацаров», т. I. София, 1950, стр. 265 — 274.

стр.107

¹⁵ Л. А. Ельницкий. Киммерийцы и киммерийская культура. ВДИ, 1949, № 3, стр. 14 — 26.

¹⁶ В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. ВМУ, 1948, № 8, стр. 9 — 18; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, стр. 43— 47; его же. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, т. X. М.—Л., 1948, стр. 161 — 182; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, т. XII. М.—Л., 1950, стр. 157 — 200.

стр.108

¹⁷ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23. М.—Л., 1951, стр. 75 — 124.

¹⁸ Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, № 68. М., 1958, стр. 176 — 195.

стр.109

¹⁹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., стр. 122 — 123.

²⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII— VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, т. XVIII. М., 1953, стр. 49—110; Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, стр. 19, табл. V, 4.

стр.110

¹ P. Rau. Hockergrber der Wolgasteppe. Pokrowck, 1928, S. 12; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46. М., 1955, стр. 9 — 26; И. В. Сеницын.

Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L. М., 1953, стр. 82; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61. М., 1958, стр. 63.

стр.111

² О, А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 61, рис. 14,1. Некоторые исследователи относят погребение у с. Колтубанка к полтавкинской ступени (Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 65 — 66; Н. Качалова. Культурная принадлежность калиновского «литейщика» и колтубанского погребения. СГЭ, вып. XXII. Л., 1962, стр. 24 — 26).

стр.112

³ А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59. М., 1955, стр. 97; К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 47 — 60.

стр.113

⁴ Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, № 111. М., 1962, стр. 21; А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 209 — 211.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 38 — 49.

⁶ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 104 — 136.

стр.115

⁷ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 142 — 143.

⁸ А. Е. Алихов а. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, № 61, стр. 157—181.

⁹ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 47.

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 137 — 151.

стр.117

¹¹ И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951 — 53 гг.). МИА, № 60, т. 1. М., 1959, стр. 190 — 195; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, № 60, т. 1, стр. 307 — 315.

¹² Р. Рыков. Die chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, t. 1. Helsinki, 1927, pp. 51 — 84; P. Rau. Op. cit.

стр.118

¹³ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках..., стр. 65—68.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 51—52.

стр.119

¹⁵ А. С. Некоторые находки медного века. ИАК, вып. 29. СПб., 1909, стр. 65—66; В. В. Гольмстен. «Серпы» из Сосновой Мазы. ПИМК, 1939, № 5—6. стр. 32—37; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII. М., 1948, стр. 107, 160; Е. Н. Черных. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы. КСИА, вып. 108. М., 1966, стр. 123—131.

¹⁶ На основании сходства кельтов Сосновой Мазы с литейной формой кельта из Трои VII В М. Гимбутас и Н. Я. Мерперт предложили датировать Сосновомазинский клад не позднее XII в. до н. э. (M. Gimbutas.

Borodino, Seima and their Contemporaries. «Proceeding of the Prehistoric Society», vol. XXII. Cambridge, 1956, p. 151; *Н. Я. Мерперт*. Срубная культура Южной Чувашии, стр. 21). *Е. Н. Черных* показал ошибочность такого сопоставления (*Е. Н. Черных*. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 104).

стр.120

¹⁷ В. Зирра. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях ПНР. В кн.: «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР». Кишинев, 1960, стр. 98 и сл. В последнее время количество срубных погребений за Днестром и в районе Подунавья возросло (см. также *Н. Я. Мерперт*. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА, вып. 105. М., 1965, стр. 19; *Г. Ф. Чеботаренко*. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре. КСИА, вып. 105, стр. 101—108; *Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков*. Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 г. СА, 1970, № 1, стр. 109—120).

¹⁸ *О. А. Кривцова-Гракова*. Ук. соч., стр. 83—109. *А. М. Лесков* считает возможным говорить о продвижении племен срубной культуры в Северное Причерноморье еще в начале первого периода. Однако, несмотря на увеличение общего количества материалов срубной культуры в Северном Причерноморье, памятники первого периода пока остаются крайне малочисленными. Отнесение же их к началу этого периода нуждается в дополнительной аргументации (*А. М. Лесков*. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. В кн.: «Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 15—18).

¹⁹ *А. П. Смирнов* и *Н. Я. Мерперт*. Введение к первому тому Трудов Куйбышевской археологической экспедиции. МИА, № 42. М., 1954.

²⁰ *Б.* — «раков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36. М., 1954, стр. 70.

²¹ *А. А. Миллер*. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, т. 1. Л., 1926, стр. 125; *О. А. Кривцова-Гракова*. Ук. соч., стр. 99—106; *Т. Н. Книпович*. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104. М.—Л., 1934, стр. 11; ее же. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, стр. 107—108; *А. А. Иессен*. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 78. В последнее время исследователь памятников кобяковского типа *Э. С. Шарафутдинова* датирует их X—VIII вв. до н. э. и отрицает бытование их до начала скифского времени. Эти памятники она не связывает со срубной

стр.121

²² В этом перечне *Б. Н. Граков* не упоминает поселение Обиточная 12, раскопанное *О. А. Кривцовой-Граковой* (*О. А. Кривцова - Гракова*. Ук. соч., стр. 151 — 155). В 1965—1966 гг. *В. В. Дворниченко* исследовал поселение Обиточная 20 (*В. В. Дворниченко*. Памятники эпохи поздней бронзы — Обиточная 20. КСИА, вып. 115. М., 1969, стр. 98—102).

стр.123

²³ *В. А. Городцов*. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. «Труды XII археологического съезда», т. 1. М., 1907, стр. 237.

²⁴ АП, т. VIII. Київ, 1960.

стр.124

²⁵ *Б.* — «раков. Ук. соч., стр. 74.

стр.125

²⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках..., стр. 65 — 68.

²⁷ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, т. XVIII. М., 1953, стр. 49 — 110.

стр.127

²⁸ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках..., стр. 65, рис. 10. Еще одни удила I типа обнаружены недавно на Нижнем Дону у г. Аксая (А. Н. Мелентьев. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени. КСИА, вып. 112, стр. 38—44).

²⁹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии,

стр.128

³⁰ ОАК за 1892 год. СПб., 1894, стр. 38.

стр.129

³¹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках..., стр. 53, рис. 3, 4; стр. 89.

³² И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII. М., 1952, стр. 108 — 118; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 106 — 109; А. М. Лесков. Кировское поселение. В кн.: «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 7—59.

³⁹ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, т. III. М.—Л., 1937, стр. 252.

стр.130

³⁴ А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III. КСИА, вып. 7. Киев, 1957, стр. 40— 45; Б. А. Латынин. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой. АСГЭ, вып. 6. Л., 1964, стр. 53—71.

³⁵ А. В. Добровольский. Матеріали до археологічної карти Дніпровського надпоріжжя в межах Запорізької області. «Археологія», т. VII. Київ, 1952, стор. 83; О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI. М., 1949, стр. 76—85; В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы. КСИА, вып. 5. Киев, 1955, стр. 19—22; А. В. Бураков. Поселення епохи бронзи біля с. Зміївки. ' , т. 5. Київ, 1961, стор. 26—39; Д. Я. Телегин. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. «Археологія», т. XII. Київ, 1961, стор. 3—15.

³⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 126, рис. 29, 1.

стр.131

³⁷ Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4, стр. 76—90; Н. Н. Погребова и Н. Г. Елагина. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году. КСИА, вып. 89. М., 1962, стр. 6 — 14.

стр.133

³⁸ Д. Я. Телегин. Ук. соч.

³⁹ А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96. М., 1961, стр. 20, 33.

⁴⁰ Г. И. Смирнова. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. В кн.: «Древние фракийцы в Северном Причерноморье» . М., 1969, стр. 34.

стр.137

⁴⁴ *О. А. Кривцова-Гракова*. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. МИА, № 115. М., 1962, стр. 18. См. также публикации о раскопках памятников срубной культуры. АП, т. IX. Київ, 1960.

стр.138

⁴⁵ АП, т. IX, стор. 131, табл. 1,10. Кроме того, можно указать случаи захоронений с южной ориентировкой в Поднестровье и Подунавье (А. И. Мелюкова. Курганы эпохи бронзы у села Олонешты. КСИА, вып. 89, стр. 30—37; Н. М. Шмаглии, И. Т. Черняков. Ук. соч., стр. 110).

⁴⁶ А. М. Лесков. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. МИА, № 177. М., 1971, стр. 76—77 и 78, рис. 1, 1—6.

стр.139

⁴⁷ *О. В. Бодянский*. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. ' , т. VI. Київ, 1959, стор. 181—182.

⁴⁸ *О. А. Кривцова-Гракова*. Погребения бронзового века и предскифского времени..., стр. 18.

⁴⁹ Там же, стр. 18—20.

стр.140

⁵⁰ Два псаля I типа, по *К. Ф. Смирнову*, обнаружены недавно на поселении у с. Капитаново НовоАйдарского района Луганской области (*Н. Н. Чередниченко*. Поселение срубной культуры на Луганщине. СА, 1970, № 1, стр. 235, рис. 2).

⁵¹ *А. А. Щепинский*. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА, вып. 12. Киев, 1962, стр. 57 — 65.

стр.141

⁵² ОАК за 1868 год. СПб., 1870, стр. XVI; *А. А. Иессен*. К вопросу о памятниках..., стр. 84.

⁵³ *И. В. Яценко*. Скифия VII — V веков до нашей эры. Труды ГИМ, вып. 36. М., 1959, стр. 36 — 38; *А. А. Иессен*. К вопросу о памятниках..., стр. 102.

стр.144

⁵⁴ *О. А. Кривцова-Гракова*. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 132 — 150. В последние годы появились работы, посвященные бронзолитейным мастерским икладам бронзовых вещей Северного Причерноморья (О. І. Тереножкін. Поховання епохи бронзи біля с. Солонець. «Археологія», т. XVI. Київ, 1964, стор. 202 — 207; Э. А. Симонович. Ингульский клад. СА, 1966, № 1, стр. 127—142; И. Т. Черняков. Краснояцкий клад литейщика. КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, стр. 87— 123; А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы, стр. 143 — 178).

⁵⁵ А. М. Tallgren. La Pontide prÿscythique apris l'introduction des mÿtaux. ESA, t. II. Helsinki, 1926, pp. 105 — 106.

стр.146

⁵⁶ Литейные формы подобных кинжалов происходят также из литейной мастерской близ с. Завадовка Херсонской области, обнаруженной в 1962 г. (*А. М. Лесков*. О северопричерноморском очаге металлообработки..., стр. 148, рис. 2, 17 — 18; стр. 149).

⁵⁷ *И. Т. Черняков* убедительно показал, что эта литейная форма служила для отливки рукояти кинжала

(И. Т. Черняков. О так называемом навершии из Красномаяцкого клада поздней бронзы. КСИА, № 103. М., 1965, стр. 19 — 22).

стр.147

⁵⁸ В статье «Основы хронологии предскифского периода» (СА, 1965, № 1) А. И. Тереножкин связал некоторые клады Северного Причерноморья со своей хронологической схемой. Северопричерноморскому металлу срубного времени посвящена работа А. М. Лескова «О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы», стр. 143 — 178. Критику некоторых хронологических определений А. М. Лескова см.: В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада. В кн.: «Проблемы археологии», вып. 1. Л., 1968, стр. 115 — 116; Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 103.

стр.148

⁵⁹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 329, 348; В. В. Латышев. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. СГАИМК, т. 1, стр. 203 — 204; А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА, вып. 12. Киев, 1962, стр. 57 — 65, рис. 2, 1; 3, 26—29; П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 252. Из недавних находок железных предметов в позднесрубных погребениях отметим железный кинжал из впускного погребения Высокой Могилы в Запорожской области ((В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко. Киммерийские погребения Высокой Могилы. СА, 1974, № 1, стр. 148 — 159, рис. 3) и биметаллический кинжальчик с кольцевым упором из кургана у с. Большая Белозерка Запорожской области (В. И. Бидзиля, Ю. В. Болтрик, В. В. Отрощенко, Э. В. Яковенко. Работы Запорожской экспедиции. В кн.: «Археологические открытия 1972 года». М., 1973, стр. 259 — 261).

⁶⁰ Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 9, рис. 3, 14, 15; І. Фабриціус. Літопис музею червоні роки 1917 — 27, вип. 8. Херсон, 1927, стор. 8 — 9, рис. 6; Н. Н. Погребова и Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 12, рис. 4, 8; А. М. Лесков. Предскифский период в степях Северного Причерноморья, стр. 80, рис. 2, 31.

⁶¹ Д. Т. Березовець. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. ' , т. ІХ, стор. 74, рис. 31, 2.

стр.149

⁶² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 133 — 135, рис. 31. Последней сводкой о клепаных котлах является статья В. С. Бочкарева (Киммерійські казани. «Археологія», 1972, № 5, стор. 63 — 68).

⁶³ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 43, рис. 10, 10.

стр.150

⁶⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 69 — 72.

⁶⁵ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53. М., 1960, стр. 35; П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья. МИА, № 53, стр. 150 — 154.

⁶⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 100. Новые данные о составе стада в Кобякове приводит Э. С. Шарафутдинова: крупный рогатый скот — 28,5%, мелкий рогатый скот — 27%, лошадь — 17%, собака — 17%, дикие животные — 9,9% (Э. С. Шарафутдинова. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону. Автореф. канд. дисс. Л., 1971, стр. 17).

стр.151

⁶⁷ А. В. Бураков. Ук. соч., стр. 39.

⁶⁸ Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, № 4, стр. 99.

⁶⁹ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119. М—Л., 1935, стр. 57 — 58.

стр.152

⁷⁰ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., стр. 188.

⁷¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 182 — 188; И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 82 — 84; Б. Н. ГБаков. Ук. соч., стр. 80 — 81; Б. Н. Граков и А. И. М елюков а. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. В кн.: «Вопросы скифосарматской археологии». М., 1954, стр. 66 — 70.

стр.153

⁷² Геродот, IV, 5 — 11; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 37 — 39.

⁷³ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 108 — 109; И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 108 — 118. В связи с появлением большого нового материала некоторые исследователи отрицают близость нижнедонского и крымского вариантов срубной культуры (Э. С. Шарафутдинова. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы..., 1971, стр. 20).

⁷⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 162.

стр.154

⁷⁵ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. 24. М., 1955, стр. 176 — 177.

⁷⁶ С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. СА, 1960, № 4, стр. 29, рис. 4; В. В. Дворниченко. Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. Сборник докладов на IX и X Всесоюзной археологической студенческой конференции. М., 1968, стр. 8 — 10, рис. 1, 1, 4, 7; рис. 2, 1, 5.

⁷⁷ Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 75 — 78.

стр.155

¹ Т. Sulimirski. Kultura wysocka. Krakyw, 1931; В. И. Канивец. Памятники висоцкого типа как исторический источник. Автореф. канд. дисс. Киев, 1953; Л. І. Крушельницька. Могильник висоцької культури у м. Золочеві. «Археологія», т. XIX. Київ, 1965, стор. 125 — 134.

² Т. Sulimirski. Op. cit., p. 98.

³ Т. Sulimirski. Op. cit., pp. 4 — 69, tabl. I — VIII.

⁴ В. И. Канивец. Вопросы хронологии висоцкой культуры. КСИА, вып. 4. Киев, 1955, стр. 94 — 96.

стр.157

⁵ Т. Sulimirski. Op. cit., tabl. XXVII, 20; Л. І. Крушельницька. Ук. соч., стор. 131, рис. 9, 24; Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, вып. XVI. М. — Л., 1947, стр. 131 — 138, рис. 42; В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. «Археолого-этнографический сборник», т. III. Грозный, 1968, стр. 105 — 106.

стр.158

⁶ Т. Sulimirski. Op. cit., pp. 112—127, tabl.. X— XXII; Л. І. Крушельницька. Ук. соч., стор. 126— 130, рис. 6 — 9.

стр.160

⁷ L. Kozłowski. Kultura luzycka a problem przechodzenia Słowian. Poznań, 1925; T. Sulimirski. Op. cit., pp. 163—172; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 79, 114; В. И. Канивец. Памятники висоцкого типа...

⁸ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

⁹ С. С. Березанська і Г. Т. Тітенко. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. «Археологія», т. IX. Київ, 1954, стор. 129 — 132; О. І. Тереножкин. Поселення білогрудівського типу біля Умані. «Археологія», т. V. Київ, 1951, стор. 173 — 182.

стр.161

¹⁰ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64. М., 1958, стр. 9 — 11; ее же. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96. М., 1961, стр. 33.

¹¹ А. И. Терепожкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 76.

¹² А. И. Тебенюжкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 34 — 37; Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин. Субботовское городище. СА, 1958, № 2, стр. 154 — 178.

стр.162

¹³ Е. Ф. Покровська, Е. О. Петровська. Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка. «Археологія», т. XIII. Київ, 1961, стор. 129 — 144.

стр.163

¹⁴ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952 — 53 гг. КСИИМК, вып. 59. М., 1955, стр. 111; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 11.

¹⁵ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 98, рис. 63, 2.

¹⁶ Развитой этап чернолесской культуры Б. Н. Граков относит к VIII — первой половине VII в. до н. э.

¹⁷ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 12 — 41.

стр.165

¹⁸ Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. «Археологія», т. XI. Київ, 1957, стор. 95 — 96.

¹⁹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 12.

²⁰ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 42 — 46.

стр.166

²¹ Г. Т. Ковпаненко. Погребение VIII — VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворскла. КСИА, вып. 12. Киев, 1961, стр. 66 — 72, рис. 1 и 2. В 1962 г. аналогичное погребение открыто в с. Носачево, Смелянского района, Черкасской области (Г. Т. Ковпаненко. Носачівський курган VIII — VII ст. до н. е. «Археологія», т. XX. Київ, 1966, стор. 174 — 179).

²² І. Г. Шовкопляс і Є. В. Максимов. Дослідження курганного могильнику передскіфського часу па середньому Дністрі. «Археологія», т. VII. Київ, 1952, стор. 89 и сл.; М. И. Артамонов. УК. соч., стр. 115; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 12 — 18.

²³ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 92—97.

стр.169

²⁴ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 138 — 142,

²⁵ А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 135 — 138. В последние годы кинжалы, подобные чернолесским, открыты на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (А. Х. Халиков. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья. В кн.: «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 275 — 281).

²⁶ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 133 — 135.

стр.171

²⁷ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 157 — 174.

стр.174

²⁸ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 117 — 119.

²⁹ Там же, стр. 108 — 117.

³⁰ П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. АП, т. I. Київ, 1949, стор. 230 — 233; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 158 — 160.

стр.175

³¹ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 89 — 92

³² Там же, стр. 175 — 177.

стр.177

³³ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 47 — 82; С. С. Березанська. Кераміка білогрудівської культури. «Археологія», т. XVI. Київ, 1964, стор. 49 — 75.

стр.179

³⁴ А. И. Тереножкин. Лужицкая культура и культуры Среднего Поднепровья. КСИИМК, вып. 67. М., 1957, стр. 14, рис. 4, 3.

стр.182

³⁵ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 237 — 244; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 99 — 100; М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. В кн.: «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР». Киев, 1953, стр. 176 — 186.

³⁶ Г. И. Смирнова. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. КСИИМК, вып. 70. М., 1957, стр. 99 — 107; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 8 — 11; ее же. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии, стр. 6 — 34; Г. И. Смирнова. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. В кн.: «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969, стр. 7 — 34.

стр.183

³⁷ Могильникам культуры ноа посвящены работы: Г. И. Смирнова. Новый могильник культуры ноа у с.

Старые Бедражи на Пруте. АСГЭ, вып. 11. Л., 1969, стр. 48 — 71; *Е. А. Балагури*. Могильник культуры ноа на Станіславщині. «Археологія», т. XIII, стор. 145 — 154.

стр.184

³⁸ *М. Petrescu-Dvmbovita*. Contributii la problema sfvrzitului epocii bronzului si nncerputului epocii fierului on Moldova. SCIV, t. IV, Nr. 3 — 4. Bucaresti, 1953, p. 478; *М. Петреску-Дымбовица*. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. Dacia, n. s., vol. IV. Bucaresti, 1960, pp. 150 — 152. В работе *Г. И. Смирновой* для нашей территории предложена дата культуры ноа — середина XIII — XI вв. до н. (*Г. И. Смирнова*. Поселение Магала..., стр. 34).

стр.185

³⁹ *Т. Sulimirski*. Die thrako-kimmerische Periode in Sьdostpolen. WPZ, Bd XXV. Wien, 1938, SS. 129— 151; *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 20—31; *І. К. Свешніков*. Пам'ятки голиградського типу на Західному Поділлі. МДАПВ, вип. 5. Київ, 1964, стор. 40 — 66. *І. К. Свешников* датирует голиградскую культуру X — VII вв. до н. э. (стр. 62 — 63). Эту же дату подтверждает *Г. И. Смирнова* (Поселение Магала..., стр. 31 — 32).

стр.186

⁴⁰ Следует отметить, что укрепленные поселения голиградского времени сравнительно недавно открыты в Закарпатской Украине (*Г. И. Смирнова*. Гальштатские городища в Закарпатье. SA, т. XIV — 2. Nitra, 1966, стр. 397 — 407).

⁴¹ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 25 — 27; *І. К. Свешніков*. УК. соч., стор. 41.

⁴² *Т. Sulimirski*. Op. cit., p. 128 и сл.; *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 27 — 30.

⁴³ *W. Przybyslawski*. Dwa złote skarby w Michalkowie. «TeKa konserwatorska», t. II. Lwyw, 1900, str. 34 — 35; *І. К. Свешников*. О символике вещей Михалковских кладов. СА, 1968, № 1, стр. 10 — 27.

⁴⁴ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 27, 25 (рис. 5).

стр.188

⁴⁵ *А. А. Бобринский*. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III. СПб., 1904, стр. 34, табл. II, 8.

стр.189

⁴⁶ *W. Antoniewicz*. Protoetruski helm brazowy znaleziony w Krzemiennej na Podoly. «Wiadomosci numizmaticzno-archeologiczne», t. VIII, № 10 — 12, Krakow, 1919.

⁴⁷ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 25 (рис. 5), 27, 29.

стр.191

⁴⁸ *Т. Sulimirski*. Op. cit.; *І. К. Свешніков*. Ук. соч., стор. 40 — 66; *Г. И. Смирнова*. Поселение позднебронзового века..., стр. 99 — 107; *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 20 — 31; *М. И. Артамонов*. Этнический состав населения Скифии, стр. 177. О комаровской культуре см. *В. Д. Рыбалова*. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины. В кн.: «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР», стр. 209 — 228.

⁴⁹ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 52 — 76; ее же. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии, стр. 35 — 52.

⁵⁰ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени..., стр. 55.

стр.192

⁵¹ Железные наконечники копий, аналогичные бутенковским, обнаружены в могильнике типа Шолданешты у с. Матеуцы (*В. Л. Лапушнян. Новые находки раннего железного века из села Матеуцы. В кн.: «Далекое прошлое Молдавии». Кишинев, 1968, стр. 128— 133, рис. 1 — 3).*

стр.193

⁵² А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 56 — 63.

стр.194

⁵³ А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода..., стр. 35 — 44. В этой работе Кишиневское поселение датируется IX — VIII вв. до н.э. Позднее А. И. Мелюкова удревнила начальную дату этого памятника, приурочив ее к X — IX вв. до н. э. (А. И. Мелюкова. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. СА, 1972, № 1, стр. 57 — 62). О делении гальштата на фазы А, В, С, D см. сноску б на стр. 28.

стр.195

⁵⁴ А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии, стр. 49, рис. 18; стр. 50.

⁵⁵ Там же, стр. 45; ее же. Памятники скифского времени..., стр. 102.

⁵⁶ Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ. в 1900 — 1901 гг. «Труды XII археологического съезда», т. I. М., 1905, стр. 673 — 743; М. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. ' , т. . Київ, 1949, стор. 53 — 69.

⁵⁷ . Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113. М., 1962, стр. 50.

⁵⁸ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. «Труды XII археологического съезда», т. I, стр. 209.

стр.196

⁵⁹ В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, № 1, стр. 26 — 45.

стр.197

⁶⁰ В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 32, рис. 7, 8.

⁶¹ Г. Т. Ковпаненко. Поселения періоду пізньої бронзи і раннього заліза..., стор. 96 — 105, табл. 1, 1, 4, 5, 7—12.

стр.198

⁶² Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза..., стор. 98, табл. 1, 2, 3.

стр.199

⁶³ В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 43 — 44.

⁶⁴ Т. Б. Попова. Происхождение поздняяковской культуры. Труды ГИМ, вып. 37. М., 1960, стр. 38 — 47.

стр.205

¹ Работы П. М. Леонтьева, Л. Стефани, П. Беккера, Н. Мурзакевича, В. И. Юргевича, Э. Р. Штерна, В. В. Шкорпила, И. И. Махова и др.

² Например, В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта. В кн.: «Сборник статей в честь А. А. Бобринского». СПб., 1911; М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. ЖМНП., 1900, март; В. Ф. Гайдучевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104. М.—Л., 1934; и др.

стр.206

³ •. нь. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1918; его же. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—34 гг. МИА, № 4. М.—Л., 1941; Е. М. Pridik. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Sydrassland. SPAW, Phil.—Hist. Klasse. Berlin, 1928; Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25. М.—Л., 1952; ее же. Керамические клейма из Тире. КСИИМК, вып. XXXVI. М.—Л., 1951.

⁴ Б. Н. Граков. Англифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Труды ГИМ, вып. I. М., 1926; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36. М., 1954, стр. 87—95.

⁵ Публикации Р. Б. Ахмерова, Ю. С. Крушкoл, Д. Б. Шелова, В. В. Борисовой, А. Г. Сальникова, В. И. Пругло, В. И. Каца, Б. А. Василенко, И. Т. Кругликовой, Ю. Г. Виноградова, Ю. С. Бадалянца, а также А. Садурской и З. Штетилло.

⁶ Е. И. Леви. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры. В кн.: «Ольвия, Теменос и агора». М.—Л., 1964.

⁷ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

⁸ См., например, рецензию А. С. Коцевалова в «Philologische Wochenschrift», 1933, Nr. 23—24; Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, стр. 157; ср. ее же. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 75, прим. 1.

стр.207

⁹ См. рецензию М. И. Максимовой на отчет € Акургала и Л. Будде. СА, 1958, № 3; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1971, № 2, стр. 298.

¹⁰ Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тире, стр. 35.

¹¹ Там же, стр. 39.

¹² Е. И. Леви. Ук. соч., стр. 239.

¹³ Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945 — 1949 гг. МИА, № 56. М., 1957, стр. 212; В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, № 3, стр. 59 и илл.

¹⁴ •. нь. ридик. Керамические надписи..., стр. 174; Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тире, стр. 46 и сл.; Z. Sztetyllo. Stemplowanie amfor greckich. «Kwartalnik historii kultury materialnej», 1958, № 3, str. 467.

¹⁵ Б. Н. Граков. Заметки по греческой керамической эпиграфике. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 106 и сл.

¹⁶ А. Балканска. Към въпроса за колесообразните амфорни печати. ИВАД, т. XIV, 1963, стр. 36.

¹⁷ J. V. Brashinsky. The Progress of Greek Ceramic Epigraphy in the USSR. «Eirene», vol. XI. Praha, 1973, pp. 119—121.

¹⁸ А. М. Von, A. Von. Les timbres amphoriques de Thasos. «Etudes thassiennes», vol. IV. Paris, 1957, p. 35; Ю. Г. Виноградов. Керамические клейма острова Фасос. НЭ, т. X. М., 1972, стр. 41 и сл.

¹⁹ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57. М., 1956, стр. 133; его же. Клейма на амфорах и черепицах, стр. 217 и сл.; ср. И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 295—296.

²⁰ V. Grace. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. «Hesperia», Suppl. VIII, 1949, p. 186; И.

Б. Брашинский. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. *НЭ*, т. III. М., 1962, стр. 45 и сл.

²¹ И. Б. Брашинский. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. *КСИА*, вып. 95. М., 1963, стр. 20 и сл.; его же. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом. *КСИА*, вып. 109. М., 1967, стр. 22 и сл.; его же. Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии в VI—IV вв. до н. э. «*Archeologia*», t. XIX, Warszawa, 1969, str. 51 и сл.

стр.208

²² Б. Н. Траков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 102 и сл.

²³ Б. Н. Траков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись. Архив ИА АН СССР, д. 538 (1939 г.), л. 12 и сл.

²⁴ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 299; Ю. Г. Виноградов. Керамические клейма острова Фасос, стр. 6 и сл.; J. V. Brashinsky. *The Progress...*, p. 126.

²⁵ Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. *ВДИ*, 1949, № 4, стр. 104 и сл.; И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. *НЭ*, т. V. М., 1965; Б. А. Василенко. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э. *НЭ*, т. XI. М., 1974; Ю. Г. Виноградов. Керамические клейма острова Фасос.

²⁶ В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. *СА*, 1958, № 1, стр. 56 и сл.

²⁷ Ю. Г. Виноградов. Керамические клейма острова Фасос, стр. 15—16.

²⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. *МИА*, № 83. М., 1960.

²⁹ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 136 и сл.; его же. Дополнительные клейма на родосских амфорах. «*Mylanges offerts a; K. Michalowski*». Warszawa, 1966; его же. Керамические клейма из Танаиса III — I вв. до н. э. М., 1975, стр. 20 и сл.

стр.209

³⁰ И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. *КСИИМК*, вып. XXII. М—Л., 1948, стр. 48 и сл.; А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореф. канд. дисс. Л., 1951, стр. 9; ее же. К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском. В кн.: «*Древний мир*». М.—Л., 1962, стр. 596; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 302 и сл.

³¹ Б. — “раков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. *МИА*, № 115. М., 1962, стр. 59; ср. И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской, стр. 20.

³² В. И. Пругло. К хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской. *СА*, 1971, № 3; Б. А. Василенко. Заметки о гераклейских клеймах. *СА*, 1970, № 3; его же. О характере клеймения; В. И. Цехмистренко. До датования гераклейских клейм. «*Археология*», 1972, № 5; J. V. Brashinsky. *Op. cit.*, p. 131 и сл.

³³ В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации...; его же. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV — II вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1963.

³⁴ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 301 — 302; Д. Б. Шелов. Керамические клейма из Танаиса, стр. 138.

³⁵ Б. — “раков. Каменское городище..., стр. 90.

³⁶ A. Zograff. *Rez. in ZfN*, Bd XL, Hf. 1—2, 1930. Berlin, S. 175; А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики..., стр. 11 — 12; ее же. К вопросу о политике Евмела..., стр. 598; М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 218—219; В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. *СА*, 1960, № 3, стр. 75; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 301; его же. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. В кн.: «*Античный город*». М., 1963, стр. 133; В. И. Пругло. Синопские амфорные клейма из Мирмекия. *КСИА*, вып. 109, стр. 48; Б. А. Василенко. К вопросу о датировке синопских клейм. *СА*, 1971, № 3, стр. 247 и сл.

стр.210

³⁷ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора; Б. — *“раков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104.*

³⁸ В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. КСИИМК, вып. XVII. М.—Л., 1947; его же. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. СА, т. XXVIII. М., 1958; его же. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике. КСИА, вып. 109; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, т. XXI. М.—Л., 1954; И. Т. Кругликова. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее. КСИИМК, вып. 58. М., 1955; Э. О. Берзин. Из истории производства клейменной черепицы на Боспоре (IV — нач. III в. до н.э.). СА, 1959, № 4; Ю. А. Савельев. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории в 1950—60 гг. СА, 1964, № 3.

³⁹ Р. Б. Ахмеров. Клейменные черепицы древнегреческого Херсонеса. ВДИ, 1948, № 1; его же. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1951, № 3; В. В. Борисова. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса. ВДИ, 1949, № 3; ее же. К вопросу об астиномах Херсонеса. ВДИ, 1955, № 2; В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров; его же. О принадлежности вторых имен в синопских клеймах. НЭ, т. VII. М., 1968; его же. Клейма как источник...; Ю. С. Крушкол. Легенды родосских амфор. ВДИ, 1946, № 3; ее же. Некоторые данные о рабстве на Родосе в эпоху эллинизма. ВДИ, 1947, № 3; ее же. О значении вторых имен родосских амфорных клейм. В кн.: «Древний мир»; Ю. Г. Виноградов. Экономическое развитие Фасоса в V — IV вв. до н.э. Автореф. канд. дисс. М., 1973; ср. Л. А. Ельницкии. Из истории древнегреческой виноторговли и керамического производства. ВДИ, 1969, № 3.

⁴⁰ А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики...; ее же. Херсонесские клейма как источник для изучения торговых связей Херсонеса и Боспора в эллинистическую эпоху. В кн.: «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, А. Г. Сальников. Из истории торговых связей древних поселений на побережье Днестровского лимана с Грецией. МАСП, вып. IV. Одесса, 1962; его же. Керамические клейма из раскопок городища у с. Роксоланы. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья»; Б. А. Василенко. Торговельні зв'язки Тіри в кінці V — I ст. до н. е. за даними керамічних клейм. В кн.: «Матеріали наукової конференції молодих учених ОДУ». Одеса, 1968; его же. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V — III вв. до н.э.). Автореф. канд. дисс. М., 1972; и др.

⁴¹ И. Б. Брашинский. Экономические связи Синопы в IV — II вв. до н.э.; Ю. С. Крушкол. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху. ВДИ, 1957, № 4; Д. Б. Шелов. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. СА, т. XXVIII; Ю. С. Бадалянц. Боспор и Родос в III — II вв. до н. э. (Торговые связи по данным амфорных клейм). Авто-реф. канд. дисс. М., 1970.

⁴² И. Б. Брашинский. Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии...

стр.211

⁴³ Б. — *“раков. Каменское городище...; И. Б. Зеест. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19. М., 1951; Н. В. Анфимов. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье. ВДИ, 1951, № 1; И. Б. Брашинский. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону. КСИА, вып. 124. М., 1970.*

⁴⁴ И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елисаветовского могильника в 1959 г. (К вопросу о датировке погребения в кургане № 8 группы «Пять братьев»). СА, 1961, № 3; его же. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья. «Eigene», vol. IV. Berlin, 1965.

⁴⁵ См., например, Д. Б. Шелов. О времени основания Танаиса. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья».

⁴⁶ Во введении к IOSPE III Б. Н. Граков объясняет это тем, что И. И. Толстым начато собрание

специального корпуса граффити.

⁴⁷ Б. Н. Граков. Греческое граффито из Немировского городища. СА, 1959, № 1.

⁴⁸ Б. Н. Граков. Легенда о скифском царе Арианте. В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 101—115. Исправленный текст надписи см. в его заметке «Еще раз о монетах-стрелках». ВДИ, 1971, № 3, стр. 127.

стр.212

⁴⁹ Б. Н. Граков. Буквы архаического мегаро-коринфского алфавита на горлах амфор VI в. до н. э. ВДИ, 1969, № 1.

⁵⁰ И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953.

⁵¹ З. А. Билимович. Граффито на чернолаковом килике. СА, т. XXVIII; Н. В. Шебалин. К ольвийским государственным древностям (по материалам граффити). В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья»; В. Ф. Гайдукевич. Вотив Гереея из Мирмекия. В кн.: «Культура античного мира». М., 1966; Т. В. Блаватская. Надпись на сосуде из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII. М., 1952; Ю. Г. Виноградов. Киклические поэмы в Ольвии. ВДИ, 1969, № 3.

⁵² А. С. Русяева. Культурные предметы из поселения Бейкуш поблизу о-ва Березань. «Археология», 1971, № 2.

⁵³ Ю. Г. Виноградов. Из истории архаической Ольвии. СА, 1971, № 2.

⁵⁴ Ю. Г. Виноградов. Прохус Минииды из Пантикапея. ВДИ, 1974, № 4.

⁵⁵ Как, например, делал пионер изучения северо-пантийских граффити Э. Р. Штерн (Graffiti на античных южнорусских сосудах. ЗООИД, т. XX. Одесса, 1897).

⁵⁶ Как единственный у нас монографический сборник граффити, хранящихся в Государственном Эрмитаже, изданный И. И. Толстым.

⁵⁷ E. Szauto. Das Kabirenheiligtum bei Theben VII. «Athen. Mitt.», Bd XV. Berlin, 1890, SS. 395—419; E. A. Gardner. Naucratis, vol. I. London, 1885—1886. Скоро должен выйти в свет сборник граффити из американских раскопок афинской агоры, подготовленный М. Лэнг.

⁵⁸ О них говорил Л. Робер в своей Communication inaugurale. Actes du IIeme Congres international d'epigraphie grecque et latine. Paris, 1953, p. 9.

стр.213

², 352.

⁵⁹ Б. Н. Граков. Термин «JxHё±N» и его производные в надписях Северного Причерноморья. КСИИМК, вып. XVI. М.—Л., 1947.

⁶⁰ IOSPE, I

⁶¹ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3.

⁶² В качестве примера можно указать на неучтенный проксенический декрет IV в. до н. э., дарованный Кизиком неизвестному пантикапейцу: Н. Lechat. BCH, vol. 13. Paris, 1889, pp. 514—518; М. Guarducci. Epigrafia greca, t. II. Roma, 1969, p. 599, ill. 191.

⁶³ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., стр. 235.

⁶⁴ И. С. Свенцицкая. К вопросу об Ольвии и Борисфене. ЗОАО, т. II. Одесса, 1967, стр. 263—266; П. О. Карышковский. Заметки об Ольвии и Борисфене. Там же, стр. 88—90; его же. Новые данные о связях Ольвии с Малой Азией во II в. н. э. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», стр. 172 — 177.

⁶⁵ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., стр. 260 и сл.

⁶⁶ СІЛ, t. XIV, 3608; Б. Н. Граков. Термин «JxHЖ±N»..., стр. 86, 88.

стр.214

- ¹ Б. М. Граков. Скифы. Київ, 1947, стор. 13—15; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36. М., 1954, стр. 11—12; его же. Скифы. М., 1971, стр. 19—20. Много внимания этому вопросу уделяет Б. Н. Граков в I и II главах II раздела публикуемого ныне «Раннего железного века».
- ² Б. М. Граков. Скифы, стор. 13; его же. Каменское городище..., стр. 11.
- ³ С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. В кн.: «Северное Причерноморье». Сборник. М.—Л., 1953, стр. 254 и прим. 4 (впервые статья опубликована в ВДИ, 1938, № 1, стр. 149—163).
- ⁴ Б. М. Граков. Скифы, стор. 18; его же. Скифы, стр. 25.
- ⁵ Б. М. Граков. Скифы, стор. 14—16; его же. Каменское городище..., 12—13, 166—167; его же. Скифы, стр. 21.

стр.215

- ⁶ Б. М. Граков. Скифы, стор. 14; его же. Скифы, стр. 19.
- ⁷ С. А. Жебелев. Скифский рассказ Геродота. В кн.: «Северное Причерноморье», стр. 337.
- ⁸ Б. М. Граков. Скифы, стор. 18.
- ⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 166—167; его же. Скифы, стр. 25.
- ¹⁰ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 35—46.
- ¹¹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В кн.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 112—130; его же. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). СА, т. XVIII. М., 1953, стр. 109—110. Впоследствии число таких памятников значительно увеличилось. Перечисление их дано в статье А. И. Тереножкина (К истории изучения предскифского периода. В кн.: «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 15). Кроме того, интересные погребения этого типа позднее были опубликованы В. И. Бидзиля и Э. В. Яковенко (Киммерийские погребения Высокой Могилы. СА, 1974, № 1, стр. 148—159).
- ¹² Б. Н. Граков. Скифы, стр. 91, 94—96; его же. Ранний железный век, стр. 141.
- ¹³ А. И. Тереножкин. Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, вып. XLVII. М., 1952, стр. 3—14; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46. М., 1955, стр. 160—161; И. В. Яденко. Скифия VII—V веков до нашей эры. Труды ГИМ, № 36. М., 1959, стр. 17—24.

стр.216

- ¹⁴ Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стор. 114—116; История СССР с древнейших времен, т. I. М., 1956, стр. 288—289.
- ¹⁵ А. И. Тереножкин. Киммерийцы. В кн.: «Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук». М., 1964. А. И. Тереножкин впервые выступил с возражениями на второй Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (В. Г. Петренко. Задачи и тематика конференции. МИА, № 177. М., 1971, стр. 5; А. И. Тереножкин. Скифская культура. МИА, № 177, стр. 20—23).
- ¹⁶ В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко. Киммерийские погребения Высокой Могилы. СА, 1974, № 1, стр. 158—159.
- ¹⁷ А. И. Тереножкин. К истории изучения предскифского периода, стр. 10—12.
- ¹⁸ Там же, стр. 12.
- ¹⁹ А. И. Тереножкин. Скифская культура, стр. 21, 22; его же. Киммерийцы.
- ²⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 49—110, особенно 109; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д1—4. М., 1960, стр. 79.

стр.217

- ²¹ А. И. Тереножкин. Скифская культура, стр. 23.

²² Г. Ф. Дебец. О физических типах людей скифского времени. МИА, № 177, стр. 9.

²³ А. М. Лесков. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. МИА, № 177, стр. 75 — 91. А. М. Лесков сделал попытку выделить среди этих погребений киммерийские и скифские.

²⁴ Б. М. Граков. Скифы, стор. 7 — 12, рис. 1.

²⁵ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. В кн.: «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 63.

стр.218

²⁶ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 39 — 49, 44.

²⁷ Б. —. “раков. Скифы, стр. 15.

²⁸ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Ук. соч.

²⁹ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 50.

³⁰ Там же, стр. 74—75.

³¹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 173— 175.

стр.219

³² Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 73.

³³ Н. Н. Погребова. Состояние проблем скифосарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. В кн.: «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 17—20.

³⁴ А. И. Тереножкин. Скифская культура, стр. 15.

стр.220

³⁵ В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 5 .

³⁶ В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, стр. 173 — 174; В. А. Ильинська. Про походження та етнічні зв'язки племен скіфської культури Посульсько-Донецького лісостепу. «Археологія», т. XX. Київ, 1966, стор. 58.

³⁷ Б. А. Шрамко. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. МИА, № 177, стр. 92.

³⁸ А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. В кн.: «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969, стр. 61 — 80.

³⁹ Археологія Української РСР, т. II. Київ, 1971, стор. 47.

⁴⁰ В. А. Ильинская. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев, стр. 168 — 169.

стр.221

⁴¹ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего По-днепровья в V—III вв. до н. э. САИ, вып. Д1—4. М., 1967, стр. 8—9.

⁴² М. И. Артамонов. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, стр. 81.

⁴³ Б. М. Граков. Скифы; его же. Никопольская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI. М.—Л., 1947, стр. 73; его же. О работе Степной скифской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII. М.—Л., 1951, стр. 131; его же. Каменское городище...; его же. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, № 115. М., 1962, стр. 56; его же. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. АСГЭ, вып. 6. Л., 1964, стр. 118; его же. Скифы.

стр.222

⁴⁴ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV. М.—Л., 1950, стр. 11 — 12; его же. Каменское

городище..., стр. 18.

⁴⁵ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья. М.—Л., 1949, стр. 130 и сл.

⁴⁶ М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. В ЛГУ, 1947, № 8, стр. 56 и сл.

⁴⁷ Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. В кн.: «Археология и история Боспора», т. I. Симферополь, 1952, стр. 103 и сл.; В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 11; его же. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 160; Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 91 и сл.; его же. Царь Атей. НИС, т. 2. Киев, 1965, стр. 16 и сл.; его же. Социальное развитие скифского общества. «Вопросы истории», 1972, № 3.

⁴⁸ А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов. СА, 1966, № 2, стр. 33; О. І. Тереножкін. Класи і класові відносини у скіфії. «Археологія», т. 15. Київ, 1975, стор. 3 и сл.

⁴⁹ М. И. Артамонов. Киммерийцы и скифы, стр. 143.

⁵⁰ В. А. Анохин. Монеты скифского царя Атея. НИС, т. 2, стр. 3.

⁵¹ Д. Б. Шелов. Царь Атей, стр. 24.

⁵² А. М. Хазанов. О характере рабовладения у скифов. ВДИ, 1972, № 1, стр. 159.

стр.223

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, вып. 37. Пг., 1918; его же. Эллинизация и иранство на юге России. Пг., 1918; M. I. Rostovtzeff. Iranians and greeks in South Russia. Oxford, 1922; его же. Сарматские и индоиранские древности. Recueil—Kondacov, Prague, 1929.

² М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., стр. 81; его же. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 612.

стр.224

³ В. Grakow. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural. ESA, t. III. Helsinki, 1928, pp. 25—62. Материал полностью не издан, хранится в ГИМе. В. Grakow. Deux tombeaux de l'epoque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, t. IV. Helsinki, 1929, pp. 169 — 182; Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. «Труды секции археологии РАНИОН», вып. IV. М., 1929, стр. 145— 156; его же. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Кзыл-орда, 1930; его же. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. «Труды секции археологии РАНИОН», вып. V. М., 1930, стр. 70—89; его же. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, вып. ПО. М.—Л., 1935, стр. 91 — 120. Материалы хранятся в ГИМе.

⁴ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского ..., стр. 154—155; В. Grakow. Monuments de la culture scythique..., p. 25 et sq.

⁵ В. Grakow. Deux tombeaux de l'epoque scythique..., p. 169 et sq.; ль. ¦. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV. М.—Л., 1950, стр. 99, рис. 28; его же. Савроматы (ранняя история и культура савроматов). М., 1964, стр. 191 — 197, 375, рис. 84.

⁶ Б. —. «Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского..., стр. 154.

⁷ Там же, стр. 154 — 155.

⁸ К. Ф. Смирнов. Савромато-сарматский звериный стиль. В кн.: «Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Азии». М., 1976, стр. 74 — 90.

стр.225

⁹ Т. М. Minajeva. Zwei Kurgane aus der Vцlkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA, t. IV, pp. 194 — 210; Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана, стр. 16.

¹⁰ И. П. Засецкая, О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. СА, 1968,

№ 2, стр. 52 — 63; А. К. Амброс. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, № 2, стр. 96 — 124 и № 3, стр. 106—135.

¹¹ Р. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927; idem. Die Hugelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927; idem. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

¹² Р. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit..., S. 60.

¹³ ВДИ, 1947, № 3, стр. 100—122.

¹⁴ Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. Итоги и перспективы развития советской археологии. М., 1945, стр. 51.

стр.226

¹⁵ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, стр. 103.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 5. М., 1947, стр. 79 и сл.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Савроматы.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 3—18; его же.

Производство и характер хозяйства ранних сарматов. СА, 1964, № 3, стр. 45 — 63; его же. Савроматы, стр. 198 — 277.

¹⁹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, вып. Д1 — 10. М., 1963; ее же.

Происхождение прохоровской культуры. М., 1974; ее же. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. МИА, № 115. М., 1962, стр. 206 — 241; ее же. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ Орска. В кн.: «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени». М., 1972, стр. 27 — 48; М. Г. Мошкова, В. Е. Максименко. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона. КСИА, вып. 133. М., 1973, стр. 72 — 80; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 286 — 290; его же. Сарматы на Илеке. М., 1975.

стр.227

²⁰ И. П. Засецкая. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. СА, 1968, № 2, стр. 52 — 62.

²¹ И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. АСГЭ, вып. 2. Л., 1961, стр. 141—153; И. П. Засецкая. Электровая диадема из погребения у села Верхнее Погромное в Нижнем Поволжье. СГЭ, т. XXVII. Л.—М., 1966, стр. 54; ее же. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья, стр. 52 и сл.

²² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101. М., 1961; М. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах. КСИА, вып. 89. М., 1962, стр. 77 — 82; А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

²³ И. И. Лобова (Гущина). Сарматы в Крыму. Автореф. канд. дисс. М., 1956; И. И. Гущина. О сарматах в юго-западном Крыму (по материалам некоторых могильников I — IV вв.). СА, 1967, № 1, стр. 40 — 51; Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960 — 1961 гг. СА, 1964, № 1, стр. 324 — 330; И. И. Гущина. О результатах исследования нового могильника I — II вв. н. э. в юго-западном Крыму. КСИА, вып. 133, стр. 80 — 85.

²⁴ М. П. Абрамова. Мечи и кинжалы центральных районов Кавказа в сарматское время. В кн.: «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 3 — 11; ее же. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н. э. В кн.: «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 121 — 132; ее же. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972.

²⁵ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, стр. 241—255; его же. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II — III вв. н. э. по данным Танаисской ономастики. ВДИ, 1974, № 1, стр. 80 — 93.

²⁶ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; его же. Сиракский союз племен

на Северном Кавказе. СА, 1965, № 1, стр. 108 и сл.

²⁷ Б. М. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? «Археологія», т. I. Київ, 1947, стор. 23 и сл.

стр.228

²⁸ В. П. Шилов. Погребения сарматской знати I в. до н. э. СГЭ, т. IX. Л., 1956, стр. 42—45; его же.

Южноиталийское зеркало в волго-донских степях. СА., 1972, № 1, стр. 261 и сл.; его же. Бронзовая патера из Астраханской области. СА, 1974, № 1, стр. 226—231; С. И. Капошина. Итальянский импорт на Нижнем Дону. ЗОАО, т. П. Одесса, 1967; ее же. Сарматы на Нижнем Дону. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 163—171.

²⁹ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, стр. 100—119.

³⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 325—331; И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, т. 1. М., 1959, стр. 198; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 200—206; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 96.

³¹ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, т. 1, стр. 430—432; И. П. БерхинЗасецкая, Л. Я. Маловицкая. Богатое савроматское погребение в Астраханской области. СА, 1965, № 3, стр. 143, 153; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 85; его же. К вопросу о матриархате у савроматов. МИА, № 177. М., 1971, стр. 188—191.

³² А. М. Хазанов. Материнский род у сарматов. ВДИ. 1970. № 2. сто. 138—148.

стр.229

³³ Б. Н. Граков. Две заметки по скифо-сарматской археологии. КСИА, вып. 89. М., 1962; его же. Заметки по скифо-сарматской археологии. В кн.: «Новое в советской археологии». М., 1965; его же. Пережитки скифских религий и эпоса у сарматов (по материалам археологических раскопок). ВДИ, 1969, № 3.

*Граков Б.Н., Елагина Н.Г., Яценко И.В.;
Издательство Московского университета, 1977;*

